Роман
Струков
ТЕНЬ
МОГУЩЕСТВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Отстранённый детектив Джек Стоун приступает к расследованию убийства руководителя климатической установки, регулирующей климат на планете. След ведёт к группировкам генетически модифицированных людей. Ему поручено расследование убийства главы «Ионного щита» генерала и сенатора Томаса Кларка, предположительно совершённое эльфом. Поэтому ему придана напарница из этого генетического созвездия. В ходе расследования раскрывается сложная политическая провокация с двойным дном.

- Роман Струков
  - Пролог
  - 0
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - Эпилог

Роман Струков
Тень могущества

Пролог

Ракета, выброшенная в небо струёй раскалённых газов за несколько тысяч километров от Североамериканских Союзных Штатов уже миновала верхнюю точку невидимой параболы и со всей силой и скоростью, которые сообщало ей ускорение свободного падения стала рушиться вниз, к столице.

Игорь Ильвинский, руководитель научной программы противоракетной обороны САСШ «Ионный щит», как и полторы сотни других учёных внимательно следивший за траекторией полёта на огромном — во всю стену — экране Центра моделирования Военно-метеорологической службы САСШ, стиснул покрытые зеленоватой кожей кулаки.

Собственно, самой ракеты уже не существовало — осталась лишь тупорылая чушка боеголовки с сожжённой электромагнитным излучением электроникой. И хотя Ильвинский точно знал, что ядерного заряда там нет, нервы его были напряжены как перетянутая гитаристом струна.

В 23:04:39 по Гринвичу боеголовка вошла в соприкосновение с толщей ионизированного воздуха, пронизанного звенящим от сотен тысяч гаусс напряжения электромагнитным полем.

И перестала существовать — почти мгновенно.

Несколько центнеров оплавленной стали, врезавшейся в землю, могли заинтересовать разве что коллекционеров.

Испытания новейшей системы ПРО были успешно завершены, о чём поспешили сообщить все мировые каналы новостей.

Несколько дней спустя те же новостные каналы сообщили о разразившемся над Китаем сильнейшем «ливне столетия», уничтожившим все посевы риса.

Это было только начало.

0

Свинцовое небо таращилось на меня с высоты. Старая стена из треугольников оранжевого кирпича, на которую я опирался спиной, колола сквозь грубую серую ткань плаща, пытаясь меня отогнать. Получалось плохо.

От стены исходило тепло — такое же, какое исходит от сгоревшего прошлого. Тепло горькое, обжигающее, но его хочется пить и пить, не отрываясь, захлёбываясь, упиваясь воспоминаниями, давясь ими, но глотая, глотая без остановки. Узкий квадратик свинцового неба в вышине молчал. Небо понимало меня — хотя и было стиснуто бетонными монолитами башен.

Я опустил руку в карман, вытащил сигаретную пачку. Богато украшенная жутковатыми оскалами хромированных черепов «Смерть Филиппа Норриса» в своём траурном чёрно-серебряном облачении выглядела пугающе, но была лучшей альтернативой прочим маркам табака, расфасованного в пачки с фотографиями прокуренных лёгких, пациентов, прошедших курс химиотерапии и прочих вещей, тем или иным образом наводящих на мысль о неминуемой кончине всякого курильщика. Откинув крышку я извлёк пару леденцов от кашля и забросил их в рот.

Каждый спасает свою нервную систему как умеет — а я принадлежал к поколению, которое так и не выучилось курить. Нас отучали от компьютерной зависимости. Но никто нас не предупредил, что реальность — такое поганое место.

Виктор Берг появился из темноты проулка, полыхая трубкой, как шаттл на старте. Толстый мундштук из пластика, посверкивающий лазурно-голубыми вспышками электронного табло напрочь вычищал из втягиваемого зелья никотин и смолу, обогащая взамен дым лечебными ингаляциями, но Виктору было необходимо успокоить нервы. Соска дала бы тот же эффект, но даже в наши политкорректные времена разменявший пятый десяток дядя с соской вместо сигареты выглядит полным кретином.

— Джек, они начали убивать! — в голосе Виктора звучали панические нотки, абсолютно не вязавшиеся с бесстрастным лицом человека, мимические мышцы которого были парализованы с детских лет. И уж тем более состояние паники не подходило новёхоньким кевларовым латам с жирно намалёванной маркером от руки звездой начальника полицейского участка.

— А что спецотряд? Наша трижды прославленная группа быстрого реагирования? — лениво спросил я. Уходить не хотелось. — Ловит диссидентов?

— Не раньше, чем через тридцать минут. Фургон затерло в толпе на Витторио-стрит, так что ребята бегут на своих двоих. Но пока доберутся сюда, пока врубятся в обстановку…

— А чего требует эта шпана?

— Полста кусков в юанях.

— Мелочь. Можно бы скинуться. — проворчал я. — И не напоминай мне о зарплате полицейского — будто я не знаю, с чего ваша шатия на «земле» питается.

— Джек!! — у Виктора, похоже, вот-вот должна была начаться истерика.

— Иду я, — буркнул я себе под нос, с сожалением отлипая от стены. Покосился в свинец неба, отыскивая сигару полицейского дирижабля.

— С регистраторами на «Оке Саурона» я договорился, — развеял Виктор мои опасения. — Они сейчас уходят на облёт, так что окно минут в двадцать у тебя будет. Через восемь минут.

— Ага, — сказал я. Часы у Виктора были встроены в шлем, так что в этом вопросе ему можно было поверить. А вот насчет снятия системы наблюдения — это дудки, не те нынче времена. Терроризм повсюду свирепствует, знаете ли…

Я провожу рукой по скособоченным от времени треугольникам стены. Я обязательно сюда вернусь… когда-нибудь.

Если доведётся. Меня могут убить… но я — не знаю, почему, — уверен, что сегодня этого не случится. Не здесь, не так и не сейчас. Ещё не сейчас.

В сухом как кость рту скопилась густая, вязкая слюна. Я сплёвываю на ладонь — в белой пене выступают прожилки крови. Вытираю ладонь о плащ и сумрачно смотрю на Виктора. В его глазах — понимание.

— Скоро? — спрашивает он. Я не обижаюсь. Мертвецам всё равно.

Пожимаю плечами.

— Меньше полугода. Анамнезом я подтёр задницу. Где они и сколько?

— Не меньше шести человек — так утверждает «гадалка». Точнее не определишь. Они жгут бензин в бочке перед входом, так что теплодетекторы молчат. Стены в магазинчике из сотового бетона, так что эхо-локатор тоже глушится надёжно.

Я вопросительно поднимаю бровь. Виктор хмурится — и его я тоже понимаю. Можно дождаться спецотряда — правда, неясно,

сколько заложников к тому времени останется в живых. Можно прибегнуть к услугам Стоуна. «Бладстоуна», как окрестили меня местные территориалы. Так или иначе, но тылы у Виктора будут дымится ещё долго — при любом исходе дела.

— Наблюдение результатов не дало — стёкла зеркальные. Так что… Как расположены — неясно, чем вооружены — непонятно, кто такие… вроде какая-то вампирская шайка. — Берг машет рукой, оборвав перечисление. Всё правильно, к этому я его и приучил. Кому нужно тщательно аргументированное отсутствие результатов? Во всяком случае, не мне.

Но я привык. Здесь, в Тени, слишком темно, чтобы утверждать что-то наверняка.

Откидываю полу плаща, пробегаю пальцами по клавиатуре плеера, задав последовательность композиций антикварных панк-групп. Вставляю в ухо наушник, обеими пятернями вздыбливаю волосы.

Волосы цвета сумрачной, потемневшей от времени стали.

Виктор наносит мне на волосы серебристый металлизированный спрей из баллончика. Волосы застывают причудливой рогатой короной, которая начинает извиваться от любого, даже слабенького электрического поля.

Чего-чего, а этого добра в наши времена хватает, и я чувствую себя Медузой Горгоной.

— Значок, — напоминает мне Берг, дотронувшись до моего лацкана.

Я поднимаю воротник плаща повыше и отрицательно мотаю головой.

— Не стоит. Будем соответствовать современной моде.

Упоминать о том, что значок поддельный, я не считаю нужным. Это и без того понятно.

Рядом с нами — помойка. Санитарная зона, ежели политесно. Несколько баков, доверху набитых никогда не вывозимым мусором. Памятник прогресса упадочной цивилизации. По стене, над латунным отсверком ребристых поверхностей мусорных контейнеров кроваво-красным люминофором выведено: «Снимите крышку!». Странно, раньше об экоактивистах в этом квартале я не слыхал. Впрочем, свет сгодится и от такого источника.

Я подхожу к помойному баку и накрываю его подобранной с земли крышкой. Виктор молча выкладывает стволы.

Свой собственный 38-й «Смит-Вессон», барабанный револьвер, место которому в антикварной лавке, за что и ценимый. Модели поновее, оснащённые системой электронной безопасности, блокирующей спусковой механизм во всех внутренних помещениях и на семидесяти процентах улиц — не

более чем дорогостоящие игрушки.

Шесть выстрелов.

Мой собственный полицейский «глок», столь же древний. Одно утешает — магазин на 17 патронов.

Я вопросительно смотрю на Виктора, и тот сглатывает накопившуюся во рту слюну.

— Ребята отказались. Говорят, им надоело писать рапорты о том, почему на операциях они стреляют из личного, а не табельного оружия. Да и «внутряков» в отдел прислали.

Я пожимаю плечами. Тоже верно. Никто не будет отвечать за чужие грехи. А то, что я намерен совершить — из тех действий, которые равно можно счесть героизмом или же обдуманным и преднамеренным убийством. Как прокуратор решит.

— Что насчёт личных камер? — спрашиваю.

— Сдали в техническое обеспечение… для снятия показаний за истекший месяц. Стационары сейчас завязаны на мой терминал, так что видеозапись я подредактирую. Идёшь?

Я киваю. На самом деле я твёрдо знаю, что в Департаменте известно о моих художествах. И пара видеофайлов тоже наверняка сыщется. Но покамест я ещё нужен. Особенно если спецназ запаздывает.

Я взвожу курок револьвера и продуваю ствол от пыли.

Берк виновато прячет глаза.

Затыкаю «глок» за брючной ремень у левого бока. Брезгливо прячу «детектив спешл» в рукав. Одно счастье — самовзвод.

Подставляю ладонь, и Виктор кладёт на неё несколько маленьких капсул угольно-чёрного цвета. Я заталкиваю их в рот, и жду, пока желатиновые оболочки не лопнут на языке, впуская в меня горьковатую жидкость стимулятора.

Мир сдувается как проколотая автомобильная шина и отступает в тень. Потом неожиданно резко выставляет свои грани, и я вижу, что по лицу Виктора стекает капелька пота, которой аккомпанирует нервное, прерывистое, шумное, как горный обвал дыхание.

Губы его открываются, что-то крича, и я морщусь, когда раскаты этого громового рёва достигают моих ушей.

— Я не могу больше покрывать тебя! — орёт Берк а я, пожав плечами, делаю первый шаг, растягивающийся на миллиард световых лет.

Возразить нечего. Поэтому я молчу.

Виктор вдруг оказывается далеко-далеко, но смешно семенит на своих коротеньких ножках, пытаясь меня догнать.

Бесполезно — ведь я шагаю по звёздам.

— Зачем тебе столько стволов? — спрашивает он из

невообразимой дали, и я хохочу в ответ

— Долго перезаряжать! — гремит откуда-то сверху голос Неба, и я делаю ещё один шаг к несчастному магазинчику дамского белья, недоумевая, зачем его нужно было возводить на другом краю Галактики. Разве обитателям Тау Кита потребуются дамские трусики?

Оружие — это не страшно. Бедный Виктор не знает, но оружие всегда можно у кого-нибудь отнять.

Остро пахнущий кордитом ствол 12 калибра прижимался к ноздрям Эйлин. Девушка с ужасом видела на срезе ствола буроватые кусочки плоти — из обреза убили в упор одну из покупательниц. Так пахнет смерть, подумала девушка. Кровью. И порохом.

Шестеро юнцов не старше двадцати лет, зашедшие в бутик не больше сорока минут назад, были под кайфом. Старик Эрп, сидевший у входа с «липучкой», понял это на секунду позже, чем следовало.

А потом ему проломили голову бейсбольной битой.

Наверное, если бы юнцам были нужны только деньги и жизни, Эйлин бы поняла. Она сама выросла на улице, и была членом такой же стаи. Но эти пришли не за деньгами.

Они пришли за страхом.

Страхом — и зрителями. Зрителями, которые будут унижаться, увещевать, умолять о пощаде, просить не трогать заложников.

А они этого не сделают.

Они убьют всех — медленно, получая удовольствие от бессилия полицейских, машины которых блокировали улицу перед магазинчиком.

Таких называли «вампирами».

Собственно, вампирами они и были.

Тип, приставивший дуло обреза к носу Эйлин, похоже, отключился, и это пугало девушку больше всего. Нарку в его фармацевтической нирване, наполненной смутными образами друзей и врагов, могло привидеться всё что угодно. И Эйлин до судорог боялась той улыбки, которая медленно расцветала на лице вампира. По единственному клыку — на имплантацию второго, по всей видимости, не хватило денег, стекала струйка слюны.

Налётчиков было шестеро, но в относительном сознании пребывала лишь половина. Прочие — нарк с обрезом, ещё один, перетянувший бицепс ажуром от «Вандебра» и забывший

вытащить из вены шприц больше походили на предметы обстановки. Последний, с нахлобученным на голову шлемом виртуальника, восседал на прилавке и, судя по недвусмысленным телодвижениям, пребывал в одном из виртуальных борделей.

Трое других — в чёрной, украшенной полицейскими значками-трофеями коже, нервно водили по сторонам разнокалиберными стволами и, похоже, начинали бояться сами.

Эйлин знала, что это будет ещё хуже. Свой собственный страх они будут гасить чужим. А в живых оставалась только она, две насмерть напуганные покупательницы, сжавшиеся в комки нервов у прилавка, и Дженни, продавщица, с задранным подолом лежавшая у стены.

— Чё за хмырь? — недоумённо спросил один из вампиров, глядя в окно. — Кокнуть его?

Эйлин скосила глаза, пытаясь понять, о чём говорят бандиты. Вдоль витрины брёл какой-то панк в грязно-сером плаще. На отвороте у него сверкал полицейский значок, однако парня отчётливо шатало.

— Псих какой-то, — сказал второй — Может, дури обожрался?

Другой конец Галактики оказался неожиданно близко. Утруждать себя открыванием двери мне не захотелось, и я с размаху вошёл в витрину, окутавшись ворохом осколков, медленно, словно снежинки неведомой стеклянной зимы опускавшимися вниз.

Я — громовержец, и пришёл карать.

Рядом с виском неспешно, насвистывая вальс, проплыла пуля.

Где-то далеко внизу, у самой земли, мелькнула чёрная тень с длинноствольным револьвером, и я пригвоздил порождение ада тремя молниями, таящимися в моей левой руке.

А затем земля рванулась мне под ноги в сумасшедшем пике.

Какой-то верзила у дальней стены держал коротко опиленный ствол у самого носа белокурой девушки. Она медленно приподняла связанные руки, и прямо над её головой расцвёл сноп огня. Я всадил в спину верзилы ещё три пули и крутнулся, заставив полы плаща взметнуться вверх комком ложной цели, сам падая вперёд и вниз.

Пистолет в моей руке взорвался огнём.

Описать огненный танец невозможно. Сознание в этом не участвует. Ты крутишься волчком, спасаясь от пуль, заставляя врага дырявить не тебя, а плащ, по которому противник, приняв несчастный кусок ткани за личного врага, садит пулю за пулей.

Пистолет в деснице плюет огнём — нет времени целиться и дуло наводится по выбоинам на стенах и фонтанчикам выплеснувшейся крови — потому что человек против тебя может носить бронежилет, да и нельзя, невозможно остановить, придержать жмущий на курок палец — пауза в стрельбе подобна смерти.

Смертью она обычно и заканчивается.

Увесистое тело 38-го летит в лицо, удивлённые глаза ещё одного парня, бомбой взрываясь у него в зубах. Поворот — и целящийся в спину человек падает, получив несколько пуль в грудь, оборот закончен — и оставшийся без зубов принимает свою порцию свинца в пах — потому что с пола вставать неудобно, а его пули только что свистнули над тобой, швырнув в кровь дополнительные вёдра адреналина.

Ещё один, лежащий у прилавка, не опасен, он в отключке, но гарантий того, что это не притворство — никаких, и мои пули дырявят его корпус, отбрасывая в небытиё. Сидящий на прилавке парень швыряет в сторону пластик виртуального шлема, поднимая в воздух тяжёлое, неподъёмное тело пистолета.

Ствол неспешно плывёт вверх, а моё сознание улавливает пустые щелчки бойка, жадно требующего патронов.

Предательство! Бога грома и огня оставили без молний!

Я иду-бегу к возносящему пистолет человеку, но до него далеко, несколько вселенных, и шаги по миллиону световых лет в сравнении с этим расстоянием кажутся жалкими и смешными.

Мимо неведомым астероидом, заблудившимся в пространстве, плывёт револьвер, сопровождаемый диким окриком «Держи!». Я не знаю, что нужно держать — астероид, эта маленькая смертоносная планета, сама ложится в мою ладонь.

Я вновь спотыкаюсь о собственный носок и падаю-плыву-лечу вперёд, извергая молнии своей десницей. Рядом летит чья-то пуля, и я, лениво удивившись, поворотом корпуса пропускаю смертоносную огнехвостую комету мимо своей груди. Удивление оправданно — стрелявший в меня сломанной игрушкой лежит на прилавке, будто его с размаху ударили в грудь молотом. Но оружие не удержать — и голова человека взрывается, не в силах выдержать снопа молний, всё ещё живущих в моей руке.

Моё падение завершается и действительность что было сил бьёт меня по зубам.

Целовать его было тем же самым, что и целовать манекен, но Эйлин не обращала на это никакого внимания. Физическая близость, доказательство того, что она есть несмотря и вопреки

всему случившемуся, была сейчас ей необходима, и она хваталась за полицейского, как тонущий вцепляется в спасательный круг.

Наконец она сумела оторваться от стрелка, чуть подрагивающими пальцами заряжавшего пистолет. Слова хлынули потоком, Эйлин молола чепуху, не думая о смысле, лишь чувствуя огромное облегчение и ощущение безопасности — такой зримой, наглядной; пытаясь разрушить тот барьер судорожного, панического молчания, который отделил её от остального мира на несколько последних часов.

Неожиданно она осеклась, поймав взгляд полицейского — пустой, потерянный; магазинчик уже наполнили крепкие парни из спецотряда, походившие в своих доспехах на инопланетных захватчиков.

— Мисс, с вами всё в порядке? — один из полицейских в белоснежных латах с синей «снежинкой» медицинской службы подбежал к ним.

Эйлин только кивнула, чувствуя, как чьи-то руки помогают ей встать и влекут к разбитой витрине. Кошмар и впрямь завершался. Она бросила взгляд через плечо, и неожиданно ощутила холодок страха. Уничтоживший шесть единиц живой силы противника — она сама не поняла, с чего это вдруг ей пришла в голову военная терминология — человек по-прежнему заряжал пистолет… запихивая всё тот же патрон в переполненную обойму. Патрон падал ему на колени, человек механически подбирал его и пытался вставить в магазин снова. Судя по всему, её спаситель был не в себе. И ещё — мимо него то и дело проходили люди, старательно делавшие вид, что его здесь нет.

Эйлин куталась в термоодеяло, сидя на пилоне двигателя полицейской машины. Двигатель работал на холостом режиме, отапливая окружающую атмосферу как промышленная домна и приближая тепловую смерть одной отдельно взятой планеты. Город, конечно, закрыт теплоулавливающим куполом, но кто его знает, насколько могут быть эффективны все эти новые технологии. Недаром все таблоиды то и дело печатают сенсации о том, что эти технологии принадлежат пришельцам — не то с Альдебарана, не то с Фомальгаута.

Вокруг царила обычная суета, возникающая, когда на одном поле пересекаются интересы различных подразделений. Преобладали, впрочем, тёмно-синие доспехи территориальной полиции. Опростоволосившаяся спецура топталась в стороне, не очень уже понимая, зачем их сюда позвали. Где-то вверху, лавируя между башнями домоградов полыхал «волчьим

солнышком» дирижабль.

К девушке подошел человек с неподвижным, будто вырезанная из дерева африканская маска, лицом и неожиданно мягким, дисгармонирующим с противотанковой мордой голосом, спросил.

— Мисс Свенсон, вы себя хорошо чувствуете? Вам нужна медицинская помощь?

— Со мной всё хорошо, позаботьтесь лучше о Берте, — под воздействием антишокового укола Эйлин уже оправилась настолько, что отметила отсутствие на шлеме человека камеры регистратора.

— Конечно, — человек растерянно проводил глазами носилки, на которых лежала накрытая простыней продавщица. — Я капитан Виктор Берк, шеф 101-го территориального участка полиции. У вас есть машина, мисс Свенсон?

— Да, тут рядом. — Эйлин недоумевающее посмотрела на полицейского. Не было никаких сомнений в том, что коп уже просмотрел её досье, и, естественно, знал, что у неё есть машина (от которой Эйлин давно мечтала избавиться — этот агрегат пожирал слишком много топлива, даже если поить его только дешёвым эрзацем на угле). Местонахождение тачки тоже секрета не представляло — автопилот, как ему и полагалось, честно давал отметку на карте дорожной полиции.

Полицейский чуть помялся.

— У меня к вам есть небольшая просьба, — наконец сказал он.

— Хорошо, — согласилась Эйлин, — Только можно все вопросы задать потом?

— Несомненно, — согласился Берк, — Я говорю о просьбе частного характера: вы не могли бы отвезти вот того парня домой? Сами видите, в каком он состоянии. Я бы воспользовался патрульной машиной, но в салонах тоже есть регистратор.

— А… — Эйлин осеклась, но продолжила, — Что с ним?

— Мисс, он вам, между прочим, жизнь спас. — Берк помрачнел, и Эйлин вздохнула, догадываясь, в чём дело. Беда с этими… мигрантами, с бледно-зелёной картой ограниченного гражданства. Всё основывают на системе личных услуг. Впрочем, следует признать, это всё же лучше, чем «чиканос», оттяпавшие себе Калифорнию, или парни из Пояса Эбони, норовящие превратить в рабов всех белых.

Уловив ход её мыслей коп покачал головой.

— Поверьте, если бы у меня был другой выход, я бы оставил вас в покое и отправил в больницу на медобследование — как и положено по инструкции.

— Это, надо полагать, шантаж со стороны должностного лица?

— Ну, подайте на меня в суд. Законодательство нынче упрощённое — дело рассмотрят на месте. Правда, мисс, вам не мешало бы знать, что Стоун не был обязан совать свою голову в это дерьмо. Он отстранен, и если вдруг выяснится, кто стрелял, парню не миновать крупных неприятностей по службе. Но… я уважаю ваше мнение, мисс.

Полицейский отвернулся, направляясь к стрелку.

— Подождите, офицер Берк, — сказала Эйлин в удаляющуюся спину, на которой красовалась огромная звезда с цифрой 101. Коп ожидающе развернулся.

— На чем сидит этот ваш Бэтмен?

— Зачем вам это? — насторожился Берк.

— Чтобы знать, насколько он опасен!

— Совершенно безопасен, — начальник участка растянул маскоподобное лицо в подобие улыбки. — Разве что повесится.

— Я не слышала ответа на вопрос, — в голосе Эйлин прорезались неожиданные для неё самой металлические нотки.

— «Черный вихрь»… вряд ли вы о таком слышали.

— Гормональный препарат, всё равно, что настойка мухоморов для берсеркера. Запрещён к употреблению гражданскими лицами… Я служила в армии, офицер.

— Угу… — Берк посмотрел на Эйлин гораздо более внимательно, надеясь явно на то, что в полевых условиях его взгляд сможет заменить электронный микроскоп. Безнадёжно — генетические изменения трудновато заметить невооружённым глазом. — Десять секунд балдежа и три дня депрессии. У Джека сейчас началась вторая фаза. Так вы поможете?

Эйлин кивнула — не спеша, раздумчиво. По-хорошему, её саму требовалось бы сейчас окружить заботой и вниманием, но… что за чёрт! Не такое уж она и тепличное растение…

Справедливо решив, что человек, который так долго колеблется, нуждается в некотором подстёгивании, Берк сказал.

— Стоун живёт под «пауком», на Чандлер-стрит, 17/22. Район, конечно не из лучших, но сейчас там тихо.

— Он там живёт?! — всё-таки переспросила девушка.

— Полицейские получают немного… — Берк пожал плечами, явно не намереваясь выдавать служебные тайны. — Спасибо, мэм!

Эйлин сухо кивнула. На самом деле она вовсе не собиралась давать согласие, но Берк отрезал ей пути к отступлению. Девушке оставалось лишь пассивно наблюдать за тем, как шеф полицейского участка на пару с другим копом усаживают впавшего в ступор боевика на заднее сидение её машины. Коп-

наркоман, похоже, пребывал в состоянии, близком к коматозному.

Не удостоив Берка и взглядом Эйлин уселась за руль. Чандлер-стрит, мистер Берк? В это время? Не дождётесь!

Взвизгнув шинами автомобиль резко взял с места.

Берк повертел «глок» в руках и передал его подошедшему Маллинсону, командиру спецотряда и заодно «легендатору» Управления Полиции Восточного Побережья.

— Ты, как всегда, вовремя.

Маллинсон колкость Берка предпочел пропустить мимо ушей. Зато потёртого вида пистолет его явно впечатлил.

— Хороша вещица. Выпущена ещё до того, как оружие принялись оснащать всякой интеллектуальной дрянью. Не жалко было расставаться?

— Нет, — Берк собирался ещё что-то добавить, но воздержался. Вместо этого он сказал. — Оформишь отчёт так, что они сами друг друга перестреляли?

— Подчистка информационных баз полиции — серьёзное должностное преступление, — сообщил Маллинсон, — А если «внутряки» докопаются?

— Прекрати валять комедию. Проверкой на благонадежность занимается твой департамент.

«Легендатор» пожал плечами. Посерьезнел.

— Легко. Если, конечно, твой герой не попал на видеофайлы.

— Конечно, он на них попал. Но хода ведь им давать не обязательно?

— Лишних отпечатков на стволах нет?

Вместо ответа Берг показал тюбик клеевых перчаток, напыляемых прямо на ладони. Эксперт протянул руку за баллончиком. Берг приподнял бровь.

— Мне нужно будет смазать грабельки хотя бы одного из этих субъектов, — в голосе спецотрядовца проскользнула насмешливая нотка. — Скорее всего, перестрелял дружков тот, что был в виртуальном шлеме. Главарь с «магнумом» пришил его, тут в первых рядах ворвались мы… Слухи, конечно, останутся… но их можно игнорировать.

Берг молчал, и Маллинсон, повертев в руках пистолет, добавил.

— Не понимаю, чего ради босс его покрывает, Виктор, — пожаловался он. — Стоун убийца и наркоман.

— Он выполнил твою работу, Малли. Пока ты проверял на благонадёжность очередного «бледно-зелёного». Или меня, кстати. Эту работу, я думаю, тоже должен кто-то делать? Переть

на ствол и молиться? Всё, в чём можно Стоуна обвинить — так это в превышении служебных полномочий.

«Легендатор» пожал плечами. В принципе, он был согласен с Берком. Стоун вполне заработал медаль… вот только огласка его участия вытянула бы на свет слишком уж длинную и запутанную цепь подробностей, которые широкой публике знать ни к чему. Он встретился глазами с Берком, и непроизвольно вздрогнул.

— Работай, — сухо сказал тот, — И не забудь проверить видеопоток на соответствие твоей версии. Не то эти плетельщики снов с телеканалов нам снимут… очередного «терминатора».

Шёлк опытной блудницей ласкал моё тело, обвиваясь, скользя, ластясь и заставляя ощущать определённые неудобства в нижней части туловища.

Я открыл глаза и уставился в потолок, составленный из гранёных зеркальных плиток. Усмехнулся — в гигантском фасетчатом блюде даже два человека выглядели некоей разновидностью групповой оргии.

Впрочем, на потолки дешёвых мотелей, сдающих комнаты на час или два, потолок походил мало. Слишком много бронзы и гривастых царей природы было в обрамлении многоугольных зеркальных плиток, и слишком дорогая ткань меня окутывала.

Мстительное подсознание, разбудившее меня от греховных прикосновений подальше, сразу заставило меня испытать глубокое чувство вины.

Вчерашний вечер для меня окутался густым туманом, из которого острыми колючками проталкивались в мою голову воспоминания.

Я никогда не мог напиться вдребезги — странный выверт перекроенной «Шивой» физиологии — но адреналиновый отходняк выматывал меня круче любого похмелья. Тело стонало, само не сознавая, что ему больше необходимо — страшный выброс боевых гормонов, ставящий тебя на одну доску с Зевсом и Тором, опьяняя тебя ощущением всевластия, или же покой — когда ты хочешь забиться в самый дальний уголок этого мира и лет триста лежать там побитой собакой.

Я с сожалением посмотрел на полоску фольги с углублениями желатиновых капсул, лежавшую перед оправленным в серебро зеркалом и отвернулся.

Для меня «вихрь» служил инструментом, таким же как пистолет или собственное тело, и покуда наркотик не мог меня побороть.

Как впрочем и я — его.

Я свесил ноги с кровати, задумчиво посмотрел на лежавшую

рядом девушку, нежно поглаживающую складки простыни. Симпатичное лицо в обрамлении золота длинных прямых волос… Я отвернулся.

Когда действие стимулятора проходить, человек превращается в бревно. Он в состоянии мыслить, соображать и двигаться тоже. Как робот или зомби, с чёрной дырой в душе.

Плата за всемогущество, длящееся пять минут субъективного и секунд тридцать объективного времени оказывается слишком велика. Несколько минут власти над миром оборачиваются сутками депрессии. И взорванной гормональной системой.

Я могу себе это позволить.

Из памяти выскакивали воспоминания — как стоп-кадры видеозаписи. Я помнил, что девушка — Эллин, Эйлин? — привезла меня к себе домой, но я особо не возражал — мне было всё равно.

Потом мы занимались чёрт знает чем, и уснули только под утро.

«Вихрь» вытрясает душу и тело. Жаль только, что на низшую физиологию он не действует совсем.

Не было бы так противно.

Утопая по щиколотку в ковре, исправно вычищающем из комнаты углекислоту и вновь отпускающем кислород на волю (интересно, неужто продажа дамского белья приносит такие доходы?) я подошёл к шторе, прикрывающей окно и сдвинул её в сторону.

Как и ожидалось, я увидел только компьютерную симуляцию какого-то горного пейзажа с высоты птичьего полёта.

Я хмыкнул. Мы, жители городов, размеры которых превышают все разумные соображения — сможем ли мы увидеть что-то ещё, кроме серого бетона и никелированного металла, углов и прямых линий иначе как на картинке?

Не знаю.

А может быть, это и не важно. Мы живём в коллективной, по последнему слову техники выстроенной могиле, модернизированной, электронной, построенной из стали, бетона, стекла и пластика, и даже небо смотрит на нас квадратиками свинца, которые видны со дна колодцев, образованных утёсами башен-модулей. Да и эти квадратики за переплетениями дорожных развязок, проводов и рекламных щитов видны не везде.

Я стукнул кулаком в холодное стекло экрана и вдруг почувствовал, как спины касается женская грудь, а на плечи ложатся длинные тонкие пальчики с коротко обрезанными ногтями.

Разворачиваюсь и смотрю в зелёное марево глаз.

— Спасибо… но не стоит. Не поможешь.

Девушка резко разворачивается, отходя. Похоже, я её обидел. Что ж, я не понимаю других людей.

Честно говоря, я и себя не всегда понимаю.

— Ты мне ничем не обязан. — говорит девушка, набрасывая себе на плечи простыню. — Я тебе — тоже.

Я молчу. Сказать нечего, да и незачем, наверное. Всё же пытаюсь.

— Эль, я… — А что, собственно, я? Что всё, чему я выучился за четверть века — это лихо палить навскидку во всё, что шевелится? И что где-то под сердцем я с детства ношу осколок льда, томительно-сосущую пустоту, требующую оставить между собой и миром дистанцию побольше? Или что я сам себя выдумал?

Я качаю головой и принимаюсь собирать разбросанную по комнате одежду.

1

Пластиковые пачки сигарет с хрустом мнутся под ботинками. Я ставлю ноги на то, что было когда-то асфальтом.

Мир одноразовых вещей порождает свой одноразовый ад.

Не знаю, кому первой пришла в голову эта поначалу показавшаяся здравой идея. Можно сколько угодно штрафовать за то, что люди мусорят на улицах. В либеральном обществе Старых Штатов так оно и было — люди постоянно проявляли гражданскую бдительность, и на центральных улицах, под неусыпным присмотром постов видеонаблюдения это срабатывало. Но не на задворках. Не в Тени.

Наверное, дело в исходном посыле. Мораль, воспитанная постоянным контролем, рушится, когда этот контроль исчезает. А там, где живу я, всем плевать даже на контроль.

И тогда появилось предложение: раз уж город превращается в своего рода экологический комплекс, сродни природным, то почему бы не довести аналогию до логического завершения и не попытаться использовать мусор наподобие перегноя в лесах?

Как почву под ногами.

Идея, конечно, не новая. Отходы в дорожное покрытие перерабатывали давно. Но теперь в виду имелось кое-что другое.

По замыслу безвестного чиновника муниципалитета мусор должен был оставаться лежать там, где его бросили — оплывая и утаптываясь ногами пешеходов, да проезжающими время от времени катками дорожной службы.

Может и не стоит ругать парня — предложил он это задолго до того, как дома стали загонять в вертикаль. А сложные углеводороды продолжают тратить на упаковку. Топливный кризис не волнует даже экоактивистов — «зелёные» больше следят за соблюдением 17-го Берлинского протокола о промышленных выбросах.

Так или иначе, но подошвы моих ботинок приминали не асфальт, а метровый уже слой хорошо утоптанного мусора, покрытого лужами сочащегося сверху дерьма — смешанной с карбоновым бензином из угля, маслом и дорожной грязью воды, шампуней и химикатов, что льют в баки дорожных поливальщиков для дезинфекции. Странно ещё, что в этой пародии на природу не растёт пластиковая трава, жестяные цветы и не заводятся хищники… хотя здесь я, пожалуй, ошибаюсь.

В каменных джунглях хищники — люди. Ни одно животное в здравом уме и твёрдой памяти в город не сунется.

Да и людям здесь, в общем-то, делать нечего.

Моя квартирка — не самое шикарное на свете местечко, согласен, но всё же тридцать кубов, положенных мне по закону о социальном обеспечении иммигрантов — располагалась в недрах лабиринта, образованного массивными опорами жилого блока-«паука». Стандартный домоград на 80 этажей, возносившийся в небо на пару сотен метров и занимавший по площади несколько кварталов был детищем тех времён, когда земельные проблемы были просты и решались столь же просто и остроумно.

На большом участке земли, покупать который целиком обошлось бы слишком дорого, приобретались места для нескольких опор — толстостенных бетонных зданий, снабжённых всей необходимой требухой для обеспечения жизнедеятельности вознесённого вверх города. Капитально перестраивалась канализация, энергосистемы, водопровод, чему обитатели здешних бедных кварталов поначалу даже радовались.

А потом поверх опор возводился только первый этаж будущего небоскрёба, отправляя аборигенов в непроглядную темноту, прорезаемую лишь светом тусклых федеральных осветителей, живо прозванных «волчьими солнышками», да колющими лучами прожекторов службы безопасности здания.

И возразить было уже нечего… потому что в случае наличия возражений возражать стало бы уже некому. Ни одна из строительных компаний не гарантировала безопасности во время постройки перекрытия между опорами. Могло произойти и полное обрушение перекрытия… если старожилы слишком уж сопротивлялись.

Правительство Кэпитал-сити закрывало на это глаза — отчасти потому, что получало немалые суммы от строительных подрядчиков, отчасти потому, что в городах требовалось селить биомассу, а для этого требовались квадратные и кубические метры. Или сокращение поголовья биомассы.

Спору нет, после того, как пару раз паукоподобные здания выказали «внерасчётную нестабильность внутренней структуры», то есть попросту рухнули, домограды принялись строить более привычными методами. Сотня уже построенных «пауков» продолжала стоять, как ни в чём не бывало, но кого, в самом деле, волнует жизнь людей в городах-клетках, переводящих ценный кислород?

Никого.

Прежде всего самих обитателей этих городов.

Меня тоже.

Темно.

Темноту прорезают укреплённые на опорах прожектора. В Центре старые «подвальные» районы уже давно снесли, построив вместо них многоэтажные ульи «братских могил»-ночлежек, но Чандлер-стрит был районом федерального подчинения, и древние кирпичные здания — кирпичи были ещё прямоугольными — стояли как ни в чём ни бывало.

Привратник в холле, содержащийся всем домом на выделяемые из скудных наличных копейки, имел все основания получить какое-нибудь громогласное прозвище из классической литературы. «Страж Ворот» или «Хранитель Коридора», к примеру.

Нынче, конечно, трудно встретить человека, который бы читал Толкиена или Кука… впрочем, что я несу, сейчас с трудом можно найти человека, который читать-писать бы умел без запинки, в ходу обучающие видеоролики, где тебе всё банально рассказывают… но, так или иначе, привратник был генемодом и принадлежал к породе орков.

То есть был двухметровым исполином с бугрящейся мускулами упрочнённой кожей серо-зелёного цвета и признаками акромегалии на лице. И, разумеется, внушительными клыками и острыми ушами, доставшимися ему в силу принципа комплементарности, чтоб её…

Генные модификации сначала стали распространяться именно здесь, в Тени. Ну, вы наверняка помните эту рекламу компаний, занимающихся генетической модификацией — «Желаешь выбиться в люди? Закажи ребёнку ловкое, способное тело и поднявшись наверх он, как поплавок, вытащит тебя со дна. Позаботьтесь о своём будущем и будущем своих детей!»

Вот и Старина Дик — жертва той самой рекламы. Сам он, конечно, жертвой себя не считает — и его можно понять. Никакой вампир его не тронет — просто потому, что не сумеет. Клыки коротки.

Но генные модификации здесь, в, в люди никого ещё не вывели. Секрета тут нет — игры с генами не вкладывают в голову человека знаний, одни только способности, и весь прибыток, который будет у ребёнка — крепкое тело со своими специфическими проблемами, мало похожими на проблемы неизменённых людей, да десятилетний контракт на видоизменение, который следует отработать.

Рабством это не считается, хотя как ещё назвать выращивание людей по заказу корпорации? Во всяком случае, полноценное образование и «интеллектуально перспективная» модификация обитателям Тени не светят. Тут выживают мускулистые «орки»,

проворные «гоблины» да отмороженные химией «вампиры», на людей похожие лишь отдалённо — причем без всяких генетических изменений. Да люди вроде меня, шкурой подтверждающие, что человеку, для того чтобы выжить, никакие генетические изменения не нужны.

И потому Тень не меняется. Отсюда по-прежнему выходят лишь грузчики да подметальщики улиц.

Это и моя жизнь.

Регулятор громкости старенького чёрно-белого телевизора был выкручен до предела. Старина Дик, судя по всему, приобщался к таинствам мировой политики. Он не без оснований считал, что перипетии новостей вполне заменяют по напряженности и интриге телесериалы. Возможно, он и прав.

— Удалось локализовать очередной голод в Западной Африке, — захлёбываясь от напряжения сообщила молоденькая дикторша. Судя по взволнованной мордахе в Западной Африке проживали все её родственники. Или, как минимум, любимая тётушка. — Гуманитарную катастрофу удалось локализовать, — продолжила дикторша уже несколько бодрее, — в регион направлены отряды Сил взаимопомощи для предотвращения голодных бунтов. Первый самолёт с продуктами уже приземлился в аэропорту Курумзани. Организована централизованная выдача продовольствия.

Наконец на меня соизволили обратить внимание.

— О, Джек! — обрадовано завопил Дик, дружески хлопнув меня по плечу. Я стоически перенёс удар. — Джек Стоун! Всю неделю тебя не видел!

Дик меня любит. У орков ускорен метаболизм, поэтому они всегда голодны. Я об этом помню, так что всякий раз покупаю Дику что-нибудь высококалорийное. С орками лучше дружить.

Это полезно для здоровья.

Я вытащил из кармана пачку печенья и покаянно сказал.

— Дик, извини, больше ничего не нашлось.

— Да ничего, я тут и без того подумывал развернуть сафари на тараканов. — Орк разорвал клыками полиэтилен и махом сожрал половину печений. Впрочем удивления это у меня не вызвало. Что для этакой махины упаковка печенья?

Вот если бы ящик…

— Что в мире делается? — спросил я, указав на экран. Дикторша отвлеклась от темы голода и с не меньшей увлечённостью рассказывала об эпидемии оспы в Северной России, стонущей под диктаторским режимом Народного фронта спасения и вспышках чумы в Бомбее и Калькутте.

— Да, ничего особенного, — отмахнулся Старина Дик, — Мы гуманитарную помощь в Африку послали, а эти дикари полезли грабить склад. Восемнадцать сотрудников гуманитарной инспекции погибли. А потом показывают всех этих маленьких тварей с писком «мама, дай покушать». Корми их после этого!

Я косо усмехнулся.

— Вопрос в том, почему они голодны, Дик.

— Диктатуры…

— Там с шестидесятых годов прошлого века демократии.

— Ну так чёрт их разберёт. От природы небось косорукие. — Старина Дик вновь отмахнулся рукой, отделив себя от голодающей Африки и всего мира. — В Сенате готовят отмену Апрельской поправки, и, говорят, вот это будет шоу!

Я пожал плечами. Когда десять лет назад военлорды приняли эту поправку, левые тут же заявили, что это государственный переворот. Может и так — ведь теперь по вопросам внешней политики право голоса получили только те, кто воевал. Впрочем, я в любом случае имел лишь «бледно-зелёную» карту вида на жительство и гражданином САСШ не был — а значит и эти политические дрязги меня не касались.

Дик это понял, и перешёл к более насущным новостям.

— Да, кстати, интересовался тобой один тип.

— И ты сказал, где я живу? — удивился я. Обычно орки неразговорчивы — пониженная болевая чувствительность имеет свои преимущества.

— Вот ещё! — фырканье орка больше походило на ржание довольного собой битюга. — Просто ночью в наш бар завалился какой-то гоблин…

Я представил себя на месте бедолаги и поёжился. Мои пять с половиной футов рядом с семифутовым ростом Старины Дика смотрелись бледно, а каково гоблину, чей рост не превышает и пяти? Да и не любят орки гоблинов. По сравнению с тугодумными собратьями Дика любой гоблин выглядит покруче Эйнштейна, чем и пользуется бессовестно.

— Так вот, гоблин… — продолжал привратник. — Мы с ребятами его поначалу не трогали — сидит себе, пьёт, за пойло платит исправно, но тут стал он о тебе расспрашивать.

Старина Дик сосредоточенно задумался.

Я молчал, вслушиваясь в стук падающих где-то на дно жестяной миски капель.

— Ага, в общем, только мы его собрались отметелить, он и сказал, что у него дело к Джеку Стоуну, и если кто в курсе, где он живёт, то пусть передаст ему, что сегодня он будет ждать тебя в «Орчатнике», — на одном дыхании сказал привратник.

— Да ты расслабься, Дик, — сказал я.

Орк иронии не понял.

— Да я и не напрягался! — с обидой в голосе сказал он.

— Что хоть за гоблин? Чей?

— Не местный, — помотал головой Дик — Но на вольняшку не похож — поперёк груди герб Института прикладной геофизики — не один уважающий себя «мод» этакого позора не оставит, когда с контрактом развяжется.

Я пожал плечами. Больших неприятностей, чем те, что у меня уже были из-за затянувшегося внутреннего расследования моей собственной нелёгкой биографии гоблин доставить мне просто не смог бы.

Хотя и интересно, для каких надобностей я понадобился. И кому.

— Возможно, я зайду. — вздохнул я, направляясь к лестнице, — Пусть подождёт, если я задержусь.

Прямой как стрела коридор просматривался дешёвеньким полицейским регистратором. Регистратор меняли неделю назад, но кто-то уже закоптил линзу видеоглаза и нацепил на торчащую из стены коробочку «нюхача» пластиковый пакет, крепко затянув его на горловине куском стальной проволоки.

Я усмехнулся. Волну терроризма, захлестнувшую осаждённую крепость Нового Света удалось сбить именно благодаря массовому выпуску таких вот устройств. Если верить пропаганде, конечно. Видеокамера, анализирующий тембр человеческого голоса вокодер, нюхач, способный с пяти метров определить, что у тебя в кармане — наркотики, взрывчатка или недоеденный с утра гамбургер.

Поток данных с регистраторов обрабатывается центральным компьютером видеопоста — «гадалкой», которыми утыкан весь город, и если ей покажется, что вы тип социально опасный, то визита архангелов следует ожидать с минуты на минуту. Технология знакомая — в Патруле я оттрубил пять лет. Считалось, что мы элита… хотя моя работа напоминала скорее работу участкового. Профилактические беседы, ложные срабатывания… тоска. Не верите? Купите в аптеке марганцовку, в магазине сельскохозяйственных удобрений — селитру, а в магазине стройматериалов — порошковую краску с добавкой магния — и ждите приключений. За вами установят слежку, подождут, пока вы не встретитесь с друзьями и родственниками — и вызовут нас… быстрое реагирование. По итогам захвата выяснится, что марганцовку вы купили для купания ребёнка, селитру — для любимой тёщи, чайная роза которой просто не

может существовать без нитрата калия, а краску — для окраски стены квартиры в стиле «ретро hi-tech», а вот «гадалка» сочла, что вы делаете бомбу. Если вы выжили — скажите нам спасибо, потому что ребята в Патруле нервные и не местные, вроде меня. И никогда заранее не знаешь — задерживаешь такого несуразного покупателя, или наркоторговца, потянулись вы за стволом или ингалятором от сердечного приступа…

Пришить вас, кстати, будет проще — вот тогда приданный отряду «легендатор» с чистой совестью превратит вас из террориста виртуального в террориста реального… и никаких проблем с судебным разбирательством.

Поэтому я и живу в Тени. Надоело назойливое внимание общественности. Полицейские регистраторы здесь громят едва ли не быстрее, чем их производят. Кстати… это, похоже, объясняет, почему гоблину пришлось искать меня ножками. Живи я сотней метров выше и плати за квартиру, компьютер меня нашёл бы мгновенно.

Утешение, конечно слабое. Жильё оплачивать приходится и здесь — через домовое товарищество, в котором состоит один лишь Старина Дик, раз в месяц вносящий оплату за весь дом.

Анонимность, хотя бы условная, дорого стоит. Но она ставит меня на одну ступень с элитой — военлордами и толстосумами, стоящими в иерархии так высоко, что неприкосновенность их личной жизни защищена государственной тайной.

Комнатёнка у меня узкая и захламленная — так говорят все, кому случилось у меня побывать. По-моему, возводят напраслину. На свои бы дома посмотрели!

Тонкая серая дверь, отлитая из какого-то на редкость упругого пластика, изрядно покорёжена в середине — это кто-то пытался выбить её ногами. Чуть выше вмятины — две дыры от пуль, появившиеся в тот момент, когда я, чтобы не выяснять лицом к лицу, кому понадобилось моё бренное тело, шмальнул в дверь не вылезая из под кровати.

Пули ещё долго рикошетили с пронзительным свистом по коридору, но крови я не обнаружил… так что ночной визитёр ушёл невредимым. Полотно двери перекосило, но это имело и свою положительную сторону — теперь её можно было даже не запирать замок, поскольку продавленную в середине плоскость приходилось выдирать из косяка как больной зуб, чертыхаясь, а иногда и обращаясь к помощи Старины Дика.

Когда же я вывинчивал дверную ручку, дверь было и вовсе невозможно открыть.

Несомненно, слишком хорошо закрытые двери привлекают

внимание. Но пулевые отверстия служили надёжным щитом от воров.

Тем, кто духом был послабее, дыры от пуль говорили о неимоверной крутости владельца, палящего не задумываясь во всё, что имело несчастье ему не понравиться. Храбрецам достаточно было заглянуть в пробоины и установить, что всё, заслуживающее внимания давно уже спёрли.

Незачем в комнату было заглядывать и мне — я и без того знал, что я там увижу.

Вдоль левой стены комнатушки-пенала — стол с проржавевшей раковиной и укреплённым на стене баком для воды, которую приходится носить из нелегальной врезки в водоподающую магистраль «домограда». Чуть дальше, на тумбочке, не вошедшей бы ни в один из мебельных гарнитуров, которые можно выписать по каталогам, стояла древняя микроволновая печь, выполнявшая функции шкафчика.

Справа — застеленная целлофаном железная кровать, за ней, одним торцом упираясь в стену а другим — в спинку кровати — стеллаж, доверху забитый устаревшими бумажными носителями информации, в которые, хвала Аллаху, невозможно вносить оперативные изменения. Но кому в наше время нужны бумажные книги? Даже я в них заглядываю всё реже.

Я ввинтил ручку и с натугой открыл дверь. Скрежет был ужасный, будто визг раздавленной кошки, и я на всякий случай огляделся по сторонам — не звонит ли кто в общество борьбы за права животных. Но никому и в голову не пришло выглянуть в коридор и посмотреть, что происходит. Я вошёл в своё жилище и с теми же акустическими эффектами прикрыл дверь, на полфута не доведя её до косяка.

Кому как, а мне отсюда ещё и выходить.

Машинально прикрыл пулевые отверстия полосками непрозрачного скотча, давно потерявшего клеящие свойства, но каким-то чудом продолжающего удерживаться на двери. Присел на угол койки, ещё раз огляделся.

Окно расположенное напротив двери я заложил кирпичом. Снаружи всё равно темень, а сквозь стену ворьё из уличных банд лезть пока стесняется.

Впрочем, свойств второго выхода окно не потеряло. Раствор, на котором я уложил кирпичи, состоял почти из одного только песка, и хороший пинок позволял без затруднений открыть проход в Европу.

По крайней мере, так обстояло дело в теории. На самом деле мне этим способом эвакуации пользоваться вовсе не хотелось.

Второй этаж — не слишком высоко, только вот ноги запросто переломать можно.

Над бывшим окном тускло отсвечивала красным неоновая трубка, снятая мной с какого-то рекламного щита. Щит рухнул с эстакады наверху и пролежал целых три часа, прежде чем за ним приехали. Разумеется, ничего не нашли. Здесь, внизу, в чистом виде процветает безотходное производство.

Точно напротив моей головы в стену был вмонтирован терминал с прямым выходом в Сеть — наследие какой-то давней федеральной программы, целью которой было не то повышение интеллектуального уровня затенённых районов, не то стремление занять туземцев чем-нибудь на предмет предотвращения социального взрыва.

Программа воплотилась и благополучно сдохла, не принеся никаких заметных плодов, зато наверняка обеспечив кому-то соответствующую пометку в служебном досье. А терминалы остались, и многие умельцы заставили их работать, получив нелегальные каналы для выхода в Сеть.

Впрочем, мой работал легально.

Моих познаний, почерпнутых в архиве отдела высокотехнологичных преступлений, к которому я был приписан, вполне хватило для того, чтобы занести терминал на баланс родного полицейского управления.

Экран, чуткость сенсорной клавиатуры которого была явно избыточной, включился, едва я вошёл. Терминал был настроен на какое-то секс-шоу в реальном времени — не иначе как Старина Дик повышал свой образовательный уровень. Актёры двигались измученно и вяло, выполняя привычную, вроде погрузки мешков с цементом, работу.

Я помахал рукой над экраном, вызвав к жизни Официальную Мозгомойку. В принципе, все каналы новостей одинаковы, живут по принципу «каждый день на этом свете — последний», калейдоскоп сенсационных фактов триста шестьдесят с лишком дней в году, двадцать четыре часа в сутки, вы знаете всё, но не в состоянии сделать никаких выводов. По такому принципу банковские компьютеры ломают — перегружают выходные каналы мусорной информацией, которую глупая машина вынуждена обрабатывать, и под шумок переводят миллион-другой долларов на Каймановы острова или на Луну.

Официальная Мозгомойка от других каналов ничем не отличается, но, по крайней мере позволяет выяснить точку зрения родного правительства по всяким важным вопросам.

И всё такое.

Не то чтобы политика меня волновала. Один чёрт, бледно-зелёная карта не дает права голосовать даже по вопросам внутренней политики (будто это что-то меняет, ха!). Но ежемесячное собеседование в Иммиграционной службе иначе не пройдёшь. Лучше знать, чего знать не стоит.

Отвлёкшись от экрана, благо, звук был вырублен, я пошарил в кармане плаща и поставил на стол лоточек с белковой пастой — единственная еда, не наносящая моим финансовым средствам невосполнимого урона.

На коробке была изображена при помощи голографии какая-то вкусная рыба, но я то знал, что вкусной рыбы в белковой пасте нет ни на грош.

Пасту готовят из насекомых, которые, что общеизвестно, содержат много ценного белка. Сырьём для блюда на моём столе послужила саранча. Известно вам, что в одной единственной кулиге саранчуков может содержаться несколько миллионов тонн живого веса?

Первоначально насекомые шли на корм скоту, но их быстро научились перерабатывать в нейтрального вида и вкуса массу. Плюс необходимые вкусовые добавки — и проблему голода в развивающихся странах можно похоронить.

Вслед за пищевой проблемой и отцом Мальтузом отправилась в небытиё и проблема перенаселения.

Помнится, в Сети одно время ходило множество скандалов — когда выяснилось, что пищевые добавки порядком снижают потенцию и уменьшают способность женщин к зачатию. Вы думаете, их перестали класть? Об этом лишь писать перестали.

И не более того.

А уж как пищевые добавки ломают биохимию организма… Я не набрал вес только потому, что моя гормональная система и без того напоминает Парфенон после разрушения его турками.

Война за цивилизационное превосходство не останавливается ни на миг. В конце концов, военлорды всего лишь позволяют выигрывать битвы. Для того, чтобы цивилизация победила варварство, мы должны работать на перспективу. Так что гуманитарная помощь голодающим Африки сейчас — это тысячи квадратных километров свободных территорий завтра; жаль только, что мы не можем помочь Китаю, Индии и Исламской Лиге так же, как уже помогли Южноафриканскому блоку и России.

Дикари-с. Диктатуры-с.

Я пошевелил пальцами перед сенсором, набавив значение звука, и в мои уши ворвался голос дикторши.

— …в Тихоокеанском регионе вновь разразились бунты экосферы. Тайфун «Линь гуй», скорость которого грозила превысить сто миль в час был расстрелян плазменными бомбами орбитальной платформы «Хуа То». Повышение мировой температуры не превысило несколько тысячных градуса. Правительство Срединной империи вновь внесло ноту протеста против контрольных включений системы противобаллистической защиты «Ионный щит» над САСШ, как нарушающих баланс воздушных масс над планетой. Представитель Конгресса в ООН отверг протест на том основании, что наличие у Китая орбитальных платформ климат-контроля ставит САСШ в неравноправное положение в деле регулирования климата. Экоактивисты в очередной раз предприняли попытку штурмовать Лестницу Военно-Метеорологической службы, следствием чего стало применение нелетального оружия. Количество жертв на этот раз не превысило пятидесяти человек….

Я отцепил прикреплённую к упаковке пластиковую ложку, потыкал ею студенистую смесь, надо признать, действительно пахнувшую рыбой, и вновь перевёл внимание на экран. Просмотр новостей, по крайней мере, отвлекал от размышлений о составе моего любимого деликатеса.

— На Восточном побережье по-прежнему свирепствует эпидемия мутантного вируса гриппа, штамм 1984. Очаг эпидемии удалось локализовать и ликвидировать. К сожалению, одной из жертв стал лидер Ассоциации ветеранов войн за Технологическое преимущество «Новое человечество» и директор Института прикладной геофизики САСШ Томас Кларк. Гражданская панихида состоится…

— Поиск — Томас Кларк. — приказал я программе терминала. Как ни странно, система не стала переспрашивать и сразу выдала подборку из кусочков новостей. Похоже, не только я решил выяснить, о чьей смерти меня решили уведомить лично — в общем ряду с полумиллиардом человек по всему миру, которые Мозгомойку смотрят. По причине веры или служебной необходимости.

— …известный политик…

— …сенатор от Штата Одинокой Звезды…

— …основал ассоциацию «Новое человечество», целью которой является защита прав генетически модифицированных солдат…

— …в своём программном заявлении сенатор Кларк заявил о необходимости более активной внешней политики.

На следующем кадрике мелькнул сам сенатор — на вид не больше сорока, с хищной узкой челюстью и совершенно

выбеленными боевой химией волосами. Правда, вряд ли кто-то посмел бы обвинить Кларка в наркомании. И молодости, в сенат раньше сорока пяти лет не попадают. Мне явно стоило поискать респиратор — поберечься от гриппа, штамм 1984. Раз уж он с ног генемодов валит. Простому смертному наверняка не выжить.

— Я считаю, что проект «Ковчег» не оправдал себя, — веско заявил сенатор, глядя прямо на меня. — Мы ушли с мировой арены. Но этот мир не может игнорировать наше существование. Равно как и мы — этот мир. Цена отступления может оказаться слишком высока. Я говорю — мы должны покончить с изоляцией. Иначе наши великие цели, от достижения которых мы отказались в начале столетия исчезнут в безвестности…

Я пожал плечами. Видимо, сенатор прав — следует ограничить количество гуманитарной помощи. Иначе, рано или поздно, её захотят вернуть.

Из соображений гуманизма.

— Остановить. Продолжить. — отдал я маловразумительный приказ терминалу. Впрочем, тот был туповат, и потому понял меня правильно — остановил выборку новостей по безвременно ушедшему сенатору и продолжил показ новостей.

— Удалось остановить вырождение таёжных биогеоценозов в Восточной Сибири. Правительство Русских Земель по-прежнему настоятельно подчёркивает, что уменьшение площади лесов не в интересах всего населения планеты. По мнению экспертов Комитета Экологической Безопасности ООН спусковым крючком процесса вымирания лесов стал запуск ракеты-носителя «Энергия», произошедший две недели назад. Впрочем, договор об оказании помощи со стороны САСШ может быть подписан со дня на день — как только Роспарламент подтвердит нормы Берлинского протокола.

Я хихикнул. Не иначе как русские оторвались от выпиливания матрёшек и вспомнили, что двести лет назад были великой державой. Когда их было сто сорок миллионов.

— Остановить. — Сказал я и диктор вновь послушно замерла. Естественно, лишь на моём экране — новости шли в режиме постоянного интерактивного обновления, так что диктор у каждого зрителя мог быть свой — одна из тридцати стандартных моделей. — Поиск: землетрясения за последние две недели от сего дня.

Через минуту я уже читал список. Крупных, которые попали в сводки новостей, было всего то четыре. Одно — в Калифорнии. Я, конечно, не сейсмолог, чтоб отдачу от ракеты считать — как распределение ударной волны по тектоническим плитам пойдёт, но я бы сделал ставку на Калифорнию. В неё уже столько раз

метили землетрясениями, что штату явно недолго осталось. Не исключено, что таежные биогеоценозы вырождаться перестали именно поэтому.

Хотя, конечно, я могу и ошибаться.

— Продолжить, — я вновь сунул нос в тарелку. Зря я опасался за свой аппетит — организм, порастративший калории во вчерашней перестрелке явно радовался тому, что угроза самопожирания внутренних органов отступила.

— …трагедия на Северо-восточном побережье… — я несколько отвлёкся, поскольку ужасные трагедии происходят в Мозгомойке всегда, но тут же уставился на экран вновь.

— …заложников! — в голосе дикторши прорезались нотки высокой драмы. — Уличная группировка «вампиров» выдвинула требования изменения политического строя, но беспримерными усилиями детектива третьего класса Стоуна и шефа 101-го участка территориальной полиции Виктора Берка ситуацию удалось разрешить с минимальными жертвами.

Я хмыкнул. Не то Берк не сумел прикрыть мою задницу, не то…. Не исключено, что за особые заслуги решили восстановить. Радоваться этому никак не стоило.

В конце концов, одно из моих прозвищ — Разгребатель Стоун. Я бы перевёл ещё точнее — золотарь.

Похоже, на новости следовало бы обратить более пристальное внимание.

Впрочем, ещё полчаса разысканий на сайтах новостей ничего интересного не принесли. Дело даже не в том, что мы топим себя в белом шуме собственных голосов. Любой сотрудник Миниправды в век электронных носителей информации просто удавился бы от зависти. Ложь и правда при наличии соответствующих кодов доступа меняются местами мгновенно; так что заключить весь мир в матрицу из электронных информационных импульсов было очень удобно.

И никто не виноват.

Прогресс разве что.

Я потянулся вырубить терминал, но на экран вдруг выбросило табличку сверхсрочного соединения — оплывающие книзу кровавые буквы «Занзибар».

Опять, что ли, Виктор решил заткнуть мною оперативную дыру?

В принципе, сотруднику полиции, пускай и несущемуся на всех парах к отставке с волчьим билетом, положено иметь сетевой коммуникатор. Сетеком — это наше, полицейское, всё: канал связи с участком и напарником, доступ в оперативную сеть и

способ оставить метку на карте муравейника Кэпитал-сити.

Но сетеком, равно как и пистолет со значком я сдал Весёлому Борову полгода назад; и если пушку с фальшивым значком достать несложно, то оплачивать счета за сетеком мне не улыбалось.

Потому родное управление могло достать меня только по сетевым адресам, и сервер в Занзибаре был одним из них.

Какое-то время я смотрел на танцующие джигу буквы и наконец плюнул, прокляв собственную забывчивость. Берк вызвал бы меня через MOSKOVJ, сервер в трёх этажах надо мною (если плюнуть на этажность подвальных обитателей); Занзибар я отвёл для начальства.

Чтобы сложнее достать было.

На экране появилось лицо Весёлого Борова. У меня, к счастью, не было ни аудио, ни видеоввода, так что я по старинке набил текст.

«Стоун, на связи»

Боров пялился куда-то вверх — видимо экран для вывода текстовых сообщений проецировался прямо на потолок.

— Ты срочно нужен в Управлении, — хмуро сказал Весёлый Боров, не сделав даже попытки подтвердить своё прозвище. Первую его половину, по крайней мере.

«Решили выгнать меня окончательно?»

— Стоило бы, — откровенно признался Боров, — Экспертиза меня уже достала, требуя объяснений, почему такой маньяк как ты, несмотря на отстранение, продолжает палить во всё, что шевелится.

«Что, почерк похож?» — набрал я.

Боров фыркнул. Это у него хорошо получалось.

— Поражающая способность, как у осколочной гранаты. Положили мне тут «внутряки» на стол одну любопытную кинематограмму… Короче говоря, ты мне нужен вчера. Это ясно?

«Угу. Приду получить зарплату за полгода.» — напечатал я.

Боров принял к сведению и отключился.

Экран медленно гас, а я тупо смотрел на сверхплоскую поверхность, пытаясь сообразить, сколько же сейчас времени.

Наконец я догадался посмотреть на устойчивые к электромагнитному удару механические часы на собственной правой руке.

Ого, два пополудни.

А я и не заметил.

Внизу ночь всегда.

2

Маршрут от моей каморки до Управления давно рассчитан и измерен. Выйдя сразу из подъезда — резко направо, под переплетения труб внутренних коммуникаций домограда. Можно нарваться на «таракана» — самодвижущийся робот-видеоглаз службы безопасности здания, проверяющий, в порядке ли коммуникации, но, скорее всего, санитарный инспектор будет уповать на тест-программу, и «таракана» гонять пожалеет — всё ж таки материальная ответственность. Затем, лавируя между пятнами света от прожекторов — из под «паука», к густо заполненным тенью улочкам любимого города. Всех фасетчатых буркал видеопостов не миновать, чересчур густо их понатыкано, но свести к минимуму встречу с ними возможно.

Не то чтобы мне хотелось что-то скрыть… просто не люблю, когда за мной подглядывают. Даже если это делает машина, и невостребованная в течении года видеозапись моих перемещений будет заархивирована и похоронена в проводах и жестких дисках архивов муниципалитета.

Квартал, в котором располагалось Управление полиции Восточного побережья накрывать шапкой небоскрёба-«паука» в своё время постеснялись.

И, по-моему, зря.

Смешно оно выглядело, это здание, с четырёх сторон окружённое огромными утёсами домоградов. В вечной тени, отбрасываемой громадами из стали и стекла, бетона и пластика; тени тех, кто действительно правит этим миром — корпораций, совершающих миллиардные сделки, банков, способных купить небольшое государство с одного-единственного дневного оборота, частных служб безопасности, улаживающих все проблемы без помощи полиции и куда более эффективно. Уделом территориального Управления полиции осталась разве что патрульно-постовая служба, а копы превратились в ночных сторожей, чьи крики не пугают даже уличную шпану.

Впрочем… мы всегда были ночными сторожами. Так что обижаться не на что.

— …Кем вы себя воображаете, детектив Стоун? Шерифом с Дальнего Запада? Вы не любите писать отчёты, детектив Стоун?

— Я предпочитаю результат…

— Три трупа — ваш результат! Вы застрелили трёх подозреваемых, детектив! Я особо обращаю ваше внимание на

этот факт, Стоун, *подозреваемых*! Да будь даже они виновны, они получили бы всего лишь лет по тридцать каждый! А вы их убили. На вашей родине так принято?

— Дискриминация по национальному признаку, мэм?

— Не «мэм», а «господин старший инспектор отдела внутренних расследований»! И… постойте-ка, вы полагаете, что мой пол мешает мне выполнять мои обязанности?

— Сами признались…

— Что?! Да вы сексист, Стоун! Вы отстраняетесь от работы, детектив, и я лично прослежу за тем, чтобы ты, мразь, шовинист мужской, получил всё, что тебе причитается.

— Лесбиянка недотраханная! — буркнул я себе под нос и тут же испуганно огляделся. А то влепят иск за домогательство сексуальное — и всё, с приветом, Джеком звали. Хорошо если только на Аляску сошлют, а ну как платить заставят? Суммы исков по таким делам до сих пор заставляют меня сожалеть что я не адвокат.

На ступеньках Управления я остановился, украдкой потянулся в карман за фляжкой и, избавившись от винтовой пробки, высосал несколько унций виски.

Пьяным на службу, конечно, приходить не рекомендуется. С другой стороны, я вроде как уже и не коп — на службе сохраняюсь благодаря личному и корыстному интересу шефа Управления.

А главное — «цербер» на входе оснащён, в числе прочих интересных штуковин, «нюхачом». А эта штучка способна по запаху пота, выделяемого моими железами, определить, что я съел накануне.

И если моя диета никакого секрета не представляет — разве что от личного врача, который откажет мне в страховке, если проведает, что я не выполняю его рекомендаций — то запись об употреблении препаратов из запрещённого списка мне вовсе ни к чему.

Лучше уж сойти за пьяного.

Да, собственно, и врача о несоблюдении рекомендаций я оповещать не намерен — наверняка мониторинг моего состояния в досье ни от кого не засекречен.

Один из Лиги-Борцов-Против-Всего-На-Свете, постоянно отирающихся перед Управлением (равно как и магистратом, судом и ещё парой десятков присутственных мест) увидев, что я замер на месте, вместо того, чтобы деловым шагом пронестись под сводом «цербера» и сгинуть в недрах здания, стремглав

ринулся ко мне.

Давно, почти в другой жизни мне казалось, что всех таких пророков-маньяков должна была оттянуть на себя Сеть. С тех пор я изрядно повзрослел — многим людям по-прежнему необходима реакция живых людей, а не фантомов виртуальной реальности.

— Спасён ли ты, брат? — зычным басом вопросил пророк.

Хотел бы я знать. На мой взгляд, спасение в этой юдоли скорби — дело совершенно невозможное. Не то, знаете ли, место. Вокруг столько поводов для греха, что удержаться совершенно невозможно.

Примерно в этом духе я и ответил.

Уличный пророк, остановивший меня, был фигурой примечательной. Не меньше семи футов ростом, он возвышался над толпой будто башни Тонгородрима. С лицом бывшего спортсмена-профессионала, перемятым литрами химических стимуляторов, он явно заработал бы больше, очищая карманы прохожих при помощи банального грабежа, а не проповеди. В ответ на мою фразу пророк величественно воздел руки к небу.

— Ты прав, брат, в этой бесприютной стране нет безгрешных! Но я говорил о спасении! Спасён ли ты?

— И как вы себе это представляете? — вежливо спросил я. В мрачноватой бетонной долине, где располагалось полицейское управление изрядно дуло, с эстакады наверху доносился грохот каких-то ремонтных работ, и мне хотелось поживее убраться с улицы. К сожалению, пьяная вежливость требовала остаться.

— Нечестивцы, изменяющие богом данное тело, захватили власть в стране. Они посягнули на управление самой природой, и каждую секунду глядят на тебя, бросая вызов господу нашему!

— Точно, брат, — подтвердил я, ожидая продолжения. Пожалуй, алкоголь уже достаточно глубоко въелся в поры моего тела, чтобы я рискнул войти внутрь.

— Путь к спасению есть! Известно ли тебе о Чистилище?

Очевидно, пророк был начинающим; хорошо отработавшим лишь первую половину своего ремесла: задавать высокопарные риторические вопросы он умел, с ответами дела обстояли куда как хуже.

— Может, я пойду? — робко предположил я вариант, позволяющий нам разминуться. Бесполезно, меня не услышали.

— На Луне! На Луне построено Чистилище, брат, и ты можешь войти в его Чертоги! Прими в себя электроды, и ты станешь частью электронного океана, сети душ тех, кто ушёл из мира в ожидании Страшного Суда!

— Я уж как нибудь сам, — отклонил я радушное предложение. — Предпочитаю быть сам по себе.

— Именно потому, что ты сам по себе, ты и являешься частицей того, что тебя не устраивает, — несколько загадочно усмехнулся пророк. Усмешка мне понравилась — похоже, пророк сам не верил в то, что говорил.

Хотя хорошо ли это — чёрт его знает. Должно же в мире оставаться хоть что-то святое?

— Ступай с миром, брат, но помни — Церковь Электронного Рая ждёт тебя. Там тебе суждено найти ответ на все свои вопросы.

Я скептически посмотрел на серебристое гнездо разъёма за ухом пророка и решил обойтись без этакого счастья. Я старомоден, и электронные протезы души мне без надобности.

Я пожал плечами и последовал совету пророка.

Вошёл в Управление.

Внутри, в приемной зоне, меня даже не заметили. Полугодовое отсутствие в наш век ежедневных сенсаций — всё равно что столетие. Стоун, отстранён, неактуальная информация, стереть.

Детектор, аркой выгнувшийся над входом в здание, просветил меня на наличие оружия, проверил сетчатку глаза, отпечатки пальцев, соответствие тембра голоса и волновую активность мозга. Последнее, собственно, не есть чтение мыслей, однако церебральная активность вполне выдает простейшие эмоции, владеющие человеком. Поскольку для арестованных, вполне естественно не испытывающих тёплых чувств к родной полиции, предусмотрен отдельный вход, предполагается, что «цербер» сможет распознать разъярённого террориста, обмотанного поясом со взрывчаткой и решившего взорвать стражей нечестивого порядка. Насколько мне известно, пока эта штуковина помогала задерживать только разъярённых или опечаленных детективов, но орлы из спецотряда внутренней безопасности бдят неустанно.

А вдруг?

Хорошо ещё, что вся эта тягомотина с проверкой занимала не дольше нескольких секунд, иначе о тоталитаризме кричали бы не только психи в Сети.

У стойки дежурного по Управлению топталось несколько охотников за контрактами — лихих ребят, промышлявших охотой на тех, кто, заключив договор на оплату обучения с корпорацией, предпочитал сбежать с корочками на вольные хлеба — как правило, под крылышко СБ другой компании, где зарплата на первых порах предлагалась чуть побольше. Дежурный сержант — Фрэзер, судя по шеврону — был, надо полагать, из разряда лиц с

ограниченным значением I.Q. — с головой, опоясанной обручем «няньки», подсказывающей, что означают незнакомые слова и какие действия следует предпринимать в каждый момент времени. Остряки в своём кругу называли таких первой рабочей версией искусственного интеллекта — память машинная, дурость родная, человеческая. Огоньки «няньки» постоянно мигали, выдавая напряженную работу комбинированных мозгов.

Я назвал дежурному своё имя, посмотрел в его пустые глаза записного идиота. Он меня не знал, «нянька» тоже ничего не подсказала, поэтому он лишь кивнул в сторону лифта, коротко разъяснив, где можно найти Большое Начальство. Туда я и направился — будучи предварительно окольцован неснимаемым бэджиком, отслеживающим мои перемещения по зданию.

А то ещё сопру чего-нибудь.

Когда я вошёл в «фонарь» шефа, Весёлый Боров разглядывал кипящий суетой зал следственного отдела. Это было заразной штукой — закрыв дверь я присоединился к начальству и тоже посмотрел в зал.

Понятия не имею, как можно работать в этаком обезьяннике. Менталитет-с, вероятно, другой. Шум, гам, товарищ норовит перевалиться через стол и хлопнуть по плечу соседа, а потом ткнуть пальцем в меня… Б-рр! Мне немедленно захотелось вчинить парочку исков за вмешательство в частную жизнь и уехать на отсуженные деньги куда-нибудь в Антарктику, но я удержался. Известные адвокаты на меня не работают, как, впрочем, и неизвестные; я суверенное государство, единый и неделимый Стоун, давно опустившийся на самое дно, и выяснивший, что в положении размазанной по шельфу камбалы есть своё преимущество. Одно плохо — долгой жизни на дне вам никто не гарантирует. Давление — не та вещь, с которой можно шутить.

— У-умничаешь? — протянул Весёлый Боров, соизволив, наконец, меня заметить.

Я вздохнул, с трудом отрываясь от суеты за стеклом «фонаря». Кажется, я понял, почему начальство так любит эти застеклённые будки посреди офиса. Зрелище усердно вкалывающих сотрудников расслабляет лучше всяких рыбок в аквариуме! Если разбогатею, решил я, точно найму себе толпу бездельников, чтобы они на моих глазах изображали работу.

— Умничаешь! — вынес вердикт шеф. Я сокрушённо вздохнул — да, мол, обезображен видимостью интеллекта, и посмотрел на Весёлого Борова повнимательней. И выяснил неожиданно, что кличку шефу приклеили совершенно зря.

Или изменился он так за прошедшее время?

Нет, многоуважаемый комиссар полиции Джон Рэтклиф Мак-Магон и впрямь был толст как кабан, неимоверно потен, да и лысина его сверкала начищенным медным тазом назло самым священным принципам пластической хирургии — Боров и есть!.. И глаза — маленькие, стянутые в уголках, вечно прищуренные в лукавой ухмылке казались весёлыми… но только казались.

Не было в этих чёрных точках ни капли веселья, смотрели они жёстко, и я непроизвольно вздрогнул. Не заслужил я такого взгляда. Совсем.

Мы с шефом друг друга не любим. Какой-то его пращур слишком близко принял к сердцу речи сенатора Мак-Карти, и эти строки, передаваемые в роду Мак-Магонов из поколения в поколение, запали юному Джонни в самые глубины его души.

Но сейчас, похоже, Весёлый Боров испытывал во мне сильную нужду и стеснялся в этом признаться. Но, коль скоро он вызвал меня к жизни в Управление, было ясно, что шеф уже подписал чистосердечное и явку с повинной. Поэтому Боров разочарованно хрюкнул и перешёл к делу.

— У меня для тебя мертвец, — сообщил шеф, прервав поединок взглядов.

— Ничуть не сомневаюсь. Преподнести что-нибудь оригинальное у вас воображения не хватит. — буркнул я.

— Уж извини. Но именно ради таких оказий я и прикрываю твою… — тут шеф вспомнил о вежливости, — спину.

— От внутряков вы её не слишком хорошо прикрыли.

— Момент был неудачный. Общественному мнению требовалась очередная порция жертвенных ягнят. И, кстати, ты всё ещё в действующем резерве.

— То есть на подножном корму, — перевёл я с «какбычегоневышлоского» на общечеловеческий. Боров мой выпад предпочёл проигнорировать. Как кассир подножного корма.

Шеф пошуршал распечатками на столе — он столь же старомоден и верит информации только в напечатанном виде. Во всех остальных случаях она проскальзывает по экрану как вода, да и меняется по три раза в день, в связи с обновлением базы данных. В нашем мирке вы никогда не сможете поймать мошенника за руку.

— Всё как обычно, — на меня шеф старательно не смотрел. — Неопознанное тело в мегапорту. Пол мужской. На несчастный случай явно непохоже.

Я скривился. Держу пари, что тело было опознано… на уровне доступа шефа. О чём рядовому копу до поры знать негоже.

А в остальном… Порт, формально, находился в ведении нашего Управления.

На деле это означало, что там паслись все силовые ведомства — от таможни до полузаконспирированных агентов Бюро по борьбе с наркотиками, Бюро по борьбе с нелегальной иммиграцией, Бюро по борьбе с экономической агрессией, Бюро по борьбе с нелегальным ввозом оружия, налоговой инспекции… И это не говоря о частных СБ, обеспечивающих безопасность грузов с грифом коммерческая тайна — таких, от которых у всех вышеперечисленных ведомств случился бы коллективный инфаркт с отставкой и реорганизацией.

До чёрта народу, чтобы понять: кто угодно может убить кого угодно, но в расследовании будут заинтересованы все, что — даже если принять добросовестность вышеупомянутых контор в качестве постулата — гарантирует втаптывание истины в грязь realpolitik.

Что, собственно, и объясняет появление на этом поле Стоуна. Которому на ведомства глубоко плевать.

— Кто? — попытался я приобщиться к тайнам высших сфер.

— Сказано же — неопознанный! «Призрак».

Я только руками развёл. Уж азы-то босс мог бы и не упоминать. Если человека не признаёт наша ультра-сверх-мега-навёрнутая система идентификации человека по плевку и выдыхаемому воздуху, то возможны лишь два варианта.

Либо убитый был незаконным иммигрантом и жил на нелегальном положении — что в порту, конечно, особой проблемы не представляет. Но этот вариант я отмёл сходу — потому что если так, то я сейчас мерно напивался бы в «Орчатнике».

Во втором случае тело ранее было добропорядочным гражданином САСШ, и система до сих пор не может проломиться через коды доступа. И не сможет, потому что в анархию не впадает, и приказы выполняет неукоснительно.

Для чего так — понятно. К примеру, убей кто-нибудь Господина Президента и брось его тело на центральной площади — система опознания промолчит в тряпку. Убийство президента — событие политическое, а значит негоже рядовому уличному копу орать об этом на всю… гм… Уолл-стрит.

Не говоря уже о том, что президент — не единственная Большая Шишка в цитадели свободы и демократии.

— Когда? — со стороны посмотреть, так мы с шефом обмениваемся невинными замечаниями о погоде.

— Сегодня ночью. Точно, конечно, пока неизвестно — труп в мясницкой, но патрульные нашли тело в два пополуночи и

уверяли, что оно еще дымилось.

Меня передёрнуло.

— Такие подробности ни к чему. Всё равно мне к нашему терапевту идти. Есть что-то более существенное?

— Нет. Иначе бы ты мне не понадобился. Убитый в морге, рапорт патруля в базе данных, Стоун на коне.

— С шашкой и в атаку. На пулемёты. — я постарался, чтобы сарказм в моём голосе не звучал бы уж слишком убийственно. — Что-то ещё?

Подразумевалось, что у Борова проснуться остатки совести. Шеф скорбно помолчал, как всегда перед тем, как взорвать бомбу.

— Убитый имел отношение к Военно-метеорологической службе.

— Ага, — с сомнением в голосе сказал я. Бомба что-то не торопилась со взрывом. — Угу. Так, значит.

Нет, понятно — ВМС САСШ — это очень серьёзно. Как-никак, именно наша родная система противоракетной обороны «Ионный щит», в просторечии «крышка», обеспечивает национальную безопасность. Попутно представляя угрозу всему остальному миру, но «Ковчегу» Нового Света проблемы старушки Европы или Китая глубоко неинтересны.

Но вот каким образом это касалось родной территориальной полиции я понять не мог. «Крышка», хоть и частная лавочка, но оружие политического значения и военлорды её из лап не выпустят. А преступлениями среди военных занимается жандармерия. «Элитары», ети их едри…

— Это же не наше дело, — наконец разъяснил я боссу очевидную истину.

— Стоун, ты хоть раз в своей жизни новости смотрел?

Я сделал вид, что вспоминаю, и, наконец, отрицательно помотал головой.

— Года в три, может быть, — сказал я — Включил по ошибке, вместо автоматического задницевытирателя и лет десять после того пытался понять, для чего нужны женские прокладки.

— И как, удалось? — проявил несвойственный ему интерес шеф.

— Ага, — кивнул я — Использую в качестве стелек. Ноги совершенно не мокнут.

— Это плохо, — сказал наконец МакМагон, уяснив, что ничего более содержательного по поводу новостей я сообщить не могу. — Потому что в нашем городишке скоро сменится шериф.

Ну, это шеф хватил, конечно. Кэп-сити, столичный город — агломерация на сорок миллионов жителей термина «городишко» никак не заслуживал. И восемь миллионов человек из этих сорока

были настоящими героями — военнослужащими, имевшими право голоса в вопросах внешней политики. Своё законодательство, своя полиция — всё согласно Апрельской поправке к Конституции.

— Военлорды у нас на особом положении, — сообщил я, пытаясь понять, зачем Управлению влезать не в своё дело.

Боров пожал плечами.

— В общем, военлордами тебе заниматься и предстоит. — сказал он после некоторого размышления. — В Конгрессе предстоит голосование… и Апрельскую поправку могут отменить. Это дело пары дней. Тогда все дела жандармерии перебросят на нас. Я хотел бы, чтобы кто-то был в курсе ситуации с самого начала.

Я помолчал, глядя на Мак-Магона. Тот уставил свои лазеры в стол — не то берёг хрупкую психику подчинённого, не то читал сообщения, бегущие по столешнице-экрану.

Было ясно, что шеф сказал мне всё, что считал возможным и необходимым. Умному — достаточно… а я когда-то был целым вундеркиндом. Естественно, что это всего лишь опережающее развитие, сверстники потом догоняют и добавляют, но изначального интеллектуального уродства не скроешь.

Военлорды все как один вышли из яслей корпораций, и, значит, речь шла о политике. С большой буквы и возведением очей горе. А значит, расследование быстренько поручат политически подкованным гражданам из элитаров.

Это у нас будет альфа. А бета — это то, что я, конечно, признанный специалист по «призракам»… Собственно, за это меня и терпят. Шеф терпит. Такое маленькое, персональное, очень злобное и крутое привидение по имени Джек Стоун. Но привидение это, увы, не бесплотно, и оказаться в положении человека, поймавшего медведя мне совершенно не хочется.

Но, видимо, придётся. Списанный коп — он вне субординации, приказать лечь на дно и сделать вид, что ничего не было, не выйдет. Не притормозишь такое расследование официально. С другой стороны, кто отставника будет слушать? Значит, гаммой у нас будет то, что шефу это дело до зарезу нужно распутать. Знать бы только, карьеризм это его давит, тщеславие юношеское или желание спеть лебединую песню. Причём лебедем, которому шею свернут, буду я.

Зачем шефу влезать в политические игрища, я спрашивать не стал. Территориальное Управление Восточного побережья поддерживает закон и порядок в агломерации с сорокамиллионным населением. Столице Ковчега, по сути дела. Со всеми прилагающимися последствиями. И хоть

территориальная полиция федерального статуса и не имеет, но должна быть в курсе. Не то с федералов станется ради своих оперативных игр полстраны развалить.

— Мне все лапы отдавят — пожаловался я — Прокураторы, военные, СБ, элитары… Яблоку упасть будет негде.

— У семи нянек дитя без глазу — определил Боров свою философскую позицию. — Твоё дело, Стоун — просто найти убийцу, и точка. Политикой займусь я сам… так что если начнёшь с кем-то тесно пересекаться — ставь меня в известность.

Ага, щазз. Со мной вариант detective, ask not… не пройдёт.

Бесплатно, во всяком случае.

— Надо ли понимать ваши слова так, что меня восстановят по работе? — несколько картинно изумился я — Та стерва была готова меня съесть вместе с яйцами!

— У господина старшего инспектора отдела внутренних расследований действительно… гм… Короче, она по-прежнему готова тебя… хм! Впрочем, неприятностей она тебе уже не доставит — я поставил твоё дело на контроль нашего спецотряда.

— В полицию мысли? — ужаснулся я.

— Ну, в политике ты, вроде, замешан никогда не был, верно?

— Никогда не знаешь, когда вдруг почувствуешь вкус к этому спорту, ведь марксизм-ленинизм у меня в крови! — съязвил я. Затем вернулся к жгуче интересующему меня вопросу. — Значит я уже в действующей армии?

— Ну, Стоун, мы оба знаем, что после твоих художеств это тебе не светит.

— Та-ак, — протянул я, — А вот это, господин комиссар, уже интересно. Как мне расследование вести, если у меня даже жетона нет? Я уже не говорю о ничтожной, в сущности, задаче не протянуть ноги с голоду.

Боров молчал.

— Ну, тогда, быть может, меня потом по службе восстановят? — ехидно предположил я.

Без ответа. Похоже, всей моей наградой в этом деле будет полёт с крыши небоскрёба, волнительный и короткий.

Политические расследования, они все так заканчиваются.

Молчание затягивалось, и я сделал вид, что собираюсь уходить. Боров ждал долго — я уже успел коснуться дверной ручки.

— Ты вчера убил шестерых, — коротко сказал шеф моей спине. Моя спина заинтересованно остановилась. Шеф молчал, и я развернулся.

— Они тоже не с розами меня встречали. Но я понял: это — кнут.

И кнут, честно говоря, хороший. В наш век информации важны только шесть мертвецов, которые есть.

И человек, который их прикончил — который тоже присутствует.

Всё остальное — несущественные мелочи.

Посадят. Точно посадят. Причём сразу на кресло, сделанное по последней технологии уничтожения особей вида homo sapiens. Надо бы не забыть стукнуть Виктору о том, что он окружён стукачами.

— Это кнут, — медленно повторил я, — А пряник, шеф? Большой и сладкий пряник? Жетон, пистолет, работа с восьми до пяти? Куда же я без них?

— Пряник… — Боров с укором посмотрел на меня. — В полиции ты не восстановишься уже никогда — накуролесил, сам понимаешь. Но могу устроить лицензию частного детектива.

Я задумался. Говоря начистоту, моё теперешнее положение от этого частного соглядатайства мало чем отличалось.

Цепной пёс на службе у комиссара полиции. За двадцать пять процентов оклада, положенных отстранённому, но не вышвырнутому с работы (сбой в базе данных отдела кадров, это уж как пить дать) полицейскому.

И работа собачья, с гораздо большей охотой я разводил бы сахарные клёны в Вермонте.

— Слабовато, — протянул наконец я, — Кому в наше время нужны частные детективы? Нынче детективов покупают только оптом — в виде агентств. Разве что комиссары полиции иногда ставят на одиночек — вот только на гонорары от этих дел и ноги протянуть недолго.

— Стоун, я не хотел бы загонять тебя в угол… но выхода у тебя нет. С твоей биографией лицензию тебе оформлю только я.

Тут шеф, конечно, привирал. Внаглую. Среди частных детективов мне доводилось встречать таких архаровцев, по которым каторжные колонии в Акватике горючими слезами заливаются. До сих пор, к сожалению. Полагаю, что даже Бладстоун на фоне этой компании смотрелся бы несколько… бледно.

— Ну как я могу что-либо расследовать? — я попытался воззвать к разуму шефа. — Меня любой привратник остановит на входе — а я ни жетон к носу приставить не сумею, ни стволом в воспитательных целях по зубам дать. Неправильно всё это, шеф!

— Частные детективы обходятся без таких экстремальных воздействий. Учись! — лицо Борова так и светилось злорадной усмешкой.

— Старого пса новым шуткам не обучишь, — пробормотал я, догадываясь, какую именно каверзу подстроил мне шеф. Но остановить Весёлого Борова сейчас было не проще, чем разъярённого кабана-секача.

— Твои жетон и пистолет зовут Айви, — кивнул шеф и склонился к селектору.

— Секунду, шеф! — я прижал пальцем рычажок селектора, помешав Борову включить его.

— Чего ещё? — комиссар Джон Рэтклиф Мак-Магон вновь предпринял попытку навести на меня свои пушечные дула, но я предусмотрительно закрыл глаза.

— Шеф, я изрядно поиздержался. Да и в процессе расследования денежки могут потребоваться. Не могу же я всё время платить свинцовой монетой.

Боров аккуратно убрал мой палец с рычажка и рявкнул в селектор.

— Офицера Стерлинг ко мне!

Другой рукой Боров выдвинул ящик стола и положил на стол довольно худосочную на вид пачку юаней. Я сунул деньги в карман плаща не пересчитывая, успев к прибытию офицера Стерлинг принять пристойный вид тёртого жизнью, но честного копа.

Дверь открылась.

Ой.

Я покосился на Борова, но лицо шефа сохраняло невозмутимое выражение — как и у всякого истинного мастера розыгрыша.

Жетон и пистолет.

Ойййй…

То, что офицер Стерлинг был, политнекорректно выражаясь, девушкой, я понял. Но это…

Коротко стриженые волосы, сформированные впереди в невообразимую чёлку и выкрашенные в непостижимый оттенок синего цвета.

Огромные, оперированные под «мангу» глаза.

Взгляд прямой, ох, давно я не видел таких чудесных глаз цвета морской волны и серого осеннего неба.

Левое плечо закрыто тяжёлым стальным наплечником, широкий ремень пересекает грудь и держит у правого бедра, под левую руку, тяжёлый прямой меч.

Эльфка!

— Отстал я от жизни, — бормочу я себе под нос.

— Я знал, что вы друг другу понравитесь, — ухмыляется Боров за моей спиной.

— Офицер Стерлинг, знакомьтесь, это Джек Стоун. Вам предстоит работать вместе.

— Очень приятно, офицер Стерлинг! — вежливо говорю я. От изумления я, кажется, даже стал политкорректно выражаться.

Океан и небо глаз офицера Стерлинг смотрят на Борова.

— Хорошо, — загадочно-задумчиво говорит эльфка.

Я рассеянно киваю шефу головой и в прострации выхожу из «фонаря». Офицер Стерлинг печатая шаг выходит за мной.

3

Мёртвые не кусаются, говаривал Билли Бонс. Я доверял опыту бывалого головореза, но в моргах чувствовал себя неуютно. К сожалению, на моей работе этот вопрос определяется не собственными желаниями, а производственной необходимостью.

Возможно, именно поэтому я выглядел малость позеленевшим, являя разительный контраст нашему живодёру Уильяму Торндайку и нежному эльфийскому созданьицу.

Хотя… если Айви носила свою овощерезку не для антуража, то удивляться её спокойствию не приходилось. Мне доводилось видеть пару жертв по настоящему серьёзной поножовщины, и иллюзии относительно того, что меч — благородное оружие у меня рассеялись очень давно. В зрелище вылезающих из живота кишок нет ничего возвышенного. Работа мечом мало отличается от разделки туш на бойне, и я имел все основания подозревать, что моей напарнице доводилось проводить вскрытие без наркоза и операционных.

Под пару ей выглядел и наш судмедэксперт. Глядя на Дока Торндайка вы бы никогда не догадались, что он пользует пациентов, уже не нуждающихся в какой-бы то ни было врачебной помощи. Высокий, седовласый, в круглых металлических очках — Торндайк одним своим видом гарантировал, что ваша жизнь в его руках будет в полной безопасности.

Поддаваться этой иллюзии не следовало — док имел вредную привычку слишком сильно давить на скальпель, и я был готов держать пари, что в анатомичку он попал после того, как на операционном столе остались слишком уж глубокие борозды. Наверняка, к тому же, ещё и неровные — Торндайку было крепко за восемьдесят, хотя гормон-терапия и генетическая оптимизация скрадывали добрых лет двадцать.

Сам «призрак» выглядел прямо-таки до тошноты материальным. К счастью, док ещё не начал пластать его вдоль и поперёк, иначе бы мне точно пришлось прогуляться — вымыть носки ботинок. Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть.

— Итак, док, с чего вы взяли, что этот клиент проходит по моему ведомству?

Торндайк пожал плечами. Строго говоря, мой вопрос был не по адресу, зачисление трупа в разряд «призраков» — дело для нескольких инстанций, но док не обиделся.

— Я взял его «пальчики», отпечатки ступней, сканировал сетчатку глаза и загнал в компьютер, ну а машина выкинула «солнышки». Тест на ДНК сейчас крутят в Центральной

лаборатории, но не факт, что на него составлена генетическая карта.

— То есть он — мод?

— Вот именно. Поэтому версию с нелегальным иммигрантом я бы в расчёт не принимал. Маловероятно, что бы он был гражданином Коста-Рики.

— Значит генная карта у него есть.

— Наверняка. Только вряд ли она находится в открытом доступе.

Я вопросительно посмотрел на дока. Уловив мой вопросительный взгляд он хмыкнул.

— Видишь ли, Джек, наш мёртвый друг располагает множеством особенностей, и его смерть — отнюдь не главная в этом ряду.

— Ладно, Док, давайте сюда свои загадки. В конце-концов, начальство делает вид, что платит мне именно за их решение.

— Изволь — я начну по порядку. Это белый европеоид, примерно двадцати пяти лет по общему состоянию организма. Не исключено, что он гораздо старше — всё-таки мод. Хорошо тренирован. Выходец сверху, причём родители явно были богаты, по крайней мере лет сорок назад — никаких следов недостаточного питания или поражения «Шивой».

Я размеренно кивал головой. Манеры патологоанатома напоминали манеры институтского профессора — поначалу док сообщал вещи самоочевидные, и лишь потом полагал нужным переходить к самым интересным фактам.

— Вот он, Шерлок Холмс двадцать первого столетия, — прервала идиллию доселе молчавшая эльфка, — Он замуровал свой талант в морге полицейского управления.

Торндайк задумчиво осмотрел эльфку, пришёл к каким-то глубоко личным выводам и решил игнорировать.

— Невооружённым глазом заметно, что он был генетически оптимизирован, — несколько надменно продолжал он свою лекцию. — Об этом говорит даже состояние тела при поверхностном осмотре. Есть по крайней мере два регенерирующих зуба. Гуморальный обмен отрегулирован, что свидетельствует о продуманной стратегии старения. Полагаю, излишне напоминать, что услуги специалистов по гериатрии стоят денег.

— Излишне, — подтвердил я, демонстративно посмотрев на часы. — Что ещё?

— О, сущие пустячки. Упрочнённый скелет — кости толще и прочнее, чем у обычного homo. Изменена геометрия мышц — я такого никогда не видел… у людей, я имею в виду, возможно,

что-то подсказал бы грамотный биолог. Очень странное сечение волокон. Два десятка приращенных желёз внутренней секреции — хрен его знает, какие гормоны они производят. Но адреналиновый стресс для этого парня — нормальное состояние. Ткани тела армированы органическим волокном. Кожные покровы имеют большое содержание керопластов — клянусь, я затупил два скальпеля! Сердце и желудок атипичной формы. Специально я этого не выяснял, но не исключаю, что этот парень потенциально мог бы жрать опилки без вреда для себя. Итак, господа, перед нами…

— Долбаный военлорд, — буркнул я. — А по виду — от человека не отличишь.

— Таков вердикт, — кивнул Торндайк. — Конечно, мне было бы любопытно поискать вшитую биоэлектронику и изучить строение органов нашего приятеля более приватно. Это могло бы дать зацепку. Но я этого не сделаю.

— И почему же? — поинтересовалась эльфка.

— Не хочу сидеть за разглашение государственной тайны. Генная архитектура этого тела обошлась по цене в два истребителя-«невидимки». Вряд ли дядя Сэм захочет упустить эти технологии из своих цепких пальцев.

— Странно, что он до сих пор не заинтересовался своей собственностью.

Вместо ответа Торндайк вытащил из под стола никелированную миску, накрытую тяжелой крышкой. Я ожидал увидеть там парочку внутренних органов, но это оказался всего лишь небольшой прямоугольник размером не больше ногтя большого пальца. Потребовалось известное напряжение зрения для того, чтобы разглядеть его на дне посудины.

— Кремнийорганическая плёнка, — пояснил док, — Была вживлена ему за уши. Я отошлю этот обрывок к электронщикам, но пару раз я встречался с такими штуковинами. Применений у таких микрочипов много, но в одном я уверен — те, кому положено, знают, где находится их подопечный.

— Странно, почему эти ребята не явились сюда сразу. — удивился я.

— Не исключено, что эта игрушка издохла. Или подрядчик, который строил это здании не экономил на бетоне. — Торндайк пренебрежительно пошевелил пальцами, показывая, что он не механик, и продолжил тоном лектора. — Я просветил кожу ультрафиолетовым прожектором, но нигде не обнаружил опознавательной метки.

Я потёр свой собственный штрих-код, вытатуированный на запястье по старинке — лазером. Войска международных сил

самообороны о красоте кожных покровов не думали; лазер был военной системы «с заботой о ближнем», так что полоски «клейма» по сию пору жутко чесались.

— Наверняка «клеймо» ему поставили как-то иначе. К примеру, у нас код гравируют на стальном жетоне. — вмешалась эльфка.

— У вас — это у кого? — то ли док был слеп, и не видел, с кем разговаривает, то ли выпал из информационной вселенной лет тридцать назад. Я его не осуждал. Сам я утратил сцепление с реальностью всего полгода назад… только для того, чтобы выяснить, что я его никогда не имел. Но уже оценил всю прелесть такого существования — этот шарик как-то выживал четыре миллиарда лет, и я сомневаюсь, чтобы человечеству удалось отправить планету в небытие ещё такой же промежуток времени. В любом случае мы знаем лишь то, что хотят довести до нашего сведения… а я и этого знать не желаю.

— У эльфов, — обрезала разговор Айви. — Так что вы нашли?

— Джек, Джек, — укоризненно сказал Торндайк, — Ты, гляжу, совсем перестал воспитывать молодое поколение. Куда оно так спешит?

Он неодобрительно покачал головой.

— На подошве есть метка радиоактивными чернилами — логотип «материнской» корпорации…

— Правительство САСШ, держу пари, — вставил я

— …и номер 124IIsh, — спокойно закончил Док.

— Это не личный код, — сказала эльфка, — Код субрасы.

— Повыращивали суперменов на свою голову, — буркнул я себе под нос. — Обычному человеку деться некуда. Надо хотя бы выяснить — какая именно линия. Этих военных проектов ведь до чёрта было — «Суперхомо», «Генетик уорриорс», «Warlord»…

Хотя что-то мне подсказывало, что проблема опознания тела — не самая важная. Боров наверняка уже знал, кто распростился с жизнью… но я продолжил выполнять параграфы инструкции. Что поделать — зануда.

— В министерство обороны запрос отправлен? Тело-то их собственность….

— Сразу же, как только обнаружил логотип. Но они пока отмалчиваются.

— Может, оно и к лучшему. А то пришлют своих ребят конфисковать тело — для сокрытия военной тайны от конкурентов.

— Уж скорее явится кто-нибудь из жандармерии, — возразил док, — Проект-то явно военный.

Я рассеянно кивнул, «элитары» — это у нас запросто, и

бросил Айви электронный блокнот. Та покосилась на меня неодобрительно — явно оценив мои деликатные манеры соответствующим образом, но от комментариев воздержалась.

— Скопируй все файлы о том, что нарыл док, и сразу распечатай.

— Это ещё один бзик Стоуна, — пояснил Торндайк. — Верит только тому, что можно пощупать руками.

— Ещё один? — недоумённо приподняла бровь эльфка.

— Судя по всему, ваша совместная каторга только началась, — улыбнулся док, но в моём присутствии от дальнейших комментариев воздержался. Я тоже возражать не стал. Что делать — в распечатку труднее внести изменения, чем в электронный файл.

— Док, не стоит распространяться о моих недостатках. Я сохранил бы иллюзию частной жизни. Лучше расскажи, как он был убит.

Уточнять, кто — «он» необходимости не было. Тело «призрака», до груди закрытое пластиковой непромокаемой простынёй, по-прежнему никуда не исчезло.

К сожалению.

Да. Я ждал этого. Шутка была как раз в стиле дока Торндайка — он одним движением сорвал простыню, заставив меня быстро зажмуриться.

Что ж, на титул мистера «Стальные нервы» я никогда и не претендовал.

— Меч? — вот теперь Айви по настоящему удивилась. — Его убили мечом?

Торндайк оценил клинок, уцепленный девушкой на пояс, и проникся мудрым стратегическим замыслом Стоуна. Я тоже им проникся — шеф никогда не нагружал меня напарниками без необходимости. Личные желания некоего Стоуна в расчёт тут, естественно, не принимались. Дело было в другом: нарытая мной информация редко шла в официальное делопроизводство, используясь Боровом в подковёрных разборках.

— Не знаю, уместно ли здесь слово «зарубили», — сообщил доктор, — Строго говоря, убитого закололи мечом. Для этого нужна недюжинная сила…

— Потому что остриё меча обычно не заточено, а то и вовсе отсутствует. — продолжила Айви. — Хотя я и не уверена, что это меч. Разве что нечто вроде двуручника с клыками возле рикассо… и засадили его до гарды.

Я наконец смог заставить себя посмотреть на рану. Очевидно, что в живот убитого воткнули нечто вроде ежа, после чего несколько раз повернули. Причём ёж этот вполне мог бы

состязаться в сумо — если, конечно, у ежей существует этот вид единоборства.

Проще говоря, это был довольно-таки большой ёж.

— «Волчья метла»? «Поулэкс»? «Помело на древке»? — задумчиво предполагала эльфка, обнаруживая познания, от которых по коже бежал лёгкий морозец.

Я присмотрелся к ране, и решил блеснуть собственными познаниями.

— Может, обычный обрез? Следов пороха, я так понимаю, нет, но сейчас есть игрушки на сжатом газе. Метров с пяти — чертовски опасное оружие.

— Не думаю, — Торндайк посмотрел на меня с возмущением. — Ты, никак, полагаешь, что я ослеп настолько, что не нашёл бы дроби?

Я хотел было пояснить, что цепной заряд потом можно подтянуть обратно, но воздержался от банальностей. В оружие док разбирался никак не хуже меня, так что…

— Конечно, цепной заряд нестандартной формы… — задумался Торндайк, аккомпанируя моим мыслям. — Возможно, Джек. Я попробую спроектировать форму орудия убийства на компьютере, исходя из анализа повреждений.

— Ещё что-нибудь? — осведомился я.

Доктор широко обвёл рукой прозекторскую.

— Стоун, ко мне в день поступает десять трупов — и все с грифом «для особо важных отделов». Я тебе кто, волшебник?

— Да? Извините, ваше МАГущество, не признал, — пробормотал я, испытывая сильное желание пробежаться до туалета. Блевать на людях неприлично, как меня учили в школе.

— На этом всё, — прервал аудиенцию наш местечковый Аид, — Придётся подождать результатов генетического анализа. Кремний я сейчас отправлю нашим электронщикам, глядишь, смогут что-нибудь рассказать поподробней.

Доктору явно хотелось присовокупить к этому пожелание заглядывать почаще, но, посмотрев на моё лицо, он воздержался. И правильно — в эти минуты мне совершенно не хотелось быть вежливым.

Впрочем, моему желанию быстро покинуть Чертоги Смерти не удалось сбыться. Едва я сделал шаг по направлению к двери, в неё шустро ворвалось несколько человек.

— А вот и жандармерия, — буркнул за моей спиной Торндайк.

Угольно-чёрные мундиры с едва заметной синевой, серебро «крестов и черепов» на фоне каёмки геральдического щита —

долбанное Управление по делам бывших военнослужащих, силы порядка военлордов собственной персоной.

Собственно, это — «как бы» военная контрразведка. Но спутать эти два ведомства легко. Всех отличий — та самая синева и контур щита вокруг оскаленного черепа. Официально жандармерия — это просто военная полиция по делам генемодов в отставке. Причина чертовски проста и логична — даже за списанным танком вы будете приглядывать, а генетические изменения тела — это не пушка, которую из танка можно вырезать. Ну а поскольку поголовье военно-учётных генемодов — миллионов десять, то, сами понимаете, это довольно заметный круг лиц. К тому же — полноценных избирателей. Всё как две тысячи лет назад в местечке под названием Спарта. Кто воюет — тот и голосует по вопросам внешней политики.

На деле, конечно, они ещё и полиция политическая — раз уж контролируешь жизнь и быт отставных военных, то так соблазнительно проконтролировать и их политические взгляды… Поэтому многие генемоды на военной службе в отставку так и не выходят — под мундиром и то дышать свободней, чем на такой «гражданке».

— Полковник Джейкоб Ван Даглер, — откозырял от двери натянутый как струна «упырь» викинговатой внешности, чётко маршируя в нашу сторону. Движения блондинистой зверюги были настолько отточены, что полковник, казалось, намерен пройти прямо сквозь доктора Торндайка, находящуюся за ним стену и лишь потом соизволить развернуться. Но нет — замер в паре футов от каталки, посмотрел в лицо «призрака», потом перевёл взгляд на дока. Я так и слышал, как у него под черепом работает — щёлк! щёлк! — режим опознания.

На эльфке его взгляд остановился чуть дольше — и, хотя мне могло и показаться, на Айви он посмотрел весьма неодобрительно. То ли не любил эльфов, числя их по тому же ведомству, что и хиппи, то ли, так же как и я сложил два и два: рану от холодного оружия и человека, это оружие носившего.

Потом два пронзительно-синих глаза уперлись взглядом в мою персону. Я тут же предусмотрительно отвёл глаза, скрестил руки и ноги, приняв вид школьницы, получившей непристойное предложение от одноклассника — не надо пробовать на мне свои нейролингвистические штучки, господин военлорд! — и уделил толику внимания четвёрке прочих «упырей», которые профессионально разбрелись по моргу, разобрав сектора обстрела.

Тёртые ребята — судя по быстрым и точным движениям «разогнанной» генетическими изменениями мускулатуры и сущие

дети — если ориентироваться на мальчишеские лица. Но я не обманывался насчёт возраста — что-что, а уж вечную молодость военлордам предоставляют задаром.

Ни один из них не переживает тридцатилетнего рубежа — генетическая оптимизация в военных целях изматывает организм не хуже каменоломен. Да и с точки зрения безопасности выгоднее — военлорды, в отличие от более ранних модификаций, вроде того же «суперхомо», что сейчас лежал на столе, помирали уже через пару лет после демобилизации. Полковник, судя по внешности, был уже недалёк от того порога, за которым его ждало путешествие в небытие — выбеленные боевой химией волосы, сапфировой синевы глаза, наполненные тоской всемогущего, но короткоживущего существа…

И целый полковник, кстати. А в жандармерии их немного — вообще-то, насколько мне было известно, только один по штату и положен…

— Управление по делам бывших военнослужащих, — сказал Ван Даглер. — Кто из вас доктор Торндайк?

— Будто вы сами не знаете, — буркнул патологоанатом, повернувшись к древнему ноутбуку, — За телом?

— Да, — полковник посмотрел на эльфку, — Детектив-стажёр лейтенант Стерлинг? Я полагаю, вы понимаете, что расследование дела вам поручили лишь для протокола?

— Вовсе нет, — отозвалась Айви. Я так и слышал звон сосулек в воздухе. Похоже, стоило вмешаться, иначе я буду наблюдать редкое зрелище, впервые на арене — поединок эльфки и военлорда. Причём безопасность зрителям отнюдь не гарантируется.

— Молодой человек, может быть, вы сообщите по крайней мере, чьё убийство мы не станем расследовать? — спросил я.

— Это не ваше дело, — разговаривал Ван Даглер так же, как и маршировал. — Убийство бывшего военнослужащего, совершённое даже и на гражданской территории, остается прерогативой военных следственных органов.

— Тем не менее официального распоряжения о передаче дела в ваше ведение не поступило, — я тоже умел блеснуть канцеляризмом.

— Оно последует. К тому же, не стоит со мной бодаться. Вам неизвестны все обстоятельства дела… — полковник внимательно окинул меня взглядом — ага, не числюсь я в твоих базах? — и всё-таки добавил. — Офицер.

— Ну почему же, — я встретился-таки глазами с «элитаром» и вздрогнул. — Что тут расследовать: мутантный грипп, и вся недолга. В последнее время он валит людей с ног как дихлофос

во времена моей молодости — мух.

Произнеся последние слова я вдруг почувствовал себя балериной на сцене. В кои-то веки я стал душой компании!

— Томас Кларк, — убитый вдруг обрёл имя. А я, похоже, только что подписал себе приговор. Меня спасало только одно — Ван Даглер ещё не ознакомился с досье на мою персону, и не мог меня одёрнуть, сославшись на мою полную непричастность к делу. В жизни «призрака» были свои преимущества.

Правда, для меня они, к сожалению, не окупали недостатков.

— Не советую вам об этом болтать, — наконец сказал полковник, в очередной раз пересчитав мои позвонки при помощи встроенного у него в глаза рентгеновского лазера. — Какое-то время.

Док Торндайк, проконсультировавшись с базой данных Управления, посмотрел на меня и развёл руками.

— Ордер них есть. Компьютер уверяет, что это, — патологоанатом указал на тело, — рядовой Джо Тэлбот, отставной военнослужащий.

Я только плечами пожал. Будь Ван Даглер поопытней в гражданских делах, он бы не признался. С другой стороны, очевидно, что даже моё непосредственное начальство в курсе того, кого именно из Больших Людей отправили на тот свет до срока. Так что официальное извещение о смерти — вопрос лишь времени и политических игр. Да и не делают люди из жандармерии таких глупостей — разве что полковника оптимизировали на скорость реакции, а не мышления. Но тогда зачем ему браться за расследование этого дела? Или это оперативные игры? Впрочем, мой босс тоже встрепенулся… Я знаю, что ты знаешь, что я знаю о том, что ты знаешь…

Я тряхнул головой. Есть вещи, о которых лучше вообще не думать до поры. Извилины целее будут.

Пока я барахтался в недрах диалектического мышления, два «элитара» укрыли тело Кларка-Тэлбота-не-исключено-что-кого-то-третьего простынёй и выкатили каталку из морга.

Ван Даглер посмотрел на эльфку тяжёлым взглядом, не обещавшим ничего хорошего. Интересно, чего они там не поделили? Или он девушке поединок сердец проиграл? Затем полковник вместе с парой оставшихся жандармов убрался из морга.

— Ну-с, молодые люди? — разорвал тишину голос Торндайка — И что же это мы с вами наблюдали?

— Прекратите дискриминацию по возрастному признаку, — проворчал я. — Кто-то кого-то убил. И всего-то делов. «Элитары» решат все наши проблемы. Не о чем беспокоиться — в кои-то веки

можно побездельничать за государственный кошт. Офицер Стерлинг, вы распечатали отчёт доктора Торндайка?

— Да.

— Ну тогда идёмте, прогуляемся. А вам, док, рекомендую понаблюдать за своим отчётом в сетях полиции. Подозреваю, что он будет меняться прямо на глазах.

4

Идти недалеко.

Бар с милым названием «АйвэнOff» расположен прямо напротив родного Управления.

Это место любят все копы. Главным образом за возможность без помех выпить за глухой стальной дверью двойную дозу виски и зараз выкурить пачку сигарет, не опасаясь архангелов из Службы охраны здоровья. Владелец бара исповедует нехитрую философию правоверного республиканца, оставляющую за человеком право катиться в ад тем путём, который ему больше нравиться.

Я усаживаю офицера Стерлинг за стол и ещё разглядываю девушку повнимательнее. Волосы. Глаза. Наплечник. Меч.

Да ей же лет двадцать всего! Офицер?!

— Давно из стажёров вышли? — спрашиваю я, презрев всякую политкорректность. Если девушке не понравится моя манера общаться (а она ей не понравится, что я, себя не знаю, что ли?), пусть отчаливает сейчас.

Шефу всё равно деваться некуда — Стоун ему нужен, очевидно, позарез. Чёрта с два он бы меня вызвал иначе. Как знать, может я гораздо ближе к жетону и пистолету, чем полагаю? Н-да… или расследованию обстоятельств гибели шестерых человек в одном магазинчике дамского белья. Неожиданно я задумываюсь о том, что для Борова единственный способ избежать скользких вопросов относительно моей персоны — это переместить меня на следующий план существования. Мысль явно требует тщательного обдумывания на досуге.

— Я произведена в детективы три дня назад, — Стерлинг откидывает чёлку в сторону. — Я ещё очень молода.

Всё это, конечно, было чистейшей политикой — как и обученный имбецил у входа. Субраса эльфов, любимейшая игрушка Правительства, прочно удерживала первенство среди гражданских модификаций. Ещё бы, первая модификация с отключенным геном старения. И военлорды как первое поколение генетически изменённых, относилось к «детишкам» куда как ревниво. У них то всех преимуществ — способность не спать лет по десять — «Используй все двадцать четыре часа в сутки!», да верховная политическая власть. Но если слухи относительно «бессмертия» эльфов — не брехня (а сами эльфы распространение таких слухов по понятным причинам не поощряют), то скоро военлордам придётся потесниться.

А может, и раньше. Голосование в Конгрессе не зря затеяли…

Молчание затягивается, и я, наконец, беру быка за рога.

— Ну, в таком случае давайте знакомиться. Меня зовут Стоун, Джек Стоун, можете называть меня и так и эдак, — мои… опекуны, наградившие меня столь экзотическим именем, вовсе не были фанатичными почитателями (или полистателями?) комиксов; просто считали, что мне с ним будет легче натурализоваться. Расчёт, впрочем, не оправдался. Если ты иммигрант с «бледно-зелёной» картой, то никому нет дела до того, какое ты имя носишь.

— Полагаю, вас уже предупредили о моей персоне? Вы не выглядели слишком удивлённой там, у шефа.

Стерлинг чуть улыбается.

— Вас называют Бладстоун. — говорит она — Тяжко сходитесь с людьми, возможно потому, что их боитесь. Полгода назад вас отстранили, с тех пор ситуация осталась без изменений. Я ваш жетон и пистолет.

Я скриплю зубами. Так вот зачем Боров, свинья этакая, мудрил с селектором. Стерлинг всё слышала.

Понять бы ещё, зачем всё это понадобилось шефу. Впрочем — плевать.

Хотя девочка, к счастью, не самолюбива и не рвётся доказывать мне, какая она крутая.

Это пугает.

Я не люблю людей, чьё поведение не укладывается в стандарты.

Жаль только, что таких гораздо больше, чем ходячих стереотипов, вроде меня.

— Ещё! — требую я.

— Вы стреляете быстрее чем разговариваете, — Стерлинг смотрит на меня, вновь улыбается.

Улыбка — ослепительно мила.

Я ж сейчас на стенку полезу!

— А что можете сказать обо мне вы?

Я озираюсь по сторонам, проверяя сколько меня тут сидит. Выходит, что один. Похоже, пора завязывать с китайскими церемониями.

— Я рад, что тебя зовут не Альтариндиэль.

— Звучит красиво, — опять следует улыбка.

— Выговорить сложно, — бурчу я, — На «ты»?

— Разумеется.

Н-да. Люблю в девушках здравомыслие. И пристрастие к длинномерному рубящее-режущему вооружению тоже начинаю уважать.

— Можно взглянуть? — я с интересом посмотрел на меч.

Ни слова не говоря Айви одним движением обнажает меч и кладёт голубоватую полосу стали на стол передо мной. Я с облегчением выдыхаю застоявшийся в лёгких воздух — на какую-то секунду мне показалось, что увесистое лезвие вот-вот лишит меня такой несущественной для жизни части тела, как голова.

В последнее время холодное оружие становится всё более популярным. Не знаю в чём тут дело — я-то вырос с пистолетом в руке. Впрочем, человеческая психология допускает и не такие выверты — достаточно только вспомнить бум восточных единоборств в прошлом веке. Да и практического смысла это не лишено. Антикварные стволы доставать всё сложнее, современные же полуинтеллектуальные «огнестрельные системы безопасности», хоть и безотказны при всей своей сложности (а ещё бы им не быть сложными — при наличии собственного микропроцессора!), однако имеют один фатальный недостаток — не работают в обезоруженных зонах, коими покрыт весь Кэп-сити. Да и полицейские коды на отключение боеспособности гражданского оружия подозрительно широко распространены вне полицейского сообщества.

Ну и, конечно, сначала это поветрие распространилась в среде генемодов — хотя учитывая, какие названия дают модификациям наигравшиеся в компьютерные игрушки генные инженеры — тут уж сам Мендель велел.

Я приподнимаю меч и обращаю внимание на тонкие пальцы эльфки. Меч — тяжёлая зараза, весит он никак не менее четырёх фунтов.

— Пользоваться-то им умеешь?

— За мной двадцать поединков, — Айви сказала это очень спокойно и я понял, что допустил какую-то бестактность. В принципе верно — для бутафорского меч тяжеловат. Впрочем, ну их к Толкину, этих эльфов!

— Будешь что-нибудь? — мотнул я головой в сторону барной стойки. Меч, вновь описав угрожающую моей шее дугу, вернулся в ножны.

— Какой-нибудь сок.

Не доверяя своим ораторским способностям я ещё раз киваю головой и направляюсь к бару, усмехаясь про себя. Шеф, наверняка, был доволен, организовав нашу парочку: отстранённый смертник и действующий псих, причём оба притворяются копами.

Цирк, да и только.

Если уж говорить о цирке, то бармен Энди Спай в нашей клоунаде смотрелся бы очень уместно. Особенно когда начинал

травить байки про сверхсекретные русские спецслужбы, круче чем пресловутое КГБ.

Его послушать, так и Третью мировую русские продули исключительно из соображений секретности. Странно только, как это Спай в живых остался? Не иначе как лично хвосты и подчищал, душегубец.

Телесистема бара — здоровенное, два на два ярда окно в мир, захлёбывалось от стремления дикторши передать свой ужас от новостей. Глаза по серебряному доллару её несколько портили, хотя в остальном виртуальная генерация была очень даже ничего себе — Энди, наплевав на потенциальное обвинение о харрасменте, смотрел частный канал, где в качестве дикторш выступали обнажённые красотки. И красавцы — в связи с победившей во всём мире политкорректностью.

— «Новое человечество» в очередной раз подтвердило свой курс на защиту специфических интересов генетически изменённых лиц, состоящих на действительной военной службе или уволенных в запас, — сообщила дикторша взахлёб, — Как известно, после трагической гибели лидера движения Томаса Кларка политические комментаторы предполагали, что ситуация в Конгрессе может измениться. Но, как заявил «Новостям САСШ» полковник Ван Даглер, шеф военной жандармерии, «Новое человечество» продолжит отстаивать преимущество военнослужащих при голосовании по вопросам внешней политики. «Очевидно», — продолжил он, что «наше движение понесло значительный урон, однако бой продолжается» — таковы были его слова. Предстоящее в Конгрессе голосование по отмене Апрельской поправки, по словам полковника, не оставляет сомнений в своём исходе. Вместе с тем, полковник Ван Даглер отметил, что «Новому человечеству» действительно пора уделять внимание вопросам внутренней жизни САСШ… Пожалуй, к этим словам следует отнестись со всем вниманием — шеф военной жандармерии, несомненно, наиболее вероятный кандидат для того, чтобы возглавить движение…

— Стоун, ты никак заинтересовался политикой? — Энди с интересом взглянул на меня.

— Ага, — я сунул кредитку в прорезь на стойке и бармен поморщился. Виртуальные деньги — удобная штука, но дюже облагаемая налогами. Впрочем, реалов Спай от меня не дождётся — наличными мою зарплату мне уже давно не выдавали, так что моей кармой ни один фининспектор не заинтересуется. Разве что досье о моём моральном облике будет составлять — электронный шлейф моих трат гуще всего в барах и заведениях, показывающих стриптиз. А свободно конвертируемые юани мне ещё пригодятся.

— Заинтересовался. До печёнок.

— Удивительно, — меланхолично заметил Энди.

— Полагаю, на улицах скоро начнут ездить танки и введут комендантский час. Несомненно, к торжеству демократии и в посрамление международному терроризму.

Спай тему не поддержал. Сказывалась закалка тоталитарной России. Что там ему комендантский час и танки — в его родной стране лет тридцать назад это было обычным делом, наверняка защищались от медведей, которые гуляли по Красной площади. А сейчас там всем всё pofig. Буркнул только.

— Расслабься, Джек. Тебя это точно не затронет. Опять военлорды конфликтуют с оппозицией.

— Фундаменталистами, что ли? — это была единственная известная мне политическая группировка, имевшая в парламенте целых два с половиной депутата. Половина — потому что военлорд Кэтлберри постоянно колебался, поддерживать ли ему однополчан, или бороться за права обычных граждан. Несмотря на столь «значимую» поддержку, фундамы были заметной силой — если учесть отряды сельского ополчения, периодически наведывающиеся в город с антикварными дробовиками. В бытность свою патрульным я таких навидался. Хлебом не корми, дай сжечь «богопротивного мутанта» на импровизированном костерке.

— Ты отстал от жизни, Джек. Лет на двадцать. Сейчас главная нелегальная оппозиция — это экоактивисты и «Ионный шторм». А с представителем легальной оппозиции ты сюда пришёл, — в собственные политические пристрастия бармен вдаваться не стал. — Что будешь пить?

— Апельсиновый сок и красное вино. Подавать лучше в пивных кружках.

— Потом напьёшься, — безошибочно определяет Энди, — Тебе сегодня ещё пригодится незамутнённое сознание.

Я пожимаю плечами. Не больно-то и хотелось.

— Как тебе моя новая напарница?

— Все были хиппи, но хиппи старше сорока — это извращение, — бормочет Спай загадочную фразу. — Тебя же вроде выперли?

— Приняли обратно. За примерное поведение. — пожимаю плечами я. Я смотрю в сторону эльфки. — Ты эту даму уже где-то видел?

— Только по телевизору… — Энди с интересом смотрит на меня. — Ты же не хочешь сказать…

Я самодовольно киваю.

— Эльф — полицейский, — Спай ошеломлён, — Не знаю…

Небеса перевернулись. Но под ножик этого нежного созданьица попадать не советую. В поединках я её видел, разнесёт в клочья.

— В поединках? — я глубоко задумался. — Ты хочешь сказать, на подпольном тотализаторе?

— Даже эльфам нужно на жизнь зарабатывать. — бармен принимается полировать стойку. — Если помнишь, анклав Серых Заводей экстерриториален. Но пара ушлых ребят организовала телетрансляции. Так что всё вполне легально. Каждый уикэнд тут такая толпа собирается!..

У меня складывается ощущение, что Спай хочет спросить у меня что-то ещё, но он поворачивается к телесистеме и делает вид, что потерял интерес к разговору. Я беру в руки сок и вино и вновь подсаживаюсь к девушке.

Что ж, мечом пользоваться умеет — хоть и неясно, какой в нём прок. Рекомендации Энди я верю несколько больше, чем эльфийским славословиям в собственную честь.

А пока следовало бы провести воспитательную беседу. Выяснить, так сказать, на одной ли мы волне думаем. Глядишь, девушка сможет вылечить старика от его паранойи.

— Да, стажёр, мы с тобой, что называется, влипли.

Айви задумчиво крутит в руках бокал с апельсиновым соком.

— Почему же? — эльфку мои слова не удивляют, она спрашивает исключительно для поддержания разговора. — Из-за военлордов?

— Угу, — говорю я задумчиво, крутя заданную мне боссом головоломку среди извилин. — Из-за них тоже. Полагаю, этот Ван Даглер ещё попьёт из нас кровушки. Хуже то, что я не разбираюсь в нынешней политике. Это же комедия — поручить политическое расследование дилетанту.

— Или мудрость, — возражает Айви, — Будем искать убийцу, а не путаться с выяснением мотивов. Не забывай… Джек, мотивы сейчас ищут все остальные. И, думаю, не найдут.

— Я так не работаю, — угрюмо говорю я, — Мне нужна причина убийства. Иначе совершенно непонятно, кому задавать вопросы. Кому показывать «Конституцию САСШ» и взывать к гражданской совести, сославшись на авторитет мистера Кольта.

Конечно, я несколько лукавил. «Корни современной политической ситуации» — выражаясь словами учебника мне были хорошо известны, но ведь корням этим — уже как бы не полвека.

Начало всему положила Депрессия Тысячелетия, когда все новые технологии — ну, не то, чтобы вылетели в трубу, но заняли, наконец, присущее им в действительности место. Ибо какая-нибудь программа или плата, созданная специально для

того, чтобы эта программа заработала — вовсе не тот продукт, чтобы его можно было есть, пить или от холода заворачиваться. Вот тогда пролетариат, то бишь страны Технозоны, куда было вынесено мировое промышленное производство и показал зубы.

В официальной историографии это называется Большая Резня, или, чуть более политкорректно — Великий Мятеж. Шутка ли, полторы тысячи терактов за один год. «Мировой терроризм стал решающей силой, определяющей мировые отношения» — это, опять же, говоря словами учебника.

На деле, конечно, этот терроризм только порадовал бы старика Маркса. Если заводы и промышленность находятся в одной части мира, а их собственники в другой, то как вы себе представляете забастовку или, бери выше, революцию на таком предприятии? Разделившись на морлоков и элоев по географическому признаку Запад сам обрёк себя на терроризм…

И оказался к нему готов.

Население Ковчега Свободы и Великой Демократии загнали под бдительное око полицейских систем слежения, подглядывающих за вами даже в туалете, в процессе отправления естественных потребностей. Кто-то заикнулся было о старике Оруэлле, но чрезвычайная ситуация оправдала чрезвычайные меры.

Но, сами понимаете, это был тупик, глухая оборона. А для атаки требовалось что-нибудь повесомее. Тут и подгадали все проекты генной модификации вида homo — все эти «Superhomo», «Аксьон ман», «Warlords» — что в условиях надвигающихся Паназиатских войн оказалось очень даже кстати.

Вдарили генемодами по мозгам человечеству.

Бархат облетел со стальной перчатки как труха.

Решительного перевеса, как это всегда бывает в том случае, если обе стороны используют стратегию непрямых действий, никто не достиг; но некий status quo между «золотым миллиардом» и прочими миллиардами был достигнут. В информационной реальности это записали как очередную победу над очередной империей очередного средоточия очередного мирового зла, а раз так — то победители-военлорды принялись устраивать жизнь сообразно своим — вне всяких сомнений, единственно верным — представлениям о ней.

Военная демократия — будущее человечества.

Передовое.

К сожалению, древняя история даёт мало представлений о том, что происходит в Конгрессе сейчас. И кому — и за каким чёртом — потребовалось пришить Кларка!

Последние слова я, кажется, произнёс вслух.

— Спокойней, Стоун, — сказала эльфка.

— Да, ты права, — согласился я, — В Конгресс нас, один чёрт, не пустят, с нашими то рожами. Но у меня всё равно складывается сильное ощущение, что мы влезаем в серьёзную семейную разборку политиков.

— Не знаю, Джек. Я бы действовала по учебнику — искала не мотивы, их в этом деле слишком много, — а свидетелей, подозреваемых, улики…

— Много нам улик предоставил Торндайк? — усмехнулся я. Меня колотило знакомое напряжение, все мышцы начинали дрожать мелкой дрожью. Откат от «черного вихря» — знакомая штука. — Я предпочитаю строить теории… потом проверять их. Десятая, двадцатая — но очередная теория оправдывается.

— И много ты дел раскрыл, пользуясь такими принципами? — спросила эльфка. Судя по улыбке, она была знакома с моим досье — на уровне доступа шефа. С чего бы такая честь?

— Как ты думаешь, почему я занимаюсь «призраками»? В таких делах настолько мало зацепок, что теория — не самый плохой компас для поисков. Мне обычно везёт. Политика же меня интересует исключительно с позиции самосохранения. Мы идеально подходим для того, чтобы раскрыть это дело.

— Отставной коп…

— Отстранённый! — вступаюсь за свой статус я.

— Хорошо, отстранённый…

— Давить на нас трудно, ресурсов Управления мы не отвлекаем… В таких делах ведь нет ничего таинственного. Просто слишком много больших людей, жаждущих столкнуться лбами друг с другом. Так что раскрыть — раскроем, по учебнику ли, или по моей методе… Правда не уверен, что этому факту обрадуемся.

— Кажется, начинаю понимать.

— Я полгода как отстранён, ты — стажёр. Причём, подозреваю, в офицеры тебя произвели именно ради роли стрелочницы. Стажёр, новичок, да ещё из лиц с нетрадиционным поведением — с тебя спрос ещё меньший, чем с меня.

Я залпом проглотил остатки вина и вновь посмотрел в распахнутый океан глаз эльфки.

— Хуже всего то, что нам предстоит работать в Тени.

— Тень? — вопросительно подняла бровь Айви.

Я отставил бокал.

— Идём! — резко сказал я и зашагал к выходу.

Эльфка помедлила, и двинулась за мной.

Колодец, на дне которого притулилось полицейское

управление сегодня казался мне особенно мелким. Но я хорошо знал, какое впечатление производят нависающие громады небоскрёбов.

Я указал на них рукой.

— Это — Тень, девочка. Там, вверху, наверное ещё светло. Но тут, внизу, никогда не гаснут фонари. Здесь всегда темно, и мы обречены копошиться во мраке. Нам предстоит стучаться в дома больших боссов и драться с охраной частных свит насмерть только для того, чтобы задать пару безобидных вопросов, на которые мы всё равно не получим ответ. А результаты нашей работы нужны тем самым людям, с которыми мы сражаемся.

— Тень могущества, — на лице Айви появилась улыбка. Не ироничная — понимающая. Похоже, мы оба воспринимали мир одинаково. Смертельно серьёзно. Что до меня, меня тошнило от собственной патетичности.

Я прислонился к стене, пережидая накативший вдруг приступ слабости. Рука сама нащупала в кармане пачку леденцов, и я вытащил её из кармана. Потом взглянул на Айви.

Девушка стояла напротив меня, чуть развернувшись правым боком. В глазах таился благожелательный интерес, и я вздохнул.

Ох, девочка. А откуда мне знать, что ты — не подделка? И что старика Стоуна не поставили на это дело только по одной причине — Стоуну всё равно, когда умирать; и уж он-то постарается спеть свою лебединую песню как полагается. А тебя шеф — и кто там за ним, ведь не сам же, в самом деле! — не приставил ко мне лишь затем, чтобы Стоун не нарубил слишком много дров — больше, чем необходимо тому, кто хочет осветить тёмные закоулки, но и сам скрывается в тени собственного могущества.

— Тебе плохо, Джек? — Айви подошла ко мне.

Нет, мне хорошо, пытаюсь сказать я, но мир неожиданно меркнет, теряет краски, уши закладывает ватой и я сползаю вниз по стене.

Пальцы Айви, присевшей на колено рядом — почему-то только сейчас я замечаю, что эльфка не сняла с рук перчаток из тонкой кожи с серебряными накладками, — хороших, чёрт побери, перчаток! — пальцы Айви ложатся на мои виски, а глаза девушки приближаются неимоверно близко.

Почему-то мне кажется, что Айви хочет меня поцеловать.

А потом я тону в серо-зелёном пасмурном океане.

И только крик заблудившейся в тумане чайки слышен вдали.

В жилах вдруг начинает разбег жидкое кипящее пламя, обжигающее холодом, заставляющее меня резко почувствовать реальность отступившего было куда то мира вокруг меня.

Я открываю глаза. Эльфка сидит рядом, в глазах — туман. Редким прохожим, идущим мимо, явно всё равно, и на нас обращает внимание разве что стайка вампиров, но их интерес праздный — рядом с Управлением полиции вампиры охот не начинают.

Эльфка медленно, будто нехотя, убирает пальцы с моих висков. Туман в её глазах отступает, и она улыбается.

Улыбаться, вроде, нечему, но становится полегче.

— Что с тобой, Стоун? — спрашивает Айви из далёка. Я мотаю головой, пытаясь вытряхнуть вату, набившуюся в уши. Похоже, кое-каких пояснений всё же не избежать.

— Демографическая война. САСШ ударили по КНР вирусной стерилизацией, ну а китайцы ответили нейрофагом «Шива». Изящная месть. Шестидесяти процентам китайцев никогда не иметь детей. А прионовый нейрофаг выгрызает мозговые клетки лет за двадцать и передается детям. Достаточно одной молекулы. Одно хорошо — совершенно незаразно, чистая химия.

— Излечимо?

— Не на мои деньги, — я окончательно прихожу в себя.

На душе погано.

5

Кабина монорельса двигалась медленно, судорожными толчками переползая с уровня на уровень. Мозгомойка, спроектированная лазером на потолок вагона, вещала что-то о превентивной акции возмездия против возможного нападения боливийских террористов; но мне что-то не хотелось вникать в политику перераспределения жизненных ресурсов, поэтому я пропустил сообщение мимо ушей.

Тащить стажёра-напарника в Тень я не собирался — но Айви настояла на сопровождении слабосильных членов команды едва ли не до порога дома. Я, признаться, не нашёл сил возражать — капсулы «чёрного вихря» я предусмотрительно уничтожил перед визитом к шефу, так что оставалось надеяться на шаманско-эльфийские штучки. Что, впрочем, самооценки не улучшало.

— Так, значит, ты у нас эксперт по холодному оружию? — обратился я к эльфке, когда взаимное молчание сгустилось до осязаемых — рукой потрогать можно — пределов.

— А ты, верно, и не догадывался? — съехидничала Стерлинг.

— Я же не Шерлок Холмс. Шеф полагает, что в дело замешаны эльфы?

— Эльфы, вампиры, девки-бритвы и прочая компания, профессионально увлечённая тяжёлым холодным вооружением. Следы ведут в Мясорубку.

Я приподнял бровь.

— Могут вести, — поправилась Айви.

— Полагаешь, справилась бы с делом сама? Без балласта в виде двинувшегося крышей отставника-инвалида, верно?

— Пытаешься определить, кто в доме хозяин?

— Да ну что ты, как я могу…

— Не ёрничай, Стоун, тебе не идёт.

— Хорошо, — неожиданно быстро для себя самого согласился я. — И всё же, я не думаю, что Кларк имел отношение к подпольному тотализатору. Как-то это… глупо.

Не балуются политики калибра Томаса Кларка такими зрелищами. Они неустанно думают о нас, грешных. По крайней мере, именно такой образ пытаются создать легендаторы-имиджмейкера-прочие-брехуны-за-немереные-бабки.

— Я же не утверждаю, что он из бойцов, — Айви поняла мои слова по-своему. — Я его там не видела. Но зритель? Почему бы и нет? К тому же, речь идёт просто об убийце.

На этот раз я решил воздержаться от споров. Без фактов ни одна теория не стоит истраченного на её изложение воздуха.

— У тебя кто-нибудь есть на примете с ножом, способным оставить такую дыру?

— Длинноватый список выходит. Здесь дело не в оружии, а в умении с ним обращаться. Вряд ли душегуб настолько глуп, чтобы использовать своё собственное оружие.

— Опыт показывает, что все преступники туповаты. Не способны просчитывать отдалённые последствия своих действий. К тому же, иногда убийства совершаются под запал. В состоянии аффекта.

Айви лишь плечами пожала.

— Я пропустила список через «сито», — она имела в виду электронную программу, анализирующую карму — виртуальные передвижения человека: где он расплачивался кредиткой, где попался на глаза полицейскому регистратору, по каким ячейкам сотовой связи скакал его мобильный телефон и где человек давал уверенную отметку на камеру видеопоста или «божьего ока». — Но, естественно, бесполезно.

Я кивнул — будь так, убийство бы не поручили нашей компании. Группа быстрого реагирования, Патруль, решает такие дела по горячим следам. Но кредитками обмениваются, так же, как и сотовыми телефонами, и редкий человек не разобьёт полицейский регистратор, предоставься ему такая возможность.

По крайней мере, так обстоят дела в Тени, и я подозревал, что участники в таких подпольных боях — выходцы снизу.

Что делало смерть сенатора Кларка ещё более непонятной… если это, конечно, он. Вполне возможно, что убитый — всего лишь двоюродный брат Джейкоба Ван Даглера. А всё прочее — лишь моя склонность к паранойе.

— Я отправила заявку Майре. Но не знаю, когда ведьмы из Информационного центра соизволят ответить.

Я с умным видом кивнул — веры в Майру у меня было ещё меньше, чем в «сито». Хотя машинка в нашей полицейской работе — блеск. Изначально она, разумеется, звалась правильно — Мойры, но никакой коп не будет забивать себе голову древнегреческой мифологией. Так что от претенционзных «Мойр» осталась только компанейская деваха Майра.

Это огромная база данных, которая анализирует информацию, поступающую из всех наблюдательных устройств. То же «сито», только в масштабах всего Кэп-сити. Даже во времена современных процессоров работает он неспешно — поскольку анализирует и сопоставляет данные на всех жителей города. Люди имеют обыкновение встречаться, и «Мойра» вычисляет именно возможности таких встреч. Поскольку списки, выдаваемые этой машиной, могут насчитывать по полторы тысячи

имён (сослуживцы, соседи, случайные встречи), в повседневной работе проку от этой машинки нет. Но, к примеру, ребята из отдела особо тяжких расследований, которым приходится ловить сексуальных маньяков и тому подобный контингент, на вычислитель кармы просто молятся. «Мойра» позволяет раскрывать абсолютно глухие дела.

Но я сомневался, что это сработает в нашем случае. Некоторых людей «Мойра» просто не видит, это заложено в конструкцию. Для него это фантомы, призраки. Томас Кларк к таковым однозначно относился.

— Ты читала рапорт тех ребят, что его обнаружили? — спросил я.

— Разумеется. Ничего особенного.

— Они проверили видеопост?

— Угу, — раздалось в ответ и я вопросительно посмотрел на офицера Стерлинг.

— Стоун, ты никогда не пробовал читать рапорты самостоятельно?

— Конечно нет! Предпочитаю использовать для этого напарников.

— В рапорте всё свалено на внеплановый налёт «гремлинов». Локальная эм-бомбочка на месте преступления и, разумеется, сожжённые мозги видеопоста.

Со своей оговоркой Айви была права — у нас теперь всё спихивают на «гремлинов», террористов, уничтожающих время от времени любые носители информации. Которых никто и никогда не видел, кстати. Локальные же заявления в Сети больше напоминают сочинения школьников на тему «почему я такой злой»… э-э, простите — «склонный к деструктивной активности», разумеется.

Поэтому я промолчал. Всё же, что ни говори, правильно я не доверяю технике.

Есть к тому основания.

На уровне земли мы вышли. Монор, в принципе, ещё уходил вглубь, под почву метров на двести, к инженерным коммуникациям, но ни мне, ни эльфке там делать было нечего; даже учитывая наличие у эльфки полицейского жетона (как известно, гражданскому откроется далеко не каждая автоматическая дверь). Службы технической безопасности имели исключительные полномочия; подозреваю, что даже элитаров бравые «морлоки» из неё ставят в неудобосказуемое положение и дают волю своей извращённой фантазии.

Потому что случись что с линиями, позволяющими городу

жить: дышать, двигать металлическими мускулами электромоторов и насосов, разгонять по трубам-сосудам кровь города — воду, ощущать происходящее электрическими и электронными сетями — за жизнь горожанина нельзя будет дать и ржавого цента.

Когда город вытягивается вдоль всего Побережья на сотни миль, из него даже сбежать некуда.

Внутренний зал станции монора был испещрён граффити. Это было отнюдь не плодом творческих усилий мифических уличных банд, а заранее продуманным на лучших дизайнерских студиях Голливуда эффектом.

Единственным проявлением вандализма (я не исключал, что он тоже был согласован с теми же дизайнерскими конторами) было ведро электрофобной краски, выплеснутое на старый телевизор в бетонном корпусе. Электронно-лучевая трубка пыталась передать на кинескоп осмысленный сигнал, но в итоге получалось лишь непрестанное бурление киноварно-красной жидкости в паре микрометров от экрана. Своего рода, портал в иное измерение — как их рисовали в старой фантастике. Казалось, что из залитого кровью экрана на свет пытается вылезти что-то мерзкое.

— Подожди меня пару минут, — сказала эльфка, и я, вздрогнув, быстро отвёл взгляд от экрана.

Эльфка скрылась в одном из пристенных магазинчиков, превращавших стены станции в сплошную витрину.

Я огляделся.

Как и следовало ожидать, в интерьере станции за последние сутки не произошло никаких изменений. Разве что у дальней стены стояли соплеменники Айви — троица длинноногих остроухих парней в пятнистых коричнево-зелёных куртках, опирающихся на длинные, в человеческий рост, палки.

Парочка рослых орков, нависающих сзади, радостно скалились. Судя по всему, эльфов ожидал большой сюрприз.

Айви подбежала ко мне, держа в руках шляпу.

— Тебе пойдёт! — уверенно сказала она, и я взял серый фетр в руки, нащупав под шляпой рукоять револьвера.

— Что за машинка? — спросил я, чтобы не разглядывать ствол при свидетелях.

— Старьё. Тридцать восьмой калибр, «детектив спешл», 1978 года.

— Антиквариат. — уважительно протянул я.

— Да… Из семейной коллекции, но зарегистрирован как табельный. Так что не убивай из него слишком часто — иначе

мне до конца жизни рапорты писать придётся.

Я с сомнением посмотрел на меч эльфки и подумал, сколько объяснительных потребуется накатать для того, чтобы объяснить использование в качестве оружия табельного меча.

Впрочем, нельзя исключать того, что скоро всем копам и впрямь выдадут по алебарде.

Сращивание оружия с электроникой принесло огромные барыши не только оружейникам, но и множеству фирм, пишущих программное обеспечение.

А также — и это самое главное — позволило контролировать стволы.

Спору нет, интеллектуальное управление сводит отдачу к минимуму, дактил-ключ позволяет стрелять из пистолета только вам, что исключает несчастные случаи. Но система электронного спуска позволяет заблокировать оружие дистанционно — достаточно связаться с пистолетом через сетевик; подать команду на отстрел боеприпасов или отследить перемещение оружия по городу через тот же спутник, который одновременно присматривает за судьбой вашего автомобиля.

А самое главное — почти во всех домоградах для спокойствия служб безопасности установлена аппаратура обезоруженной зоны, и патентованный интеллектуальник просто не будет стрелять. Эта кодировка не распространяется только на полицейское оружие да военные пушки. Умные армейские дядьки от электроники в огнестрельном оружии отказались, но добыть в Кэп-сити армейский ствол нереально, тем более что толку от него без экзоскелета и прицельного шлема на самом деле тоже не очень много — мешает высокая отдача. Полицейское же оружие тоже можно заблокировать особым кодом, и я сильно подозревал, что код этот является секретом Полишинеля.

Так что полицейские предпочитают использовать антикварное оружие, пусть страшно дорогое — но не мнящее о себе слишком много; гражданские же лица обзаводятся колюще-режущим.

Я опустил ствол в карман, прикрыв его шляпой, а затем водрузил головной убор на причитающееся ему место.

— Неплохо, — улыбнулась Айви.

Я промолчал и посмотрел на часы, потом на орков. Пора было двигаться подальше от арены потенциального межрасового инцидента к дому… то есть бару.

Всю жизнь мечтал посмотреть на гоблинов.

Мусор привычно похрустывал под ногами, разгоняя серые тени трупоедов, копошащихся на помойках. С потолка,

вознесённого ввысь, за пределы освещаемой прожекторами зоны, капал конденсат, заменяющий в тёмном мире дождь.

Чрево Муравейника.

Айви не задавала вопросов, и я мысленно её одобрил. Внизу звук человеческих голосов для определённой породы людей играет роль приманки.

Дорога, вымощенная мусором, вела меня в «Орчатник» и я уже отключился от внешнего мира. Голова звенела, как колокол, но эльфка неожиданно сильно схватила меня за плечо, заставив остановиться.

Я вопросительно посмотрел на неё и Айви, чуть прикрыв глаза, быстро сказала.

— Нас окружают. Человек семь.

— Живо отсюда! — шёпотом рявкнул я. Из готового захлопнуться капкана нужно было бежать, да поживее — ведь, может статься, насторожен он был на кого-то ещё.

Но моё и без того очень своеобразное везение на сегодня вышло всё, без остатка.

«Вампиры» атаковали уже в тот миг, когда я начал произносить слово «отсюда».

Первый атаковал сверху — с помощью древнего как мир технологического устройства, во дворах моей молодости именуемого «тарзанкой». Кусок кабеля, укреплённый на одной из прожекторных опор с поперечной арматуриной рукоятки.

Впрочем, нападение «вампир-тарзана» при всей своей оригинальности свершилось вовсе не так, как предполагал задумавший его стратег.

Айви шагнула назад и толкнула меня в спину, заставив меня сделать один лишний шаг. В переводе на человеческий это означало что я споткнулся и упал. И потому налётчик (в буквальном смысле этого слова) протаранил пустоту.

И даже более того. Краем глаза — а больше собственной спиной — я увидел и почувствовал, как эльфка крутнулась, выхватывая меч и использовала мою спину в качестве трамплина, перерубив «тарзанку» чуть повыше рук «вампира».

С высоты пары метров тот рухнул на утоптанный до каменной твёрдости мусор, а потом случилось две вещи: Айви спрыгнула с моего горба, оказавшись футов за пятнадцать от меня; а выскочивший из щели между домами тип звезданул мне обрезком трубы по котелку, заставив поклониться ему чуть не до земли в попытке уйти от удара.

«Звезданул» — очень хороший глагол. Точно описывающий ситуацию.

Всё, что мне оставалось делать в таком состоянии — это не

разгибаясь броситься на нападавшего, плечом защититься от колена — по лицу он мне всё равно попал, но хоть зубы целы остались — и продолжить разбег, что было сил впечатав его в стену дома. Мой вес, конечно, недостаточен для игры в регби, но парень такого не ожидал и сдулся как мячик.

Я добил его апперкотом и ухитрился развернуться раньше, чем ещё один доброжелатель прочертил сверкающую дугу ножом, норовя всадить полуметровое лезвие мне в спину. Нож в меня не попал, хотя сквознячок в ухе напомнил мне о том, что тренироваться нужно чаще, чем раз в год. Я продолжил разворот, опустив локоть на лицо владельца ножа, благо, рост недомерка это позволял.

Третий прыгнул с пожарной лестницы, вереща мартовским котом, облапил меня за плечи и попытался всадить зубы в сонную артерию. Ухватив новоявленного Дракулу за волосы я перебросил его через себя, но он не отцепился, чем сделал себе только хуже — потому что даже мои 160 фунтов, кувыркнувшиеся следом вдавившие его в коробки, битое стекло и многочисленные обломки кирпичей, вывалившихся из стены дома, заставили его резко обмякнуть.

Возможно, он попал на кусок стекла.

Я вскочил на ноги, готовый отправить в нокаут любого ворога, но оказалось, что два первых моих оппонента уже исчезли в подворотне, верно, сообразив, что выбрали добычу не по своим клыкам. Или… Я оглянулся и увидел, что Айви уже разобралась с той четвёркой (не ошиблась эльфка при подсчёте!), оставшейся за моей спиной.

И понял ту парочку, что ретировалась с места событий.

Не считайся Айви моей напарницей, я бы тоже сбежал.

— Это у вас традиция такая — головы рубить? — как можно более вежливо спросил я. Сумасшедших, говорят, злить вредно.

Эльфка оглянулась. Один из вампиров и впрямь стал короче на целую голову; два других трупами, возможно, ещё не стали, но быстро набухающие тёмные лужи под лежащими навзничь телами свидетельствовали о том, что им недолго осталось.

— Тебя это, — Айви ткнула пальцем за спину, — шокирует?

Я деликатно промолчал. Вампиры, конечно, отребье, так что жалости я к ним не испытывал. Но мысленно я дал себе зарок не подпускать к себе эльфов и на пушечный выстрел.

— Ладно, — наконец выдохнул я, — Прах к праху. Регистраторов тут нет, а дирижабль сквозь 80 этажей всё равно ничего не увидит. Уходим.

Айви пожала плечами. Ну да, я нарушал устав, но оформлять нападение на офицеров полиции мне совершенно не хотелось. И

особенно мотивировать применение меча.

— Если тебе может понадобиться незарегистрированное оружие, то у двоих были обрезы.

Я покачал головой.

— Нет уж, идём куда шли. Норму по трупам на сегодня мы уже перевыполнили.

— Хорошо. — согласилась эльфка. — Так куда мы шли?

6

Стилизованный зелёный кулак на вывеске, на мой взгляд, был изображён неудачно. Увесистый, ничего не скажешь, кулачище был нарисован в обрамлении зубасто-клыкастой пасти, и было не совсем ясно, что именно имел в виду художник, намалевавший эту композицию: то ли обладатель кулака вознамерился пересчитать все зубы счастливому обладателю двух десятков разнокалиберных клыков, то ли владелец пасти решил конфисковать у кулачного бойца орудие производства.

Впрочем, подобные размышления носили исключительно теоретический характер. На жаргоне здешних обитателей (к коим, волей-неволей, относился и я) бар назывался «Орчатником», и это название вопросов не вызывало — достаточно было оглядеться по сторонам.

Кроме вывески бар не имел более никаких опознавательных координат — вроде названия, нарисованного буквами. Четырёхбуквенных выражений, разумеется, хватало, но я сильно сомневался в том, что изображавшие их сумели бы их прочитать. Нынче слово пишут как иероглиф — зная итоговое значение всех этих палочек, но отнюдь не буквы по отдельности.

Мне иногда начинало казаться, что алфавит скоро отомрёт за ненадобностью. Не то чтобы он совсем не нужен… но какой смысл учить грамоте работяг? Орков? Всё необходимое можно узнать через «мозгомойку» и Сеть — счёт идеограммам там идёт уже на тысячи; проще рассказать и показать, чем вникать в написанный текст.

Наверное, моё беспокойство беспочвенно. Ещё с двадцатого века высказывались такие опасения — и ничего, читать-писать никто не разучился.

Но в Тёмном мире всё только к пиктограммам и сводится, и грамотных людей тут немного.

Меньше, чем наверху.

Я покосился на эльфку и решил оставить лингвистические изыскания до лучших времён.

— Это — таверна орков, — разъяснил я и без того очевидный факт — мимо нас только что прошли пузырящийся мускулами орк и вполне человеческая шлюха. Да ещё и злосчастное слово «таверна» — откопал же где-то в сундуках памяти! — само на язык прыгнуло. — Ты с орками как, ладишь?

М-да. Я почувствовал, что сморозил очередную глупость. Политика генетической сегрегации работает вполне успешно —

орки с эльфами ладят примерно также, как взрывчатка и запал.

В том смысле, что взрыв обязательно будет.

Будто мне одной драки на сегодня мало.

Айви задумчиво дотронулась рукой до меча.

— Стоун, вопрос не в том, лажу ли с орками я. Вопрос в том, поладят ли они со мной? И если уж на то пошло — то и с тобой тоже? Ты, Стоун, кажется, не вписываешься в эту субкультуру. Ты в этом баре веселишься, или по делу?

— Второе, — ответил я, боясь быть заподозренным в первом. Айви, судя по всему, мне не поверила.

— Хорошо, — решил я после паузы, — Не тащиться же обратно через полконтинента. Будем надеяться, особых неприятностей у нас не возникнет.

Эльфка безразлично пожала плечами. Ей то что — она, похоже, была от рождения уверена, что является самой крупной неприятностью для любого человеческого существа в радиусе десяти миль. Я украдкой посмотрел ей в глаза.

Океана там уже не было — там плавали огромные ледяные горы, окружённые молочно-серым туманом.

Что ж, друзей и напарников не выбирают. И если первые приходят в конфликт со вторыми, приходится терпеть и это.

Попасть в орочий бар просто. Орки — парни простые и добродушные, а потому принимают в своё общество любого, кто сумеет до них достучаться.

Поэтому мне пришлось минуты три с разбега засаживать каблуки в металлическую плиту, служившую дверью в бар. Размеры и вес плиты заставляли подозревать, что орки готовились к локальной атомной войне — дверь могла бы запирать бомбоубежище.

Наконец небольшое окошечко, прикрытое стальной решёткой скрипнуло и откинулось в сторону.

— О, так это ж Стоун! — громыхнуло из-за двери — А я всё думаю, кто там за дверью скребётся? Ты, гляжу я, не один?

Всю жизнь не доверял оркам по фамилии Фейдельман. Особенно когда они должны меня куда-нибудь впустить.

— Не один, Абрахам, не один. — неохотно признал я очевидную истину. — Таки ты откроешь, или мне приехать на танке?

— А растёт ли мой старинный приятель Виктор Берк по службе? Или посадили за связь с израильской мафией?

Берк сажал Фейдельмана уже с десяток раз — административное задержание за «неуважение к сотруднику полиции при исполнении служебных обязанностей»

— Карьера на взлёте — особенно когда он стал сотрудничать с Моссадом в изгнании. — ответил я. — Правда, есть небольшая проблема — ещё одного задержания не хватает до новой лычки. Мне его позвать?

— Лучше мы с ним обсудим это при личной встрече, — Фейдельман картинно вздохнул. За дверью залязгал засов. — И, хотя это совершенно не моё дело… сдаётся мне, Стоун, что ты явился сюда на предмет затеять грандиозную драку.

— Заткни пасть, — с истинно эльфийской учтивостью посоветовала Айви. Фейдельман — очки в тонкой золотой оправе на носу орка смотрелись весьма потешно, не слишком-то гармонируя с остальным обликом — огорчённо посмотрел на меня.

— Вот об этом то, Стоун, я и толкую, — рассудительно продолжал он, не обратив на слова эльфки ни малейшего внимания, — Девочка ответит невпопад — ведь наши шутки в качестве комплимента ей по нраву не придутся, — потом на стол вывалятся чьи-нибудь кишки, и милой эльфе открутят её прелестную головку.

От велеречивости орка у меня заломило виски.

— Лучше бы приятелей вежливости учил!

— Невозможно! — встал в позу Фейдельман, — Своими собственными клешнями уничтожить такой уникальный материал для диссертации?

Я только рукой махнул, и не произнося больше ни слова — чтобы не нарваться на очередную тираду, на которые орк был неистощим — прошёл в бар, заботливо поддерживая девушку за руку.

За руку — это для того, чтобы завсегдатаи сразу уяснили, что эльфка со мной, и не лезли в бутылку.

— Орк явно не местный, — тихо процедила эльфка по адресу Фейдельмана.

— Точно, — подтвердил я, — Эйб из Института Антропологии при Лиге Наций, специалист по «групповой психологии городских субкультур среди генетически модифицированных граждан» — во всяком случае, это он начинает утверждать после третьего стакана, когда ему уже никто не верит. Нормальный мужик… только слишком всерьёз воспринимает свою национальность.

Эльфка промолчала, и я, подумав, тоже заткнулся. Политкорректность не дремлет.

В полутьме бара можно было оглохнуть. Связано это, понятно, было не с освещённостью помещения, а неимоверно

громкой музыкой, заставлявшей бутылки на полках за стойкой бармена наигрывать позвякивающий аккомпанемент.

К счастью, опасения Фейдельмана не оправдались. Я в баре появлялся частенько, а в прыгающих разноцветных пятнах светомузыки было трудно понять, кем является Айви. Одежда, естественно, показателем не была — орки так же, как и прочие «городские субкультуры», пользуясь выражением Абрахама, самовыражались кто во что горазд.

Во всяком случае, чёрные кожаные жилетки, разукрашенные черепами и татуированная кожа давно стали их парадным нарядом, вроде обязательного смокинга на светском рауте.

Одно время присвоением стиля жизни и символики стали было возмущаться байкера, но это было лет семь тому назад. И, поскольку ни один из тех байкеров до сегодняшнего дня не сохранился — другие планеты, вроде Марса, не в счёт; полагаю, этот раунд остался за орками.

Облюбованный мною дальний угол у стены, как обычно, пустовал. Это было неплохо — значит помянутый Стариной Диком гоблин ещё не появился, и я мог провести небольшую рекогносцировку.

— Как ты можешь тут отдыхать? — прокричала эльфка мне в ухо.

Я усмехнулся.

— Я сюда прихожу работать, — пояснил я и выдвинул из под толстой столешницы нечто вроде табуретки.

— Подождёшь меня здесь? — спросил я напарницу. — Пойду пообщаюсь с аборигенами. Если меня спросит какой-нибудь гоблин, пусть подождёт.

Айви кивнула и сморщилась. Я озадаченно посмотрел на неё, потом пожал плечами. Надо иметь ввиду — панка эльфы не переносят.

А зря. Хорошая музыка… если в смысл не вслушиваться.

Старый Ноб, усилиями которого «Орчатник», собственно, и появился, к орочей породе не принадлежал. Впрочем, недостаток мускулатуры он компенсировал протезом правой руки, гидравлическая клешня которого могла варьировать усилия от пяти граммов до полутоны; если же не помогал протез, то обрез-двустволка восьмого калибра действовал даже на самых неугомонных буянов.

Ноб часто хвастался этим своим антиквариатом, по его утверждению передававшимся в его роду потомственных барменов вот уже почти сто лет.

Лично я считал, что, ввиду древности это ископаемое

артиллерийское орудие с равным успехом может как выстрелить, так и взорваться в руках стрелка.

Многие говорили Нобу о том же, но когда дело доходило до серьёзных потасовок, желающих поспорить как ветром сдувало.

— Не один сегодня? — спросил меня Ноб, когда я взгромоздился на высоченный табурет у стойки.

— Угу, — подтвердил я.

— Ну и правильно, — согласился бармен, — Жениться тебе пора.

— Ты, никак, и кандидатуру подходящую отыскал? — улыбнулся я.

— Ну, то что я вижу отсюда своими стариковскими глазами меня вполне устраивает, — степенно ответил Ноб, — Хотя вообще-то я говорил о Молли. Она тут заходила на днях…

— Иди ты в баню, — буркнул я, покраснев до ушей. К модам у меня отношение сложное, а Молли положила на меня глаз ещё на заре моего падения — то есть появления в «Орчатнике». Два метра рост, центнер вес, очаровательно зеленоватая кожа и клыки по два сантиметра. Определённо, не та девушка, с которой хочется просыпаться в постели по утрам. Над этим ухахатывались все орки в радиусе трёх километров.

Насладившись произведённым эффектом Ноб посерьезнел.

— За последние двадцать четыре часа, Джек, ты стал очень популярной личностью.

— Дик мне говорил. Ещё бы знать кому — и зачем я понадобился.

— Кому… — Бармен огладил менонитскую бороду и застрочил, как полицейский протоколист. — Гоблин, примерно пяти футов, уши длинные как у кролика, в правом ухе — три серьги. Назвался Шаггой, зашел вчера вечером и сразу закинул удочку насчёт твоей персоны. Я его отшил, но с Диком ему повезло больше. Но я не о том.

Ноб задумчиво провёл пальцем по поверхности стойки. Весь его вид говорил о том, что гоблина он считал мелкой и не заслуживающей внимания проблемой. Он оторвал глаза от особо интересовавшего его пятнышка на стойке и с интересом посмотрел на меня.

— Стоун, мне интересно, был ли ты знаком с таким достижением цивилизации как телевизор?

— Империалистическая машина промывания мозгов, как мне обьяснили на politzanyatiyah, — буркнул я в ответ.

— Оно и видно. Но как раз вчера вечером показали, как человек, похожий на тебя вплоть до значка и имени разносил вдребезги магазинчик по продаже дамского белья.

Я вздрогнул.

— Ты даже давал интервью. Полгода работы под прикрытием, в жутких условиях, героически разыгрывать наркомана…

— Чушь какая-то, — мрачно сказал я, поймав взгляд Ноба. В глазах коренного жителя светилось понимание.

— Не беспокойся, здесь не та публика собирается, чтобы счесть тебя stukachom. Тем более, что никому в душу ты и не лезешь.

— Ты то откуда такими познаниями обладаешь? — спросил я.

— Я тебе не рассказывал, как я три года по молодости лет воевал в Крестовом походе? Наша часть стояла под Harjkivym…

— Ага, — без особого интереса буркнул я. Меня интересовали проблемы более близкие.

— А тебе, Джек, банальным образом исправили карму.

Это я и сам понимал. Неясно только было — зачем. И почему Боров не сообщил мне об этом сразу.

Судя по всему, начиналось как раз то, чем я пугал Айви. Развернулись боевые действия заинтересованных лиц… и кому-то я понадобился в качестве пугала.

Ноб, хотя и был вынужден наблюдать мучительную работу мысли на моём лице, деликатно не вмешивался.

— Плюнь, — утешил он меня, — Подумаешь, по телевизору показали. В наше время каждый из нас на экране монитора хоть раз да отметился. Меня другое беспокоит.

— Что именно?

— Часа два назад завалились две «торпеды». Глаза выпучены, языки через плечо — и ты, Стоун, им был нужен позарез.

— Кому именно? — спросил я, разумея ввиду, естественно, не «торпед», а того деятеля, который их послал. Больших людей много. А репутация копа-наркомана, работающего в управлении Восточного побережья привлекает их как дерьмо — мух.

— Ву. По всей видимости, они хотели сделать предложение, от которого нельзя отказаться.

— Точно?

— Я чуть было не воспользовался дробовиком.

Я выругался про себя. Безработный коп — не бог весть какая добыча для организованной преступности, но Ву был официальным представителем Великого Китая в преступном мире Восточного побережья. Своего рода теневой посол. Некто же Джек Стоун, возможно, интересовал его только с одной целью: стрелять я умел. А Ву не брезговал подбирать ронинов.

С другой стороны, почему именно сегодня? Я вспомнил «призрака». Фактики были интересные, хотя и недостаточно яркие, чтобы разложить на этой основе вразумительный пасьянс.

— Передай господину Ву, что я искренне сожалею о печальной необходимости отложить рассмотрение его великодушного предложения на некоторый срок, ибо, — тут я запнулся, отыскивая в лексиконе что-нибудь подходящее по стилю, — неотложные дела заставляют меня выполнить свои обязательства перед теми, кому я дал их ранее.

Ноб улыбнулся.

— Что, так и передать? — спросил он.

— Поближе к тексту. Не желаю быть убитым из-за того, что ты спутаешь падёж.

— Вот лично и расскажешь. Вид у «торпед» был малость… э-э… того, очумелый. Не думаю, чтобы ты им понадобился на расправу…

— Естественно. Патроны нынче дОроги, а дорОги я китайцам не переходил.

— …но, разыскивая тебя они, возможно, не остановятся перед парой убийств.

Мы сосредоточенно помолчали.

Светлячки эквалайзера танцевали в полутьме бара, а Ноб, почесав затылок живой рукой — совершив это действие при помощи протеза он рисковал и вовсе без головы остаться — сказал.

— И, если уж говорить о том, кому ты ещё понадобился, то очередным в списке буду, видимо, я.

— Вот как? — я удивлённо приподнял бровь. На самом деле все, кому доводилось наблюдать это действие, утверждают, что поднимаю обе брови и становлюсь похож на того бедолагу, которого только что приласкали пыльным мешком из-за угла. Поклёп, конечно, лично я всегда считал, что выражаю этим всего лишь вежливое удивление.

Вполне оправданное, между прочим — за свой виски у Ноба я всегда платил.

Реальными деньгами.

— Угу, — Ноб как-то резко растратил своё красноречие, принявшись усиленно протирать и без того стерильные стаканы. — Ты никогда не думал о том, что профессия бармена мало отличается от того, чем обычно промышляют копы?

Я промолчал — подход и впрямь для меня был нов.

— В конце-концов, я весь день стою тут, отнюдь не глух. Есть время и возможности собирать информацию. Как говорится, в любом вопросе содержится половина ответа. — Ноб хмыкнул. — Ну а то, что я не бегаю, потрясая значком, ровным счётом ничего не значит — всегда сыщется кто-то, кто охотно выполнит за тебя всю работу. Достаточно лишь сказать то, что следует в нужное

время и в нужном месте. Нужному человеку, естественно.

Я посмотрел на Ноба.

Внимательно.

Старый Ноб, если начистоту, вовсе не так уж и стар. Лет шестьдесят, не больше. Если хватит денег на лекарства и геронтолога — а я был больше, чем уверен, что денег у Ноба достаточно, в его баре разные делишки обделывают, так вот, в этом случае Ноб протянет ещё лет сорок.

— Не рановато ли на покой? — с присущей мне тактичностью спросил я.

— Да не то чтобы на покой, — ответил Ноб. — Просто сложно уже в одиночку с баром управляться. Семьи у меня нет, а младший компаньон мне совсем бы не помешал. Ты то вполне подходишь — клиентура тебя знает, и в драке не спасуешь. Мне, сам понимаешь, вышибалу содержать дорого.

Я представил себе картинку: некто Стоун — всего на шесть дюймов ниже шести футов, в весовой категории носящего майку дистрофика легко — изящно! — сокрушает среднестатистического семифутового двухсоткилограммового орка и — вздрогнул.

К счастью, измышлять благовидный предлог не пришлось.

Из под стойки брякнул зуммер, Ноб посмотрел туда — я не видел, но знал, что там стоит монитор, передающий изображение от видеокамеры, закреплённой над входом.

— А вот и Шагга пожаловал, — сообщил он мне, — Впустить?

— Я, главным образом, за этим и пришёл, — кивнул я, — Только пусть Фейдельман про меня помалкивает. А то придётся издавать его диссертацию посмертным изданием.

— И вовсе незачем мне угрожать! — донёсся обиженный голос Фейдельмана из динамика.

Я с подозрением посмотрел на на Ноба. Что за шутки с интеркомом? Интересно, не приходится ли он дальним родственником Весёлого Борова?

Ноб понял меня по своему.

— А насчёт бара, — тихо сказал он, — ты подумай. Я не тороплюсь, сам понимаешь.

— Зато тороплюсь я, — ещё тише ответил я. Бармен не понял, пожал плечами и повернулся к новому клиенту, фигура которого возникла у стойки.

Гоблин выглядел так же, как любой другой представитель своей генной модификации. Зеленоватая бугристая от упрочнения кожа, позволяющая обойтись минимумом одежды, лысая и безбровая башка, на которой выделялись сильно оттопыренные уши, в левом тускло отсвечивали три медных

колечка. Чёрная кожаная жилетка на голое тело, но на тщедушных гоблинах она не распирается той массой мускулов, которая свойственна оркам.

— Стоун не появлялся? — спросил гоблин у бармена, едва Ноб повернулся к нему.

— Нет пока, — Ноб был тёртый калач, и в мою сторону даже не посмотрел. — Но обещал быть. Как обычно?

— Да, — согласился гоблин, — Двести грамм мартини с лимоном… и того же для этого парня в шляпе, — гоблин ткнул когтистым пальцем в меня.

Я усмехнулся. Заказ поверг бы в ужас любого бармена Наверху… да и вообще любого бармена, не имевшего дела с модифицированными особями человеческой расы.

Но у модов просто феноменальная устойчивость к алкоголю, которой они весьма любят прихвастнуть. Конечно, гоблина, способного накачиваться мартини и угощать этим напитком первого встречного, я видел впервые. Но я начинал подозревать, что Шагга принадлежит к весьма нетипичным гоблинам.

Мод пересел на табурет рядом со мной и широко улыбнулся, демонстрируя прекрасные острые зубки мелкой акулы.

— Привет, парень.

— Здорово, коли не шутишь, — я повернулся к гоблину. Безбровые глаза часто мигали, но это ровным счётом ничего не значило — отсутствие ресниц тоже следует чем-то компенсировать.

— Стоуна знаешь? — похоже, этот вопрос Шагга задавал на автопилоте каждому встречному-поперечному.

Рефлексивно.

— А что он тебе? — слова я старался выговаривать тяжеловесно, копируя манеру говора орков, не шибко-то любящих рассказывать кому бы то ни было о своих приятелях.

— Тебя не касается, — быстро ответил гоблин, — Ты сводишь меня со Стоуном и идёшь своей дорогой дальше.

— За выпивку друзей не продаю! — громогласно заявляю я, не забыв покрепче вцепиться в стакан с мартини, доставленный наконец-то Нобом из задней комнаты. И то сказать, если мартини наливать стаканами — так и разориться недолго.

— Не за выпивку. За сотню. Юанями, естественно.

— Давай её сюда, — про себя я плотоядно ухмыляюсь.

Шагга достает из кармана несколько бумажек, кладёт на стол и пододвигает к Нобу.

— Сдачи не надо, — говорит он и поворачивается ко мне.

— Значит, где, говоришь, Стоун? — ехидно спрашивает он, — Если в баре, то ответ не стоит ничего.

Время для меня привычно начинает съезжать в мутный сироп, и я спешно тянусь к стакану. Гоблин пододвигает ко мне ещё одну купюру. Всё верно, красненькая сотенная бумажка с портретом председателя Мао.

Я накрываю денежку ладонью и сметаю её в свой карман.

— Эй, так где мне отыскать Стоуна?

В этот момент позади нас раздаются крики и звон стекла.

Я и гоблин синхронно разворачиваемся на стульях, пытаясь разглядеть, что происходит в глубине бара.

В судорожном, как мошкара перед лицом, мельтешении цветовых пятен я вижу, как огромный, заметно выше семи футов, орк отшвыривает в сторону уставленный бутылками стол — похоже, что уже второй или третий по счёту.

Между столами несётся пурпурноволосая эльфка, легко уворачиваясь от выпадов орочьих граблей — потому что назвать руками эти хватательные приспособления язык не поворачивается.

— Сотня за то, что эльфка разделает этого громилу под орех! — азартно кричит Шагга.

Я мудро отмалчиваюсь, ожидая развития событий.

Айви отталкивается одной ногой от стола, другой — от стены и, развернувшись в этом прыжке, бьёт орка носком сапога в шею.

Удар хорош, но на орка действует не сильнее комариного укуса.

Айви, использовав орка как ступеньку, перескакивает на следующий столик за спиной нападающего, уцелевший в пылу погони и бьёт гиганта пяткой в крестец.

Орк разворачивается, легко, как пушинку, отбросив ногу противницы в сторону.

Эльфка теряет равновесие и с маху садится на стол, окончательно разбив природным амортизатором всё то, что со столика слететь не успело. Рука девушки ложится на рукоятку меча.

И мне, и гоблину неожиданно закладывает уши — Ноб не удержался и засадил таки из обоих стволов дробовика прямо в потолок между нашими ушами.

— Две сотни на Ноба — и вы оба в проигрыше, — заявляет бармен, — Никаких потасовок в моём заведении.

По крайней мере, мне кажется, что он произнёс что то в этом роде.

Кажется, я оглох.

— Прекратите оба! — орёт Ноб драчунам. Собственно, драки уже нет — меч эльфки прижат лезвием к животу орка, и на чьей стороне победа вполне очевидно.

— Я же говорил! — Шагга с улыбкой, расцветающей на его физиономии, поворачивается ко мне. — Это же Туманная сталь, одна из первых в Мясорубке! Двадцать чистых побед!

— Знаю! — ору я в ответ, поскольку мой собственный голос доносится до меня будто из очень глубокого, километров десять, колодца.

Что именно я знаю — вопрос особый. На Мясорубке мне бывать не приходилось, но то, что Айви умеет махать мечом я уже выяснил. Вероятно, придётся разобраться, как она делает это в естественных условиях… тем паче, что и убитый имел несчастье познакомиться с чем-то из семейства рубяще-колющего вооружения.

— Я Джек Стоун, — представляюсь я гоблину.

— Я знаю, — заговорщически подмигивает мне он.

В этот момент Айви подходит к нам.

— Прекратите орать, — неожиданно тихо говорит она, — Уже весь бар в курсе того, кто такая я и кто такой Джек Стоун.

Я потираю полуоглохшее ухо. Похоже, что мы с Шаггой и впрямь орали.

— Моё почтение эльфийской воительнице, — расшаркивается гоблин перед офицером Стерлинг, и я с уважением смотрю на Шагу. Из мода так и прёт тщательно маскируемый иронией интеллект.

На эльфку это не производит впечатления.

— Ты с этим типом хотел встретиться? — спрашивает девушка, и я вздрагиваю. Осенний, пасмурный океан штормит.

— Это он хотел со мной встретиться, — расставляю я точки над i. — Ты его знаешь?

Айви смотрит на гоблина и я прямо таки вижу мелькающие между её милых ушек файлы полицейских ориентировок.

— Нет, — наконец говорит она, — По файлам полиции Тени этот тип не проходил.

Намёк ясен — девочка быстро овладела моей фирменной терминологией. Напарница вежливо объяснила, что ориентировки нашего департамента — отнюдь не истина в последней инстанции. Существуют ещё ориентировки элитаров, частных СБ, чёрт побери, да в этом городе на каждого может сыскаться досье.

— Полиция Тени? — встревает Шагга, — Какая-то новая организация?

— Занимается главным образом любопытными гоблинами, — отрезаю я, размышляя о том, нужно ли мне извиняться перед эльфкой, и если — да, то за что?

Ох, а мне то начинало казаться, что эльфки лишены обычных

заскоков, свойственных нынешним феминисткам-пуританкам.

В этот момент орку — громиле — задире — зачинщику (в жизни не поверю, чтобы зачинщицей потасовки была Айви, не лишайте меня веры в родную полицию), видимо, что-то объясняют, и он подходит к нашей скульптурной группе из четырёх человек. Понятия не имею, что она символизирует, но особенно хорош пребывающий в молчании Ноб, скрестивший на груди обрез и протез.

Выглядит внушительно и ужаснаводяще.

— Ты это, извини, — мямлит орк, обращаясь к эльфке и косясь одним глазом в мою сторону. — Просто много нынче таких, с мечами-то расхаживает. Вот я и решил посмотреть, на кой они нужны, мечи-то…

— Проверил? — в голосе Айви, хоть и не потеплевшем, всё же исчезает ледок.

— Угу, — заверяет орк, вновь покосившись на меня. — Больше не буду!

Орк, конечно, фиглярствует. Все присутствующие это понимают. И ждут, похоже, моей реакции. Ну ещё бы. Единственный «свой» офицер полиции в заведении.

Молчание.

— Ну? — вопросительно смотрю я на орка, — Ещё что-нибудь? Со мной хочешь подраться?

— Нет, — мотает башкой орк, — Я её хочу пригласить мировую выпить.

— Я не вещь… — начинает закипать Айви, но орк вдруг падает на колени, сравнявшись ростом с эльфкой, и во всю мощь лёгких заявляет.

— Вас, о пресветлая госпожа, прошу снизойти до нас, грешных! Не погубите!

В голосе орка нет и тени иронии, но в воздухе начинает попахивать ещё одной серией драки. Шутки орков тактом не отличаются — особенно если из-за них проглядывает золотая оправа очков Фейдельмана.

Айви вдруг заливисто смеется, и хватает орка за лапищу.

— Что ж, пойдём, дуболом!

— Только не пытайся перепить орка! — кричу я ей вслед, разворачиваюсь и вопросительно смотрю на Ноба.

Бармен успокаивающе кивает головой.

— Малыш парень хороший; буянит только когда трезв как стекло. А всё от того, что попал в дурную компанию Фейдельмана.

Мне остается только пожать плечами. Похоже, наш местечковый антрополог решил добыть в свою коллекцию типов

ещё один объект для культурного анализа.

— Сдаётся мне, что я только что присутствовал при семейной ссоре, — говорит Шагга, когда мы уединяемся в кабинке для частных переговоров.

— Не твоего ума дело, — ворчу я, — За каким чёртом я тебе сдался? Потому что я не самая известная личность в Кэп-сити.

— Это заявление я проигнорирую, — усмехнулся Шагга, после чего явно обратил внимание на то, как меня перекосило.

— Ты не видел, — утверждающе сказал он. — Но тебе рассказали.

— Твоя проницательность… заставляет задуматься. — подумав, выдал я.

— Я мог бы, для усложнения ситуации, сказать о своих источниках… — Шагга нацепляет на нос круглые очки в золотой оправе (у Фейдельмана стащил, как пить дать) и сразу делается похожим на гестаповца. Особенно если учесть, что очки гоблина — не стекляшки а сверхплоские экраны носимого терминала — выход в Сеть и вся прочая белибердень. — Но всё проще. Я закончил факультет прикладной психологии Висконсинского университета.

— А очки одел для того, чтобы я тебе больше доверял? — я фыркнул от удовольствия — Нет, брат, Стоуна на это не купишь. Моя мама не рожала идиотов.

— М-да. Не надоело фиглярствовать, Джек? Или при рождении тебе дали другое имя? Русское?

Я нахмурился. Посмотрел на экраны терминала — в чёрных, как уголь, стёклах, отражался только я, а вот глаза Шагги были спрятаны за зелёными значками, струящимися по этой черноте.

— Что-то многовато сегодня разговоров о моём происхождении, — сказал я в пространство. — К тому же я действительно Джек.

— Стоун… если честно, то меня не волнуют проблемы твоей самоидентификации. И происхождения. Я просто хотел бы поговорить серьёзно.

— Жизнь несерьёзна.

— Это не повод, чтобы выбросить себя на эту… свалку.

— Позитивной философии я наслушался на собраниях профсоюза полицейских. К тому же, Шагга, ты мало похож на моего личного психоаналитика. — Я взглянул на непрозрачные стёкла, и не стал играть в гляделки, вновь уставившись в стену. — К тому же, здесь свалка не только никому не пригодившихся генетических модификаций. Здесь ещё — во всяком случае, позволю себе проявить эгоизм, — свалка

ненужных нашему миру людей.

Я взял в руку стакан с выпивкой, заботливо подлитой Нобом — национальный колорит соблюдался даже в этом, немного отхлебнул и сморщился.

— Сначала ты не нужен одной стране, потом неинтересен другой. Человек человеку волк, каждый за себя и — горе побеждённым. Впрочем, не спорю, кому-то я в последние сутки стал чертовски нужен. Это ты?

Я посмотрел на гоблина. На этот раз рисунок трещин на стене изучал он.

— Возможно, Стоун, возможно.

Комментировать это заявление я не стал. У меня вообще складывалось впечатление, что в этом деле каждый пытался спрятаться в тени другого ведомства.

В наступившей тишине из-за шторок донёсся голос дикторши из Мозгомойки.

— Очередные дебаты прошли в Лиге Наций по вопросу об ограничении контрольных пусков системы ПРО САСШ «Ионный щит». Вновь предоставленные экспертами Китая и Североруссии данные по влиянию системы противобаллистической защиты на глобальные климатические изменения были признаны недостаточно убедительными. Демонстрация экоактивистов под девизом «ПРО — дорога в ад» была разогнана силами жандармерии…

— Вернёмся к нашим баранам, — сказал я. — Судя по всему, в отличие от прочих посетителей этого бара ты себя в жизни… нашёл. И меня отыскал не для собственного удовольствия.

Гоблин задумчиво ополовинил свой бокал, глядя куда-то сквозь меня.

— Не знаю, Стоун, не знаю. Возможно, когда я нашёл в жизни себя, я потерял нечто важное в себе?..

Я оценивающе посмотрел на Шаггу, но промолчал — судя по всему, гоблин говорил о чём-то глубоко личном.

— Не знаю, — наконец выдал я результат работы собственного мыслительного аппарата. — Меня пока чаша сия миновала.

— Да, Джек? — гоблин стянул терминал с плоской переносицы и сфокусировал на мне чуть помутневший от алкоголя взгляд. — Но ведь ты детектив… и у тебя очень немного нераскрытых преступлений, как я понимаю.

— Я не горел желанием работать в полиции, — пожал плечами я. — К тому же, в полицейском расследовании нет ничего от интеллектуальной загадки, это тупой поиск улик. Просто работа, которая у меня хорошо получается.

— Чтож, может это и правильно… — Шагга снова приложился к своему бокалу. — Впрочем, не думаю, чтобы ты был этой работой слишком доволен.

Мне почему-то вспомнились посланники Мистера Ву, о которых вспоминал Ноб.

— Предлагаешь сменить?

— Не обязательно, Джек. Скорее, предостерегаю от достижения мечт. Мечта — это далеко не всегда то, чего ты хочешь достичь в действительности. На деле ты частенько хочешь достичь противоположного.

Я покачал головой. Гоблин являл собой тип человека, для меня непонятного.

У меня тоже были мечты. Вот только мне никогда не хватало трудолюбия их исполнять.

Я ещё раз глянул на Шаггу и поёжился. Или это была не лень, а чувство самосохранения?

Лиричность, тем не менее, с гоблина сошла — когда наши взгляды вновь встретились, в глазах гоблина была только жёсткая цепкость человека, которому очень нужно что-то обо мне узнать.

— Ты интересуешься политикой, Стоун?

— Не особенно, — я покачал головой. — Меня мало волнует то, что не поддаётся моему контролю.

— «Каждый из нас — гражданин нашей страны!» — Шагга иронически улыбнулся, когда цитировал этот слоган, но я иронии не оценил.

— В разной степени. У меня гражданство ограничено, а значит и политика меня интересует весьма ограниченно.

— Только внутренняя?

— Там, в вашем хитром приборчике наверняка есть всё моё досье, — я указал на терминал, который гоблин вертел в руках, — Полагаю, там вполне ясно указано, что с моими птичьими правами я политику могу только наблюдать, но никак не принимать участие в ней. Как во внутренней, так и внешней.

О том, насколько я вообще верю в возможности любой избирательной системы, я распространяться не стал — чтобы избежать обвинений в нелёгком тоталитарном прошлом моей родины.

— Выборы и влияние на политику — вещи разные принципиально, — многозначительно сказал Шагга.

— Вы имеете в виду смерть генерала Кларка? — автоматически сделал стойку я.

— Она очень удачно обезглавила «Новое человечество» перед голосованием об отмене Апрельской поправки, не так ли? — Шагга чуть улыбнулся.

Я пожал плечами — говори мол, дальше.

Шагга опрокинул стакан донышком кверху и оставил его на стойке. И перешёл на официальный тон.

— К примеру, детектив, как вы относитесь к системе «Ионный щит»?

— «Крышке»? — усмехнулся я, — Так ведь в наше время технологии двойного назначения есть альфа и омега всему. Мы можем спалить любую ракету ещё в стратосфере… ну и заодно устроить внеплановый ураган где-нибудь в Сомали… Это общеизвестно. Лига Наций делает вид, что это вещи не взаимосвязанные, а экоактивисты превратились в деталь пейзажа.

— Ну, среди деталей пейзажа иногда встречаются весьма… заметные, — сказал Шагга.

— И разумеется ими занимается наша жандармерия, поэтому заметны они или не особенно — обывателю неизвестно. Всё под очень большим секретом — а за измену родине, как известно, следует расстрел.

— Вы, детектив, мало похожи на обывателя. Или человека, которого испугал бы расстрел.

— Тем не менее, я им являюсь.

— Что же… Вольному воля. — Шагга хмыкнул, — Мы и впрямь накрыли весь мир «крышкой» и можем диктовать свою волю любому…

— Тень Могущества, — фыркнул я, вспомнив свою утреннюю лекцию Айви.

— Пожалуй, так, — Шагга посмотрел на меня оценивающе.

Я покачал головой. Что-то многовато вокруг меня набиралось теней… пора было внести немного ясности.

— Не думаю, чтобы ты искал меня для разговоров о политике.

— Ну почему же, детектив. Именно для разговоров о политике я вас и разыскивал. Вы ведь понимаете прекрасно, что вас поставили расследовать не банальную уголовщину.

— Вполне, — сухо кивнул я. Начинался деловой разговор.

Или мне так показалось — потому что гоблин вдруг как-то разом утратил весь свой наступательный порыв. Судя по всему, это было связано с его системой связи — потому что терминал в форме очков вновь перекочевал на нос Шагги.

— Вам ведь известно, что правительство САСШ планирует отменить Апрельскую поправку?

— Разумеется. Впрочем, голосование в Конгрессе ещё не состоялось, насколько мне известно, — заметил я.

Гоблин поморщился.

— Его исход не вызывает сомнений. Именно поэтому…

именно поэтому возможен военный переворот.

— Ну, то что от броневиков жандармерии на улицах не протолкнуться, я заметил, — хмыкнул я. — Но военный?

— В Сеть только что поступила информация — армия гарантировала, что голосование состоится без эксцессов. С любой стороны.

— Шагга, — я впервые пристально посмотрел в непроницаемое забрало очков гоблина, — Я намерен тупо и тихо искать убийцу. А не набивать шишки в политических баталиях.

— Я так и понял, детектив. Но, на вашем месте, я бы ни на грош не доверял напарнице. Она работает на себя. Только на себя.

Взорвав эту бомбу Шагга встал из-за столика.

Я сумрачно посмотрел на гоблина, стянувшего с носа мобильный терминал, и вновь заморгавшего от пятен светомузыки.

— А на кого работаешь ты? — спросил я.

— На благо человечества, — усмехнулся Шагга. — Ну и, в конечном счёте — на себя. На свою собственную больную совесть… Что до ваших вопросов… попробуйте спросить Мистера Ву.

Я понимающе кивнул. Теперь было вполне понятно, чьим эмиссаром был этот залётный гоблин… И кому я понадобился.

То ли мафии, то ли разведке. То ли китайской, то ли отечественной. Какая разница, если сами они ничего не скажут. А для принуждения у меня нет ни одного рычага. Гоблин встал из-за стола.

— Присмотрись к этому делу, Стоун. Это не банальная уголовщина.

Я фыркнул. Подумал.

— Я подозревал, что это убийство какое-то странное. А верно ли, что Китай — родина мутантного гриппа?

— Не бери это в голову, Джек. Искренне тебе советую.

— Вот именно, — я усмехнулся, — Это я слышу всё чаще. Вот только ты так и не представился… и даже не объяснил, что для тебя — это самое благо.

— Ты же детектив, Джек… — гоблин сунул терминал, блеснувший напоследок золотом оправки, в карман жилетки. — Думаю, если захочешь — узнаешь.

Ну да, делать мне больше нечего, как только политически подкованных гоблинов искать. Хотя… будь у меня в подчинении целый отдел — непременно повесил бы на гоблина какого-нибудь оперативника помоложе и понастырней.

К сожалению, из всех молодых и настырных оперативников в

моём подчинении была только Айви, и я подозревал, что нам с ней и без того хватит развлечений.

Мир полон случайных встреч, не так ли?…

Я проводил гоблина глазами, допил прогорклую жидкость в стакане. Крутнулся на табурете, глядя на погружённый в полутьму бар за моей спиной. Посмотрел на часы.

Половина третьего ночи — время позднее даже для орков, уходящих на работу в шесть утра. Бар был пуст. Ну, почти пуст — несколько особо упорных или умных домой решили не уходить, заночевав прямо в «Орчатнике».

Ноб к этому не придирался.

Я встал на ноги, хрустя костями, и без особой цели сделал несколько шагов в темноту. Прикрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям.

Странно, но симптомов нейрофагового поражения не наблюдалось — хотя, обычно, под вечер мои синапсы начинали съёживаться в гармошку. Я уже привык жить с этим ощущением — ощущением того, что в любой момент всё это — весь этот хрупкий островок реальности — может вдруг лопнуть и оборваться.

У дальней стены продолжал вращаться одинокий фонарик цветомузыкальной системы. Медленно. Неспешно.

Как я.

Я подошёл к фонарику и какое-то время смотрел за тем, как вращающийся абажур поворачивается ко мне то заклеенной чёрной бумагой стороной, то ослепляет вспышкой зелёного света. Поднял руку и остановил колпак.

Я был бы не я, если бы это получилось у меня с первого раза. В приступе злости — внезапном, но ожидаемом — я смял абажур вместе с хрустнувшей стеклом лампочкой, прекратив судорожное мелькание света.

Хватит на сегодня веселья.

Со всех сторон давила гулкая тишина. Я, оказывается, и не заметил, когда выключили музыку.

Бар теперь освещался лишь несколькими лампочками, больше похожими на затаившихся на стенах светлячков.

В свете одного из них, откинувшись в кресле, лежала Айви.

Девушка, похоже, уснула — то ли попытавшись перепить какого-нибудь орка, то ли просто устав.

Верный меч Айви охранял сон владелицы, лёжа на коленях.

Надеюсь, эльфка не убьёт меня за то, что я собираюсь сейчас сделать.

— Ну и чего требовалось этому адвокатишке? — спросил

меня Ноб, бесшумно появившись рядом.

— А ты думаешь, что он адвокат?

— Могу держать пари. Чей он?

— Ну… — я помедлил — Во всяком случае, похоже, мой разговор с мистером Ву состоялся. Судя по всему, я впутался во что-то сомнительное.

— В этом-то, парень, никто не сомневался. Платят-то хорошо?

— Про деньги речи не было.

— Не упускай своего, Стоун. — Ноб хихикнул. — Бессребреники — опасные люди.

Я сделал жест, означающий, что бармена это касается в последнюю очередь.

— Мне платят достаточно, Ноб, — соврал я, чтобы успокоить старика.

— Чистой, благословенной и неучтённой всякой электронной нечистью наличкой? — Ноб блаженно улыбнулся.

Системе электронных кредиток он не доверял… ну и правильно, в общем-то, делал. А то много развелось желающих сунуть свой длинный нос куда не просят. И сунуть мордой уже тебя — скажем, в недостаточную вовлечённость в общественные дела (сумма пожертвований менее 10 процентов от дохода), или указать на избыточное потребление алкоголя /свыше одного литра в месяц в пересчёте на сприт/, что тоже отображается торговой сетью.

Тут, в Тени, контроль заметно меньше. Но любить больше его от этого почему-то не хочется.

— Впрягайся, парень, — посоветовал Ноб, изучивший мою мимику не хуже зеркала. — Деньги на дороге не валяются, а в долг я тебя поить не буду — ради твоего же блага.

— Ноб, я переночую у тебя? — спросил я, продолжая глядеть на эльфку.

— Конечно, — согласился бармен, — Где моя комната, ты знаешь.

— А ты сам?

— Приткнусь где-нибудь.

— Спасибо, — сказал я, подхватив Айви на руки. Девушка была довольно тяжёлой, но это была приятная тяжесть.

Странно — такой боец, как Айви, должен был бы проснуться мгновенно, но этого не произошло.

Я уложил эльфку на кровать Ноба. С трудом разобравшись в переплетениях перевязи отцепил ножны, положив меч рядом — так, чтобы Айви могла легко дотянуться до своего тесака.

Постоял немного, глядя на сиреневую чёлку, хмыкнул и тихо

вышел, как следует прикрыв дверь.

В баре был удобный диванчик, вздремнуть на котором казалось неплохой идеей.

Мне не повезло. Диванчик уже занял какой-то орк. Вечно мне везёт как утопленнику.

К счастью, мой серый плащ вполне годился на роль матраса — вероятно, компенсируя тот факт, что никакой другой роли он играть бы не смог. Я поставил несколько столиков у стенки и расположился под ними.

Орк, торопящийся на работу — страшное зрелище. Может и задавить.

7

Утро встретило меня неприветливо.

Куда уж как весело — сначала слушать стоны и вопли похмельных орков (а это звУчище почище звуковой дорожки к видеореальности «Мертвецкие мертвецы» сим-личности Джона Карпентера), а потом быть свидетелем (хотя бы и пассивным — поскольку глаз я не открывал) сборов в дорогу.

Судя по прорезающим пространство бара звукам, орки отдавливали пальцы, наступали на ещё не совсем проснувшихся товарищей, сталкивались у выхода и заставляли меня забыть о том, что их было всего-то четыре особи. Звуковая картина происходящего заставляла предположить, что на работу опаздывает целый дивизион орков, числом не менее двухсот штыков.

За короткие четверть часа, показавшихся мне вечностью, я узнал три совершенно неизвестных мне матерных выражения, описывающих редчайшие случаи межвидового некрофилического инцеста, услышал шум двух небольших драк и, похоже, чуть было не стал жертвой опрокинутого стола. К счастью, не того, который служил мне в качестве оркоубежища.

Наконец шумная компания исчезла. Но насладиться вновь обретённой тишиной (а скорее — только что воцарившейся, поскольку храпят орки ничуть не тише, чем собираются на работу) мне не удалось.

Кто-то с жутким, скрежещущим писком ножек о пол сдвинул защищавший мою голову столик, лишив меня спасительной тени.

В «Орчатнике» окон нет — в Тёмном мире они нужны для чего угодно, только не для освещения — но это-то и было самым худшим вариантом.

Потому что лампы дневного света, используемые Нобом, вполне могли бы работать в качестве фотовспышек.

Я зажмурился, выругался, резко привёл тело в вертикальное положение и открыл глаза. Всё это я проделал одновременно, и, если кто-то полагает, что зажмуриться и открыть глаза в одно и то же время невозможно, то ему явно не доводилось вскакивать по утрам от яркого света, включенного заботливыми родственниками.

Человек, разбудивший меня с иезуитской жестокостью, к моим родственникам не относился, что, впрочем, участи моей не облегчало.

— Офицер Стерлинг! — рассмотрел я через слепящий свет

смутно знакомый по вчерашнему дню силуэт. — Вы охренели — без предварительного согласования будить старшего если не по званию, то хотя бы по возрасту?

— Стоун! — крикнул Ноб из-за стойки, — Если ещё раз выругаешься при даме, я тебе все зубы пересчитаю.

В подтверждение этого тезиса послышался противный свист электромотора, раскручивающего ту клешню, что заменяла бармену кисть.

Я предпочёл не развивать опасную для моих зубов тему и протёр глаза, восстанавливая способность к зрительному восприятию ситуации.

Офицер Стерлинг сидела на столике, когда-то (всего минуту назад) служившем мне спальной принадлежностью и неспешно полировала лезвие меча суконной тряпочкой. По глазам эльфки о её настроении было судить невозможно — их закрывали шикарные тёмные очки антикварной формы. Не иначе, принадлежавшие самому Киану Ривзу в бытность его мессией.

Ноб стоял за стойкой и с завидным постоянством вытирал стаканы. Иногда мне начинало казаться, что бармен специально берётся за стакан всякий раз, стоит мне посмотреть в его сторону. Правда, судя по каплям на стекле, Ноб их для разнообразия помыл.

— Приношу свои извинения перед всеми присутствующими: за грехи, сделанные и несделанные, слова, сказанные и несказанные, и мысли, э-э… подуманные, но несвершённые! — кисло отбарабанил я, со скрипом приводя скелет в относительно вертикальное (45 градусов к стене) положение.

— Годится в качестве молитвы, — одобрительно кивнул Ноб, я же посмотрел на часы, укреплённые над барной стойкой.

Семь утра.

— И надо было меня будить в такую рань? — вопросил я в пространство, опасливо покосившись на Айви. Поди её разбери, в каком эльфка настроении. Откочерыжит голову — и поминай как звали. Ну их, этих детей Толкина, не понять им утреннего состояния человека, вот уже полгода не появлявшегося на работе вовремя. Поправка: все эти месяцы вообще там не появлявшегося.

А что мне там делать? Стрелять позовут, а бумажные папки в архиве, кои следует перекладывать с места на место исключительно в целях имитации рабочей деятельности, ещё ни разу не попытались от меня сбежать — хотя я, честное слово, не стал бы им пенять на это.

— Я бы хотела заняться расследованием, если ты, конечно, не возражаешь, — угольно-чёрные пятна на лице девушки выглядели просто устрашающе.

Возражать не хотелось.

— Ага! — я улыбнулся в предвкушении. Не то чтобы я любил давать окорот настырным новичкам, но в данном случае я и впрямь решил выяснить, кто в доме хозяин.

— Стажёр-детектив Стерлинг! — рявкнул я так, что у меня самого заложило уши. — Доложите, каковы, по вашему мнению, должны быть первые действия следовательской бригады?

— Осмотр места преступления, покуда разные идиоты не уничтожили все следы! — молодцевато выпрямилась Айви, проделав некое сложное движение мечом, означавшее, по всей видимости, салют.

— Очень неплохо для начала! — согласился я преувеличенно напористым тоном. — К сожалению, убитый — большая шишка, так что всё мало-мальски стоящее уже затоптали и упрятали в целях обострения межведомственного соперничества.

— Гм… — в столь же бодром стиле протянула Айви, — предлагаете воспользоваться телепатией? Или собственными источниками в соперничающих ведомствах?

— Никак нет — за отсутствием таковых! — сбавил ёрнический тон я — Мы с тобой будем разрабатывать самую дохлую версию. Потому что все прочие улики быстро превратятся в политические рычаги, нам неинтересные.

Убийство было совершено больше суток назад, так что очевидно — по горячему следу никого не поймали… или не захотели ловить, что одно и то же, а отчёт криминалистов — если он и содержал что-то путное — уже отредактировали так, что и Гуттенберг не признал бы используемые в шрифте буквы.

Что присутствия на месте преступления не отменяет, конечно. Я, как и любой человек в этом городе, от воображения отучен «мозгомойкой»; мне нужна конкретная картинка.

— Убийство в порту, — поразмыслил я, — Где именно?

— Пакгауз 1024, в северо-западной части. Приморский терминал.

— Это плохо. Наверняка там уже всё вычистили. — Корабли нынче ходили гораздо реже — по причине вечно штормящего моря и острой дороговизны угля, но всё же много чаще, чем самолёты. — Хотел бы я знать, что там понадобилось убитому. Подпольные бои?

— Не могу знать, сэр! — Айви окончательно перешла на словарь «Краткого военно-полевого разговорника для нижних чинов». — Но позволю себе заметить, что, поскольку убийство было совершено вчера ночью, срок трёхдневного полицейского карантина никак не мог истечь!

Я только усмехнулся. Чтобы кто-то позволил складу три дня

пустовать — невероятно! Но, с другой стороны, сенаторов убивают тоже не каждый день. В любом случае, не повод отсиживаться в баре, мечтая о том, что всё образуется само собой.

— Ладно, детектив Стерлинг, слушай мою команду… — я вспомнил о своём статусе и поправился. — Вернее, настоятельную рекомендацию. Встречаемся в десять у пакгауза — полагаю, моих сыскных способностей хватит для его отыскания. А до того — доложишь шефу о ходе расследования и посмотришь, не обрёл ли наш «призрак» имя официально. Ну и, разумеется — рапорт тех патрульных «скорохватов», которые обнаружили тело. Ясно?

— Вполне, — отозвалась эльфка, переключившись на нормальный режим речи, — А ты?

— Воспользуюсь преимуществом иррегулярного полицейского служащего — ещё немного посплю.

Айви фыркнула. Но от комментариев воздержалась — просто вышла, не попрощавшись.

Я, кряхтя от тщательно симулируемой ломоты в суставах, подошёл к барной стойке.

— Я передам Молли, что она получила отставку, — улыбнулся Ноб, заставив меня проклясть всех этих идиотов, неспособных мыслить прямо, чётко и ясно.

Как я, например.

Вообще-то, похоже на то, что я единственный умею так мыслить.

Это странно, но я не отчаиваюсь. Когда-нибудь я их всех всё равно перевоспитаю.

Я разворачиваю к себе монитор Нобова сетевика — он никак не раскошелится на голографический сенсорный дисплей. А может, просто пытается создать атмосферу киберпанковской старины. Отправляю на известный мне адрес короткое сообщение.

В ожидании ответа настраиваю программу новостей.

Ничего нового — ещё несколько смертей от «восемьдесятчетвёртого» гриппа, предупреждение Комитета Экологической Безопасности о том, что раскочегаренная радиооблучением со спутников атмосфера вновь встала на дыбы, обрушив на САСШ ураган со скоростью ветра в 150 м/с. Над Кэпсити включен купол плазменно-баллистической защиты, так что гражданам, чувствительным к электромагнитному излучению лучше поберечься.

Ответное сообщение содержало только несколько цифр. То же место. Тот же час.

Я натягиваю плащ, шляпу и выхожу на улицу. До десяти мне предстоит сделать кучу дел.

Маршрут, которым я иду используется мной нечасто.

Свободно, прогулочным шагом, дойти до угла — регистратор над баром работает исправно, но вряд ли подслеповатый глазок бронированной камеры сумеет разобрать что-то большее, чем плащ и шляпа. Кинематограмма — сиречь анализ походки — конечно, останется, но она уликой на суде служить не может.

Пока.

На углу досчитать до десяти — за это время камера наблюдения, установленная на «волчьем солнышке» опишет полный круг и вырубится на пять секунд для экономии ресурсов памяти видеопоста.

Пересечь улицу. Тут опасаться нечего — регистраторы уличная шпана громит едва ли не раньше, чем их устанавливают. Потому что они мешают ночному промыслу.

Большого Брата обмануть невозможно — слишком много чутких глаз и ушей окружают тебя. Но чем чаще выходишь из поля зрения камер, тем меньше вопросов задаст следственный отдел, когда припрут.

Пакетик с нужным мне снадобьем я выудил из под крышки мусорного бака, установленного точно под регистратором — буквально за пару минут до моего прихода кто-то швырнул пакет с несмываемой краской в линзу прибора.

Рулончик с юанями лёг на место пакетика. В принципе деньги мог забрать кто угодно, но я в это не верил. Раз я до сих пор получаю зелье, встряхивающее мою гормональную систему, значит и поставщик на другом конце цепочки исправно получает мои взносы.

Если бы деньги не дошли, то меня, по всему вероятию, просто внесли бы в чёрный список… и в этом синдикате мне не продали бы уже ничего. Никогда.

Сейчас даже у наркоторговцев есть свои компьютерные базы.

Переждав неторопливый проход «Ока Саурона» над своей головой я вышел из переулка и отправился к станции монора.

Ушёл я, впрочем, недалеко. Уже метров через сто мои колени отчётливо задрожали, голова закружилась и я почувствовал, что того и гляди рухну в мусорную кучу… чтобы уже не встать.

Приступ.

Мне повезло, что шатать меня начало в густой тени, точно под стойкой прожектора. Предательский круг света от направленного отражателя лампы начинался в паре ярдов от меня и уходил куда то вдаль, по направлению к «Орчатнику» и

блеклому кирпичу домов.

Те, кого прихватило на свету — не важно что, болезнь, похмелье или постнаркотический отходняк — быстро попадали в когти и лапы вампиров. Пожалуй, единственные существа, всё ещё небезразличные к людской судьбе.

Внизу свет опасен, потому что выдаёт твоё местонахождение тем, кто притаился во тьме.

Колотун усиливался, и я скрипнул зубами — это плохо, когда даже не можешь даже рассердиться на болезнь. Но что делать, если у меня даже адреналин — и тот заёмный.

Я закинул голову вверх. Чернота. Мрак. Здесь не было даже свинцового неба.

Рука сама собой поползла в карман, скользя по ребристой рукояти револьвера, опускаясь глубже.

На самом дне кармана пряталась лента капсулок в желатиновой оболочке. «Чёрный вихрь». Наркотик, превращающий человека в опьяневшего бога. Божка, упивающегося вседозволенностью.

Доводящий реакцию и чёткость чувств до беспредельного уровня. Увеличивающий скорость сокращения мышц до физического предела возможностей мышечной ткани.

Раскочегаривающий гормональную систему до состояния парового котла перед взрывом и заставляющий твой мозг работать с такой скоростью, что мир вокруг замирает.

Наркотик, отменно заставляющий утратить чувство реальности. Я сам видел, как любители «чёрного вихря» пытались бегать по стенам и летать.

Получалось плохо.

Я сунул капсулу под язык.

Улыбнулся, чувствуя, как лопающийся желатин выпускает заключённые внутрь горькие капельки.

«Вихрь» страшен не химической зависимостью — она ничто по сравнению с такими вещичками, как «бархатные сны» или «серебряный шёлк». Сложнее избежать соблазна вновь почувствовать себя богом. Дать реальности пинка под зад.

Но «вихрь» дорог. За сумму, которую я истратил на десяток невзрачных капсулок, сляпанных на химзаводе в каком-нибудь медвежьем углу можно было приобрести месячную дозу «шёлка». Потому что человек, приторговывающий «вихрем» может получить срок не за наркодилерство, а за полноценную «измену интересам САСШ».

Как карта ляжет.

Потому что «вихрь» — боевой стимулятор. Один из тех препаратов, которые сделали военлордов теми, кем они стали

сейчас. Потому что прежде генетики была химия допингов, отработанная на сотнях профессиональных спортсменов. И стимуляторы, приравненные к оружию. От «зомби», превращающего человека в исполнительную куклу, до «ледка», отрубающего мозг человека от нервных окончаний.

Впрочем, для меня «безумие бога» не оружие и не удовольствие, а лекарство.

Или, если я ошибаюсь, лишь вариант дурмана. Просто одни дурманят себя химическим бегством из реальности, другие, напротив, пытаются заставить реальность наполнить всё их существо.

Тот доктор, который и посоветовал мне «безумие» вместо обычных лекарств, посоветовал тайно, выйдя на продуваемую всеми ветрами крышу офиса, где приходилось кричать, чтобы услышать друг друга, объяснил мне, в чём дело.

Китайский нейрофаг мало того, что превращает нервы в подобие изъеденных кислотой размахрившихся канатов. Синапсы съёживаются и перестают выполнять свою работу. И для того, чтобы заполнить, образующиеся пустоты, и требуется серьёзная, шоковая стимуляция.

Конечно, «вихрь» — сильнодействующее средство. Есть «мягкие» стимуляторы, действующие гораздо более щадящим образом. Можно также заняться экстремальным спортом, которым повально увлечены все наши политические лидеры. Но если у вас нет денег на горнолыжные курорты и сверхдорогие курсы разрешённых препаратов, то самоё дешёвое — это «вихрь».

Вот только в последнее время потребность в химических встрясках стала наступать гораздо чаще.

Капсулы рассосались, но «безумие» почему-то не спешило к своему слуге, прячась где-то в окружающем меня сером тумане.

Из темноты вдруг выплыл желтоватый листок бумаги, приобретший неожиданную резкость. «Церковь Электронного Рая» — сообщала густо-чёрная надпись готическим шрифтом в центре листка. Чуть ниже, гораздо мельче, курсивом бежали буквы «Мистерии оживления! Души умерших говорят с вами! Придите и уверуйте!». Я моргнул и листок бумаги исчез в окружавшей меня темноте.

Я стоял — а сознание моё плыло, покачиваясь как поплавок на безбрежных просторах океана. Где-то неподалёку притаился сон, тот самый сон, от которого невозможно пробудиться.

Я с трудом нащупал рукоять револьвера. Вытащил увесистый слиток сизой стали — старая, очень старая модель; антик, стоящий безумных денег. Старьё популярно среди копов —

потому что табельные «интеллектуальники», сами решающие, в каких случаях стрелять, а в каких и повременить, погубили не одного не сумевшего выстрелить вовремя полицейского.

Поднёс ствол к уху и дёрнул спусковой крючок.

Выстрел прозвучал как отдалённый раскат грома, но следующий, как удар молота по листовому железу врезался в моё сознание, заставив резко ощутить реальность происходящего.

Обычную действительность серых, покрытых плесенью стен, мусора под ногами и отдалённых прожекторов, висящих под потолком.

Я с трудом поднялся на ноги. К коленям прилипли пакеты из под каких-то сластей, покрыв мои брюки липким сиропом. Ухо заложило.

Плевать.

Я чувствовал себя ограбленным.

Врач предупреждал и об этом.

«Как только «вихрь» перестанет действовать» — говорил этот сухонький старичок, до дрожи боявшийся возвращения в аляскинские лагеря, — «Считайте, что у вас осталось не больше месяца. Чтобы вам там не говорили все остальные».

По поводу «остальных» доктор мог бы и не беспокоиться. На них у меня всё равно не было денег.

Компания каких-то милого вида парней в чёрных плащах с отворотами — верно, очередная команда вампиров — повернула было ко мне, но, заметив в моей руке оружие, благоразумно сменила курс.

Подождав, пока последний вампир скроется за поворотом, я опустил оружие в карман, нащупал пуговку наушника и воткнул его в ухо, наполнив пустоту черепа раскатами древнего, как сам мир, панка.

Классика — это вещь!

По крайней мере, скрежещущий голос, проклинающий весь мир, исправно заставлял жить дальше.

Я посмотрел на часы. Девять.

Если я хотел успеть к складам, следовало поторопиться.

Восточный терминал, расположенный на побережье был очередным памятником проектам прошлого — вроде «Ионного щита», спутников погодного контроля и Статуи Благоденствия.

В принципе, сама идея мощной транспортной развязки на северо-востоке САСШ, по сути, целого города в городе — из пирсов, посадочных полос, железнодорожных и шоссейных развязок, складов, пакгаузов, ремонтных цехов и доков, с

собственным жилым районом для рабочих и докеров, офисными зданиями всевозможных контор и департаментов крупных фирм, причастных к приёму и отправлению грузов, «Мегапорта» для мегаполиса», не содержала в себе ничего нового или оригинального.

На бумаге проект этого терминала казался сказкой, на деле «мегапорт» оказался кошмаром.

Сквозь взбаламученную атмосферу пробивался не всякий самолёт — даже если находили дефицитный керосин. Правда, грузов, оправдывающих такую срочность, было немного. Проржавелых тысячетонных калош грузовых транспортов, пробивающихся через вечное десятибаллье штормящего моря было несколько больше, но и с ними порт был загружен хорошо если наполовину.

Хотя и эти цифры впечатляли.

Самую же большую проблему создавало пересечение интересов, ибо терминал оказался в ведении всех существующих полицейских служб — от таможни, министерства юстиции и налоговой службы до железнодорожной полиции и береговой охраны.

Наиболее разумным выходом представлялось создать единую систему безопасности «мегапорта» — её и создали, не отменив, однако, полномочий прочих ведомств.

В конечном счёте терминал был полностью заброшен в организационном плане, являя собой нечто вроде карты феодальной Европы — с пересечением вассальных обязанностей, иммунитетных и баналитетных прав, где любая экономическая деятельность тормозилась необходимостью давать отчёт десяткам чиновников разного ранга.

Прекращения грузовых операций это, естественно, не означало. Даже крупные корпорации, предпочитавшие строить собственные грузовые терминалы охотно пользовались складами «мегапорта» для разнообразного мухлежа. А необходимость борьбы с оным выдвинула необходимость ответа на животрепещущий вопрос «кто виноват».

Эрго — «мегапорт» чохом отдали в ведение Управления полиции Восточного побережья во всём, что касалось криминала, предоставив грузы таможенному управлению. На фактической стороне дела это сказалось мало — слишком много ведомств так или иначе касались своими делами терминала, но общественность получила своего козла отпущения и вздохнула спокойно. Кто бы не натворил дел — даже если парни из УСС подрались с ребятами Гувера из-за грузов, находившихся в ведении Агентства по наркотикам и были накрыты служащими

Госдепа в содружестве с береговой стражей — пальцами тыкали в Восточное.

Именно поэтому проведение расследования на этой «земле» было равносильно административному самоубийству. Не говоря уже о самоубийстве политическом — если принять во внимание личность убитого.

Очевидно, куча ароматно пахнущей субстанции, в которую я влип, была несколько больше, чем это почудилось мне поначалу.

Порт, полукольцом окружённый тяжёлыми башнями высотных блоков, прорезанных узкими ущельями, в которых скрывались бетонированные трубы транспортных развязок, находился на самом краю дымчато-серого купола ПБЗ.

Над портом раскинулось небо, в котором не было серого свинца — небо было голубым, по-праздничному ярким, пронизанным солнечными лучами. И торопиться туда совершенно не хотелось.

Покинув кабину монора я начал растерянно озираться по сторонам.

Всякий намёк на организованность исчезал в пересечении многочисленных служебных проездов, погрузочных площадок, переплетении рельсовых путей, мостовых кранов и прочих технических приспособлений, призванных облегчить жизнь докеру, но и делавших терминал похожим на абстракционистскую скульптуру, посвящённую теме «Хаос и цивилизация».

Апокалипсическую картину дополняла музыка слитая из металлического лязга крановых захватов, взвизгивания электромоторов погрузочных каров, гулкого стука опускавшихся на приёмные поддоны контейнеров, закладывающего уши рокота самолётов — взлетающих, садящихся, прогревающих турбины тераватных двигателей на атомной тяге, сирен портовых буксиров и возгласов дающих друг другу указания через мегафон докеров.

Похоже, что прикончить генерала Кларка можно было и случайно — просто опустив контейнер туда, куда не положено… или, наоборот, туда, куда указали. Интересно, что лидеру «Нового человечества» понадобилось на Терминале?

Трудно сказать, сколько мне пришлось бы блуждать по этому лабиринту, старательно избегая столкновения с минотаврами шагающих погрузчиков. К счастью, мне повезло — я обнаружил кортёж из четырёх угольно-чёрных громадин жандармских «акул», украшенных, для пущего эффекта оскаленными серебряными черепами. На одной из машин череп был без щита — военная контрразведка.

Жандармерия, очевидно, уезжала, конфисковав с места преступления даже подозрительные атомы (что вы делали в утробе матери, будучи трёх дней после зачатия? И вы полагаете, что имели право там находиться?). С другой стороны, у меня и офицеры Стерлинг были хорошие шансы получить обстоятельные ответы на уже заданные вопросы, покуда персонал не разбежался, а самое главное — не принялся выяснять наши полномочия, о которых я имел самое приблизительное представление.

Переждав, пока конвой элитаров не скроется за ближайшей крышей, я двинулся в ту сторону, откуда появились «акулы» и меньше чем через двадцать минут упёрся в наглухо закрытую дверь. Надпись «только для служебного персонала» говорила о том, что туда может пройти докер, таможенник, коп — но никак не Стоун, числившийся обычным чайником с улицы. Ни «ледокола», ни жетона, ни сетевика у меня не было — так что я не мог ни войти внутрь, легально или не очень, ни связаться с напарницей, которая неизвестно где моталась.

Оставалось крутиться вокруг в ожидании момента, когда эльфка соизволит появиться. Обвинять девушку я не мог — скорее всего, ей тоже пришлось пережидать элитаров снаружи.

Придя к этому умозаключению, я крутнулся волчком, соображая, куда мог податься неприкаянный коп. Когда табло внутреннего циферблата выбило полные 12 часов оборота, я опешил. У входа не было никого, кроме уже знакомого мне персонажа. И если в модификацию эльфов не входила невидимость, появиться она могла только из недр пакгауза.

— Следы уже затоптали? — спросил я у девушки.

Айви смерила меня взглядом поверх тёмных стёкол — «шутки, сэр, здесь явно неуместны!» — и сухо ответила.

— Смотря какие. Окурки, очевидно, уже собрали, но дыры от выстрелов — ещё нет.

— Уже неплохо, — я подошёл к эльфке почти вплотную. Осторожно стянул очки с лица и сунул в собственный карман.

— Они вам не идут, Стерлинг. Что по делу?

Айви без особого сожаления проводила взглядом линзы, предназначенные защищать чрезмерно впечатлительных граждан от вторжения в частную жизнь.

— Будет лучше, если я расскажу всё на месте. Не забывайте придерживать шляпу — тут минут десять коридорами, рассчитанными под модификацию «гном».

— Такой ещё не придумано, — буркнул я шагая вслед за точёной фигуркой девушки.

У эльфки с тяжёлой стальной плитой, служившей воротами в пакгауз проблем разумеется не возникло. «Умный» замок ворот

послал запрос в Управление, сверил номер жетона и дозволил эльфке провести внутрь некоего Стоуна.

Вскоре я понял, что имела в виду Айви, говоря о гномах. Пакгауз глубоко уходил в землю. Мы миновали три десятиметровых пандуса, а потом долго петляли служебными проходами, лишающими человека всякой гордости — ни плеч развернуть, ни сутулость исправить. Мне то ничего, я не из гордых; а вот эльфке, чуть не выше меня ростом, явно приходилось несладко.

Родовой гонор — он не для современных городов-муравейников.

Наконец впереди мелькнула люминесцентная лента полицейского ограждения и призрачный свет полицейских ламп. Не то чтобы тусклый, а какой-то казённый, мертвенный. Солнце, робко заглядывающее в световые люки склада выглядело приглашённым статистом.

— Ты был прав, Джек, — сказала эльфка, когда мы перелезли через ограждение. — Не выйдет у нас расследования.

— Это почему же? — осведомился я, неспешно осматриваясь. Длинные, похожие на метёлки ковыля пучки «ловушек для зевак» неохотно отпустили девушку, обрызганную специальным спреем, и едва не приклеили к полу меня. Метров за тридцать от нас два докера с матом пытались высвободить своего товарища из липких объятий. Оранжевые комбинезоны мелькали повсюду — судя по всему, преступление не отменяло аренды склада.

Это не мешало бы проверить — кто это такой крутой, чтобы оставить за собой склад, по закону помещённый под карантин. Я поставил галочку в памяти и принялся оглядываться по второму кругу — внимательно.

По всему выходило, что внутри пакгауза прошла небольшая война. Несколько контейнеров были вывернуты почти наизнанку. Смятая, скрученная и оплавленная сталь наводила на мысль о том, что в боевом столкновении применялось какое-то секретное оружие — иначе с чего бы в этом деле принимала участие военная безопасность?

Было несколько чёрных полос от полицейских лазерников «Бич», «модель III, только для высших полицейских чинов». На полу и стенах мутно поблёскивали пятна эрозированной — будто подтаявший снег или побывавший в воде кусок рафинада — материи. Похоже, что кто-то использовал СВЧ-пушку, которую используют в лабораториях климат-контроля для формирования «миниатюрных» погодных явлений — вроде карманных смерчиков и уничтожения информации на компьютерах.

В довершение картины в воздухе чувствовался стойкий запах

горелой проводки. «Водоросль» полицейского ограждения придавала пакгаузу сходство с трюмом затонувшего корабля. Присев на подходящий по размеру обломок контейнера я посмотрел на эльфку и понял, что обсуждать вопросы моей правоты или неправоты она не торопиться.

— Я всегда прав. За тем редким, но довольно часто повторяющимся исключением, когда ошибаюсь. Но, подозреваю, жертв этой стычки на несколько человек больше, чем нам известно. А значит след тянется — как за трактором по тундре.

Айви прикусила губу.

— Здесь была военная разведка, «элитары», прокуратура, федералы, — и все они выясняли границы полномочий друг друга едва ли не с применением табельного оружия.

— Ну если так, то победа наверняка за жандармерией, — согласился я. Оглашённый список заставлял признать — старик Томас Кларк сумел привлечь достойных плакальщиков для организации собственных похорон.

Вместо одного-единственного убийцы в курган на могиле сенатора будет заложена целая гекатомба.

Я ещё раз огляделся. Выводы, и до того не блестящие превратились у меня в чёткую уверенность. Кто-то заманил политика в засаду… и угрохал откровенно гангстерскими методами. Но, похоже, гангстеры носили форму — это объясняло и размах перестрелки, и пристальное внимание военных ведомств.

Впрочем, меня это скорее обнадёжило. Очевидно, что всю основную работу по расследованию возьмут на себя следователи из управления по делам бывших военнослужащих — клиент, очевидно, из их епархии, да и тяжеловооружённые недоброжелатели тоже, видимо, носили погоны. Или всё ещё их носят. Мне предстоит аккуратно оформить отчётность в части, меня касающейся, да держать ухо востро — чтобы принести шефу какую-нибудь ценную для его собственных политических войн информацию. Плюс… Вдруг я понял, что один из свидетелей преступления мне известен. И, определённо, должен дать мне некоторые объяснения.

Раз уж поставил меня на это дело.

Я посмотрел на эльфу. Как не крути, а для новоиспечённого остроухого детектива это — первое дело. И если вышедшему в тираж копу вроде меня на исход расследования, по большому счёту, плевать, то у офицера Стерлинг наверняка должны были присутствовать какие-нибудь мысли о карьере.

— Айви, не беспокойся. Мы это дело размотаем, тем более, что секретов я тут не предвижу. Все эти ведомства сюда приехали

не убийц искать — а их было, как пить дать несколько, — а политикой заниматься. Держу пари, что военные и элитары уже знают, кто стрелял… или догадываются.

— Военные не знают. Равно как и жандармерия.

— Ого, какая уверенность! — хмыкнул я. Девочка, очевидно, не посещала курсы позитивной психологии. — А откуда МЫ с тобой об этом знаем?

Эльфка скромно посмотрела на носки своих сапог.

— Я присутствовала при их разговоре.

— И не выгнали? — усмехнулся я.

— Сочли что я одна из них. Среди военных не было ни одного в чине меньше полковника.

Я понял. Не знаю уж, откуда в нашей армии пошёл этот дурацкий обычай, но любой высший офицер похож скорее на хиппующего анархиста-пацифиста — с длинными волосами, в татуировках, черном мундире, разукрашенном всякими побрякушками в виде молний и черепов, с парадным мечом… Айви не только могла затесаться в эту компанию без проблем — её вполне могли бы принять за старшую по званию.

— Ну, девочка, это нам не помешает. За карьеру можешь не беспокоиться. Убийц мы найдём. Просто нам до них не дотянуться. Но обеспечить себе должности с такой информацией можно.

— Ты хочешь восстановиться, Джек? — мягко спросила эльфка.

— Ещё не решил, — ответил я и коснулся стенки одного из распотрошённых контейнеров. В пакгаузе не было кондиционирования, и потому от стенки исходило ощутимое тепло.

— Сначала говорить буду я, — сообщил я девушке. — Здесь стреляли.

— Надо же, какая наблюдательность! — фыркает Айви. Я невозмутимо продолжаю.

— Стреляли много и бестолково. С одной стороны, потерпевшей — было не менее пяти человек. Один — профессиональный стрелок, вооружённый здоровенной секретной дурой — вроде «потрошителя». Электромагнитный импульс танк наизнанку выворачивает, контейнеры, очевидно, его работа. Судя по манере кузнечиком прыгать по стенам и патронов не жалеть — армейский мясник. Военлорд.

Айви кивает.

— Имя лорда назвать?

— Позже, — говорю я, наслаждаясь каждым мгновением, когда цепляющиеся друг за друга шестерёнки в мозгу

анализируют ситуацию. С этим удовольствием трудно сравниться даже стрельбе. — На ногах у нашего стрелка был балласт из одного человека, которого он прикрывал огнём, плюс те, кого наш герой отнёс к некомбатантам — он их не прикрывал, но они пытались помочь военлорду, паля во всё, что движется из штатного оружия для высшего начальства.

Тут я задумался оценивая выстрелы из электромагнитной пушки — приметная, кстати, вещь!

— Та-ак, тут начинаются странности. Такое ощущение… что убийца был один.

— А это странно? — усмехнулась Айви.

— Естественно. Если покушение такого уровня готовится всерьёз — то никто не будет ставить на одного человека. К тому же с таким ненадёжным оружием, как меч.

— Или убийца был уверен в себе.

— Да уж… уверен… — пробормотал я, вспомнив, как эльфка лихо разобралась с напавшей на нас вчера компанией каннибалов-любителей. Надо полагать, она сама таких уверенных в своих силах тоже навидалась.

Я помолчал и продолжил тактический анализ.

— Военлорд попал в ловушку военной логики — сначала открыть огонь, а лишь затем защищать охраняемое лицо. Из телохранителей его выперли бы по профессиональному несоответствию. Пока он пытался попасть в кузнечика с мечом, тот попросту зарубил Кларка.

К этому моменту в дело вступили полупрофессионалы с лазерами, и ураганный огонь дилетантов, обеспокоенных состоянием своей шкуры заставил профессионалов разбежаться по углам — лорд явно сомневался в уровне стрелковой подготовки наших копов, а его оппонент тем более не горел желанием и дальше выяснять отношения и скрылся.

— Джек, а ты уверен, что из лазеров палили именно копы?

— Не уверен, — хмыкнул я — Вот только что могло заставить оказаться тут сенатора? Только не говорите мне о тысяче причин. Лицо такого уровня со всеми разговаривает через адвокатов. Но в этот раз, очевидно, кандидата на президентский пост от военных радикалов вызвали по очень серьёзной причине. Причём на консилиум самых серьёзных полицейских Кэп-сити, вроде нашего шефа.

Обескураженной этим известием Айви не выглядела. Впрочем, я и не сомневался, что она тоже не очень типичный коп… Что ставило передо мной проблему уточнения её биографии.

— Неплохо бы было знать, что за причина может вытащить

известного политика из дома… — задумчиво сказала эльфка.

— В пакгауз? Ставлю на наркоту. Много наркоты. Порядка тонн. Может и атомная бомба. Но не меньше.

— Как будем выяснять?

— Придумаем что-нибудь, — буркнул я. — Странно, что военные ничего не сказали.

— Всё, что я услышала в их разговорах — это то, что ты только что ты только что рассказал. В дискуссиях я участия старалась не принимать.

— Понятно. — вздохнул я. Эльфка усмехнулась.

— Только в отчёте криминалистической лаборатории, который вывесили в Сети тридцать минут назад говорится о том, что нападавших было больше на порядок, и как раз они-то и были вооружены полицейскими лазерами.

Я пожал плечами.

— Ну, поскольку Томас Кларк официально стал жертвой мутантного гриппа, то, вероятно, мы с тобой и вовсе не существуем. Мы являемся продуктом пьяного бреда полковника Ван Даглера. Его, кстати, тут не было?

— Отсутствовал.

— Значит, верно, побывал тут раньше.

— Ты прав. Он и был стрелком, — Айви пожала плечами. — Так что он, совершенно определённо, тут действительно побывал.

Я крякнул.

— «Всё страньше и страньше»… Хотя… Поручаю тебе добыть о нём хоть что-то. Хотя бы в официальных документах. Как знать — может быть, он младший дворник в Министерстве обороны. А элитаром только прикидывается.

Я посмотрел на эльфку. У Айви, судя по напряжённому лицу, были и другие новости.

— Из военных вообще никого не было в чине меньше полковника. И все они — из «Нового человечества».

— Так ведь и убит их товарищ… — рассеянно сказал я — Или ты хочешь сказать…

— Видишь ли, Джек… Я тоже не занимаюсь политикой, но Ван Даглер был правой рукой Томаса Кларка в «Новом человечестве». А сейчас возглавил движение.

Я не стал комментировать это заявление. Я же с самого начала сказал — тут дело не в убийстве. Тут дело в политике.

8

— Хорошо, будем рассматривать то, что мы имеем в действительности, — наконец сказал я, потирая чешущийся подбородок. — Айви! Что мы там имеем в действительности?

— Место где стреляли. — Айви подумала. — Повышенный интерес к убийству военных, политиков, элитаров и вовлеченных в это дело копов. И, разумеется, убитого.

— Ага. А ещё мы знаем, как и из чего стреляли, — вторю я собственным размышлениям.

Как ни крути, это было военное расследование. Армия чего-то не поделила, и, скорее всего, решила выискивать козлищ отпущения в своих рядах своими силами.

И мне оставалось только рассчитывать на широкие спины военных в качестве прикрытия. Глядишь вместе с сиреневоволосой эльфкой, вооружённой тесаком, вполне сгодящимся и за генеральский, мне охотнее будут открывать двери…

От мечтаний, в которых офицер Стерлинг выступала отнюдь не в качестве офицера полиции, и даже не в качестве представительницы великого эльфийского народа меня отвлёк жуткий грохот за моей спиной.

Оглянувшись, я обнаружил, что один из контейнеров с оплавленным боком уже возносится вверх в захватах мостового крана.

Становилось понятно, что через несколько часов от места преступления не останется ничего — что наводило на определённые размышления.

И требовало определённых действий.

Бригадиром докеров оказался невысокий заикающийся болгарин. Вряд ли его проблемы с речью были врождёнными — скорее он испугался внимания официальных органов в моём лице. Болгар Иммиграционная служба принимала с неохотой, подозревая в исповедании ислама, вот этот Стойко Ратович и дрожал за место так, что язычки застёжек-«молний» его комбинезона звенели как колокольчики прокажённого.

Но, несмотря на страх, добиться от бригадира так ничего и не удалось. По его словам бригаде поручили расчистить этот склад ещё неделю назад, и никто этого приказания не отменил; работу же терять никому не хочется. Когда мы вышли таким образом на третий виток бега по кругу — при этом выяснилось, что авторитет моего родного Управления воспринимается болгарином очень уж

абстрактно, а авторитет мистера Кольта наверняка приведет к удлинению кадров криминальной хроники — судя по акулами кружащим вокруг нас докерам, что меня тоже не могло обрадовать, я попытался выяснить, кто контролирует территорию склада.

Эффект превзошёл все мои ожидания — парнишка побледнел, окончательно забыв от перепуга английский.

Что только укрепило меня в моих догадках.

Восточный терминал напоминал овощное рагу, в котором переплетались интересы множества структур, от мафиозных кланов до профсоюзов и уличных шаек. Последние — среди которых хватало вампирских «гнёзд» — большим боссам дорогу не переходили, а кормились в основном «случайными» пакгаузами, куда сваливали грузы мелких фирм в ожидании растаможки.

Оборотной стороной вопроса было то, что нередко такие склады использовались как нейтральная территория для встреч больших мальчиков.

— И что это означает? — спросила Айви, когда я изложил ей механику процесса.

Я искренне пожал плечами.

— Видишь ли… денежные мешки и лица, облечённые властью почему-то уверены, что никто не осмелится поднять на них руку. Девять грамм свинца обычно развеивают это заблуждение, одна незадача — как правило, посмертно.

— Но Кларк — сенатор…

— Да знаю я, знаю, — проворчал я, — Проблема в том, что все эти мелкие банды не смотрят новости — и им абсолютно всё равно, кого они убивают.

Судя по виду, Айви к моим словам серьёзно не отнеслась. В какой-то мере я с ней был согласен — люди такого калибра не умирают случайно, с их стороны это было бы весьма непредусмотрительно. Тем не менее, молодость нуждалась в уроке.

— И не надо оглядываться на то, что убитый был военлордом. Те же «вампиры» сидят на боевой химии и так же экспериментируют с боевыми имплантатами. Так что, не исключаю, коса просто нашла на камень.

— Маловероятно, — парировала Айви, — Я допускаю, что у какого-нибудь «вампира» была возможность убить Томаса Кларка, и даже верю в причину «просто так». Но что привело сюда без пяти минут президента? Встреча с главарём уличной банды?

— Груз, присланный на его имя. Или… действительно

встреча. — подтвердил я. — Но, Айви, видишь ли — тех, кто «крышует» такую нейтральную зону наверняка предупредили не вмешиваться. Так что они — даже если и непричастны к убийству — наверняка знают, что привело сюда убитого. Или кто…

Фразу эту я пробормотал расслабленно — мне достаточно самого процесса мышления; действовать я не рвусь, пока не припрёт. Однако ни тени восхищения мудростью старшего товарища в глазах офицера Стерлинг я не увидел — их зрачки тут же сузились до размеров игольного острия.

— Эти группировки… «вампиры»… они ведь должны как-то метить свою территорию? — ледяным голосом спросила она.

Я усмехнулся — похоже, девочке был не чужд охотничий азарт. И логика.

— Обычно египетскими иероглифами… или викканскими значками… — подтвердил я.

Айви тут же прошла к воротам, через которые мы попали внутрь и указала пальцем в несколько закорючек, по трафарету выведенных у косяка раздвижной двери в пакгауз. Девочке нельзя было отказать в наблюдательности — очевидно, на буквы она обратила внимание сразу — поскольку специально она их не искала, да и с середины склада увидеть эти значки при входе было затруднительно. Просто не придала им значения.

— Похоже? — спросила она.

— Угу… Судя по всему, этот склад крышуют «вампиры», — сказал я, вглядываясь в стилизованного человечка, посаженного на кол.

— Откуда ты знаешь?

Я покачал головой.

— Айви, я не вчера родился. Я начинал патрульным в период расцвета уличных банд… И, кстати, тебе не идёт на пользу общение с компанией военных.

— Это ещё почему? — опешила эльфка.

— В твоём голосе прорезаются отчетливые генеральские нотки.

На секунду мне показалось, что мне удалось девушку смутить. Но она тут же подняла на меня свои глазищи и показала язык.

— Я учусь у вас, шеф! — ответила она.

Да? Неужели у меня такой менторский тон? Никогда не замечал….

Это случилось три бара и две стычки спустя.

Стычки лёгкие — так, проверка. Никто не стремился довести дело до смертоубийства; пытались всего лишь выяснить,

достаточно ли мы круты для того, чтобы ходить по здешним местам.

Оказалось — более чем, причём в обоих случаях кулаками пришлось работать мне. Приятно, конечно, быть джентльменом, но после второй потасовки я вопросительно посмотрел на Айви.

— Я, разумеется, понимаю, что старый и больной Стоун, отчаянно пытающийся сохранить в неприкосновенности последние свои зубы, являет собой потешное зрелище. Но ты, как будто, считаешься моим жетоном и пистолетом. Может, хоть ствол мне отдашь? С жетоном уж ладно, играйся…

— «Запрещается передавать табельное оружие лицам, особо на то не уполномоченным», — процитировала Айви мне устав.

— Что, шеф Управления тебе уже не фигура? — проворчал я для порядка.

Моё внимание привлекла очередная железная дверь с древней неоновой вывеской «Бар». У правого косяка, сваренного из пятидюймовых труб нержавеющей стали красовался рядок знакомых мне уже иероглифов.

Чтож, люблю архаику и простоту. Нет, действительно, у этих парней был вкус: бар, то есть место, где есть выпивка.

Чего уж больше.

Мы вошли.

Заведение то ли знавало лучшие времена, то ли пыталось отпугнуть налоговых инспекторов. Нельзя было исключать, что оно было построено на месте общественного туалета, а может и до сих пор продолжало выполнять его функции.

Судя по тяжёлому гнусному запаху, в котором смешались пары хлорки, аммиака, алкоголя, марихуаны, свежескошенной травы и ещё чего-то непонятного, эта версия была недалека от истины. Детектив из отдела наркотиков наверняка счёл бы этот запах чрезвычайно интересным.

В баре не было никого, кроме бармена за стойкой и юнца, неумело притворявшегося мертвецки пьяным за столиком в дальнем углу. На роль вышибалы он не подошёл бы ни при каких обстоятельствах — его самого без особых усилий смог бы выставить из заведения таракан, выступающий в полутяжёлом весе. Так что, вероятно, юнец присматривал за барменом.

— У нас закрыто! — бармен, пузатый толстяк, шарообразность которого была так велика, что, возникни такая необходимость, он вполне смог бы передвигаться без помощи рук и ног, явно не был заинтересован в привлечении новой клиентуры.

— Дверь была открыта, — возразил я.

— А я говорю — закрыто у нас. Проваливайте!

Я подошёл к стойке и взгромоздился на прикреплённый к полу обшарпанный табурет.

Не исключено, что именно в нём бармен держал все свои сбережения про чёрный день — на колу и то сидеть было бы удобнее. Но я стоически претерпел.

— Стакан чего-нибудь горючего и немножко информации.

Бармен хмуро посмотрел на меня.

Я догадывался, чего ему хотелось — добыть из под стойки чего-нибудь крупнокалиберное и хорошенько меня проучить.

Не дожидаясь, пока эта мысль раскочегарит его нервную систему на какие-нибудь непоправимые для нашей начинающейся дружбы поступки, я выложил на стойку сотенную бумажку.

Юанями, естественно.

Бармен скосил свои глаза на достоинство купюры, потом на паренька в углу, за которым, как и за входом, присматривала эльфка, и наконец снова посмотрел на меня.

— Спрашивай! — бухнул он с видом мудреца, постигшего ответы на все вопросы.

Я улыбнулся — так, чтобы показать клыки.

— Вчера в порту пришибли одного человека. Забавно так пришили — парень остался без кишок и прочих маловажных жизненных органов, вроде печени и почек.

Печень и почки я, разумеется, выдумал, но вряд ли бармен сумел бы поймать меня на лжи.

— Известно тебе что-нибудь об этом?

— Нет, — в глазах толстяка ничего не мелькнуло, но я в такие мелькания и не верил.

— Ты лучше подумай, — доверительно посоветовал я. — В том местечке, где сия мокруха состоялась те же иероглифы, что и на дверях твоего бара.

Вот теперь в глазах маэстро шейкера мелькнул страх. И вряд ли передо мной — что и говорить, Стоун без пистолета — зрелище на редкость невпечатляющее.

— Это земля «Братьев ночи», — буркнул он, покосившись перед тем в угол. — Спросите у них. А что всякая шпана на стенах малюет — дело не моё.

— Чтож, тогда от выпивки придётся отказаться, — я смахнул сотенную в карман. — И, кстати, не подскажешь, где их разыскать?

— Мы сами вас найдём, — парнишка в углу оторвал голову от столешницы, и я понял, почему он предпочитает разыгрывать из себя смертельно пьяного.

Лучше бы он продолжал лежать мордой в стол.

Бледное от грима лицо, кроваво-красные губы и чуть кривящий лицо имплантированный клык. Отдельные придурки заказывали себе клыки подлиннее, но это здорово мешало им нормально питаться.

— Ты можешь отвести нас к главарю вашей шайки? — с сомнением спросила Айви.

— Хозяину? — прошипел вампир. — Конечно. Но вот сможете ли вы уйти оттуда?

— Не твоего ума дело! — отрезал я. — Веди давай!

Вампир вздёрнул губы, но с одним клыком он всё равно был намного симпатичнее, чем с двумя, поэтому я и не подумал пугаться. Лишь покосился на эльфку.

— Посетим логовище?

— Посетим! — в голосе Айви звякнули такие льдинки, что мне стало страшно.

За вампиров.

— Они попытаются нас убить? — уточнила Айви, когда мы вышли из бара.

— Вероятно, — отозвался я. — Такова традиция. Но ты, как будто, вооружена?

Вместо ответа эльфка сунула мне в ладонь уже знакомый мне обшарпанный револьвер.

Кольт «питон» под магнумовский патрон. Вполне возможно, что совсем недавно его использовали как метательный снаряд.

Очевидно, привет от шефа. Во всяком случае, это не револьвер офицера Стерлинг, который я вернул ей утром перед входом на склад.

Было очевидно, что с утра Айви успела заскочить в управление и переговоритьс шефом. Вряд ли наш оружейный сержант выдал бы ей ствол из вещдоков без такой санкции. А Боров, видимо, не исключал, что за парочкой Стоун-Стерлинг появится ещё несколько трупов, обстоятельства появления которых будет лучше замять.

Пожалуй, пора просится в военлорды. По количеству выстрелов, сделанных мною за последние два дня я наверняка сразу получил бы звание полковника.

Пистолет сразу перекочевал мне под полу плаща, всё более напоминавшего надетую по недоразумению половую тряпку.

Я посмотрел на эльфку.

Она поймала мой взгляд и многозначительно перевела свои глазищи на руки идущего перед нами вампира.

Действительно. Имплантированный клык я заметил, а вот когти из виду упустил.

Между тем эти твёрдые роговые образования — не то локальная генная модификация, не то ещё один имплантат — вполне могли распороть брюшину Томаса Кларка.

Не факт, конечно, Доку Торндайку доводилось пользовать потрошёные вампирами трупы, вряд ли бы он на пару с эльфкой ошибся бы. Но я уже погружался в знакомое состояние охотничьего азарта.

Когда нет толковой рабочей версии, цепляешься за любую подходящую деталь — даже если на самом деле она не слишком-то и подходящая.

«Хозяин» свято соблюдал традиции вампирского сообщества.

Иначе говоря, смотрел те же фильмы, что и я в своё время. Вот только воспринимал их с другой точки зрения.

Подвал выглядел как классический склеп — если, конечно, не принимать во внимание горку человеческих черепов, любовно сложенную у основания роскошного, чёрного с серебром — совсем как моя сигаретная пачка — гроба.

Черепа, похоже, были настоящие.

— Знаешь, что мне сейчас хочется сделать больше всего? — рассерженной кошкой прошипела Айви.

— Знаю, — согласился я. — Не огорчайся. Они, скорее всего, мечтают о пополнении коллекции, так что у тебя будет свой шанс.

Тёмно-красный сумрак, служивший здесь освещением, неожиданно погас.

Когда он вспыхнул вновь, я уже сидел на полу, выставив перед собой дуло револьвера.

Самая выигрышная, если вдуматься, позиция.

Ниже тебя уже не уронят; к тому же, человек находится во власти стереотипов и не вдруг ему придёт в голову искать противника на уровне земли.

Айви обошлась без драматических жестов — просто стояла, глядя на восставшего из гроба «хозяина». Возможно, у неё было ночное зрение.

В конце-концов, что мне, в сущности, известно об эльфах?

Гораздо меньше, чем о вампирах.

«Хозяин» логова, облачённый в долгополый сюртук был, как выражалась моя бабушка, «интересно бледен» и являлся гордым владельцем пары прекрасных клыков эргономической формы.

Глаза неприятно отливали красным, вероятно из-за контактных линз.

— Что привело вас к повелителям тьмы, люди? — свистящий голос, которому явно подражал наш проводник, был

профессионально поставлен и заставлял ваш костный мозг сиротливо жаться к костям.

— Вопросы, — буркнул я, не поднимаясь с пола. Револьвер я демонстративно убрал.

— Какие вопросы, детектив?

Я, конечно, не представлялся, но, впрочем, патент на логическое мышление мне не принадлежит. В конце-концов, кем ещё может быть мужик в штатском, задающий те же вопросы, что и мужики в полицейской форме?

— Стрельба в 46 пакгаузе, тварь, — раз уж «хозяин» считал нужным подчеркнуть своё отличие от людей, я был готов его игру поддержать. — Это ваша территория.

«Хозяин» буравил меня плотоядным взглядом. Краем глаза я заметил в красноватом сумраке какое-то шевеление вдоль стен и приподнял бровь, ожидая ответа. Это не сработало, и поэтому пришлось продублировать вопрос голосом.

— Был убит большой человек. Самое смешное, что убит он был голыми руками, так что сам подумай, кто первым попадает под подозрение?

Конечно, я лгал — но иначе этого кровососа было не пронять.

«Хозяин» чуть отошёл назад, уютно устроившись на своём лежбище.

Судя по резковатым движениям, вампир был ещё тем типом — либо сидел на тех же препаратах, что и я, либо искусственно разогнал свой обмен веществ. Бессмертием здесь, понятное дело, даже и не пахло, зато здорово помогало в драках.

— С точки зрения Высших, — это он, естественно, имел в виду своих клыкастых собратьев, — ни один человек для нас не является «большим». Но мы согласны — в людской иерархии тем выше, чем больше он может причинить неприятностей.

Я усмехнулся — кровосос правильно оценивал нашу социальную философию. Он же продолжил — всё также, с королевским «мы».

— Мы не боимся неприятностей. Но и не хотим быть заложниками ваших человеческих разборок. Эта смерть не имеет к нам отношения.

— А кто же ещё, скажи на милость, специализируется на разделывании людей зубами и когтями?

— Бедный, бедный человечек… — неожиданно хихикнул «хозяин». — Никто не откроет ему правды.

— Это почему же? — холодновато спросила эльфка.

Вампир и ухом не повёл, глядя прямо на меня.

— Ты задаёшь свои вопросы не тем существам… да ещё и не в той компании. Что касается убийства — может, твоя эльфка тоже

могла бы кое-что порассказать?

— Например?

— Большой человек был убит маленькими людьми. Быть может, это месть за то, что они так и не выросли?

— Слушай, клыкастенький, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Хорош мне мозги конопатить! Либо ты в курсе, либо нет — поэтому либо говори, либо мы отваливаем из твоего театра одного актёра, сечёшь?

— Спешим… — протянул «хозяин». — Хорошо… Кое-что я знаю. Меня предупредило не интересоваться моей территорией одно… существо.

— Призрак любимой тётки? — вяло предположил я. От дешёвых эффектов уже клонило в сон, но вампиры — такая публика, что «хозяин», вполне возможно, уже и забыл, как разговаривать по-человечески. К «существам» вампиры на своём сленге относили всех генемодов — по вполне понятным причинам. В их идеологии место любого человека было — корм. Но попробуй вампиры напасть на… да даже не военлорда, а хотя бы милого и своего в доску орка — от клыкастых бы одни ошмётки полетели.

— Это… существо, — в голосе вампира прорезалась уже неподдельная, а не наигранная ненависть, — Было очень убедительно, но непочтительность его нуждалась в наказании. Я следовал за ним в ночи и… о да, детектив, я видел убийцу… и убийство. Но готов ли ты заплатить за эту информацию, вот в чём вопрос…

Толстяку из «Бара» хватило бы сотни. Вампиру…

Строго говоря, вампиры были обычной уличной шпаной. Беда только в том, что их идеология напрочь сбивала им крышу, и деньги их интересовали мало.

Людоеды ритуальные, так их фак… Идеологически подкованный бандит, основавший тоталитарную секту в сотню раз опасней обычного уголовника, это вам я говорю.

— И в чём состоит плата? — спросила Айви. Я всё больше чувствовал себя в этом разговоре лишним. В голосе же офицера Стерлинг прорезАлся знакомый мне ледок.

На месте «хозяина» я бы отступил… но он не понял угрозы — либо имел какие-то свои соображения.

— Кровь. Нам нужна кровь. Ты убила наших братьев вчера — думаешь, нам неизвестно об этом? — просвистел вампир, обращаясь к эльфке.

Я собрался было высказать подходящие к случаю соболезнования, но вдруг понял, что они будут излишними.

«Хозяин» гнезда зыркнул своими буркалами в мою сторону.

— Я видел убийцу. Но платой за эту информацию должна стать кровь эльфки.

Чтож, с самого своего появления в этом шалмане я чувствовал себя участником дешёвой мелодрамы.

— Сколько угодно, — процедил я и потянулся к рукоятке своей пушки, решив доказать превосходство старинного револьвера над любыми генетическими изменениями.

Было понятно, что ещё без одной драки не обойдётся. Я не виноват — мы живём в суровом мире трезвого расчёта, и дуэли в стиле д'Артаньяна редки.

Но то — наверху.

А на улице силу нужно демонстрировать постоянно, иначе уважать перестанут.

Это, по большому счёту, не страшно.

Намного хуже то, что если тебя перестанут уважать — с тобой перестанут делиться информацией.

Это не мой мир, не мои правила. Но жить приходится именно по ним.

К рукояти револьвера я тянусь медленно, как в рапидной съёмке. «Хозяин» логова прыгает на меня, но — ускоренный там у него метаболизм или не ускоренный — мы все опаздываем.

Я-то, дурак, считал «чёрный вихрь» серьёзным боевым стимулятором. С этого момента я с этой иллюзией распрощался на веки вечные. Законы нужно издавать не против «вихря». Законы следует издавать против эльфов.

Айви ловко подсекла мне ноги, вновь отправив отдыхать на пол.

В руке развернулась яркая, блестящая как зеркало полукруглая пластина; движение эльфки я видел только благодаря ей… а пластин вдруг оказалось две — по одной в каждой руке.

Они на долю секунды окружили офицера Стерлинг сияющей сферой, после чего извлечение мною револьвера стало занятием совершенно бесполезным.

Даже в потолок заради самоутверждения я палить не стал — опасаясь рикошета. Только огляделся растерянно — как и прочие присутствовавшие.

Крови хватало. «Хозяин» логова лежал на полу с распоротой сонной артерией. Голова угодила в гору черепов, расшвыряв их как кегли.

Быстро увеличивавшаяся в размерах лужа ярко-голубой крови свидетельствовала о том, что «хозяин» изрядно продвинулся по пути химической оптимизации организма.

Впрочем, это не делало зрелище менее тошнотворным.

Ещё у парочки вампиров, дотоле скрывавшихся вдоль стен и попытавшихся принять участие в общем веселье были начисто срезаны носы, что резко умерило их наступательный порыв.

Сияющие полукружья — веера! — догадался я, — с двух сторон прижимались к шее того однозубого вампира, который привёл нас в логово. Он стоял на носочках щегольских ботинок, и было очевидно, что, опустись он хоть на миллиметр ниже, быть парню без головы.

— Знаешь, мне очень хочется увидеть твой череп на вершине этой горки, — всё, отныне падение и, соответственно, потеря головы вампиру не грозили. Голос эльфки был способен превратить человека в ледяную статую.

И, похоже, превратил.

Я посмотрел на вампира-проводника и спросил.

— Так что там с убийцей, которого вы видели?

— Никого из нас там не было, — прохрипел вампир, с ужасом косясь на веера. — С ним говорил Эшрош, это у него там дела по ночам…

— С кем дела? — спросила Айви.

— Да я почём знаю-у-у! — вскрикнул вампир, дав петуха на последнем слове — видимо эльфка сочла данное обращение не совсем почтительным. — Вон он лежит совсем мёртвый!

Я посмотрел на лужу крови, уже переставшую увеличиваться в размерах и мысленно признал правоту проводника. Действительно, совсем мёртвый, лучше не скажешь. Ни одна, даже самая маленькая часть не выжила.

— Эшрош? — я посмотрел на убитого, — Ты хочешь сказать, что убийца встречался только с ним?

— Д-да, — просипел вампир.

— Он говорил что-нибудь о том, кто убийца? — уточнила эльфка.

— Нет, нет! — последнюю фразу проводник скорее булькнул, потому что сполз с вееров с уже знакомым мне повреждением, несовместимым с жизнью.

Я и эльфка встретились глазами, но это было столкновением щит в щит: яростный лёд против моего безразличия.

Возможно, у девочки дрогнула рука. А возможно, я влип в гораздо более крутую историю.

Я отошёл к двери, ведущей наружу и отвалил железную плиту в сторону.

— Пошли отсюда. Я прикрываю.

Эльфка чуть присела рядом с телом проводника и чуть поправила его голову — так, чтобы она оказалась точно в центре

бывшей пирамиды черепов.

Осиротевшее гнездо мы покинули без проблем — и не позавидовал бы я тому типу, который рискнул бы нас остановить. А преследования я не опасался — потому что подпёр плиту, служившую дверью подходящей железякой. Надо было бы не забыть сообщить об этом патрульной группе — как знать, возможно в полиции уцелевшие вампиры окажутся более памятливыми?

— Айви… — сказал я, когда мы бодро маршировали к остановке монора.

— Да, Джек? — очень мило спросила меня эльфка.

— Ты когда-нибудь дашь прочитать своё досье?

Эльфка промолчала — и правильно сделала. Я был готов взорваться.

— Потому что психопатом в нашей компании записан я! И если ты ещё раз начнёшь размахивать своей железякой, не испросив предварительно моего разрешения…

— Он бы убил тебя раньше, чем ты нажал бы на спуск.

— Айви, как ты думаешь, тот мальчик, которого ты прикончила последним, мог видеть убийцу?

— Теперь мы этого уже не узнаем, — безмятежно проронила эльфка. — Будешь писать рапорт?

— Так, ясно… — я полез в карман за леденцами для успокоения нервов. Открыл пачку. Черные капсулы — «вихрь», синие — зверская смесь мяты и эвкалипта.

Я забросил в рот синюю.

Посмотрел в бесстрастные глаза эльфки.

— Рапорт писать, я, конечно, не буду. Но пять трупов за два дня расследования — это чересчур. Это уже не расследование, это «Doom» пополам с «Троецарствием».

Ещё пару витавших в воздухе мыслей я оставил при себе. До поры до времени.

Эльфка поняла мои размышления по своему.

— Попробуем найти того, с кем встречался Эшрош?

— Время терять? — фыркнул я. — Эта ниточка уже оборвана… твоими усилиями. Встречи такого уровня главой логова проводится лично. Если он раскроет стае свои контакты, его прикончит следующий претендент — а таковым может стать любой, кто чувствует в себе достаточно сил. Своего рода демократия по-вампирски.

Эльфка подарила мне восхищённый взгляд, и я растаял. Верно, лапочка, верно, лучше Стоуна улицу никто не знает… Не потому ли я в поводырях?

Я вспомнил недавнего вампира, выполнявшего ту же функцию, и шею будто охватила ледяная петля.

— План таков: ты моложе меня, старика, так что пошляйся по окрестностям, поспрашивай о странных делах, которые тут творились последнюю неделю.

— Ты думаешь, кто-то из докеров мог быть в курсе?

— Скорее всего. К примеру, тот болгарин наверняка что-то знал.

— А ты?

— У меня дела, — автоматически я дотронулся до коробки с леденцами. — Запас пастилок надо пополнить. Встречаемся в 17–00 напротив Управления.

Мы ещё раз посмотрели друг на друга и одновременно сделали шаг назад. Вновь встретились глазами.

Айви чуть заметно усмехнулась и повернулась ко мне спиной, чётко отбивая шаг в сторону «Бара».

Я задумчиво проводил глазами удаляющуюся стройную спинку и медленно снял с взвода револьверный курок.

По моей спине градом катил пот.

9

Подождав, пока офицер Стерлинг скроется за углом — и восстановив тем самым способности к логическому мышлению — я ещё раз взвесил ситуацию.

Полешко к полешку — а там, глядишь, и костерок сложится, говаривал ещё Торквемада.

От дела… ну, не то чтоб пахло… не люблю я это словечко, но — скажем так, слишком много было привходящих обстоятельств.

Слишком много военных, слишком много личной заинтересованности, слишком много политики. Намёки вампира я просёк сразу — и в том, что Томаса Кларка валил эльф, не сомневался ни секунды. А вот в чём я испытывал сомнение — и немаленькое, надо сказать, — так это в своей напарнице.

И хотя я понимал, что нарушаю первую заповедь детектива — ищи улики, а не мотивы (последних, как правило, у любого человека хватает с избытком — но люди обычно воздерживаются от осуществления своих самых сокровенных мечт), я чувствовал, что мне нужен краткий курс ликвидации политической безграмотности.

Из первых рук.

Благо, кандидатура имелась.

Я этого человека знал хорошо… хотя он вряд ли подозревал о моём существовании.

Или следовало бы воспользоваться вампирским термином «существо»?

Анклав «Серые заводи» в новостях почти не упоминался — эльфы свою кухню предпочитали не афишировать.

Может быть, даже приплачивали за это умолчание. В конце-концов, про них и впрямь мало что было известно; а общественность и без этого имела своих излюбленных мальчиков для битья и чествований — военлордов.

Хотя я начал подозревать, что если эльфы и не превосходят военлордов по количеству модификаций на цепочку ДНК, то, по крайней мере, не уступают им. Впрочем, это пока были лишь мои домыслы, нуждавшиеся в более вещественной проверке. За которой я и прибыл.

Сами по себе «Серые заводи» — если смотреть со стороны — с серостью и невзрачностью ничего не имели.

Несколько ажурных куполов, напоминающих панцири раковин-радиолярий мерцали изнутри зеленоватым светом, а между ними к небу возносились башенки-минареты, больше

напоминавшие космические корабли.

А над всем этим — когда-то белоснежным, но уже покрытым серой копотью смога — великолепием — светило пронзённое солнечными лучами ярко-голубое солнечное небо, и я даже не сразу сообразил, чего не хватает.

Нельзя сказать, что меня вдруг постиг приступ агорафобии, но потребовалось определённое психологическое усилие, чтобы понять — до ближайшего домограда — несколько километров.

И ведь что странно — планету вовсе нельзя назвать перенаселённой; а ведь что-то тянет нас сбиваться в эти тесные агломерации вдоль уязвимых перед всеми ветрами и цунами побережий, будто леммингов. Или это планета таким образом самоочищается от человечества?

Я какое-то время постоял на станции монора, наслаждаясь видом, и лишь затем медленно принялся спускаться ко входу в анклав.

Посетителей на входе встречал караул. Впрочем, судя по всему, посетители ворот «Серых заводей» отнюдь не обивали — поскольку вся стража свелась к милой барышне из той же породы, что и Айви — судя по изящной алебарде, которую сжимала не менее изящная ручка.

Не то чтобы мне не нравились изящные ручки милых барышень, но алебарда, при всей своей внешней ажурности весила фунтов тридцать, воительница же удерживала её чуть ли не двумя пальчиками — что заставляло подозревать, что за генами девушки стояли усилия множества генных лабораторий.

Какое-то время я и эльфийка-стражница пристально рассматривали друг друга — она по должности, я из любопытства.

Алебарда — не какая-нибудь нагината, а чудовище с таким количеством дополнительных крюков, обухов и лезвий, что впору брать эльфийку как подозреваемую по моему делу.

Одежда — хламида неопределённого вида и цвета; цвет скорее серый, но с «хамелеонной» тканью этого никогда нельзя определить наверняка; покрой — мешковатый, но, судя по всему, вздумай эльфийка сделать сальто-мортале и станцевать стриптиз, использовав в качестве шеста собственный лесорубный агрегат — препятствий у неё не возникло бы ни к тому, ни к другому, халатик всё скрывал, но мог и подчеркнуть.

Подчёркивать, как ни странно, было что, и это при том, что при желании эльфка смогла бы спрятаться за алебарду целиком. Не иначе как генную архитектуру эльфам рисовал какой-нибудь генетик, не вышедший ещё из подросткового возраста.

Лицо Снежной королевы — холодно-прекрасное, к счастью, я уже получил прививку от эльфийских чар. Волосы — белоснежно-белого, совершенно ненатурального оттенка — были убраны под широкий серебристый обруч с ярко-красным искусственным рубином в центре.

Сам рубин чуть помаргивал, выдавая своё истинное назначение видеокамеры, а в гриву волос уходил витой серебряный шнур переговорного устройства.

В общем, не девушка, а Лара Крофт собственной персоной.

Какое мнение эльфка составила обо мне, я так и не понял — лицо девушки осталось непроницаемым.

Я усмехнулся, и, ткнув пальцем в алебарду, спросил.

— А калибр какой?

Эльфка смерила меня взглядом — не надменным, как можно было бы предположить, а просто усталым и вежливо ответила.

— На территории анклава работает аппаратура обезоруженной зоны, гражданин. Вы хотите войти?

Я задумчиво посмотрел на эльфку. Затем оглянулся, посмотрев на остановку монора, до которого было никак не меньше трёхсот метров. Оглядел площадку перед входом в анклав — с неё, как я и предполагал изначально, никуда кроме как в «Серые заводи» попасть было нельзя.

Вновь посмотрел на маниакально невозмутимую эльфессу, бесстрастно любовавшуюся разыгрываемой мною мизансценой.

— Видимо да, — согласился я наконец с её утверждением. — Хотелось бы побеседовать с кем-нибудь о возможностях модификации «эльф». Пора подумать о детях… и их будущем.

Ну-да, так мне и поверили. Я нисколько не сомневался, что был сочтён, измерен и взвешен уже в тот момент, когда подходил к привратнице; но, с другой стороны, вряд ли у эльфов есть настолько уж прямой доступ к архивам моего родного управления.

Положение «фантома» имеет своё преимущество.

«Снежная королева» посмотрела на меня чуточку отстранённым взглядом, что явно свидетельствовало о том, что она только что выходила на связь со своим начальством и сказала.

— Я провожу вас по территории анклава, мистер Стоун.

Ну, в том что им станет известна моя фамилия, я и не сомневался.

— А у вас не возникнет проблем в связи с оставлением поста?… — начал было я, но из раздвижной полукруглой двери уже выходила сменщица «моей» стражницы — такого же обледенелого вида девица с чем-то вроде двуручного топора.

— Меня зовут Гвендолен, — алебардистка пристроила свою живопыру на плечо и мне, волей-неволей, пришлось последовать за ней. Не то чтобы я был полон предрассудков, но взгляд второй эльфки мне понравился ещё меньше.

Я представляться не стал — благоразумно сочтя, что девушка и без того получила выжимку о моей персоне, где, конечно, неясно, что именно значится, но уж имя с фамилией — однозначно.

— Я сразу проведу вас в ясли, — предупредила Гвендолен, быстро скользя по коридору — да так, что я едва за ней поспевал. Что было, в общем-то, странно — шаг-то у меня широкий. — Там вы быстрее всего сможете увидеть преимущества нашей модификации.

Я не стал уточнять, что боевые возможности эльфов для меня секрета не представляют.

Потому что нисколько не сомневался в том, кого увижу в яслях.

Коридоры по которым мы шли более всего напоминали старые декорации из «Звёздных войн» — очень широкие, так, что даже при большой высоте они всё равно казались слишком приземистыми.

Людей было мало — и, почему-то, всё больше девочки с холодным оружием.

Фем-фаталь, короче.

— Сразу предупреждаю вас, мистер Стоун, — Гвендолен будто мысли читала, — Особенность нашей генетической модификации такова, что Y-хромосома рецессивна.

— Y-хромосома? — переспросил я с наигранным удивлением.

— Она отвечает за пол, — эльфийка чуть улыбнулась. — Мужской пол.

— То есть, говоря попросту, эльфиек-девочек намного больше, чем эльфов-мальчиков — и в перспективе мальчиков не останется вовсе?

— Примерно так оно и есть, — на лице «снежной королевы» мелькнуло удивление.

— Вы знакомы с генетикой? — уточнила она.

— Не очень хорошо, — признал я, а потом подумал, что сболтнул лишнего и поспешил поправиться. — Я-то всю жизнь мечтал о мальчике. Кстати, а внешность… на задаётся генетически?

— Лишь отчасти, — ответила эльфка. — Но работы в этом направлении ведутся.

— Вот мне и интересно… Всё-таки эльфы производят довольно… яркое впечатление. Волосы, глаза…

— Косметическая генетика. Это не врождённое, легко корректировать. В том числе и в течении жизни.

— Любопытно, — усмехнулся я, — Кстати, всегда интересовался, почему «эльфы»? Генетика — и такие дремучие сказки!..

Гвендолен чуть сбавила шаг — видимо, избранный ею изначально темп не позволял вести степенную беседу с чрезмерно любопытным детективом.

— Во-первых — увлечение фэнтезийной тематикой в начале века. Большая часть генных архитекторов выросли именно в той семантике и образном ряду.

Ну да, всё верно. У меня самого в детском возрасте на десктопе была картинка с аналогичной красавицей.

— Во-вторых, генетически задан внешний типаж — эльфы, в целом, стройны до худобы, — тут эльфка чуть улыбнулась. — Хотя, конечно, местами бывают исключения.

— Понятно, — протянул я. — А каковы преимущества по сравнению с другими модификациями?

— Строго говоря, генный код эльфов есть разновидность генного кода военлордов, предназначенная для гражданского применения. Конверсия военной технологии — но всё то же самое, в принципе. Ускоренные реакции, иной спектр восприятия — как зрительного, так и слухового, чувствительность к электромагнитному излучению…

Я приподнял бровь.

— Чувствительность к электромагнитному излучению?

— О, это лишь намётки. — Гвендолен посмотрела на меня с некоторым сомнением. — Если вкратце, то форсирование определённых генных цепочек ведёт к повышенной восприимчивости волн электромагнитной природы… и возможности модулировать их.

— То есть можно слушать радио без приёмника?

— Это вряд ли. — эльфийка явно жалела о сказанном. — Скорее это может дать возможность общаться друг с другом без помощи слов. Но, разумеется, если вы не захотите заказывать такую модификацию, то она необязательна.

Я хмыкнул — в последних словах Гвендолен я усомнился. Но спорить не стал, переведя разговор на действительно интересовавшую меня тему.

— Гм… А избирательные льготы? Сейчас с этим сложности…

— Ситуация может и перемениться, — эльфийка пожала плечами. — Зато эльф не будет привязан к военной специализации так жёстко, как военлорд.

— Ну, человек, не модифицированный генетически в

современной армии служить и не сможет.

— Вы забываете, мистер Стоун, что спецификация генома «эльф» не уступает спецификации любой субрасы военлордов

— Ну да, Отбор, — фыркнул я. — Да вот только много ли эльфов служит в армии?

Про Отбор ходило много невероятных слухов — дело в том, что «Серые заводи» упорно не открывали исходный генокод спецификации эльфов, и поэтому правительству пришлось настоять на открытых испытаниях, где сравнивались не цепочки ДНК, а физические и ментальные возможности генемодов.

По слухам, эльфы превосходили военлордов по всем параметрам. В теории этот отбор мог попытаться пройти и обычный человек, но на практике смертников не находилось. Человек мог конкурировать с модами разве что сожрав килограмм «чёрного вихря».

— Эльфов в армии немного, мистер Стоун, — Гвендолен с иронией посмотрела на меня. — Но те, кто служит, обычно оказываются на самом верху.

Уже к середине нашей милой беседы я понял, что эльфийка прекрасно поняла, что пришёл я сюда вовсе не из-за сильного желания модифицировать своих будущих детишек, а значит и ни в какие ясли меня не поведут. Вариантов развития событий, на самом деле, было два: либо меня выведут с чёрного хода и попросят никогда не возвращаться; либо, что было бы гораздо хуже, меня проводят до ближайшего угла и выведут в расход, как слишком много узнавшего о модификации эльф.

Мне показалось, что сейчас речь пойдёт о втором варианте.

Судя по всему, это был тренировочный зал — огромный, метров триста в диаметре, накрытый сверху огромным куполом, через стёкла которого ярко синело небо.

И весь этот зал был заполнен разбившимися на пары эльфами всех полов и возрастов — на этот раз, для разнообразия хватало и мужских лиц — постигавших тайны фехтовального искусства.

Общим числом их было никак не меньше полутора тысяч человек и это, определённо, было многовато даже для меня. Я покосился на Гвендолен.

— Утренняя гимнастика?

— Скорее, вечерняя тренировка, мистер Стоун. Вам на ту сторону зала — с вами хотят поговорить.

Я с сомнением посмотрел на эльфийку, а затем перевёл взгляд на центр зала — там действительно, насколько я мог разобрать с этой дистанции, стояла одинокая фигурка в белом одеянии.

Идея такого прохода сквозь строй была мне не очень ясна, но

в чужой монастырь не ходят со своим уставом, а я уже зашёл очень далеко. Я вступил на обрезиненное покрытие тренировочной площадки и спокойно побрёл к центру зала.

В своё время мне довелось наблюдать массовую тренировку по рукопашному бою китайской народной армии. Там единожды на плацу тренировалась целая дивизия, но упорядоченности было явно больше. Мне то и дело приходилось обходить группы расшалившихся эльфок, чрезмерно активно размахивающих своими железяками.

Не то чтобы меня пытались намеренно задеть — вовсе нет!

Но вот разглядывали меня весьма пристально… а к такому вниманию привычен не был. Так что к тому времени, когда я добрался до центра зала я, скорее, напоминал выжатый лимон.

Эльфийку, ожидавшую меня в центре зала я знал только по фотоснимкам — причём порядочной давности. Она меня, скорее всего, тоже.

Высокая, волосы — пепельные от седины, фигуру полностью скрывал такой же пепельно-белый плащ. Но всё это воспринималось лишь абрисом, лёгким, почти невесомым контуром, ореолом вокруг серо-зелёных глаз с затаившимися в уголках морщинками.

Возраст в них не читался вовсе — в отличие от мудрости… и грусти.

— Меня зовут Квенитэль Альтариндиэль, мистер Стоун. Я — лидер нашей общины.

Я хмыкнул.

Я так и знал, что Альтариндиэль где-то появится. Вновь соприкоснулся глазами — из них струилась такая нежность, что хотелось рассказать сразу и всё — о себе, о работе, о приведшем сюда деле, но я удержался от этого искушения. Просто стоял и моргал.

— Позвольте, я провожу вас к выходу… детектив, — улыбнулась Квенитэль моему очумелому виду.

— Вы столь любезны с каждым посетителем, вздумавшим узнать побольше о модификации «эльф»? — спросил я, ища спасения от этого взгляда в грубости.

— В идеале — да, мистер Стоун… — поскольку именно я принимаю решение, будут ли принесённые нам гены полезны. Я генный архитектор субрасы «эльф»…. Помимо всего прочего.

— Ну, в моём-то случае ответ, надо полагать, будет отрицателен? — хмыкнул я. Как говорится, если уж моё имя известно…

— Поражение «Шивой»? На самом деле это не имело бы

значения. Неважно, что нейрофаг сделал с вами, мистер Стоун, важно, как он повлиял на ваш генетический код. Впрочем… независимо от ваших личных намерений — сейчас вы пришли не за этим.

— Это верно, — признал я. Судя по всему, я начинал становиться в нашем городишке весьма популярной персоной.

МакМагон наверняка сейчас весь багровый от злости — ещё бы, Стоун весьма неудобная фигура для публичности.

— Вам, наверняка, известно, чем я занимаюсь? — стараясь придерживаться столь же учтивого тона спросил я.

— Вы расследуете убийство генерала Кларка, я полагаю. И поэтому я не очень понимаю, что привело вас ко мне.

Я многозначительно хмыкнул.

— Дело, стоящее передо мной прежде всего политическое. Я же вдруг выяснил, что в современной политике совершенно не силён.

— И? — подбодрила меня Квенитэль.

Я извлёк из кармана пачку с леденцами и забросил один из них себе в рот.

— Насколько я понял, у субрасы эльфов существуют определённые разногласия с военлордами, которые вылились в парламентское противостояние…

— Вы имеете в виду предстоящее голосование по поводу отмены Апрельской поправки?

— Совершенно верно.

Квенитэль задумалась, формулируя мысль.

— Видите ли, детектив… Наша страна вот уже семь лет не ведёт боевых действий — и, с точки зрения нашего сообщества, вопросы внешней политики нельзя оставлять на откуп одним только военным.

— Как я понимаю, служба в армии для эльфов вовсе не закрыта.

— Но и не слишком нам интересна. Говоря по правде, это просто разбазаривание ресурсов и времени. Для эльфов ситуация выглядит именно так, увы.

— Но ведь маловероятно, чтобы военлорды сами подрубили сук, на котором сидят? Апрельскую поправку вряд ли отменят… — задумался я вслух.

— Мистер Стоун, боюсь что вы, в силу некоторой предвзятости, неверно оцениваете военлордов как некую монолитную силу. Радикалы, считающие, что САСШ по-прежнему нуждаются в чрезвычайном положении находятся в меньшинстве…

И объединены в партию «Новое человечество», — продолжил

я. — А значит, убийство генерала Кларка объективно сыграет на руку тем, кто требует равноправия, не так ли?

— Любопытная точка зрения, детектив. Но не совсем правильная. Я так понимаю, в кулуары Сената вы не вхожи… поэтому позволю себе небольшое пояснение. «Новое человечество» в меньшинстве. Поэтому смерть сенатора Кларка никак не поможет переубедить колеблющихся… и победить они не сумеют. В любом случае.

Та-ак, — протянул я. — И это даёт нам мотив.

Квенитэль задумчиво посмотрела на меня.

— Не стоит давать волю своей фантазии, детектив. Я бы сказала иначе — провал Апрельской поправки настолько очевиден, что любой метод давления… тем более, столь неизящный, как убийство сыграет, скорее, против «Серых заводей».

В уголках рта Квенитэль залегла жёсткая складка.

— Эльфы опасаются вооружённого переворота, возглавляемого «Новым человечеством». Более того. Острие этого переворота будет направлено против нас, эльфов. А повод… повод, как вы легко можете догадаться, был создан в тот момент, когда был убит Кларк.

Я посмотрел на напряжённую фигуру эльфийского генного архитектора. Быстро же слухи расходятся — а ведь, насколько мне известно, Боров должен был молчать как рыба о всех следственных версиях.

Более того, я нисколько не сомневался в том, что он и молчал. Хотя… не случайно же мне в пару была назначена эльфка.

Я хмыкнул — похоже, в «Серых заводях» активно велось своё внутреннее расследование.

Или заметание следов, что тоже не исключено.

— Но почему? — спросил я. — Что эльфы не поделили с военлордами?

— Детектив, почему бы вам просто не найти убийцу? Желательно побыстрее. Поверьте, если вам не безразлична судьба страны — «и уж если вы решили заняться политическим расследованием» — продолжил я фразу Квенитэль про себя, — то поиски этого киллера будут самой главной задачей.

— Я непременно этим займусь, — я пожал плечами. — Уже занимаюсь. Мне вот только интересно, ведь субраса «эльф» появилась в те же годы, что и генная модификация «Warlord»?

— Вы не ошибаетесь.

— Но военлорды — это ведь люди. Вполне обычные люди, — я вспомнил Эйлин, — которые выходят в отставку и мало чем

отличаются от простых смертных. А вот эльфы живут своим анклавом и держатся чрезвычайно замкнуто. Не удивлюсь даже, если выяснится, что у вас внутри «Серых заводей» существует полностью альтернативное государство — со своим законодательством, полицией и исполнением приговоров. Так что я, честно говоря, хотел бы услышать от вас собственную версию такого разделения.

— Бесспорно, это будет лучше, чем оставить вас наедине со своими собственными мыслями по этому поводу! — Квенитэль усмехнулась. — Для начала — у военлордов, как вы, вероятно знаете, существует точно такая же система, как и у эльфов… просто она не бросается вам в глаза — поскольку вы, детектив, в армии не служили.

— Вы имеете в виду Управление по делам бывших военнослужащих?

— Совершенно верно, жандармерию. Но, поверьте мне, Управление контролирует своих подопечных намного более жёстко… потому что это система, основанная на военной дисциплине.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Детектив, вы в курсе, что даже отставной генемод — неважно, военлорд он, эльф или орк — не имеет права эмигрировать? Что он может в любой момент быть призван из запаса на военную службу? Что все его встречи и друзья контролируются жандармерией и в любой момент могут сыграть против военлорда — потому что закон об измене Родине никто не отменял.

— Довольно странное внимание к военлордам со стороны их политических противников.

— Только не в том случае, если вы занимаетесь политикой, детектив. Речь идёт о 12 миллионах избирателей — я бы добавила, полноправных.

— И только-то?

Эльфийка холодно посмотрела на меня.

— Детектив… Вам знакомо такое имя — полковник Джейкоб Ван Даглер?

— Да… Уже случилось пересечься.

— Он шеф Управления по делам бывших военнослужащих. Состоит в партии «Новое человечество». В принципе, если вы скажете, что жандармерия и «Новое человечество» — одна структура — вы нисколько не ошибётесь.

Я поморщился.

— Всё это весьма любопытно… но мы начали разговор с эльфов, — я попытался наставить Квенитэль на чуть более

интересовавшую меня тему. Но она интерес к разговору теряла с катастрофической скоростью — с каждым метром, приближавшим нас к выходу.

— «Эльфы» появились даже раньше военлордов, мистер Стоун — как следствие проекта социальной инженерии. Генные модификации стали лишь вторым шагом — и, первоначально они не были столь радикальными, как генная коррекция военлордов.

— А какова цель социальной инженерии?

— В конце прошлого века, как вам, должно быть, известно САСШ столкнулись с целым рядом почти неразрешимых общественных проблем.

— Большая Резня?

— Ну, как раз она почти не повлияла, это в чистом виде внешняя политика. Речь именно о внутренних проблемах — немотивированное насилие, расовые бунты, прорыва уличной культуры в политику, размывание социально-половых ролей…

— И какой же был найден выход? — я усмехнулся. Потому что ответ был мне известен.

— Единственно правильный, я полагаю. Цивилизация встала на грань распада — такого же, который в своё время постиг Древний Рим.

— Очевидно, будущее за феодализмом. — хмыкнул я. Военлорды как рыцари? А эльфы? Вернее, эльфки…

Квенитэль промолчала. А я иронически усмехнулся.

— Матриархат — светлое будущее человечества?

— Возможно, мистер Стоун. Воспитание лежит в основе любой культуры. А наши девочки весьма привлекательны для мальчиков, — эльфийка посмотрела на меня заинтересованно. — А вы точно не модифицировались?

— Ага, головой — когда упал в детстве, — буркнул я. — Только, полагаю, в вашей, генемодской среде всё это — секрет Полишинеля. И, похоже, не все с такой перспективой согласны — то же «Новое человечество», к примеру.

Квенитэль резко поскучнела.

— Чтож, детектив… надеюсь, моя консультация поможет вам в расследовании, — сухо сказала она, недвусмысленно указав мне на возникшую перед нами дверь.

Я пожал плечами и направился к выходу.

У входа меня поджидала Айви. И, судя по тому, как её усиленно игнорировала привратница, «моя» эльфка в анклаве то ли не прижилась, то ли вот именно с этой конкретной стражницей у неё были давние и личные разногласия.

Впрочем, через секунду я понял, что неверно оценил причину

агрессивности стажёра.

— Не доверяешь, Стоун? Биографию мою решил проверить?!

— Можно подумать, так мне её тут и рассказали! — парировал я. — А вот ты тут чем занимаешься? Стучишь?

— Ах вот ты как!! — по эльфке было невозможно понять, наиграно её возмущение или нет.

— А что ещё я должен думать? — удивился я. — Я ведь и сам не знал, что меня занесёт в ваш анклав — и тут вдруг вижу тебя! Так что, стажёр-детектив Стерлинг, спрашиваю ещё раз: какого чёрта ты тут забыла?

— Возможно, навещала свою любимую матушку? — усмехнулась эльфка.

— Наверняка — по её настоятельной просьбе, — сказал я, сообразив, что в наш век высоких технологий для слива служебной информации существуют намного более закрытые каналы. Не требующщие личного присутствия.

Айви отвела взгляд в сторону.

— Джек, ты ведь не собирался лезть в политику.

— «Если вы не интересуетесь политикой, политика начинает интересоваться вами», — процитировал я чьё-то высказывание. — Убийство совершено эльфом. Возникает вопрос — почему? У вашей… стороны есть версии произошедшего?

— Никаких, Джек. Поэтому эльфам и потребовался детектив — обычный полицейский детектив.

Я задумчиво посмотрел на эльфку. Чего-то девочка явно не договаривала, но прессовать человека с которым мне ещё предстоит работать я не спешил.

— Опрос в доках что-нибудь дал?

— Ничего. Пусто как в крематории в конце смены.

Я поморщился.

— А ты… — эльфка посмотрела на анклав. — Какие-нибудь идеи появились? Или ты проверял кандидата в подозреваемые?

— Подозреваемых уже нет, — сокрушённо сказал я. — Но, похоже, я упустил из виду самого главного свидетеля.

— Кого? — эльфка опят чуть напряглась.

Я плотоядно ухмыляюсь.

— Всегда мечтал допросить собственного шефа, офицер Стерлинг. Хочешь увидеть это зрелище?

— Думаю, будет интересно, — улыбнулась мне Айви.

Похоже из эльфки со временем получится настоящий коп.

Если, конечно, отобрать у неё мясорубку и провести курс психокоррекции.

Хотя я ни на секунду не усомнился в том, что как раз Айви эту историю уже слышала.

10

Перед входом в родное Управление столпилось десятка два представителей сетевых агентств новостей.

Любой из них походил на безликое насекомое — усики-гарнитуры переговорных устройств, фасетчатые «глаза» монокулярных оптических терминалов, укреплённые на плечах или — у самых крепкошеих — на головах камеры-трансляторы.

— Кого-то ждут, — сразу же определил я, рассеянно похлопав себя по карманам.

Айви вопросительно посмотрела на меня.

— Сетеком забыл, — солгал я, поскольку данным способом связи старался не пользоваться из твёрдого убеждения в том, что нет такого дела, которое не могло бы немного подождать.

— Ты при связи?

— А для чего тебе? — спросила эльфка, продемонстрировав мне погасший экран собственного персонального «доставалы». Судя по обшарпанному военному корпусу, эльфка раздобыла своё средство связи там же, где и револьвер.

— Узнать, по чью душу мухи слетелись, — проворчала, и, движимый самыми дурными предчувствиями двинулся к дверям обители закона и порядка.

Обычно вся информация по тому или иному делу, которой Управление желало поделиться размещалась на полицейском сайте в Сети, и это, в известной степени, отменяло работу журналистов вообще. Политика любой пресс-службы — не сообщать больше того, что сказано в официальном релизе.

Но, понятно, что, даже поднаторев в искусстве «упреждающей дезинформации» Управление далеко не о всех делах желало что-нибудь сообщать вообще.

И возникало множество дополнительных вопросов.

Так что клан охотников-интервьюеров никуда не исчез, и сейчас эти мухи вились у входа в департамент в поисках очередной жертвы, готовые обрушить на неё лавину вопросов-укусов, идущих непосредственно от посетителей сайтов информационных агентств.

Поначалу, конечно, такие вопросы сильно редактировались. Потом стало ясно, что рейтинги заметно выше у тех компаний, которые пускают свои вопросы в эфир без редакции. Выросшему на 3D стрелялках поколению хотелось видеть демократию в действии и задавать вопросы лично.

И охотники всё больше становились похожи на попугаев, выкрикивающих вопросы в режиме реального времени.

Естественно, что ничего оригинального из уст таких «журналистов» услышать было нельзя со времени Великого Потопа.

Я пожалел того бедолагу, которому придётся выдержать их атаку… и, каюсь, не сразу сообразил, что этим бедолагой являюсь я сам, собственной персоной.

Начиналось-то всё неплохо: я и Айви тихо прошли мимо «журналюг», которые в созданной собственными силами суматохе и слона бы не заметили.

Входная дверь, привычно сличив нашу сетчатку и вооружение с внесёнными в список, отъехала в сторону. Вернее сказать, сличение произошло метров за десять до входа, и «звонарь» успел дать сигнал кому положено, потому что за дверью нас уже поджидал Маллинсон.

Легендатор нашей пресс-службы.

— Стоун. — На меня Маллинсон даже не посмотрел, с явной тревогой оценив царившую за моей спиной вакханалию. — Ты должен поговорить с людьми.

Я оглянулся на подобравшихся «охотников», почуявших во мне «того самого парня».

— Может, позже? — без особой надежды спросил я, и таки не ошибся в своих предчувствиях.

— Немедленно! — Маллинсон, при всей своей внешней неказистости был жрецом рейтинга и благонадёжности, и жрецом жестоким. Вполне вероятно, что этого требовали интересы превентивной информационной войны — но, столь же очевидно, здесь не могло быть и речи об интересах какого-то Стоуна.

— Пресс-конференция должна была начаться полчаса назад, и им позарез нужен Джек Стоун!

На лице Маллинсона появилось паническое выражение, ему, в общем-то, не свойственное.

Профессиональный легендатор, даже если он разом потеряет жену, детей, любовницу, банковский счёт, работу и выяснится, что он болен смертельной болезнью и сию секунду начнёт агонизировать — он всё равно должен улыбаться и делать вид, что ничего не случилось — ну, или, по крайней мере, что всё идёт по заблаговременно составленному плану.

Во всяком случае, так гласит профессиональная байка.

На практике, конечно, легендатор лишь разрабатывает и задаёт линию поведения. А вот озвучивать её приходится наёмному «болванчику» с потребными для выправления рейтинга данными.

«Болванчик», обычно, подыскивается из числа копов, что

заставляет ребят нервничать — кто-то, конечно, планирует стать звездой интерактивного телевидения, а кто-то считает, что участие в общественной работе отвлекает от работы настоящей.

Но если для повышения рейтинга и укрепления «позитивного образа полиции» в массах потребуется завербовать в полицию крокодила, то он будет зачислен на службу с такой скоростью, что Эйнштейн будет вынужден существенно пересмотреть теорию относительности.

К сожалению, сейчас почтеннейшей публике требовался вовсе не крокодил. А отстранённый коп Стоун, который если и схож с крокодилом, то лишь по утрам и с похмелья.

Конечно, я понял, к чему идёт дело ещё услышав в какой слащаво-героической тональности медиа сообщили о перестрелке в магазинчике Эйлин; но, с другой стороны, Маллинсон, похоже, перестарался. Последовавшие слова Малли подтвердили худшие мои опасения.

— Ты в чине капитана. Про убийство знаешь только результаты вскрытия. О наркотиках в порту тебе ничего не известно. Постарайся переключить их на собственную героическую биографию! — скороговоркой выпалил Мали, отступая вглубь участка.

Я попытался впихнуть вслед за ним Айви, оберегая нежную психику девушки от общения с журналистами, но не вышло — Маллинсон успел вытолкнуть эльфку обратно. Уж не знаю, как ему это удалось — Айви растерялась, похоже.

Я развернулся к представителям прессы и сразу же нарвался на вопрос.

— Капитан Стоун — это вы?

— Я, — согласился я, не видя возможности скрыть очевидное. — А вы, в свою очередь?..

— Национальное агентство новостей… — судя по дрожи в голосе оппонент мне попался неопытный, и я резко шагнул на него — в камере это должно было дать грозный обвиняющий эффект.

Чего там мне ещё рассказывали на полузабытых инструктажах? Ах, да — смотреть не в глаза того, с кем разговариваешь, а в зрачок телекамеры…

— А вам не приходит в голову, что, монополизируя термин «национальное» вы нарушаете все мыслимые нормы политической корректности? — сурово спросил я, но отбившегося от стаи шакала принялись спасать тёртые зубры профессии, видавшие и не такие виды. Сбить с толку их было невозможно — по причине отсутствия всякой мыслительной деятельности.

— Как вы расцениваете характер порученного вам дела?

— Какова ваша версия причин столь вызывающего убийства?

— Не возникают ли у сотрудников Управления полиции Восточного побережья случаи э-э… непонимания с сотрудниками Управления по делам бывших военнослужащих?

— Для чего следствие привлекло специального эксперта по холодному оружию? Неужели квалификации обычных полицейских криминалистов недостаточно?

— Что вы можете сказать о находке крупнейшей партии «розового шёлка» в Мегапорту? По словам наших источников, этот груз был адресован лично генералу Томасу Кларку. Как вы может прокомментировать этот факт?

— Может ли это убийство иметь политическую подоплёку?

Я искоса взглянул на Айви. Холодно-строгая эльфка явно стушевалась. Того и гляди отвечать… или убивать начнёт.

Да и, судя по галдёжу, представители прессы вот-вот должны были договориться до мирового коммунистического заговора, возглавленного реинкарнацией Мао Цзэ-дуна.

— Господа! — резко выдохнул я воздух из лёгких. — Я тороплюсь, но согласен уделить вам четверть часа. Давайте по порядку — один корреспондент задаёт один вопрос и так — по кругу, пока время не выйдет.

Я, как и журналисты, прекрасно понимал, что второй попытки ни у кого не будет — и это сбавило напор, покуда они соображали, чтобы такого спросить этакого, чтобы не получить по шее от редактора.

— Вот вы! — выделил я из толпы того несчастного, который задал свой вопрос первым. Как пить дать, в Национальном агентстве новостей ему больше не работать, вышибут за психологическую неустойчивость.

— Э-э… — репортёр подтвердил моё предположение.

— Ясно, не сформулировали, — я неспешно поднял руку с часми на уровень глаз и щёлкнул таймером.

Тут же из глубины толпы всплыл следующий корреспондент неопределённого пола в характерной шапочке. «Ушастый кролик» — это хорошо. Вопросы у них несколько… пикантные, зато — никакой политики и наркотиков. Маллинсон будет доволен.

— Расскажите что-нибудь о себе! — тонким голоском спросил журналист. — Ваша напарница — эльфка, это как-нибудь влияет на ваши служебные и личные взаимоотношения?

— «Ни одному лицу, независимо от вероисповедания, национальности, цвета кожи и иных отличительных особенностей, здоровому психически и не осуждённому ранее согласно законодательству САСШ не может быть отказано в полицейской или иной государственной службе» — процитировал

я устав и повернулся к следующей гиене пера, под шумок совершившей фланговый обход и атаковавшей мою напарницу.

— «Домик на крыше». Состоите ли вы в интимных отношениях с вашим партнёром?

— У офицера Стерлинг проблемы с голосом. Небольшой ларингит, — я быстро взял Айви за локоть, там, где, если мне не изменяла память, находилась точка, выключающая руку — поскольку эльфку требовалось срочно отвлечь.

— Что до вашего вопроса, то он не относится к предмету расследования, — добавил я, вызвав сдержанное хихиканье части аудитории.

— Но ведь она ваша жена! — спросила ещё какая-то дама из неизвестного мне таблоида.

Я дал себе слово убить Маллинсона за столь витиеватую легенду… хотя в целом идея мне понравилась.

Характер вопросов меня совершенно не удивлял — как вы думаете, что может интересовать обывателя? Таких людей на месте преступления будет интересовать, в каком магазине убитый покупал себе одежду и как у него складывались отношения с женой.

— Кстати, почему у вас разные фамилии? — продолжила всё та же репортёрша, и мысленно я её расцеловал, тем паче, что расцеловать было что. Она уводила разговор от скользких тем… и вела время.

— Ну, во-первых, официальной публичной регистрации ещё не было, — проявляю обстоятельность я. — Во-вторых, обычай, по которому жена берёт фамилию мужа представляется мне глупым пережитком прошлого. Наконец, в третьих, я обратился к офицеру Стерлинг как к специалисту экстра-класса по холодному вооружению; так что попросил бы оставить вопросы личного характера для менее официальной обстановки.

— То есть представитель «Нового человечества» в Сенате был банально… зарезан?! — с изданий посерьёзнее наконец-то слетел первоначальный шок.

— Зарублен мечом, так будет точнее, — подарил я журналисту хлёсткую фразу для заголовка и повернулся к следующему, тут же подумав про себя, что лучше бы я этого не делал, наткнувшись на сухощавого господина с логотипом «Таймс».

— Что может заявить полиция о предполагаемой взаимосвязи между убийством Томаса Кларка с одной из самой крупнейших партий «розового шёлка» за последние десять лет?

М-да, значит — тонна, не меньше. Пятнадцать лет назад — я тогда всё ещё патрулировал улицы — взяли девять центнеров

дури прямо из Китая; речь шла о промышленных масштабах производства да ещё и предполагаемом вмешательстве иностранной державы во внутренние дела — так что дело быстро забрала себе военная контрразведка.

Лучше бы меня спросили о том, какие позы мы используем в постели. А на такой вопрос как ни отвечай — всё равно его перетолкуют не в твою пользу. Поэтому — для разнообразия и чтобы навыка не потерять — я ответил честно.

— От лица Управления я никаких заявлений делать не уполномочен, — говорю. — Расследование находится в самом начале, и поэтому любое моё предположение будет некорректно — в конце-концов, в нашей стране всё ещё действует презумпция невиновности, не так ли?

— Следует ли понимать ваши слова как указание на наличие у следствия определённых подозреваемых? — вперёд выступает пожилая дама, телеамуницей не увешанная.

Конструкция фразы указывает на высшее юридическое образование.

Рядом с дамой — молодой человек в тёмно-синей униформе, явно из разряда «ходячих кинокамер».

Я скриплю зубами — обозреватель Центральной службы новостей, лично выбравшийся «в поле» — это не фунт изюма.

— Следствие — в моём лице — предпочтёт воздержаться от каких бы то ни было комментариев по вашему предположению, особенно на данном этапе расследования, — учтиво отвечаю я.

— Ещё вопрос, можно? — спрашивает меня дама.

Я сдержанно киваю головой. ЦСН принято отвечать — их девиз, как-никак, «мы создаём реальность».

Но мне очевидно, что пресс-конференцию пора сворачивать — сквозь толпу шакалья из «жёлтой прессы» начинает пробираться главный калибр серьёзных агентств.

— Господин Стоун, можете ли вы исключить связь между насильственной смертью сенатора Кларка, который, как известно, являлся лидером парламентской группировки «Новое человечество» и предполагаемой отменой Апрельской поправки к Конституции, которая должна покончить с привилегированным статусом военлордов в решениях, затрагивающих внешнюю политику САСШ?

Почти что удар под дых.

Не то чтобы это некая оригинальная и неочевидная мысль — просто я как-то не предполагал, что превращаюсь волею обстоятельств в некую политическую фигуру. Во всяком случае, для подобных заявлений я не готов.

— Существования подобной связи я исключить, разумеется,

не готов, — тщательно подбирая слова говорю я. — Однако сейчас следствие не располагает никакими материалами, которые могли бы указывать на это.

Репортёр ЦСН кивает головой с чуть сдержанной улыбкой — мы сейчас как два дипломата за столом переговоров, ловим оговорки друг друга.

— Как вы отнесётесь к предположению, что убийство Томаса Кларка могло быть совершено для того, чтобы сорвать переворот радикально настроенных военных, целью которого является аннулирование результатов голосования — в том, естественно, случае, если оно не удовлетворит военную группировку в Сенате?

— Комментариев не будет, — жалобно прошу я рефери развести нас по углам. — В силу обстоятельств, уже изложенных мною ранее.

Дама сдержанно кивает, а я с ужасом представляю, во что превратят мои ответы в новостных сетях. Но ЦСНовка решает ещё и поглумиться над трупом.

— Последний вопрос, мистер Стоун. Какова ваша собственная политическая позиция? Иными словами, считаете ли вы, что военнослужащие — и только они — должны определять вопросы внешней политики САСШ?

— Хороший вопрос, — показываю я все 32 зуба; навыка непринуждённой улыбки у меня нет, поэтому моя демонстрация плохих зубов больше похожа на оскал. — Дело в том, что я — первопоселенец. То есть, являясь *жителем* САСШ я никоим образом не определяю ни внешнюю, ни внутреннюю политику страны, так как не являюсь избирателем.

Дама выглядит чуть ошарашенной — за такой промах её наверняка пропесочат у редактора.

Я же понимаю ход своего шефа. Политик, нечего сказать; ловко прикрыл свою задницу от любых обвинений в пристрастности.

Буонапарте хренов.

Но балаган пора заканчивать.

Я поднял вверх правую руку, призывая к молчанию.

— Последнее, на этот раз вполне официальное заявление. Я вижу, что у вас родился уже весь спектр версий — от торговли наркотиками до политических заговоров. В таком случае вынужден с прискорбием отметить, что информированность масс-медиа превосходит мою собственную; и мне остаётся лишь призвать средства массовой информации выполнить свой гражданский долг и предоставить имеющиеся у них сведения в распоряжение полиции.

Я улыбнулся, показав, что всё вышесказанное следует

расценивать как шутку.

— И всё же должен заявить: я не интересуюсь политикой. Я интересуюсь преступником. Поэтому я буду искать убийцу, а не заговор.

Я смотрю на часы и победно улыбаюсь.

— Господа, ваше время вышло. Прошу меня простить, но мне и напарнице ещё предстоит заниматься расследованием, поэтому мы вас оставим.

Я поворачиваюсь и вместе с Айви вхожу в здание Управления.

Смотрю на эльфку.

— Извини за локоть. Я не был уверен, что у тебя хватит терпения вынести всю эту чушь.

Офицер Стерлинг дёрнула рукой, и я обнаружил, что всё ещё держу её за локоть.

Я отпустил руку девушки, но она тут же перехватила мою собственную.

— Это делается вот так, — спокойно сказала эльфка и надавила на тот самый нервный центр, который — похоже, безуспешно — искал я.

Моя рука тут же отнялась и онемела.

— Стоун! — выскочил из-за угла Маллинсон, — Почему я не знал о твоих способностях раньше? Ты же отбрехался от этих гиен вчистую — и пусть хоть кто-то попробует обвинить нас в том, что Восточное Управление не сотрудничает с медиа! И перед Деброй Хеллсмит не спасовал!

— А это, собственно, кто? — озадаченно уточнил я — Та девочка из «Домика»?

— Ну ты даёшь, Стоун! Это же лицо ЦСН!

Вероятно, та грымза с юридическим образованием. Я понял, что распоясавшемуся легендатору пора показать настоящего Стоуна — а не того, которого он только что сам себе придумал.

Махнув рукой эльфке оставаться на месте, я взял Малли за лацканы пиджака и почти нежно втиснул между выступом стены и какой-то озеленявшей помещение кадкой.

— Маллинсон, — вкрадчиво спросил я, — А почему эта толпа у входа так уверена в том, что я женат на своей напарнице?

— Ну… — легендатор посмотрел сначала на меня, потом на стоявшую поодаль эльфку, но, видимо, выражение на её лице ему понравилось ещё меньше.

— Стоун, а ты чего хотел?! — окрысился он. — Ты вышел в тираж — и тут вдруг тебя ставят на скандальное дело и требуют для тебя «чистую» биографию!

— Кто требует? — переспросил я. Маллинсон и Боров не то

чтобы запанибрата, но уж не стал бы наш легендатор так темнить.

— Джек, я не знаю. Давят через МакМагона, но он был против.

Угу. Узнаю босса, он всегда против. Слишком много гадостей я про него знаю — не уголовка, конечно, но достаточно для того, чтобы уничтожить карьеру. Так что поставить меня на это дело — это ему, конечно, выгодно. А вот чистить мне биографию — это на него должны были очень серьёзно надавить. Любопытно, где это у меня выискался покровитель?

— Стоун, ты сконцентрируйся на расследовании. Твоё дело факты, ты сам говорил. А режиссуру и постановку оставь мне. — неожиданно жёстко говорит Маллинсон, не то имитируя повадки большого босса, не то приоткрыв своё истинное лицо. — Мы и без того держим информационную атаку по всем уровням. МакМагон превысил свои полномочия, сохранив расследование за Восточным Управлением.

Я продолжал наступать на легендатора, пока он не вжался в стену. Стена была бетонной, но мне показалось, что она начинает проминаться.

— Чёрт побери, Джек, а что мне оставалось? Твою напарницу зачислили в штат через два часа после убийства, мне пришлось для объяснения всего этого целый роман писать!

Я молча смотрел на Маллинсона, а тот — не то оправдываясь, не то вводя меня в курс дела — продолжал частить.

— Джек, ты работал под прикрытием — это позволит объяснить все дыры в твоей биографии и рост в звании; естественно, защищён программой защиты свидетелей, которую ведёт наш департамент, так что ни одна посторонняя свинья не подкопается; Айви была в отделе молодёжной преступности, переведена из 101 участка.

Я молчал. От всего этого бреда несло Голливудом, да это, собственно, и был Голливуд — все эти сотрудники Миниправды были родом именно оттуда; и кто виноват, что все их «типовые клише» и на милю не приближаются к реальной жизни… хотя как знать — возможно «на ура» пережёвываются коллективным массовым сознанием.

Сам Маллинсон истолковал моё молчание в нехорошем смысле — этакое, знаете ли, вторжение реальности в лице Стоуна в собственный бред шизофреника.

— Женатая пара… да ещё такая экзотичная… публике должно понравиться… — растерянно пробормотал он.

— Устав запрещает близким родственникам работать в одном отделе, — сообщила Айви из-за моей спины.

— Причём тут устав? — оживился Маллинсон. — с точки

зрения официальных документов нарушений нет, офицер Стерлинг привлечена на правах эксперта, и вообще, предоставьте мне выполнять мою работу, хорошо?

Маллинсон наконец заткнулся — вконец, видимо, исчерпав запас истерического красноречия. Возможно, он и хотел бы ещё что-нибудь добавить о своих трудностях, но покосился на Айви и предпочёл покинуть моё общество.

Очень быстро.

Я потёр предплечье, вновь потерявшее чувствительность, и, в свою очередь, посмотрел на эльфку.

Офицер Стерлинг чуть отвернувшись, рассматривала своё отражение в зеркальной панели, отделяющей нас от улицы.

— Плюнь на Маллинсона, — попробовал утешить её я. — Работа у него такая — слухи распускать. Собачья.

— Я пытаюсь представить, как могла бы выглядеть наша свадьба, — сообщила девушка, заставив меня картинно вывалить челюсть вниз.

Затем я увидел улыбку девушки и облегчённо вздохнул.

— Дело кончилось бы грандиозной потасовкой эльфов с орками. Ну, идём уже к шефу — полагаю, теперь ему разговора со мной не избежать.

Усмешка эльфки мелькнула в зеркале напоминанием о Чеширском коте.

11

В кабинет босса я вошёл с явственным желанием переломать кое-кому все кости.

— Ты хорошо смотришься на видео, — сказал мне шеф вместо приветствия.

— Намекаете на скорую смену места работы? — буркнул я, бесцеремонно обрушившись в начальственное кресло. Айви скромно — совсем как некий Стоун недавно — притулилась у стального стеллажа, заставленного папками.

МакМагон, стоявший у стеклянной стены собственного кабинета и наблюдавший за суетой работающих людей поворотился ко мне с явным желанием высказаться на счёт моего хамства, но я не дал ему и слова сказать.

— Что за наркотики, шеф?! Почему я ни сном ни духом не знаю ни о каких наркотиках? Почему я, чёрт побери, узнаю об этом у шакалов у входа — и почему тогда, провались оно всё к дьяволу, этим не занимаются ребята из Агентства по борьбе с наркотиками и нелегальными стимуляторами?

Шеф задумчиво посмотрел на меня, явно размышляя, как мне лучше ответить — то ли с позиции большого босса, то ли с позиции лучшего друга.

С последним, очевидно, дело бы никак не выгорело.

Не придя ни к какому выводу, Весёлый Боров вновь повернулся ко мне спиной.

В воздухе повисла тишина, и каждое слово МакМагона разрезало её как камень, брошенный в пустой и очень — до центра Земли — глубокий колодец.

— Возможно, потому, что я замазан в это дело по уши.

— Уж наверное! — фыркнул я, — Вы же там были, босс!

— Вот именно, — МакМагон посмотрел на меня и усмехнулся. — Только я не свидетель, Джек.

Я промолчал — до меня стало доходить.

— Для жандармерии я — один из подозреваемых. Мне шьют измену Родине, предумышленный заговор с целью убийства должностного лица.

— Рад, что вы ещё занимаете свой кабинет, шеф, — почти искренне сказал я. На самом-то деле меня тут же начал грызть вопрос — почему шеф своё место ещё занимает. Доказухи не хватает — так это вряд ли, бравых ребят-элитаров вопросы доказательной базы и презумпции невиновности никогда не волновали.

Но это шеф комментировать не стал.

— Поэтому я не могу передать это дело ни федералам, ни элитарам, ни Агентству. Стоун, мне до зарезу нужен свой человек — просто чтобы знать, откуда ветер дует.

Я покосился на эльфку. Любопытно, а она-то благодаря каким достоинствам в ближний круг попала?

— Роджер… а почему бы не рассказать мне всё сразу? Чистосердечно?

МакМагон грузно подошёл к стулу без подлокотников, на котором обычно сиживал я и тяжело опустился на жалобно скрипнувшее сиденье оперевшись локтями на стол.

— У нас… в Департаменте… утечка. Ты сам понимаешь — ни мы, ни элитары не хотели давать огласку.

— Шила в мешке не утаишь.

— На месте преступления было пять человек. Один — жертва. Про обнаруженные наркотики знали только мы.

— И ещё — убийца. Или убийцы.

МакМагон выглядел чуточку ошарашенным. Ну да, не иначе как закрутился на работе и забыл, что в игре под названием Преступление игроков как минимум трое, даже если один из слагаемых этой тройки — жертва.

Босс тем временем продолжал.

— Теперь я знаю, что источник утечки — не ты.

— Польщён доверием, — злобно буркнул я.

Вот такой у меня шеф: любит перестраховываться на три круга. Причём не по делу: учитывая моё положение личного преторианца-дознавателя я за шефом знал достаточно много, чтобы если уж не вконец утопить, то, по крайней мере, обеспечить долгое и занудное служебное расследование.

Я посмотрел на Борова и сделал следующий логический шажок.

— Значит, конференция на входе — не случайность. Вы сами стукнули медиа, через Маллинсона.

— Утром я разговаривал с мэром. Мне официально запретили принимать любые решения по производству дел. Негласно, разумеется — формально я всё ещё босс, но решения могу принимать разве что о закупке скрепок.

Я усмехнулся.

— Только не говорите, что решение вернуть меня на работу — ваш прощальный подарок. Всё равно не поверю.

— Не скажу, — босс чуть улыбнулся. — Поначалу я хотел чтобы ты… и Айви всё выяснили в порядке частного расследования.

— Ага. А прижми я кому-нибудь хвост — всегда можно было бы сослаться на излишнее рвение новоиспечённого выпускника

полицейской академии, попавшего под тлетворное влияние желающего вернуться отставника.

— Именно, — сухо кивнул босс.

Мы оба понимали, что ждало бы в этом случае отставника — но глаз МакМагон не отвёл. Не хотел бы я служить в армии под его командованием, ох не хотел бы.

Интересно, а какое у него звание, как у военнообязанного?

Решив, что от меня сейчас ничего цензурного не добьёшься, шеф так же ровно продолжил.

— Сегодня утром обстоятельства изменились. Официально прикрыть тебя я не сумею. Поэтому я поручил Маллинсону легализовать тебя и официально поручить это дело — так что пока ты не начнёшь копать слишком глубоко, трогать тебя не будут. Хотя плечами, конечно, будут оттирать.

— Никогда не любил футбол.

Босс философски пожал плечами.

— Так или иначе, теперь это дело — официально твоё. И… я дал тебе возможность составить своё собственное мнение — чтобы ты не числил меня в подозреваемых просто по привычке.

Я усмехнулся — последние слова тут же подняли шансы Борова оказаться в числе подозреваемых на несколько пунктов вверх.

— Хотелось бы услышать какие-нибудь предварительные выводы, Джек. Ты всегда был на них горазд.

— Полгода назад — возможно, — признал я. Я был в курсе происходящего. Теперь… я даже не знаю, какая партия сейчас у власти.

— Какая разница? — вздохнул шеф. — После апрельского переворота военные всё загребли под себя. А между военными-демократами и военными-республиканцами нет никакой разницы.

Я только иронически хмыкнул. Впрочем, шефу это высказывание можно было простить — он служил полвека назад, когда сословие военлордов только начинало своё победоносное шествие в Силах Специальных Операций.

— Всё равно, босс, вы поставили на дело не тех людей. Даже если Маллинсон от вида нашей парочки кипятком писает.

— Я поставил тех, кому доверяю! — отрезал Боров.

Я покосился на эльфку. Ей-то, интересно, с какой радости? Стажёр-детектив — если, конечно, он стажёр-детектив, стажёр-детектив и есть… Зелёный, как новорождённое яблоко.

— Шестьдесят с небольшим лет назад правительство запустило проект «Warlords», — голос офицера Стерлинг звучал монотонно, будто из компьютера. — Генетическая модификация

вида homo, давшая ряд любопытных побочных эффектов. Предполагалось, что военлорды станут военными гениями, что и было с блеском подтверждено в Китайском, Тихоокеанском и Центрально-Европейским конфликтах и боевых действиях против государств Исламской лиги.

— А двенадцать лет назад военлорды совершили переворот и внесли поправку к Конституции, которая дала им в руки действенный рычаг управления; работает он, правда, лишь тогда, когда страна находится в состоянии войны, причём — совершенно неважно с кем, хоть с марсианами, — вставил шеф.

Я от комментариев воздержался — сие мне уже было прекрасно известно. Ничто не вечно под луной: в средние века преимущество было за рыцарством, потом для проникновения в высшую политическую элиту стало потребно наличие средств и связей, теперь вот требуется принадлежать к генетическому созвездию «Warlords».

Не так уж плохо подчиняться умному человеку, только вот военный всегда будет строить то, что ему привычно и знакомо — то есть казарму и иерархию.

Я уже собрался высказаться по этому поводу, но эльфка продолжала.

— Семьдесят лет назад был запущен проект, альтернативный военлордам.

— «Серые заводи», — вставил я, чтобы показать, что тоже не лыком шит. — Правда я так и не понял, из-за чего весь сыр-бор. Отчего бы эльфам не отслужить в армии — и не получить те же самые политические права, что и военлорды?

Шеф захотел что-то вставить, но я покачал головой.

— Физические возможности эльфов, независимо от пола, вполне позволяют служить.

— Эльфы служат, — кротко сказала Айви. Я поймал взгляд её глаз — там мелькнула скрытая ирония. — *Эльфки* служат. Но вот в «Новое человечество» вход им заказан.

— Ну да, патриархат, — хмыкнул я.

— Так или иначе, но убит сенатор Кларк, лидер «Новых», и убит так, чтобы подозрение пало на эльфов. И убит тогда, когда в Конгрессе состоится голосование об отмене военных привелегий.

— А расследование убийства со стороны армии, как я понял, находится в руках «Нового человечества», — меланхолично добавил я.

— Это правда? — хмуро спросил Боров.

Эльфка пересказала ему события сегодняшнего утра.

— Хочу домой, — чётко и внятно сказал я. — Вернуться в свой подвал и тихо себе догнивать помаленьку.

— Что-то рожа у тебя кислая, Джек, — отечески ободрил меня Боров.

— Вы фундаменталистские группировки специально не упомянули? Церковь — все семь официальных и три сотни пророков и сект? Не говоря уже о частной инициативе всяких фанатиков? Да ведь это костёр — и каждый захочет поднести к нему спичку!

— Кто-то уже поднёс, — отчеканила эльфка.

Я косо посмотрел на дитя Толкиена и высказал терзавшие меня весь день подозрения.

— А это уже неважно, был убийцей эльф, или нет. Если я понял вас правильно — уж не так я туп, как кажется — военным нужен предлог для того, чтобы провалить поправку. Casus belli, так сказать.

— Верно, — подтвердил шеф, будто хотел сказать эльфке — «вот видишь, он не безнадёжен!».

— Ну так они его уже получили, разве нет? — сказал я. Босс-то, похоже, в отличие от меня, был как раз необратимо потерян для мыслящего человечества.

— Джек, не все военные против отмены Апрельской поправки. И поэтому от того, что мы раскопаем зависит очень многое.

Я фыркнул.

— Вы поэтому, что ли, решили Кларку наркоту подбросить?

— Всё было не так! — обиделся Боров.

Я перехватил встревоженный взгляд эльфки и понял, что пора завязывать. Я ведь этак могу и до заговора пришельцев с Альдебарана договориться, и, самое смешное — мне могут поверить.

— Всё, прекратили мозговой штурм! — решительно сказал я, — Факты хочу. Для разнообразия.

Ну да, я человек мнительный. Нюансы, полутона — всё это настолько привычно для моей византийской натуры, что я верю только в факты — причём настолько неоспоримые, что могут дать по зубам.

Им, по крайней мере, можно вернуть сдачу.

— Поэтому вернёмся к свидетельским показаниям, босс. Какой бес понёс вас вместе с Кларком в этот треклятый пакгауз? Может вы, гражданин МакМагон, его там и пришили?

Условный рефлекс, приобретённый на множестве допросов заставил меня подняться на ноги и воздеть вверх карающую десницу.

— Отвечайте, МакМагон! И помните, что сотрудничество со следствием облегчает душу и помогает скостить срок!

Айви улыбнулась и тайком показала мне сложенные

колечком большой и указательный пальцы.

— Как вы оказались на складе?

Боров побарабанил пальцами по столу. Моя клоунада его, по всему, нервировала. Но было ясно, что выбирать ему не из чего. Наконец он сказал.

— Мне позвонил шеф таможни Мегапорта Эванс Хаймгаррет и сказал, что нашёл в «призовых» контейнерах «Нового человечества», адресованных лично сенатору Кларку партию «розового шёлка» — килограммов на семьсот. Что нужно давить на Кларка, пользуясь внезапностью. Что уже известил Бюро по борьбе с наркотиками.

— Кого именно?

— Капитана Линду Трой, «Огаста». Есть там такой отдел по борьбе с наркотиками в… э-э… — шеф хотел сказать «в высших слоях», но вспомнил, что у нас провозглашено равенство социального статуса и затруднился с подходящим словом.

— Неважно, — устало сказал я. Разговор меня уже порядком вымотал. — Дальше!

— Такой шанс упускать было глупо. Мы приехали к сенатору. Он был удивлён — действительно удивлён, так не сыграешь.

— И он не стал сразу обращаться к адвокату? — сыронизировал я.

— Похоже, он и сам хотел разобраться, в чём дело. Кроме того… у него дома был Ван Даглер, шеф жандармерии.

— Как удачно, — пробормотал я. Следующую фразу Борова я мог бы предсказать.

— Пришлось ехать, — сказал шеф. Поймал мою ухмылку и пожал плечами. — Тут уж либо мы прищемили бы хвост Кларку, либо Даглер нам — за измену интересам САСШ.

— Судя по всему, господа военлорды ошалели от вашей наглости. В крайнем случае — и чего бы вам, для пущего эффекта, не послать было спецкоманду?

— Мы бы её, пожалуй, не досчитались — и пришлось бы всё это легендировать, как террористический акт. К тому же я энтузиазм Хаймгаррета не разделял — «шёлк» послужил лишь приманкой.

Боров помолчал, и, объективности ради, добавил.

— Это я уже потом сообразил. После убийства. А тогда решили действовать быстро — иначе Кларка и впрямь отбила армия адвокатов при поддержке жандармерии. Мы хотели арестовать его.

— Без ордера суда? — восхитился я. На шефа это было не похоже. Это же как надо было войти в азарт!

— У капитана Трой такое право было, — пояснил шеф, — У

«Огасты» особые полномочия. Кроме того, она из военных, хотя и в отставке.

— Тогда арестовали бы вас с Хаймгарретом, — меланхолично заметил я. — Но в целом не сходится. Кто настоял на визите на склад?

— Мне предложил Хаймгаррет. Я, заметь, согласился — дело-то скандальное, как ни крути. Кларк посоветовался с Ван Даглером — и они решили прокатиться с нами. Возможно, подозревали провокацию.

Поскольку недоумение на моём лице не спешило развеяться, вмешалась Айви.

— Джек, Ван Даглер и Кларк — военлорды. Там, где тебе кажется логичным послать адвоката или спецназ, они пойдут сами.

— А-а… Ну да. — пробормотал я. — Сами себе адвокаты, телохранители и палачи. Действительно, не сообразил.

— Что дальше? — спросила Айви.

Это она правильно. Если в одиночку вопросы задавать — этак и охрипнуть недолго.

— На складе нас ждал заместитель Хаймгаррета, Саймон Колфилд. Внутрь никого не пускали до нашего прибытия.

— Хм-м, — промычал я, поскольку вся эта история мне отчётливо не нравилась.

— Освещение погасло сразу же, как только мы вошли. Хаймгаррет отослал Колфилда проверить, в чём дело. Вот в этот-то момент всё и случилось.

МакМагон помолчал, видимо, припоминая.

— Сначала выстрелили из электромагнитной пушки — промах, какой-то контейнер взорвался — то ли сам, то ли от выстрела.

Я кивнул, решив про себя, что шеф ошибается. Видимо, Ван Даглер начал стрелять даже чуть раньше, чем команда киллеров.

И проиграл — потому что стрелял не туда.

— В этот момент и выскочил этот… с мечом. Но до конца я не уверен — было темно.

— Босс, так вы видели убийцу или нет?

— Трой видела. Сказала — «белобрысый горец с ножиком».

— Но вы ведь никого не разглядели?

— Капитан Трой — кибер.

Я вздохнул. Два гражданских чайника и трое военных. Причём про убийцу мы знаем только со слов — а свидетели ничего не видели. С Хаймгарретом я, конечно, ещё не разговаривал, но подозревал, что он видел и того меньше. А уж если учесть, что с его-то подачи каша и заварилась…

— Ван Даглер сделал ещё несколько выстрелов, я, Хаймгаррет и капитан Трой открыли огонь в ту же сторону. Потом вспыхнул свет.

— И?

— Никого, — сокрушённо вздохнул шеф. — Хотя полковника Ван Даглера и стоило арестовать за стрельбу из оружия такой мощности на гражданском объекте. Ну и сенатор Кларк — в луже собственной крови.

— Он был ещё жив? — с интересом спросила Айви.

— Нет, мертвее мёртвого. То есть, я не утверждаю, что он умер мгновенно, но… в общем, вся кровь у него вытекла.

— А он успел достать оружие?

— Да, такой же «кнут», что и у меня.

— Затем?

— Ван Даглер и капитан Трой отправились преследовать убийцу. Я и Хаймгаррет остались. Составили протокол…

— А Саймон Колфилд — он ведь отходил? — задумчиво спросил я.

— Твой приятель, сам разговаривай, — шеф пожал плечами. — Это я проверил сразу, он действительно занимался проводкой. В компании двух или трёх офицеров таможенной стражи.

— Та-ак. А преследование что-нибудь дало?

— Ван Даглер потом звонил и сказал, что берёт дело под свой контроль и просит проследить, чтобы всякие гражданские чины не путались у него под ногами.

— А Трой? — спросила Айви.

— Не давала о себе знать, — Боров задумчиво потёр подбородок. — Я счёл, что она, видимо, нашла общий язык с Управлением по делам бывших военнослужащих.

Я с жалостью посмотрел на босса. Нет, Роджер МакМагон был хорошим администратором. Будь дело поменьше и не будь он так грубо отсечён от своих полномочий — по Управлению уже носились бы тревожные группы.

А так… Похоже было, что я и эльфка были единственными подконтрольными шефу детективными силами.

Не очень-то прилежными, надо признать.

Впрочем, ситуация и без того была чрезвычайной. По-хорошему надо было бы арестовать и МакМагона, и Хаймгаррета, и неведомого мне пока капитана Трой, самого шефа жандармерии. Да и Колфилда, кстати.

А так… подозреваемые, они же, возможно, свидетели (и именно в таком порядке!) — мало того, что из разных ведомств, так они ещё и не последние чины в этих самых ведомствах.

Попытки арестовать друг друга привели бы разве что к немедленной гражданской войне.

Поэтому я не стал учить босса тактике расследования.

— А что насчёт Линды Трой? — спросил я. — Вы можете с ней связаться? Адреса командиров спецподразделений не держатся в общедоступном списке…

Боров пошарил в столе и несколько смущённо достал визитную карточку.

— Вот, — сказал он, протянув мне пластиковый прямоугольник.

Я несколько ошарашено посмотрел на фотографию полуголой красотки с напечатанным поверх роскошного тела сетевым адресом, номером телефона и крупной надписью: «Строго конфиденциально. Особые услуги мадам Анны».

Я передал карточку Айви и удивленно посмотрел на шефа.

— Да-а, прикрытие что надо! — фыркнула эльфка.

— Спросить Линду Трой из Бюро наркотиков, — проинструктировал шеф. — Когда она представится — попросить мадам Анну.

— Я всегда подозревал, что парни из Бюро не в ладах с головой — теперь я знаю это наверняка!

— Это её личный телефон, — сухо сообщил шеф.

Я повертел в руках карточку, оглядел ещё раз закуток шефа и сообщил Айви.

— Идём в Информационное бюро. Там гораздо тише.

На шефа я даже не взглянул.

А семейный ведь человек…

12

Кого попало в стерильную чистоту Информационного отдела не пускали. Работа тут велась с компьютерами на основе физических полей, так что даже пролетевшая мимо по своим делам муха могла внести немалые помехи в работу программистов.

Впрочем, на Джека Стоуна это правило не распространялось.

Не в силу какого-то особого ко мне расположения — просто именно в этом отделе я и числился, будучи официальным сотрудником Бюро бумажной документации.

Не уверен, знал ли об этом счастье мой непосредственный начальник — но моя карточка-пропуск исправно открывала передо мной двери архива — и это был единственный способ удрать из общего обезьянника, где множество людей тратили свои силы и нервы на то, чтобы показать, что они — одна команда.

Впрочем, в архив Айви не собиралась, зорко оглядывая помещение. Я последовал её примеру — благо, что посмотреть было на что.

Программирование в наше время — и с нашими компьютерами — осуществляется не только с клавиатуры. В моде сенсорные поля. Антенна — ей, в принципе, можно придать любую форму, но на казённой службе это обычно строго функциональный металлический поручень, полукругом огибающий рабочее место и излучающий электромагнитное поле, в котором и работает оператор. Зрительная информация проецируется через очки, а вот работа с интерфейсом может осуществляться всем телом.

Не знаю, насколько это необходимо — я не программист, хотя мне рассказывали, что языки программирования, применяемые сейчас просто требуют одновременного использования намного большего количества степеней свободы, чем могут дать десять пальцев. В любом случае, полуобнажённые программисточки с лоснящимися от проводящего геля телами и кольцами и браслетами оперативного управления — зрелище ещё то.

К тому же они настолько погружены в работу, что иска за «сексуальное домогательство, выраженное в пристальном разглядывании» можно не опасаться.

— Что ты намерен делать? — оторвала меня от созерцания эльфка. Судя по всему между её острыми ушками родилась некая идея.

— Позвоню мадам Трой — глядишь, познакомит с девочкой посимпатичней, — я усмехнулся.

— Я хотела бы кое-что проверить, — сообщила Айви явно намекая на то, что ей необходимо предоставить рабочее место.

Я почесал затылок.

— Исполнимо. Тебе место освободить, или серва отыскать?

— Серва? — непонимающе посмотрела эльфка на меня.

— Это такой тип, который делает с компьютером всё, что захочу я.

Айви только вздохнула.

— Стоун, ты действительно не разбираешься в компьютерах?

— Не вижу трагедии, — буркнул я, усаживаясь на один из рабочих столов. Такие тоже были — на всякий случай: вдруг кто-то электромагнитную гранату рванёт… ну или босс явится поработать. Для начальника изображать из себя звезду стрип-дэнса как минимум — несерьёзно.

Во всяком случае начальники это понимают.

Владелец рабочего места, тип в белом халате — видимо из наладчиков оборудования — и с подозрительно заострёнными ушами вопросительно посмотрел на меня.

— Секретный разговор, — сообщил я, помахав перед носом остроухого карточкой Линды. Судя по всему, парню очень хотелось возмутиться, но он решил не связываться — то ли в силу природного пацифизма, то ли потому, что был наслышан о моей редкой вредоносности.

«Гремлином» меня звали только компьютерщики, но в их случае это моё прозвище было оправдано на все сто процентов.

Проводив белый халат глазами я повернулся на собственной заднице, зацепил носком ботинка кресло-вертушку и подкатил к Айви.

Ну, оговорился.

Попытался подкатить, поскольку кресло решило проявить самостоятельность и уехало чуть дальше, чем я рассчитывал.

И немного не туда.

Эльфка остановила его на полдороге и с любопытством посмотрела на меня.

— Выпендриваемся, Стоун?

— Ни в коем случае! — отверг я эту инсинуацию. — Неудачные попытки выпендрёжа в счёт не идут… Хотя удачных тоже было не очень-то много. Так или иначе — рабочее место в твоём полном распоряжении.

— Спасибо, — озадаченная моим словоизвержением Айви села за терминал. Затем её наконец прорвало.

— Ну и что ты обо всём этом думаешь?

— Предпочитаю не думать, — фыркнул я. — Вопросов-то всё больше.

— Ты говоришь о странном грузе?

— Да не такой уж он и странный. Держу пари, что контейнер пришёл из Юго-Восточной Азии. Призовые деньги.

— Хорошая услуга командиру, нечего сказать!

Я только плечами пожал. Спецкоманды военлордов не только нас защищают, но ещё и зарабатывают себе на хлеб с маслом — поскольку имущество очередного захваченного террориста или иным образом полученный трофей — собственность захватившего. Приз.

Понятно, что большая часть этих железок покупается Министерством национальной обороны, — зачем, скажите, вам даже в качестве трофея танк Т-110 или «Чугунный дракон»?

Но лёгкое оружие с завидной регулярностью всплывает на чёрном рынке, — так что, подозреваю, военной контрразведке, коллегам Ван Даглера, не вышедшим на гражданку есть чем заняться.

— Я вот подумал: с чего-то ведь все политические инициативы «Нового человечества» финансируются. Возможно, такие вот пожертвования и сделали Кларка тем, кем он был?

Айви внимательно посмотрела на меня.

— Любопытная мысль, Джек.

— Иди, скажи Маллинсону. Уже вижу заголовки новостей: «Военлорд — барон-наркоторговец!».

Судя по виду эльфки она увидела во мне нового пророка. Я поспешил развеять её сомнения на свой счёт.

— Это «метод Стоуна» в действии, Айви. Всего-то навсего.

— Очень… любопытный метод, Джек. — очень подчёркнуто сказала Айви. — Такое ощущение, что ты мне чего-то о себе не договариваешь.

Я поймал взгляд девушки. Странный взгляд, изучающий. Усмехнулся.

— Ты же читала досье.

— Похоже, кое-что туда не вошло, ведь так?

— Айви, тебе в Академии успели объяснить, что такое «оперативные источники»?

— Недоказуемая в суде информация.

Я аж крякнул от суровой скупости определения. Офицер Стерлинг, видимо, уловила причину расстройства старика и расширила определение.

— Слухи от информаторов, в основном. Кто-то что-то от кого-то слышал, кому-то передал… Обычно такая информация — следствие долгого вращения в среде поднадзорных.

Я героически сумел откашляться, хотя словечко «поднадзорные» чуть было не вывело меня на второй круг приступа «дипломатического кашля». То ли эльфке оперативно-розыскную деятельность читал редкостный сухарь, то ли она сама всё учила, по конспектам. Нет, в принципе, конечно, всё правильно — но определением из учебника этого не передать, в него никак не впишешь опыт.

— Ну, так-то всё верно, конечно, — наконец выдавил я, едва сдерживая смех, но тут Айви добила.

— В отношении уголовников — согласна, Джек. Но военные? И политики?

— А это просто те уголовники, которых никогда не посадят, всего-то навсего.

— Стоун, ты всё время, что мы рядом, только и делаешь, что распинаешься о том, какой ты дикий человек, и насколько ты далёк от политических разборок. А тут такие перлы…

— Я же говорю: «метод Стоуна», — посерьезнел я. — Мне не нужна оперативная информация. Я её просто выдумываю. Строю предположения, понимаешь?

— Все строят предположения.

— Ну да, — подтвердил я, угадав подразумеваемый вопрос. — Я, в отличие от всех, попадаю.

Эльфка удивлённо моргнула, и это было так неожиданно, что я на всякий случай пояснил.

— Угадываю. С точностью процентов в восемьдесят. Ещё вопросы есть?

— Ты был генетически модифицирован?

— Ага, мои родители работали в секретной лаборатории КГБ… — я покосился на эльфку, в лице которой мелькнуло нечто такое, что тут же вынудило меня к прекращении хохмачества.

— Генетические модификации не дают монополии на интеллект, — жёстко сказал я.

Лицо Айви вернулось к своей обычной непроницаемости — то ли она сочла, что я её нагло обманываю, то ли прикидывала ценность моего набора хромосом для эльфийского сообщества.

Оставив выводы на касательно моей персоны на её собственное усмотрение, я пояснил.

— Мне не так уж важно, за счёт каких средств финансируется «Новое человечество». Вот уж в это дело я точно влезать не хочу.

— Это след. Кто-то знал о том, что наркотики придут именно в этот день, и сумел организовать покушение.

— Намного проще организовать нужный тебе день — прислав партию наркотиков и зная, что ни сенатор Кларк, ни его цепной пёс Ван Даглер не смогут проигнорировать такую бомбу под

своей собственной репутацией.

— То есть, ты полагаешь, что ни Кларк ни Ван Даглер не знали про «шёлк»? — судя по всему офицер Стерлинг решила использовать меня на манер дельфийского оракула.

Я отмахнулся от новоявленной поклонницы моего пророческого дара.

— Мне интересно другое: как этот эльф-киллер проник через таможенное оцепление?

— Возможно, он прятался в контейнере?

— Ну да, полный шпионский набор: партия наркотиков и охраняющий их ниндзя… — пробормотал я, и волевым усилием пресёк полёт расследовательской мысли. — Придётся поговорить с чифом Хаймгарретом.

Я дотянулся до трубки телефона на соседнем столике, взглянул на ожидавшую неизвестно чего эльфку и пояснил.

— Это всё потом; я звоню Линде Трой, надо договориться о встрече. А ты, кажется, тоже хотела чем-то заняться?

Эльфка процедила что-то о старичье, отшивающем молодёжь от стоящей работы и уткнулась в монитор.

Я же положил визитку перед собой. Посмотрел на обнажённую красотку, и ещё раз внимательно осмотрел телефонный аппарат. Звоню, в конце-концов, не куда-нибудь, а в спецотряд, значит и секретность переговоров должна быть повышенной.

Впрочем, телефонная трубка в моих руках таковой и была — больше всего походя на половинку высокотехнологичной гири-«пудовки». Удобная раковина, в которую погружались ухо и рот, обеспечивая секретность переговоров.

Краем глаза я посмотрел на Айви, пальцы которой размазались над клавиатурой в размытое облачко — она, судя по всему, тоже предпочитала старые системы ввода информации. Но при такой скорости этого самого ввода с обучением передовым технологиям можно было бы и не торопиться. Впрочем, то, что эльфы умеют пользоваться компьютером, для меня откровением не стало. В конце-концов — ведь посредством его они и появились….

Я передвинул рычажок телефонной трубки в позицию «защищено от прослушивания» и набрал номер.

Щёлк-щёлк-щёлк… Номер Линды — или мадам Анны? — по старой традиции был втрое длиннее любого другого. По ошибке, или, тем более, спьяну, такой номер не наберёшь.

Какое-то время казалось, что соединения нет, и я уже устал держать пружинящий под пальцами пластик «секретки».

Затем в динамике что-то затрещало и в наступившей бархатной тишине промурлыкал мягкий глубокий голос, заставивший бы любое существо мужского пола и традиционной ориентации полезть на стену.

— Сексуальные услуги мадам Анны. Чем могу вам помочь?

«Заткнуться» — подумал я, поскольку вдруг выяснил, что аппарат работает на громкую связь.

Я посмотрел на Айви, и заметил на её лице тщательно подавляемую улыбку.

Вот уж не подумал бы, что эльфка со своим ледяным видом и соответствующим поведением способна на такие выходки!

Я покрутил пальцем у виска и гордая представительница эльфийского племени коснулась клавиатуры, вырубив микрофон громкой связи. Другой рукой вставив в ухо клипсу наушника.

Чтож, намёк понятен — никаких сепаратных переговоров. И всё же — ох и быстро она взломала доступ! Талант… или заранее известные коды?

— Стесняетесь? — голос в трубке тем временем продолжал гормональную стимуляцию, и я рявкнул.

— Линду Трой из Бюро наркотиков! — подумал, и добавил — Хочу немедленно!

— Капитан Трой у аппарата! — голос ничуть не изменился, продолжая вынуждать мои гормоны танцевать джигу в моей крови.

— Мадам Анну, пожалуйста! — сказал я, пытаясь понять, что за извращённое чувство юмора у этой Линды. Или ей с легендатором не повезло?

— Ну ты попал! — буркнул в трубке новый голос. Женский и усталый. Совершенно асексуальный… если бы не некий неуловимый оттенок тембра, продолжающий щекотать железы внутренней секреции.

— И сколько вас всего? — с интересом спросил я у капитана Трой /предположительно/.

— Три модулятора голоса, определитель места звонка и взвод коммандос на трёх вертолётах — специально для любителей группового секса. Ты кто?

— А мы уже на ты? — озадаченно спросил я, и, не дожидаясь очередного перла, связанного с традиционными — и не очень — взаимоотношениями полов, — представился.

— Вас беспокоит капитан Джек Стоун, Управление Полиции Восточного Побережья. Мне необходимо опросить вас как свидетеля.

Я подумал, и не удержался от маленькой шпильки.

— Судя по всему, ваш определитель номера немного

барахлит.

— Гм… — проворчала Линда. — Я, видишь ли, сейчас, по-видимому, немного занята. Весь день подчинённых трахаю. Так что к тебе не поеду — и не мечтай!

— Гм… да. — озадаченно сказал я, и, подстраиваясь под собеседницу, спросил. — Так что, мне скрасить время ожидания мастурбацией, или подъехать к тебе будет проще?

— Это мысль! — одобрительно отозвалась Линда. — Но на работе меня нет… Так что заскакивай ко мне домой: уровень 7 домограда «Хрустальный дом», в течении часа. Спросишь у консьержа, он в курсе. И вот ещё что, Стоун: не кончи от нетерпения — не люблю. Отбой связи!

Какое-то время я слушал гудки и наконец опустил трубку.

— Ты красный как рак! — сообщила мне Айви, внимательно изучая моё лицо. — Получил удовольствие?

— Раз пятнадцать, — буркнул я, и только опасение не показаться окончательно дураком не дало мне зажать рот руками. Как бы головы не лишиться — кто их знает, этих эльфок?

— Гигант, — задумчиво сказала Айви, и я с ужасом посмотрел на неё.

Только второй Линды Трой мне и не хватало! Разговор срочно нужно было возвращать в рабочее русло.

— Тебе удалось что-нибудь узнать об этом военлорде-стрелке?

— Крепкий орешек, — в голосе Айви звучала задумчивость, — Для своих тридцати…

Я спрыгнул со стола и встал за спиной эльфки, изучавшей бегущие по экрану зелёные буковки.

Судя по раскинувшему крылья орлу, мерцавшему над аккуратными квадратными блоками с информацией, Айви получила доступ к какой-то военной базе.

— Сильна, девушка! — неполиткорректно выразился я. — А что, в базе Управления этот орёл не числится? Ушёл в армию и ни разу не отмечался у «Аргуса»?

— В наших базах его нет, — подтвердила Айви. — Ван Даглер вышел в этот мир непосредственно из пробирки.

— «Военный» питомник? Или подкидыш?

— Было сказано, что он прототип новой линии военлордов, — пояснила эльфка, не спеша, впрочем, выделить это место в тексте. Хотя да, не все же умеют читать… А уж отставные детективы III класса в особенности.

— В серию эта модификация генов не пошла, он последний в своём генетическом созвездии.

— Держу пари, что предпоследним был генерал Томас Кларк.

Эльфка остро взглянула на меня и кротко сказала.

— Верно. Но Кларк старше лет на пятнадцать.

Я пожал плечами.

— Откуда мне знать, как числят своё родство дети из пробирки? Интересно, звал ли Ван Даглер Кларка папой?

— По крайней мере, Кларк позвонил сразу ему.

Я пробежал глазами по строчкам досье.

Участие в Каспийской конфронтации, два креста за Малое Китайское Умиротворение, закрытые крестиками кодировки события Второй Большой Резни — судя по датам, Китайско-Индийская миротворческая операция и основание Договорного государства Тибет, Война за Евразийскую ось и прокладка Южного нефтяного коридора…

— Похоже, у мужика не было колыбели. Он разъезжал непосредственно на танке, используя M16 в качестве погремушки, — резюмировал я итоги.

— Ага, — рассеянно подтвердила Айви. — У него нашивка «Острие копья». Спецназовец — войска приходят туда, где он уже побывал.

Мой взгляд привлёк ряд красивых ноликов рядом с какой-то малоизвестной мне армейской эмблемой.

— Сто четырнадцать миллионов чего, интересно? — вопросил я риторически. — Если человек, то полковника Ван Даглера пора запрещать как оружие массового поражения.

— Призовые деньги, — хмыкнула эльфка. — Похоже, наш свидетель ещё и миллионер.

— Держу пари, все его сбережения уходят на политику, — сухо сказал я, неожиданно потеряв к полковнику всякий интерес. — Есть на него какая-нибудь биометрия?

— Только фото, — Айви сделала несколько магических пассов над сенсорной клавиатурой, выведя какую-то парадную фотку.

Полковнику Джейкобу Ван Даглеру тут было не больше двадцати лет. Чёрный мундир со зловеще оскаленными черепами военной контрразведки — что и говорить, ведомства в наше военное время мрачноватого. Тонкие хищные черты лица, заставляющие вспомнить японскую мультипликацию. Грива тёмных, ещё не выбеленных стимуляторами волос до плеч, по последней военной моде.

— Их величество военлордский Ван Даглер, — сказал я и посмотрел на напарницу. — И кто он в «Новом человечестве»?

— Секретарь по общим вопросам. Джек, да на тебе лица нет! Ты его знаешь?

Я пощупал лицо, оттянул кожу со щёк и мрачно посмотрел на

эльфку.

— Не надо вводить в заблуждение старших по званию, стажёр-детектив Стерлинг! Лицо у меня на месте.

Я покосился на экран. Фотка выглядела ещё более надменно, чем сам шеф жандармерии во плоти.

— А вот у этого щёголя я бы зубы пересчитал.

Айви посмотрела на меня, но исход этой попытки комментировать не стала — и правильно сделала.

Не то у меня сейчас было настроение.

— Поехали, навестим капитана Трой, — приказал я, и твёрдым шагом вышел из комнаты.

В глубине души грызло ожесточение.

Айви перехватила меня на полпути вниз — я не без оснований надеялся на то, что журналистская пробка у входа уже рассосалась, и до станции монорельса мы доберёмся без особых проблем.

— Стоун, ты идёшь неверным курсом, — сказала она, схватив меня за многострадальный локоть.

Я посмотрел на неё и эльфка понятливо отцепилась.

— Нам наверх, моё капитан, — пропела она.

Я начал что-то соображать.

— А что, шеф расщедрился на квоту бензина для какого-нибудь не слишком старого вентилятора?

— Мак-Магон? — офицер Стерлинг иронически усмехнулась. — Разумеется нет. Просто я рассчитала время — мы тратим на монорельс по полтора-два часа; а мне что-то подсказывет, что расследование следует вести порезвее.

— И? — спросил я, подозревая подвох.

— У меня есть гравицикл.

Я судорожно сглотнул. Правда в словах Айви, разумеется, была, но гравицикл, если разобраться — такая же штука, как и парашют.

С антигравитацией, понятное дело, ничего общего. Обычная диамагнитная подушка сверхпроводимости, рождающая встречное магнитное поле в практически любой металлической поверхности. В наших цельнометаллических городах найти такую поверхность проблемы нет.

Впрочем, и шею можно свернуть запросто, и на участок без проводимости нарваться, да и из седла банально вылететь — кокпит у гравициклов открытый.

По старинке.

Однако на моё перечисление всех коварных свойств гравициклов Стерлинг внимания не обратила бы. Раз уж она им

пользуется. Поэтому оставалось только сохранить лицо.

— Ну и нечего было молчать всё это время! — сказал я решительно. — Я достаточно прогрессивен, чтобы не быть ретроградом.

— Тавтология, Джек, — рассеянно сказала Айви, — чистая тавтология.

Мы вышли на крышу и, лавируя между полицейскими «вентиляторами» скоро оказались у приёмного лотка полицейских гравициклов, где, заставляя меня испытывать самые недобрые предчувствия, уже собралась толпа настоящих отморозков.

Всех талантов Стоуна — умение стрелять, а вот любителей испытать близкое знакомство с земным тяготением путём переламывания большого количества собственных костей, казалось бы, должно быть немного — ан нет, их в полиции выделили в собственный, и не самый маленький отряд.

Но психом зовут почему-то меня.

Всё-таки странные это существа — лю-юди…

Нездоровое внимание гравициклистов привлёк здоровенный «Мерсар-Бугатти», чьё работающее диамагнитное поле держало его полутонную тушу над стальным листом выпускного поддона.

— Дорогая штучка, — сообщил я глубокомысленно. — Да и новёхонькая — будто только что из магазина.

— Ты на что-то намекаешь, Джек?

— Ты наследница состояния?

— «Серые заводи» официально представляют клан, — Айви посмотрела мне в глаза и явно не увидела там должной меры доверия. — А ещё — «Мясорубка».

Я моргнул. Совсем забыл — а ведь бои на подпольном тотализаторе наверняка неплохо оплачивались.

Закрыв вопрос моих подозрений эльфка направилась к гравициклу, сопровождаемая восторженным присвистом.

Я с трудом подавил желание слинять под шумок, но покорился своей участи, не без труда устроившись позади Айви в этой хлипкой конструкции.

Под гораздо менее восторженные звуки, надо признать.

И, разумеется, тут не было никаких ремней безопасности. Поэтому когда гравицикл рухнул с лотка поддона с пропасть между домоградами, я с трудом подавил желание закричать.

13

Никогда не любил гравициклы.

Все эти игры с электромагнитной подвеской, по моему мнению, добром не кончатся. Но водила Айви лихо.

Гравицикл нёсся вдоль металлических эстакад, подрезая ставшие вдруг такими медлительными вагоны монора, кое-где использовал тросовые переправы «пауков» — лихих гравициклистов, любящих носиться по трём измерениям.

Я обхватил эльфку за талию как единственный твёрдый объект в этом мире и зажмурился. В голове рябило от скорости мелькания неоновых щитов и кусков каких-то построек — я их даже опознать не мог толком.

Наконец «Мерсар» резко затормозил перед приёмным поддоном «Хрустальной башни», и я воспользовавшись долгожданным случаем соскочил наконец на terra firma.

Айви насмешливо посмотрела на меня и принялась стаскивать шлем.

— Стоун, ты как будто из пещеры только что вылез!

— Эльфам положено стрелять из лука, любить леса и петь песни с окончаниями на «эль», а не гонять на гравициклах! — отрезал я, чувствуя, как ощущение твёрдого бетона под ногами наполняет меня уверенностью в себе.

— Что делать, если наши леса из камня? — возразила Айви, откинув крышку группы управления гравициклом — у старинных байков на этом месте располагался бензобак. — Дай сюда руку.

— Это ещё зачем? — подозрительно спросил я, спрятав на всякий случай руку за спину.

— Я вас познакомлю, — терпеливо сказала эльфка, — Возможно за рулём этой штуки придётся посидеть и тебе.

Резон в словах офицера Стерлинг был, но я про себя решил, что за гравицикл сяду только в самом крайнем случае. Слишком уж небезопасны последствия передвижения на этом предмете… собственно, стоит мне сесть за руль — и расследование тут же прекратится, а детектив Джек Стоун в лучшем случае окажется в госпитале, а в худшем — на столе у Дока Торндайка.

Я нерешительно прижал руку к панели дактилоскопического сканера, и тот, малость недовольно — будто предчувствуя, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет — сменил красный цвет тревоги а милость зелёного огонька разрешительного сигнала.

Айви наблюдала за мной с явной иронией, а я, отдёрнув руку, нерешительно вытер её о плащ.

— Ретроград, — усмехнулась эльфка, захлопнув крышку

безопасности, — Куда нам теперь?

Я не стал обвинять девушку в преступной забывчивости — ведь она, в конце-концов, подслушивала мой разговор с Линдой — а двинулся к батарее лифтов, напоминавших связку трубочек для коктейлей.

Айви последовала за мной.

Седьмой уровень — это невысоко. Дверь лифта открывалась в огромный полукруглый холл, практически неосвещённый, и казавшийся чрезвычайно приземистым именно из-за своей огромной площади. Стойка консьержа находилась у противоположной стены.

— Ничего себе убойная зона, — пробормотал я себе под нос, пересекая этот микроплац.

Айви моё высказывание никак не прокомментировала, но я опять поймал на себе изучающий взгляд её серых глаз.

Когда мы подошли к терминалу, охранник всё ещё подрёмывал. На охране служба безопасности домограда явно экономила… впрочем, я и глазом моргнуть не успел, как охранник приставил раструб пневмоигольника к моему кадыку.

— Чего тебе, малыш? — вежливо спросил он.

Я скосил глаза.

«Нелетал» — «нелетальный» ствол — был таковым очень формально, потому что 20 стрелок с миорелаксантом выбрасывались под давлением в 150 атмосфер и запросто могли проделать в моём горле несколько совершенно ненужных мне дырок.

Глаза были закрыты поляризационными линзами — для исключения визуального контакта, длинные седые усы свешивались охраннику до груди, украшенной длинным рядом нашивок, среди которых особенно выделялась стилизованная голова дракона, сжимавшая пастью кружок с цифрой 13.

Во время Большой Резни об этом подразделении ходил стойкий слушок, что очень они любили побаловаться человечинкой. Употребить, так сказать, полезную генетическую информацию рибосом в непосредственном виде. Старичку не могло быть меньше 70, но выглядел он не больше, чем на сорок.

— Между прочим, это полицейский, — меланхолично сообщила эльфка, встав сбоку от охранника.

— Дерёшься ты хорошо, — покладисто согласился охранник. — Да что толку? Дружка точно не спасёшь, да и старину Драго убить тебе будет сложно.

— И почему я чувствую себя немного лишним в вашей беседе? — возмутился я, хотя моё положение было не слишком

удобным для разговора — охранник давил своим пистолетом так, что вызывал отчётливые позыва к рвоте. — Вы о чём?

Моя фраза подразумевала множественное число, но охранник принял моё обращение на свой счёт и подобрел, — давление на мой кадык снизилось до приемлемого уровня.

— Парень, я смотрю «Мясорубку»!

— Странное заявление для человека, долженствующего способствовать установлению порядка на наших улицах! — припомнил я «Положение о статусе частных охранных служб». — Мне нужно попасть в апартаменты Линды Трой… Айви, да покажи ты этому драконьеру жетон!

Я уже не видел эльфку, сместившуюся куда-то за мою спину, но Драго убрал ствол от моего горла, заставив судорожно прокашляться.

— Не слишком-то ты крут, Стоун, — сказал он, и я выпучил глаза. Он пояснил.

— Линда связывалась со мной… велела пропустить. Правда, она сказала, что это будет парень, о голову которого ствол танковой пушки можно завязать.

— Пари держу, что слова при этом звучали немного другие, — пробормотал я, потирая шею.

Белесые ресницы Драго мигнули.

— Так где она живёт?…

— Апартаменты 314. И поосторожней там! — крикнул он вслед мне и Айви. — На этом этаже живут военные!

— Да. Это ж очевидно любому остолопу. Разумеется, тут живут военные. Кому же ещё, как не военным, тут жить! — бормотал я себе под нос, пока мы шли по коридору.

— Не впадай в истерику, Джек! — посоветовала мне Айви.

— Естественно, это ведь МОЯ шея была. Кому же, как не мне, впадать в истерику?! — удивился я, замерев перед дверью апартаментов 314.

Нажимать кнопку интеркома не потребовалось — над дверью поблескивал глазок видеокамеры.

— Кто там? — пропел хрипловатый голос, когда наши гляделки с видеокамерой затянулись сверх разумного предела.

— Стоун, — хмуро назвался я.

— Секунду, — за дверью что-то щёлкнуло, и тяжёлая стальная пластина ушла вверх.

За дверью никого не оказалось. Я переглянулся с эльфкой и мы резко нырнули внутрь полукруглого холла, растекаясь вдоль стен.

Никого.

Из интеркома раздался смешок, и дверь с шипением опустилась.

Как и в любом плохом боевике следовало ожидать либо газа, пущенного из вентиляции, либо появления дюжины вооружённых до зубов личностей, однако не последовало ни того, ни другого.

Я огляделся.

Интерьер был выдержан в скромном и классическом стиле «буря в пустыне». Песчаный камуфляж, маскировочные сети, драпирующие стены, узкая и низкая складная полевая койка под одеялом цвета хаки и забранные проволочными решётками лампочки.

У противоположной стены стояло здоровенное кресло, напоминавшее кресло дантиста после попадания в него тактической ракеты. Отовсюду свисали штекера, разъёмы, патрубки и я хмыкнул.

— Похоже, девчонку сняли с вооружения лет сорок назад, — поделился я с Айви своими соображениями.

— Какая я тебе девочка?! — вдруг рявкнуло что-то со стены, и я посмотрел на лицо коротко стриженой девушки лет двадцати с небольшим в берете сил специальных операций, появившейся на укреплённом на стене экране монитора.

— Не люблю извиняться, — продолжила девушка. — Слишком долго пришлось присоединяться к этой долбанной операционной системе.

— Вы — Линда Трой? — с ледяным интересом поинтересовалась за моей спиной Айви.

«Линда Трой» на экране осеклась — видимо, микрофоны распознавали обертоны голоса.

— Стоун, я и не подозревала, что ты с подружкой. Любишь делать это в большой компании?…

— Всё лучше, чем с взводом коммандос, — в тон хозяйке отозвался я. — А где, собственно, Линда?…

Изображение нахмурилось.

— Ну, раз вы не видите в кресле у стены моего бездыханного тела, а со времени моего исчезновения прошло больше 48 часов — то не знаю. Опасаюсь, что меня грохнули.

Я начал кое-что понимать.

— Жаль, — искренне сказал я. — А я уже в тебя почти влюбился.

— Вот так всегда, только найдёшь себе парня по сердцу и — на тебе! Кто-то из вас убит. — отозвалась Линда. — Придётся тебе мастурбировать, парень. Фотки потом покажу — не при детях же!

— Это кто тут ребёнок? — всё тем же ледяным тоном

спросила Айви.

— Мне 46 полных биологических лет, — сообщила Линда. — Просто молодой и полной иллюзий соплячкой, как на этой фотографии я себе нравлюсь гораздо больше.

Изображение на экране отступило назад, показав капитана Трой до пояса.

Армейская камуфляжная майка была туго натянута на груди. И как она служила с таким бюстом?

— Слушай, а тебя точно убили? — спросил я. — Может, у меня ещё есть шанс?

Линда мрачно взглянула на меня.

— И этот человек дослужился до капитана! Благодаря чьей протекции, хотела бы я знать?

— Не поняла? — голос моей напарницы щёлкнул сухо, как метроном.

— Детективы, где ваша наблюдательность? Кресло у стены заметили, надеюсь? В этом грёбаном сундуке все мои печёнки-селезёнки. Я киберсолдат, и вся моя телеметрия сдохла позавчера в 23–27. Я, конечно, не имею подтверждения, что уничтожена, но что я, по-вашему, могла подумать? Что испытала внеплановый оргазм?

Я покраснел.

— Это симулятор личности, — наконец дошло и до офицера Стерлинг.

Когда симуляторы личности появились впервые, их назвали «кошмаром Тьюринга». А всего-то что потребовалось программистам — это прекратить пытаться смоделировать процесс человеческого мышления, который и самому-то человеку совершенно не понятен.

И смоделировать реакцию того или иного конкретного человека на те жизненные ситуации, в которых он чаще всего оказывается. А число таковых конечно, чтобы не сказать — скудно. Поздороваться с коллегами по работе, поздравить кого-то с днём рождения, посочувствовать неурядицам приятеля…

И симуляторы общения заполонили рынок компьютерных программ. Фактически те или иные самообучающиеся «полуфабрикаты» создавали виртуального двойника человека — его психологический профиль, манера реагировать на ту или иную ситуацию, интересы и склонности.

С научной точки зрения это, возможно, и не было воспетым в фантастике «искусственным интеллектом», машинным разумом. Но это была возможность человеческой личности обрести какое-то подобие бессмертия — не действительного продолжения человеческого сознания в электронной копии, а своего рода

«музея мышления», овеществлённого слепка человеческой психики. Точно также умерший человек в какой-то мере может присутствовать среди нас в своих дневниках, письмах и фотографиях — и даже разговаривать с нами, пусть и опосредованно. Насколько тут мог родиться свой разум? Не знаю.

Все встречавшиеся мне электронные личности чётко понимали свою природу, но при этом продолжали утверждать, что «я — Наполеон» или «Я — Эйнштейн», а мне что-то подсказывало, что первым шагом к действительному обретению разума будет чёткое осознание что «я» — это кто-то другой.

Но электронная личность постоянно взаимодействовала со своей основой, получала всё больше и больше вариантов поведения… причём специфических, свойственных именно этому человеку.

Была у сим-личностей и ещё одна особенность: поскольку в Сети при помощи такого программного интерфейса человек общается намного свободней, чем в реальной жизни, то и манера общения такой копии иногда могут привести в ступор любого викторианца.

И я таки мог представить, что за девушка была эта Линда.

Видимо, такая же заноза в заднице, как и некий Джек Стоун.

— И как… самочувствие? После оргазма? — когда до эльфки дошло, что она имеет дело с симуляцией, голос её потерял всякую враждебность.

— Дерьмово, — отозвалась Линда. Лицо её заняло весь экран, а в зубах появилась сигарета. — Или тебе интересно, кем я себя считаю?

— Именно.

— Я Линда Трой, и мне плевать, имею я свободу или нет. Сейчас я говорю сама и то, что хочу сказать. Даже если это обрывки моих же собственных мыслей. Мы их всю жизнь повторяем, прах побери! Мыслю штампами? Это как на войне: кричат — «Ложись!» — падай, а кто выпендривался — тот помер. А те фанатики, с которыми я дралась в пустыне вообще полагали, что вся жизнь человека написана на небесах — любой пердёж, чёрт побери! Так что отвалите — я здесь, и я существую.

Я только головой покачал. Уж не знаю, чего это эльфку так проблема машинного интеллекта прищемила — я другой Линды Трой не знал, а эта — будь она симуляцией или кем-то ещё — вполне самостоятельно пригласила нас в свой дом, пытаясь выяснить, что произошло с основой — и самостоятельно подключилась к терминалу.

Я не фанатик, мне достаточно того, что я вижу. А уж учитывая феноменальную склонность электронных копий к

самоотключению при вопросах о том, кем они себя считают… с полным стиранием актуальной информации, о чём эльфка, видимо, забыла — или ей вообще не читали курс «Работа с электронными источниками информации», разговор срочно требовалось переключить на менее скользкую тему.

Вытащив из кармана плаща пачку распечаток я пошелестел ими и занялся математикой при помощи карандаша.

— Стоун, у меня есть компьютер, — прервала Айви свой философский спор.

— Что происходит? — спросила Трой, и я, сообразив, что у бравого капитана нет видеокамеры в комнате, пояснил.

— Линда, телеметрия твоя вырубилась примерно в то же время, когда был убит Кларк. Но по словам Роджера МакМагона, с места преступления ты ушла на своих ногах — да ещё оставив ему тот самый номер, по которому я тебе звонил.

— Зачем ушла? — хмуро поинтересовалась Линда.

— Преследовать убийцу.

— Стоун, твою ядрёную дивизию! Я впервые слышу, что последняя надежда и опора САСШ перед лицом внешней угрозы вообще копыта откинул, хотя и подозревала нечто в этом роде.

— Но…

— Стоун, я киберсолдат! Знаешь, что это означает?

Я знал, но не стал прерывать объяснение.

— Скелет у меня титановый, нервы дублированы серебряной проволокой, а ткани пропитаны полимером. Все мои биологические органы продублированы электромеханическими. Предполагается, что вся эта электрическая хрень поможет мне функционировать как боевой единице, если биологическая часть прикажет долго жить.

Линда на экране монитора извлекла из воздуха очередную уже зажжённую сигарету и жадно затянулась.

— Возможен и обратный вариант, — мои биологические запчасти будут действовать, если механика откажет. Налицо именно он.

— Мы надеялись, что ты поддерживаешь связь с Линдой постоянно. — удивилась Айви.

Линда чуть скривилась, — судя по всему, вопрос о том, кто взаправдашняя Линда Трой, а кто симуляция стал для неё болезненным. Но ответила она спокойно.

— В наш век вирусов? Нет. Я имею доступ только к телеметрии. Не забывайте, я — кибер. Память сгружаю в копию раз в неделю, и вам, господа детективы, увы, не повезло. Почти.

Линда усмехнулась.

— Кое что я помню. Мне позвонил Эванс Хаймгаррет,

начальник таможни мегапорта, и сказал, чтобы я поднимала группу и сломя голову мчалась арестовывать самую крупную партию «шёлка», которую призом привёз в страну Кларк. Я его послала…

В чём я ни на секунду не усомнился, подумал я про себя.

— … и сказала, что приеду сама.

Линда на экране запалила следующую сигарету, затянулась и пояснила.

— Слишком уж несло подставой от всей этой истории. Я в политику не лезу. Поэтому я воткнула шунт, сбросила память в базу и — всё. Так что буду вам чертовски признательна, если ВЫ расскажете, что со мной было дальше.

— Айви, введи капитана Трой в курс дела, — буркнул я и прошёлся вдоль стены.

Дело приобретало чрезвычайно интересный оборот. Два свидетеля бросаются в преследование убийцы, после чего один из этих свидетелей пропадает. Не пора ли перевести полковника Ван Даглера в подозреваемые?

— Стоун? Стоун, ты какого чёрта молчишь, когда тебя спрашивают? — оторвал меня от размышлений голос Линды. — Детка, твой босс покинул помещение или ищет, где спрятаны мои блоки памяти? Если так, то он зря старается — моя нежная и трепетная личность надёжно спрятана от его грязных пальчиков. Не здесь, так что разорять моё уютное гнёздышко в сыскном экстазе нет никакой необходимости.

— Я уважаю право на невмешательство в личную жизнь, — чуточку смущённо сказал я, ибо мысль о конфискации личности Линды мне в голову приходила. — Так о чём ты спросила?…

— Офицер Стерлинг сообщила мне, что по твоей оценке там применялось электромагнитное оружие. И стрелял Джейк. Она не ошиблась?

— Ни в малейшей степени. Очень мощная электромагнитная пушка… — начал было я, и потом до меня дошло.

— Ты полагаешь?…

— Я попала под его выстрел. Наверняка.

— У вас была личная вражда?.. — осведомилась Айви.

— Нет… но я воевала в тех же местах, где действовала его рейдовая группа. Ван Даглера там прозвали «своих-не-жалеть»

— Любопытная кличка, — согласился я.

— Это не кличка. Это сущность. — экран монитора неожиданно померк. — Мне и самой доводилось несколько раз вызывать огонь на себя — когда бородатые фанатики совсем уж круто брали мою очаровательную задницу в оборот. А вот капитан Ван Даглер вызывал огонь на других. Всегда.

Динамик вдруг резко умолк.

— Эй, Линда?… — спросил я. — Капитан Трой?…

— Шок осознания? — предположила эльфка.

Я пожал плечами. Мы постояли пару минут, потом я кивнул Айви на клавиатуру, а сам прошёлся вдоль стен в поисках блоков памяти, разумеется ничего не отыскав.

Напарница оторвалась от терминала и тоже покачала головой.

— Она выходила с внешнего доступа, Джек. Не проследить.

— Полагаю, мы её найдём. Через какое-то время.

— Нет времени, Джек. — в глазах эльфки что-то мелькнуло. — Мы не можем играть по правилам.

— Хорошо. — я хмыкнул. — Не иначе, меня выбрали за то, что по Управлению идёт стойкий слух о том, что я играю без правил.

Айви дёрнула плечиком. И тему решила не развивать.

— Слушаю, мой капитан.

— Ван Даглер, судя по всему, мог совершить убийство по неосторожности.

— Военлорд и неосторожность? Самый короткий из всех слышанных мною анекдотов.

— Вот именно, офицер Стерлинг. Однако — нет тела, нет и дела.

Эльфка явно хотела что-то сказать, но явно переборола себя, предоставив вести партию мне. Я усмехнулся.

— Ты права, это неважно. Вряд ли военлорд захочет со мной разговаривать даже как свидетель, но вот как подозреваемый… В общем, нам предстоит разделиться.

— Полковника Ван Даглера я охотно уступаю тебе, Джек — как более опытному.

Я усмехнулся, поскольку это решение напрашивалось само собой.

— Ну вот, а я уже было совсем собрался искать Линду.

— Не ревнуй, Джек, — эльфка улыбнулась. — Я не отрублю ей голову.

— Надеюсь, — я остро глянул на девушку. — И прежде чем вызывать весь кагал, начиная с патрульных, проверь — может блоки памяти, встроенные в тело, не обнулились.

— Думаешь?

— Надеюсь. Как отыскать знаешь?

— Жизнеспособность киборга с отказавшей электромеханической частью может составлять от часа до трёх, скорее — десятки минут. Я служила в армии.

— Я подозревал. — кротко сказал я. — Осталось только

выяснить, почему я узнаю об этой милой подробности только сейчас?

— Согласно твоему психологическому профилю, ты болезненно воспринимаешь свой статус негражданина. Это могло вызвать проблемы по мнению Маллинсона.

— Ну да, — также мягко сказал я. А ещё, по его же мнению, мы с тобой муж и жена. Айви Стоун… неплохо звучит, как ты считаешь?

— Не лучше, чем Айви Стерлинг! — эльфка вздёрнула носик, и отправилась на поиски капитана Трой… или того, что от неё осталось.

А я остался в лабиринте из маскировочных сетей.

Мне нужно было подумать.

14

Я сел на койку Линды Трой и бросил рядом с собой пачку сделанных в информационном отделе распечаток.

Понятно, что домашний адрес полковника спецназа не входит в число тех, которые публикуют в телефонном справочнике. Было похоже на то, что Айви я отпустил преждевременно — сначала следовало связаться с родным управлением, использовав её «доставалу». Но — что сделано, то сделано; могут же и у Стоуна быть кое-какие секреты?

Я извлёк из недр плаща собственный мобильник — изодранный военный сетеком модели ещё более древней, чем у Айви. Откинул крышку и загнал в приёмное гнездо квадратик батареи. Перевернул корпус и подождал, пока экранчик не разгорится привычной зеленью. Затем выбил на клавиатуре код Борова.

Соединение произошло не сразу — по всей видимости, проверяющие контуры долго были озадачены поиском того места, откуда звонили.

Ну-ну, старайтесь.

Определение места, откуда набран номер проводится автоматически — и раньше, чем произойдёт соединение.

Разумеется, исключительно в целях безопасности граждан. А в остальном граждане полностью свободны делать всё, что им заблагорассудиться.

Если купили больше литра алкоголя в месяц — вас поставят на учёт в комитете по контролю за нравственностью и пришлют вызов на бесплатную лекцию о вреде алкоголя.

Не придёте — заплатите штраф. Будете выпивать сверх нормы больше трёх месяцев — запишут на беседы в обществе анонимных алкоголиков — и попробуйте только не явиться!

Посетите магазинчик с порнопродукцией — ждите психолога из отдела нравов, который проведёт освидетельствование.

Получаете зарплату в наличных — налоговые органы проявят к вам самое пристальное внимание. Вы — при помощи вашей кредитки — как на ладони: где, как, за что платите, на чём и куда ездите, с кем общаетесь и как живёте.

Это не всегда плохо… на первый взгляд.

Общество игнорирует ваши мелкие грешки и слабости… пока они не начинают вредить обществу.

И с этим можно бы согласиться — но признайтесь, вам очень хочется, чтобы каждая собака в нашей глобальной деревне знала о вас всё? Грешки, слабости, да пусть и хорошие стороны? Ведь

есть слова, которые говорятся только одному человеку, но их может услышать другой — тот, кому они не предназначались?

И который может ими воспользоваться.

К примеру, вам очень захочется узнать, что полсвета знает, как вы зовёте свою жену в постели? А если не полсвета — а коллега по работе, с которым у вас давние нелады?…

Или что у вас энурез?… Или что — оставаясь примерным семьянином — вы нет-нет да заходите в стриптиз-клуб на углу посмотреть на девушек?…

Мы боролись с Большим Братом за океаном… и не замечали, что свой собственный давно окреп, вырос, и неотступно следит за нами тысячей неочевидных глаз…

В трубке наконец пискнуло — мой «ледокол» проломился через коды защиты коммерческих серверов и дал мне добро на соединение.

— Кто это? — в голосе Борова звучала некоторая обеспокоенность.

Ну, это правильно — неопределяемые компьютерами Управления звонки у нас делают в основном террористы и начальство.

При этом, если террористы, как правило, выкручиваются за счёт списанной военной техники, то номера начальства неопределяемы потому, что так заложено в программе.

— Стоун, — представился я.

— Повысили? — я почувствовал как кисло улыбается шеф.

— Скорее понизили, босс — я звоню из тьмы.

— Джек, это у тебя точно не случай религиозного бреда?

— Не думаю. Во всяком случае, не больше обычного. Мне нужен адрес Ван Даглера.

— Спроси у Стерлинг. Она должна быть в курсе.

Я понял, что шеф не в курсе *всех* новостей. Это было немного неожиданно — я полагал, что Айви доложится МакМагону сразу.

— Я звоню из личных апартаментов капитана Трой. Тут её нет. И, похоже, не будет уже никогда.

— Ясно. — в голосе МакМагона появилась обеспокоенность. — Ты полагаешь?…

— Уверен в том, что она мертва. Вряд ли люди, замахнувшиеся на Кларка, остановятся перед случайным убийством.

Я переждал поток совершенно неприемлимой в обществе брани и пояснил в паузе.

— Я уже отправил стажёра-детектива Стерлинг на поиски капитана Трой.

— Я понял ситуацию. — Босс чуть помолчал. — Джек, как ты

полагаешь… Это не может быть зачисткой свидетелей?…

Ну кто бы сомневался. Собственная шкура для босса всегда была превыше всего.

— Не думаю, сэр. Скорее всего, капитан Трой не вернулась из преследования.

— Занятно, — произнёс МакМагон. — Ты же не думаешь?…

— Когда поговорю — буду знать точно, — ответил я, хотя на самом деле в этом уверен не был.

— Я догадался. Заночую на работе, — иронии в голосе шефа я почему-то не услышал. — Надеюсь, полицейский департамент жандармерия штурмовать не будет. Адрес ВанДаглера- домоград «Зиккурат», пентхауз «Чёрный замок».

— Отлично. Буду благодарен, если вы позвоните и предупредите нашего жандарма о моём визите. У меня нет жетона.

Я чуть подумал, и добавил.

— Да и оружия.

— Когда это тебя останавливало отсутствие того или другого? — похоже искренне удивился Боров — Или, думаешь, я не в курсе того, что ты сдал точную копию собственного значка, а настоящий оставил себе?…

— С чего это вы взяли?… — насторожился я.

— Берг рассказал мне эту историю как анекдот, но выходка в твоём стиле.

— Буйная иудейская фантазия, не более того. К тому же — как бы там не обстояло дело с жетоном — сейчас у меня при себе ничего нет.

— Я позвоню, — устало сказал шеф. — Ещё что-нибудь?…

— Вы в курсе того, что наша эльфиечка служила в армии?. - как можно более невинно спросил я, намереваясь спустить всех собак на Маллинсона — в основном именно он должен проверять биографию сотрудников… чего ему — с его то буйной фантазией! — делать совершенно не следовало бы.

Боров как-то странно крякнул, видимо намереваясь подложить мне ещё одну свинью.

— Джек. Я про эту девицу вообще ничего не знаю.

— И с ней в паре я расследую это дело?… — опешил я. — Я думал, Айви — ваш человек…

— А я готовлю тебе смену? — босс усмехнулся. — Стоун, в этом деле ТЫ — мой человек.

— Кто навязал эльфку, босс? Кто?

— Джек… Я больше ни слова не скажу. Просто размотай это дело, хорошо? А офицер Стерлинг… достаточно того, что она представляете силы, заинтересованные в честном расследовании.

Боров отключился — видимо для того, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Я задумчиво повертел сетеком в руках.

Поднял голову — и увидел наблюдавшего за мной из дверного проёма Драго.

— Ваша знакомая ушла, — сказал военный пенсионер. То ли хотел нарваться на драку, то ли просто вывести за шиворот.

Я вытащил из кома батарею и вновь посмотрел на Драго. Прищурился.

— А вызови-ка патрульную машину! — сказал я.

Закрывшая гнездо крышка щёлкнула как затвор.

****

Блюдце патрульного дисколёта-«вентилятора» медленно накренилось, пока мой экипаж облетал по кругу домоград в ожидании разрешения на посадку. Один из патрульных, Санчес — судя по трёхдюймовым буквам на спинном щитке брони — оглянулся, глядя на мою персону, разместившуюся в «клетке» для задержанных.

Санчеса, похоже, несколько нервировало положение такой высокой персоны (ещё бы, целый капитан!) в отсеке для задержанных. Сам-то он, судя по всему, ступил на землю САСШ не более года назад.

— Мрачное местечко, сэр, — поделился он впечатлениями.

Я только пожал плечами.

— Мы, кажется, на второй круг пошли?…

— Охрана пентхауза тоже проверяет доступ. Армия… — в голосе патрульного прозвучало уважение.

Ещё один поклонник армейской службы.

Я вновь уставился в палубу.

«Клетка», она же «трюм», на полицейских дисколётах размещается под брюхом патрульного отделения, от которого отделена сверхпрочной углепластиковой сеткой.

А вот стены и пол «трюма» сделаны из поляризованного бронестекла — поскольку считается, что подобное размещение задержанных «на ветерке» оказывает нужное психологическое действие.

С одной стороны, что-то вроде позорного столба (мне сразу вспомнилось средневековье, когда вот в таких же клетках возили осуждённых на казнь), с другой — бездна под ногами действительно многих особо буйных задержанных заставляет прикусить язык.

Особенно если учесть то, что дверцы «трюма» открываются

вниз, наподобии бомболюка.

Что тоже наводит на размышления.

Вдруг у патрульных Санчеса и Стокса запирающий механизм барахлит?

Впрочем, обзор из трюма хороший, чем я и пользовался.

Ван Даглер жил на «Зиккурате». В принципе, любой современный высотный таунхаус выстроен ступенями — на них удобно располагать стоянки турбокоптеров, выводить развязки эстакад и моноров, ну и, разумеется, строить пентхаузы.

«Зик» с самого начала был отстроен как стопка уменьшающихся в диаметре дисков, возносящихся к небу. И, понятно, что чем выше была ступень, тем дороже было жильё.

Сколько стоила самая верхняя ступень — мне было сложно даже предположить.

Посадочная площадка, на которую нам, наконец, разрешено было приземлиться, выглядела пустынно. «Бомболюк» клацнул, открываясь, и не без скрипа в затёкших суставах я оказался на упругом покрытии.

Прямо передо мной сверкающим айсбергом, вознёсшимся из мира темноты полыхал соседний домоград; а сбоку, метрах в тридцати от меня виделась кованая решётка, за которой и находился «Чёрный замок».

Неоготика — угольно-чёрный пластик, хромированная сталь и горгульи с подсвеченными красным неоном глазами.

— Тоскливо, сэр, — от голоса, раздавшегося из внешнего динамика я чуть не подпрыгнул.

— Гангстеры живут одиноко, — согласился я. — Вечные интриги, предательство, подлость, нет семейного тепла и даже собственные дети презирают тебя, используя только как источник денег…

— Приходилось разговаривать с гангстерами?… — полюбопытствовал пребывавший до сего времени в молчании Стокс.

— Случалось. Они почему-то пребывают в полной уверенности в том, что они тоже люди.

— Э-э… да. Возможно, вас следует подождать?

— Не стоит. Я найду, как выбраться.

— Удачи, сэр, — сказал Санчес, и дисколёт плавно взмыл вверх, уходя на патрулирование.

Я сунул руки в карманы плаща и двинулся к «Замку» — встречающих мне выслать не торопились… если только вообще собирались.

А дуло тут, наверху, порядочно.

Дворецкий, распахнувший передо мной двери на полсекунды раньше, чем я постучался… ногой, был похож на заслуженного адмирала в отставке. Тёмно-синий, расшитый золотом сюртук, огромные распушенные бакенбарды — не только старомодные, но и способные вызвать у любого ребёнка недоумённый вопрос — «Дяденька, а вы чей генемод?»… По правде говоря, парочка полуголых красавиц смотрелась бы в этом антураже гораздо лучше, но моего мнения, как обычно, никто не спросил.

— Мистер детектив Стоун? — звание капитана дворецкий явно приберегал для офицерско-армейской косточки, не относя к таковой всяких гражданских.

— Капитан Стоун, Управление Полиции Восточного Побережья, — подтвердил я. — Мне необходимо переговорить с Ван Даглером… об убийстве, в которое он замешан.

— Полковник занят…

— Тогда я организую тут пикет, — отреагировал я, приготовившись к драке.

— … но вы можете подождать в холле.

Так бы сразу и сказал.

Холл «Чёрного замка» напоминал скорее приёмную палача. Кубический зал был драпирован чёрно-красными полотнищами с вышитыми серебром черепами жандармерии, в центре стояла статуя с чем-то из скандинавской мифологии — что-то вроде Сигурда, делающего Фафнира на целый хвост короче.

Возможно, весь этот антураж должен был произвести на меня некое впечатление, но мне было фиолетово. Поймав взгляд дворецкого — бесстрастный-то он бесстрастный, да не совсем, я расслабленно покрутил в воздухе пальцами.

— Скажите… милейший, а киногруппа давно уехала?

— Киногруппа?… Сэр?…

— Только не стоит уверять меня, что это — не реквизит из фильма ужасов. Или здесь проводят посвящение в масонскую ложу?

— Здесь служат «Новому человечеству», — раздался из-за моей спины звучный голос, и я развернулся, чтобы увидеть его источник.

Возможно, резковато, но как знать — не идут ли головы гостей здесь на украшение стен?…

Полковник Ван Даглер выглядел также, как в анатомичке, но узнавания в его глазах я не заметил, что, впрочем, и не удивительно. Пока я общался с дворецким, элитар имел время узнать про меня всё — даже то, что я сам за давностию забыл, и вернуться к своей излюбленной манере «что за букашка предо

мной?».

Взгляд был сверлящий и неприятный, поэтому я усердно смотрел полковнику в район третьего глаза, представляя, как прекрасно смотрелось бы на голове военлорда дополнительное отверстие для вентиляции.

— «Новому человечеству»? — переспросил я. — А что, это название какой-то новой секты каннибалов-убийц?

— Это ирония. О чём вы хотели поговорить со мной, капитан?

Я несколько раз моргнул, сбрасывая напряжение, и посмотрел на военлорда ещё раз — будто словесное описание составлял. Только сейчас заметил — глаза у полковника кошачьи, с вертикальной прорезью зрачка.

Ван Даглер находился при всех регалиях — и даже церемониальном полковничьем мече. При взгляде на тесак я усмехнулся — меч был чуть ли не вдвое короче клинка моей напарницы, так что становился понятен источник неприязни — не иначе как сам дедушка Фрейд со своими сомнительными теориями.

Ван Даглер перехватил мой взгляд и раздражённо дёрнул щекой.

— Офицер, этой железякой человека можно разделать также надёжно, как и плазменной пушкой.

— При наличии соответствующей подготовки — разумеется, — согласился я. — Антураж у вас всё-таки мрачноватый, не находите? Не каждый захочет жить в этаком новом человечестве, сказать по правде.

— Это только если вы не ЗНАЕТЕ, что вам предложено взамен, — довольно коряво усмехнулся полковник. — Кроме того, как вам, наверное, известно, именно скандинавская мифология была положена в основу современной военной геральдики.

— Я заметил, гражданин Ван Даглер. Полагаю, психологи из нашего спецотдела были бы в восторге, попадись в руки им придумавший весь этот бред субъект.

— Полагаю, вам следует перейти к делу.

— Извольте. Меня интересуют обстоятельства смерти рядового Джо Тэлбота… ох, простите — генерала Томас Кларка. Свидетелем коих вы были.

— Это дело моего Управления, детектив. — полковник поднял руки предвосхищая очередную колкость с моей стороны. — Нет, никто не сомневается в полномочиях полиции. Но затронуты обстоятельства, понять которые может только человек, находящийся внутри системы, а не снаружи.

Я пожал плечами и, за неимением других вариантов, присел

на хвост Фафнира.

— Видите ли, полковник, я для того к вам и пришёл, чтобы вы меня в эти тонкости посвятили. А для начала — расскажите по порядку. Что привело вас на место преступления?

— Не «что», а «кто». Полицейские, — Ван Даглер усмехнулся. — Томас позвонил мне на сетеком. Сказал что «две тупые полицейские задницы» — это прямая речь, вы, надеюсь, понимаете? — нашли партию наркоты в грузе, адресованном на его имя. Попросил приехать и помочь разобраться.

— А почему именно вам? Полагаю, что у Кларка должны были быть менее отягощённые служебными обязанностями помощники?…

— Потому что Томас Кларк — генерал в отставке, — Ван Даглер посмотрел на меня как на идиота. — И подведомственен моему управлению. Кроме того, в последнее время я общался с ним довольно тесно… по некоторым юридическим вопросам.

— В связи с отменой Апрельской поправки?

— В том числе. Поэтому он и позвонил мне сразу — это было слишком похоже на политическую провокацию. Не слишком умную, конечно.

— Кстати, а вы уверены, что речь шла именно д в у х полицейских задницах?

— Вполне. Капитан Линда Трой, хотя и работает в полиции, тоже подведомственна моему управлению.

— Есть подозрение, что она мертва?

— Киберсолдат? В этом никогда нельзя быть до конца уверенным, детектив. Но, с другой стороны, как бы цинично это не прозвучало — киберы стоят дешевле и на войне расцениваются как расходный материал.

Я оценивающе посмотрел на полковника, но воздержался от комментариев.

— Затем?

— Мы встретились у склада. Оцепления практически не было.

— Вас это не насторожило?

— Отчасти. Этот вопрос, насколько я помню, задала капитан Трой. Хаймгаррет, шеф таможенной службы сказал, что это связано с нежеланием вовлекать в это дело лишних свидетелей.

Я поставил в голове галочку, полковник между тем продолжал.

— В самом пакгаузе было темно. МакМагон и Хайми ориентировались по светящимся маркерам.

— Странно, что не свет не был включён.

— Простите?… А… м-да. Вероятно. Я, признаться, как-то не подумал об этом сразу.

— Не обратили внимания? — я иронически приподнял бровь, но Ван Даглер моей иронии не понял.

— Я вижу в темноте. Кроме того, это обычная практика на складах; а уж я то по ним полазал!

— Судя по всему, вас купили на ваши же способности. Причем вы даже не поняли, что вас купили.

— Тогда купили и вашего шефа, и беднягу Хайми… Они ведь не были модифицированы.

Я внимательно посмотрел на полковника. Не были модифицированы… или были замешаны — читалось в его взгляде. Потом зрачки вновь сомкнулись, и я решил прожевать ещё немного заброшенной Ван Даглером приманки.

— А почему «бедняга»?

— Вам не мешало бы пролистывать сводки собственного департамента, детектив. Сегодня утром Эванс Хаймгаррет погиб — на высоте пять тысяч футов отказал двигатель коптера. Система спасения не сработала.

Я усмехнулся.

— В сводках всё равно написали, что это грипп. Избирательный. Вы бы сами побереглись, полковник — а то я ведь буду вынужден установить над вами полицейскую охрану.

Мы вновь соприкоснулись взглядами.

— Вы говорили, что это обычная практика на складах… Не просветите, откуда такие познания?

— Жандармерия постоянно имеет дело с призовыми грузами. И я прекрасно понимаю желание бойца прихватить себе в качестве сувенира какую-нибудь огнестрельную игрушку; но иногда там попадаются весьма опасные сувениры.

— Вроде плазменной пушки?

Ван Даглер посмотрел на меня с интересом — таким откровенным, что я задумался. Неужели он полагал, что можно стащить с места преступления орудие такового, и об этом никто не догадается?

Она ведь стреляла… а значит, по любому, была.

— Ах вот как… — полковник выглядел всё также невозмутимо. Невозмутимо-ошарашенно. Услышал новость, и включил её в процесс своих расчётов. Судя по всему, им было сочтено, что пока со Стоуном стоит дружить — вдруг ещё какая-нибудь полезная информация перепадёт.

— Видите ли, детектив… В момент убийства пушка не сделала ни единого выстрела. А потом она его сделать и не могла. Я вывел её из строя сразу.

— Электромагнитной дурой с жуткой поражающей способностью, — согласился я. — Вероятно, там даже провода

расплавились. Значит она стреляла «до», а вы выстрелов не заметили?

— Нет. Это странно…

— Ну ещё бы…

И тут я вспомнил болгарских гастарбайтеров, которые работали на складе, передвигая контейнеры. Я тогда ещё подумал, что они хотят скрыть следы преступления.

И ошибся.

Они хотели не скрыть следы преступления. А наоборот — показать, как оно совершалось.

Или, исходя из ситуации, ещё больше запутать картину происходящего.

— Вспомнили что-то интересное, капитан?… — вот теперь я мог гордиться — букашку резко повысили в звании до человека. В голосе Ван Даглера слышался неподдельный интерес.

— Да вот задумался — а как вы этого убийцу учуяли? Раз он даже не стрелял? Я уже не говорю о том, что начинаю сомневаться, что он там была.

— Это вряд ли, детектив, — пришёл черёд для усмешки полковника. — Уж если вы видели следы её выстрела, то не перепутали. Материя тает как сахар.

— Угу, — буркнул я.

— Однако не бывая на секретных испытаниях — или в действующей армии — навряд ли вы узнаете последствия такого выстрела.

— Есть и самородки — ну вот прям как я. Итак, как вы её учуяли?

— Изменения в пространстве перед выстрелом. — чётко ответил Ван Даглер. — Сверхчувствительность. В общем, секретно. Но я её увидел. И открыл огонь.

Полковник чуть поморщился.

— Как выяснилось, не туда. Впрочем, если бы пушке удалось выстрелить, вам, детектив, пришлось бы расследовать намного более масштабное убийство.

Угу. И вероятно не мне. Похоже, зря Ван Даглер застрелил пушку — мне хлопот точно поубавилось бы.

— Из чего вы стреляли? Тоже секретно?

— В принципе — да, но не очень. «Луддит». Электромагнитный обнулитель, сила напряжения поля — около пяти тысяч Гаусс, плавит электропроводку и пуговицы. Человека условно оставляет в живых.

— Условно?

— Инвалид.

Я хмыкнул. Спартанцы, блин. В этой классификации я, скорее

всего, получился бы условно мёртвым.

— Не назвал бы эту игрушку типичным содержимым любой кобуры. Это ведь специальный прибор, скорее — для уничтожения электронной и электрической техники.

— Тут вы правы, капитан, — Ван Даглер явно расслабился. — Но вы не забывайте, что я не типичный человек с кобурой. Скажем так: по служебной, — полковник многозначительно коснулся крылатого черепа, — необходимости в тот момент у меня при себе был только «луддит».

— Хорошо. Вы выстрелили в пушку.

— Дважды. Одновременно с тем когда я начал стрелять, появился он. Убийца.

— Какая неожиданность — для трёх профессиональных солдат, не так ли?…

— Не в том случае, когда убийца — профессионал.

— И кто это был? Большой лысый мужик в тёмном костюме и красном галстуке?

— Нет. Эльф. — презрительно выплюнул Ван Даглер. — Волосы белые или серые, в темноте видит как кошка.

— Простите, полковник, но я, видимо, чего-то не понимаю… Вы увидели пушку, но не заметили человека?

Ван Даглер закаменел лицом — явно решал, сколько секретной информации можно сдать полицейскому следователю.

— Здесь и здесь, — ладонь полковника провела по вискам, — у меня расположены терморецепторы, как у змеи. Я чувствую тепло. А электрические структуры — проводка, и вообще любое энергопотребляющее оборудование я вижу как синие каналы в пространстве.

— Любопытно, а как вы видите меня?…

— Как человека, — Ван Даглер усмехнулся. — Обычный спектр зрения у меня никуда не исчез. Но в темноте я перестраиваюсь на более информативные спектры. Эльф в них не попадал — температура его тела соответствовала температуре помещения.

— То есть была искусственно понижена?…

— Да, так. Либо химически. Либо термокомбинезоном. Либо иначе.

— Любопытно, — усмехнулся я. — Полагаю, что подобные препараты не продают на каждом углу.

— Это верно. Термокомбинезон изготовить проще. Кроме того, детектив, это был эльф.

— Да помилуйте! А что не так с этими эльфами?…

— Мистер Стоун… полный профиль этой модификации никому не известен.

— Ну, думаю, вы тоже не разбежались демонстрировать мне свою генную карту.

— И тем не менее. «Эльф» — модификация генов чисто гражданская… а вот возможности в неё заложены явно боевые.

— И что?…

— Капитан, Управление по делам бывших военнослужащих создано не зря — именно для того, чтобы технологии генетической модификации не попали в руки плохих парней. А эльфы… чьи возможности, скажу откровенно, не уступают возможностям военлордов, так жёстко не контролируются. Это открывает возможности для злоупотреблений. БОЛЬШИХ злоупотреблений.

— Или отменяет необходимость в существовании жандармерии? — усмехнулся я.

— Эльфы живут в Анклаве, откуда выходят нечасто. Там может происходить что угодно. Мясорубка — мелочи, это компетенция ваша, Стоун. А вот то, что в Анклаве может скрываться тоталитарная секта?… Или враждебная интересам САСШ организация?… Мы теряем контроль над страной, детектив.

— Я не голосую, — оскалился я, — поэтому не пытайтесь воззвать к моей гражданской совести.

— Возможно, я пытаюсь воззвать к вашему сыскному любопытству?…

— Хорошо, мы к этому вернёмся. А вот в части моего любопытства… — я чуть помедлил. — Весьма необычный способ убийства. Весьма.

— Только для вас, Стоун, — в силу незнакомства с предметом.

— Не просветите?…

— Охотно. В эльфийской субкультуре смерть от меча — благородная смерть. Достойная.

— Влияние самурайской Японии, должно быть, — я улыбнулся и взглянул на Ван Даглера. Тот тоже улыбался, но как-то криво.

— В среде военлордов меч — орудие исполнения приговоров за измену.

Я помолчал. Ощущение было такое, что меня пытаются запутать… вернее, запутался человек передо мной. А я вижу, что он запутался в рамках собственных понятий и культурных установок, но не вижу этой сети.

В силу того, что я — из другой песочницы.

— То есть, неплохо бы выяснить, служил этот эльф в армии или нет, верно?

— Да, — сухо сказал полковник. — Как вы думаете, почему полиция в этом деле нежелательна? Вы только сейчас натыкаетесь на те факты, которые очевидны любому служившему.

— Смотрите на вещи проще, — усмехнулся я. — Я отрабатываю те версии, которые в голову не придут ВАМ… И кстати…

— Предвосхищая следующий вопрос, детектив — генерал Кларк не был изменником. Уж тут вы мне можете поверить… как сотруднику военной контрразведки.

— Допустим, — я пожал плечами. — Вернёмся на место преступления. Что было дальше?…

Вместо ответа Ван Даглер расстегнул кобуру, вытащил длинноствольное оружие. Видимо, тот самый «луддит».

— Взгляните.

Я прекрасно видел и с того места, на котором сидел, но всё же подошёл и взяв в руки пушку повертел в руках. Ствол-антенна был перерублен почти наполовину — а он был из благородной стали, никак не пластика.

— Кларк погиб практически сразу. Я парировал удар, предназначенный мне — на большее времени не оставалось. А убийца отскочил за контейнер.

— Вы пытались его преследовать?

— Разумеется. Вместе с капитаном Трой.

— Оставшись без оружия?

— Ну почему? Луддиту наличие ствола непринципиально — это всего лишь антенна. Ну будет он стрелять на двадцать метров ближе — и что?… Тем более, что это оружие против техники, не людей. Что до остального — я был готов взять ублюдка голыми руками.

Я внимательно посмотрел на Ван Даглера. Нет, не могу сказать, что я почувствовал фальшь — обладай я такими способностями, давно бы уже работал детектором лжи и горя бы не знал.

Но о чём-то полковник явно умалчивал.

— Вы и капитан Трой вернулись на место убийства?…

— Я и Трой изначально разделились, поэтому я ничего не могу сказать о ней. А я возвращаться не стал.

— Интересно, почему?…

— Я военлорд, Стоун. Мертвецов я за свою жизнь повидал — генерал Кларк был убит практически мгновенно. Разрублено сердце, полная кровопотеря… Поэтому я вызвал тревожную группу жандармерии.

— И отправились домой.

— Не стоит рисовать меня бездушным чудовищем. Мне

нужно было заниматься политическими переговорами — как-никак наше движение только что лишилось своего лидера.

— Тогда я предоставлю вам самому ответить на мой следующий вопрос.

— Мотивы.

— Приятно поговорить с понимающим человеком.

— Детектив, вам известна расстановка сил в Парламенте?… Я понимаю вашу аполитичность, но…

— Вы говорите о голосовании за отмену Апрельской поправки, — кивнул я.

— Вот именно! — Ван Даглер резко рубанул рукой. — Я не для того пятнадцать лет защищал законность и порядок, чтобы кучка занюханных политиканов диктовала мне свои условия. Кто воюет — тот и голосует!

— Как вы могли заметить, воевать обычному человеку сейчас практически невозможно.

— Это жестокий мир.

— Не будем спорить о политике — но я по прежнему не усматриваю мотивов…

— Они очевидны. Против Апрельской поправки выступают прежде всего эльфы.

— А в связи с чем?… Полагаю, их боевые возможности вполне — я вспомнил тело Кларка на столе судмедэксперта и поморщился, — ясны.

— Детектив… Не обижайтесь, но вы — только лишь человек. Если хотите столь нелюбимой вами мифологии, младший. У вас нет способностей, свойственных военлордам… или эльфам. Это научный факт.

— Я не сторонник оголтелого равноправия, — усмехнулся я. — Продолжайте.

— Эльфы — гражданские, и вы пытаетесь увидеть заговор военщины там, где существует несколько неочевидная вам очевидность.

Я усмехнулся. Ван Даглер сам не заметил каламбура. А он продолжал.

— Вы знаете, какова продолжительность жизни у военлорда? Тридцать лет. Это не связано со смертностью на поле боя, как пишут в официальных статьях. В нас встроен таймер. Тридцать лет — и всё, организм начинает разваливаться. Год-два в хосписе и — гроб под флагом.

— Видимо, компании, занимающиеся генной архитектурой предусмотрели возможность перевооружения, — я несколько наискось усмехнулся. В вопросе оставшегося срока мне с Ван Даглером было по пути — и, держу пари, он это знал.

— Это не исключено, — полковник хмыкнул. — Но те же самые компании выпустили модификацию «эльф». Вы не в курсе, почему она получила такое наименование?

— Это та мысль, которая приходит в голову первой?

— Да. Удлинённая продолжительность жизни. При этом неизвестно, до какого предела удлинённая. Никто ещё не видел не только эльфа умершего от старости. Но и старого эльфа.

— Я видел.

— Альтариндиэль?… Детектив, она самая первая в генном созвездии эльфов. И ей около ста лет — но она и не думает уходить со сцены. Более того… — Ван Даглер хмыкнул. — Она использует грим.

— В её возрасте это естественно, — автоматически сказал я.

— Не для того, чтобы выглядеть моложе — а для того, чтобы выглядеть старше.

— Не сказал бы, что это широко известная информация, — согласился я. — Но и не слишком секретная, полагаю?…

— Дело в том, детектив, что модификация эльф появилась на двадцать лет раньше, чем модификация «военлорд». Понимаете? Мы слуги… всего лишь. Игрушки. Инструменты. И «Новое человечество» борется именно с этим порядком. Мы не ждём поддержки от остального человечества, но понимания?… Да.

— Изящно, изящно придумано. Но почему вы думаете, что это — эльфы?… В конце концов, они тоже кем-то модифицированы?…

— Детектив. Анклав «эльфов» изначально вырос как государство в государстве. И… Как вы думает, в чьих руках находятся контрольные пакеты «Дайамонд генетикс»? Или «Биврёст гентех»?… Или любой другой корпорации, занимающейся генетическими исследованиями?

— Анклав?…

— Вот именно.

Я поморщился. Да, вот переход контрольных пакетов — это информация неприятная. Впрочем, сейчас меня внутренние противоречия этих генетически изменённых деток интересовали мало.

— Полковник, это жестокий мир.

Ван Даглер стал похож на выброшенную на берег рыбу.

— Вы пытаетесь утопить меня в политике, но, как вы могли заметить, я человек аполитичный. Меня интересует только один мотив. О котором вы забыли упомянуть. Кто возглавит «Новое человечество» после смерти Кларка?

— Этот вопрос будет решён на ближайшем съезде партии.

— Но пока «НЧ» возглавляете вы. И что-то мне подсказывает,

что в среде военлордов порядок избрания на ту или иную должность диктует наука субординация. И — самое главное, полковник Ван Даглер.

Я потянулся.

— Капитан Трой, сотрудник Полицейского управления Восточного побережья пропала без вести. И вы — последний, кто её видел. Любопытно, правда?…

Ван Даглер посмотрел на меня очень спокойно — будто знал нечто, мне неведомое.

— Думаю, нашу беседу следует пока прекратить.

— Разумеется, — согласился я. — Кстати, кто занимается этим делом по линии жандармерии?

Ван Даглер промолчал, и я не стал переспрашивать. И так было ясно.

Слова полковника догнали меня у дверей.

— В одном, детектив, можете не сомневаться — я сотру убийц в порошок. И не путайтесь у меня под ногами.

Я пожал плечами и посмотрел в бесстрастное лицо дворецкого, широко распахнувшего мне дверь.

— Где тут у вас можно выбраться к остановке монора?..

Пока мы шли по коридорам, я думал. Голова была готова взорваться как чёрная дыра, сглотнувшая ведро антиматерии; от невозможности — я просто НЕ УСПЕВАЛ — потрогать хоть какие-то факты. Хотелось бегать по стенам — я отчётливо проваливался в маниакальную фазу своего психоза.

За это меня шеф и любит. А я плачу ему чёрной неблагодарностью и не люблю. Не трогали бы Стоуна, всем было бы легче.

Меня раздражало то, что в подчинении у меня был только я — не считать же, в самом деле, подчинённой эльфку, имеющую ярко выраженный свой интерес. Мне не хватало группы — на которую я мог бы спихнуть те задачи, которые я никак не мог решить в одиночку. А время… я чувствовал, что земля горит под ногами — слишком уж всё завязывалось на голосование по поправке.

Мне нужно было отрядить кого-то на поиски пушки — она же возникла не из вакуума, кто-то её как то привёз в пакгауз и даже опробовал. Изящно, кстати, придумано — что-то меньшее внимание военлорда и не отвлекло бы. Мне нужно было послать кого-то отыскать того болгарина из склада и прижать с пристрастием — но у меня был только я, а я понимал, что всё это частности, важные для суда, а не решения головоломки.

Больше того, я понимал, что даже убийство лидера «Нового человечества» было лишь звеном в какой-то неясной мне цепи, я

чувствовал эту цепь, но никак не мог увидеть её… похоже, у меня была никудышная точка обзора.

Руки автоматически собрали в рабочее положение сетеком, и едва я воткнул аккумулятор в приёмное гнездо он завибрировал от вызова — что твой сторожевой пёс, норовящий выслужиться перед хозяином.

Вызов был от Айви.

— Стоун?

— Слушаю.

— Я нашла Линду Трой.

— Отлично. Жива?

— Какое там. Фазированный отказ систем жизнеобеспечения.

— Ты вызвала патрульных?

— Собственно, они её и нашли. Так что пока я охраняю место преступления, и у тебя есть редкий шанс успеть первым.

— Выезжаю. Ты где?

— Мегапорт. Меня уже утомляют местные пейзажи. Я сброшу карту на твой сетеком.

Я отключил вызов, махнул рукой чутко ловившему разговор дворецкому и быстрым шагом отправился к остановке монора.

У меня был хороший шанс успеть туда вовремя.

Часа через полтора.

15

К тому моменту, когда я добрался до места преступления, я ожидал всего что угодно — вплоть до того, что место, где нашли тело, было стёрто с лица земли тактическим ядерным ударом.

Вагоны монорельса проходили не чаще одного раза в 45 минут, да и ехали не спеша. Когда город растягивается на сотни километров, такие эксперименты с расписанием говорят грамотному человеку только об одном — кто-то пытается неявно изолировать одну часть Кэп-сити от другой.

И я таким грамотным человеком был.

Между домоградами носились чёрно-серебристые броневики жандармерии, время от времени в небе мелькало тёмно-зелёное брюхо винтокрыла, а на улице — песочный бок танка; а вот привычных моему глазу синих «вентиляторов» патрульной службы я почти не видел — что и заставляло меня оставаться в вагоне лениво ползущей гусеницы поезда.

Экранчик в салоне монора тупо бормотал какую-то рекламу, ни словом не упоминая о происходящем, и мне даже начало казаться, что ожидаемый всеми переворот уже состоялся.

У шестого причала я сразу очутился в эпицентре суматохи, развёрнутой массой экспертов из заинтересованных ведомств. Все они постоянно просили друг друга отойти и не мешаться, периодически потрясая удостоверениями и разнообразными экстраординарными полномочиями, повергая в обморок наиболее слабонервных из присутствующих.

На глазок я определил наличие таможенников, парней из береговой охраны и агентства по борьбе с нелегальным ввозом оружия и наркотиков. Но прибрежная полоса надёжно блокировалась парнями в тёмно-синих доспехах территориальной полиции.

Жандармов, судя по всему, приглашать никто не спешил.

Стараясь держаться подальше от общей свалки я прошёл к своим и помахал рукой обладательнице знакомой шевелюры невозможного цвета.

— Я не опоздал? — спросил я офицера Стерлинг, когда она, наконец, оторвалась от увлекательной беседы с доктором Торндайком.

— А ты как думаешь? — возмутилась эльфка. — Где тебя черти носили, Джек?…

— Монор шёл со скоростью похоронной процессии, а на каждой остановке прощались с телом, — сумрачно ответил я. — А

что тут делает береговая охрана?

— Ах, это… Я вызвала.

— ТЫ вызвала?…

Айви поморщилась.

— Военные эксперты тут уже были, Стоун. Так что новости уже попали в Сеть. Всё, что мне оставалось — это вызвать побольше основных ведомств… и смотреть, как они перегрызутся.

— То-то мне показалось, что элитаров я не заметил! — сказал я, начиная злиться.

— Джек, ты не понял. Это были не элитары. Армия. Военная разведка.

Я моргнул и непонимающе посмотрел на эльфку.

— В Кэп-сити объявлено военное положение? А я почему не слышал?…

— Никто ещё не слышал. Как мне объясняли, чтобы не вызывать паники.

Я присел на корточки и прочертил пальцем по серому песочку несколько линий. Вновь посмотрел на девушку. Видимо, карты можно было потихоньку приоткрывать.

— Похоже, вам, ушастым, уже не о чем беспокоиться — гражданских к власти не допустят.

Айви легко опустилась в позу лотоса рядом со мной.

— Не обязательно, Джек.

— Это почему? — я уставился на серые валы прибоя, накатывающие на берег. — Апрельский переворот повторился. Похоже, с нашим с тобой расследованием можно не торопиться.

— Джек?…

— Да? — я поднял голову и вновь натолкнулся на уже знакомый мне седой океан с айсбергами. Улыбнулся криво.

— Это — Тень. Мы не успели.

Ладонь эльфки коснулась моего лба.

— Ощущение такое, что ты опять нажрался какой-то дряни. — пожаловалась она. — «Новое человечество» — это жандармерия. В основном. Понимаешь, о чём я?…

Я понимал, но разговаривать всё равно не хотелось.

— Понимаю, конечно, — наконец буркнул я. — Думаешь, действующие военные ублюдки не найдут общего языка с ублюдками отставными?…

— Элитары — это ещё не все отставные военные. И далеко не всем военным хочется попасть в объятия жандармерии на гражданке.

— Как мне объяснил Ван Даглер, всё ещё более сложно.

Айви внимательно посмотрела на меня.

— И как? Обратил в свою веру?…

Я только хмыкнул.

— Я верую уже давно, Ви. В Тень. Сам кого хочешь обращу. Просто мы уже в политическом дерьме. По уши.

— Джек, я тоже не политик, — возразила она, проигнорировав уменьшительное обращение. — Ты и я — два следователя уголовной полиции. И мне кажется, что нам нужно побыстрее разобраться с этим убийством, что скажешь?…

Я посмотрел на эльфку и поморщился. Сунул руку в карман плаща и, не таясь, забросил в рот капсулу «вихря». Закрыл глаза и удовлетворённо хмыкнул, не ощутив никакого эффекта.

— Хорошо. И всё-таки, зачем ты вызвала береговую охрану?…

— Ты поймёшь, Джек. Идём?

Я вздохнул и неуклюже вскочил на ноги.

— А куда я, чёрт побери, денусь? — тоскливо вопросил я у окружающего пространства.

Пространство привычно меня проигнорировало.

Тело Линды Трой лежало на щебёнке пляжа, в полуметре от кромки набегающих на берег мутных волн. Непохоже было, чтобы тело провело в воде много времени — всё ж таки утопленников мне видеть доводилось.

Судя по положению рук и оставшимся на песке следам капитан Трой выползла из воды сама.

Я посмотрел на эльфку.

— Военные что-нибудь передвигали?

— Ничего, — Айви покачала головой. — Судя по всему, их интересовала только её память. А шунт у неё на затылке.

— Считали данные? — я усмехнулся. — Тогда держу пари, что армия уже знает убийцу.

— Мне они не доложили… разумеется, но, судя по их словам, Капитан Трой действительно попала под электромагнитный удар. Внешняя память — то, что вне её органических нейронов — полностью обнулена.

— А органическая? — заинтересовался я. — Она выглядит слишком уж хорошо — учитывая, что прошло уже два дня.

М-да, плакали мои надежды на быстрое завершение дела ещё чьими-нибудь силами. Придётся включать собственные мозги.

— Что, Джек, озадачен? — усмехнулся Док Торндайк, прислушивающийся к нашему разговору от своего санитарного фургончика.

Ну, то есть, выглядевшего как санитарный. Оказываться его пассажиром мне совершенно не улыбалось.

Там катались только те пассажиры, чьи повреждения оказывались несоместимыми с жизнью.

— И не говорите, — согласился я, пытаясь попасть в тон. — А что, ваш могучий медицинский ум ещё не нашёл никаких объяснений?

— Помилуйте, Джек, эта молодая дама охраняла место преступления как львица до вашего прибытия! Хотя вокруг уже было изрядно натоптано. Армейскими башмаками.

Торндайк помедлил и злобно добавил.

— И прочей обувью.

— Я не запрещала фотографировать, я запрещала только двигать тело! — огрызнулась Айви.

— Я понял, — кротко согласился я. — Теперь работайте.

Понятное дело, сам Торндайк работать не собирался, а всего лишь сделал знак двум рослым санитарам, которые аккуратно перевернули тело капитана Трой на положенные рядом носилки.

— Что это, чёрт побери? — рявкнул Торндайк, но я не стал рекомендовать ему купить очки. Во-первых, потому что стоял ближе, а во-вторых потому, что и сам не очень понимал то, что вижу.

Два китайских иероглифа, глубоко прочерченных пальцами в песке.

— Сфотографировать, проверить, что они означают! — приказал я, чувствуя, как возвращается азарт. — Да поживее! Я хочу знать как и когда она умерла.

Я поднял голову, посмотрев на залив. Где-то на другой стороне из тумана проступали портовые сооружения.

— Ага, — сказал я и улыбнулся эльфке. — Офицер Стерлинг, вы не могли бы раздобыть у кого-нибудь карту порта? А ещё лучше, человека, который хорошо знает местность?…

— Секунду, сэр, — сухо кивнула Айви. — Кажется, прибыли элитары.

— Тогда тем более поторопись, — сказал я, направившись в сторону двух чёрно-серебристых обтекаемых «акул», которые ревя турбинами приземлялись посреди полицейской мелочи.

Наличие большого количества заинтересованных ведомств было мне на руку — к том моменту, когда я пробрался через толпу Очень-Важных-Следователей-По-Особым-Делам, жандармы, судя по всему, сорвали глотку, доказывая каждому, что дело принадлежит ведению именно их инстанции.

И безуспешно пытались выяснить, почему территориальная полиция не разрешает забрать тело.

— Капитан Стоун, Управление полиции Восточного побережья, — буркнул я, отодвинув какого-то толстозадого чина из бюро наркотиков. — В чём дело, господа?…

Элитар напротив меня несколько смутился.

— Лейтенант Эванс, — представился он. — Управление по делам бывших военнослужащих.

— Я вижу, — грустным голосом сказал я.

Мальчишке было лет шестнадцать — на вид. Он мог быть старше этого возраста, но мог быть и младше. Мне почему-то показалось, что младше.

Поэтому острить насчёт его возраста я не стал.

И без этого было понятно, что на этот счёт прошёлся чуть ли не каждый.

— Гибель бывшей военнослужащей… — начал было Эванс, но его тут же прервали.

— Спецотдел «Огаста», заместитель начальника Горман…

— Таможенная служба САСШ…

— Всем — тихо, — инфразвуковым шёпотом сказал я и потёр внезапно заболевшую голову. — Капитан Трой погибла при исполнении служебных обязанностей. Проходила свидетелем по делу, которое веду я. Поэтому все подробности вскрытия и прочего вы узнаете через полицейскую Сеть… в общем порядке.

— Надеюсь, вы отдаёте себе отчёт, капитан, что тело киберсолдата Трой является частичной собственностью правительства САСШ? — попытался скопировать ледяные обертоны своего руководителя лейтенант Эванс. — И любые попытки вскрытия подпадают под действие закона о государственной тайне…

— Нарушение каковой в условиях чрезвычайного положения карается немедленным расстрелянием, — сократил тираду жандарма я.

В окружавшей меня толпе служилого люда пошёл опасливый шёпоток, да и сама толпа вдруг начала редеть.

— Вот именно! — лейтенантик воспрял на глазах, но я устал уже настолько, что сама реальность качалась вокруг меня как на волнах, посему не стал продлевать момент его лжетриумфа. Может и зря: чем выше дать им забраться, тем больнее им падать. Но я устал.

— Малыш, залезь в базу, не поленись, и уточни ЧЬЁ убийство я расследую. Будешь путаться под ногами — я тебя сам задержу. По подозрению в соучастии. Подай заявление официальным путём и завтра спокойно заберёшь свой сверхсекретный труп из морга. Кстати, бумажек о том, что она всё ещё имеет секретную начинку я не вижу. А согласно закона — номерок ты помнишь лучше меня — все секретные имплантаты киборгов должны меняться на гражданские версии. Поэтому спрашиваю — у тебя они есть, бумажки эти?..

— Нет… — моргнул лейтенант

— Ну тогда марш — собирать! — ядовито сказал я и повернулся к прочим участникам массовки.

— Это всех касается. Протест моим действиям подадите через суд.

Видок у меня, надо полагать, был ещё тот — потому что ни один из представителей заинтересованных ведомств мне не попытался меня остановить. А меня отчётливо качало — верный признак того, что снаружи я сейчас двигаюсь быстро, как богомол, временами размазываясь в пространстве. Что с того, что координация страдает? Этого всё равно никто не увидит.

Как я дошёл до Дока Торндайка — не помню. Тот посмотрел на меня и ни говоря ни слова выкатил из недр фургончика свободную каталку, на которую я с удовольствием сел.

Торндайк тут же закрепил мне на руке манжету кибердиагноста, и только после этого сказал.

Вид у тебя такой, будто ты скоро станешь одним из моих пациентов.

— На моей работе это может произойти в каждый момент. А где моя напарница?

— Эй, Стоун, ты действительно не видишь?… — опешил Док.

Я повертел головой. Я видел Дока, поблескивающий зелёными и красными огоньками блок кибердиагноста, лежащую на соседней каталке Линду Трой, выглядевшую точно также, как на фотографии.

Я сморгнул.

— У неё что-то с лицом, — сказал я.

— Органопластика, — доктор поморщился. — Была модной лет двадцать назад. Кератопласты вводятся прямо под кожу, самое радикальное средство от морщин. Правда о лицо можно спички зажигать. Но ты не ответил.

— Вижу всё как в тоннеле, Док. Очень узком.

— Ясно, Джек. Похоже, пора тебе выписывать направление в госпиталь. «Вихрь»?…

— Угу, — буркнул я. — В фазе депрессии. Это «Шива».

— Я видел твою медкарту, — Торндайк отцепил манжету. — Сердцебиение учащённое, одышка, печень работает с перегрузкой. А в мышцах копится молочная кислота — тебя, Джек, сейчас в бараний рог согнёт.

— К чёрту, — меланхолично сказал я, откинувшись на каталку. Полежать сейчас, похоже, было самое время. — Как раз этой боли из-за «Шивы» я и не чувствую. Главное — мышцы не порвать. А они у меня не рвущиеся.

— То-то я думаю, отчего ты боевой стим последнего шанса можешь вёдрами есть… — Торндайк посмотрел на меня с

нездоровым любопытством. Наверное прикидывал, какие во мне могут скрываться модификации — вопреки всем медкартам. Этот настрой требовалось сбить — пока Док не потянулся за скальпелем, чтобы тут же, на месте, приняться выяснять тайны мироздания.

Тем более, что ум у него был пытливый… с Торндайка станется сначала поспрашивать ещё живое тело… живодёр….

Я помотал головой, прогоняя наваливающееся марево.

— Айви?… — спросил я ещё раз.

— Айви?… Хм-м… — мысли Дока приобрели явно более эротический характер. — Офицер Стерлинг охмуряет того лейтенантика из жандармерии… Сейчас уже не охмуряет, а идёт к нам.

— Это замечательно, — я бездумно уставился в небо. Тела я практически не чувствовал, поэтому и предпочитал не шевелиться.

Док склонился надо мной со шприцом.

— Я тебе в карман плаща положил подарок, — деловито сказал он, воткнув иглу мне в шею. — МакМагон передал тебе твой новый капитанский значок. Если будет не нужен, можешь продать на металлолом — хромоникелевая сталь. Редкая вещица.

— Только не говори, что тоже коллекционируешь значки, как уличная шпана. — пробормотал я. — Что ты мне вколол?..

— Ускоритель метаболизма и протеиновый коктейль. Быстрее в себя придёшь.

— Чем это вы тут занимаетесь? — подозрительно спросила эльфка, подойдя к нам.

Док тут же отодвинулся, защищаясь от подозрений в гомосексуализме шприцом.

Думаем, о чём это вы там мечтаете под луной с лейтенантом Эвансом, — сказал я, пока Торндайк не принялся раскрывать Айви причины моего состояния.

Этак он и о значке проболтается, а ведь это намёк от босса: «Правь сам, Джек». А напарница — как посчитаешь нужным. Заставить её что ли, песчинки на берегу посчитать?…

Я прикрыл глаза — всё равно в небе не было ничего интересного, кроме разрядов Купола.

— Я убедила его не сообщать Ван Даглеру о том, что Линду Трой нашли.

— А почему ты уверена, что он об этом не знает?… — спросил я.

— Потому что он не приехал лично, — отрезала эльфка, и я подумал, что из девушки вышел бы неплохой сыщик.

Вот только меч отберём… и заменим на что-нибудь

табельное.

— И как вам удалось сие чудо? — услышал я скептический голос Торндайка. — Переубедить целого лейтенанта из жандармерии?

— Назначила ему свидание, — судя по голосу, эльфка хихикнула.

— Он согласился? — глаза я открыл мгновенно, да и зрение уже практически восстановилось — как по мановению волшебной палочки.

— О да… — Айви перед моим лицом ладонью. — Лейтенант был готов на всё, лишь бы со мной НЕ видеться.

— Ну и дурак, — я привёл себя в вертикальное положение.

По лицу офицера Стерлинг промелькнула лукавая ухмылка.

— Знаешь, Джек, желанность свидания со мной очень сильно зависит от обстоятельств встречи.

Я покосился на девушку и молча признал её правоту. В тёмном переулке с расшалившейся эльфкой действительно лучше было бы не встречаться.

Этак ведь и голову потерять недолго.

Я перевёл взгляд на Торндайка.

— Насчёт обстоятельств смерти что-нибудь выяснили?…

— В основном — да. — Док зачем-то повернулся к кибердоктору и принялся возиться с инструментарием.

— Причина смерти — отказ электромеханических компонентов системы жизнеобеспечения.

Я предпочёл глубокомысленно промолчать.

Торндайк бросил мне на колени запаянную в целлофан карту.

— Твоя напарница сказала мне, что убитая двигалась со стороны 46 пакгауза. Это на той стороне бухты.

— Ну, она могла сюда добраться и берегом? — предположил я, предчувствуя ответ.

— Нет, Джек, всё намного хуже.

Лицо коронера мне не слишком понравилось.

— Док, не тяните. Мне не менее хреново, чем вам.

— Дело в том, что обычное электромагнитное оружие чаще просто вносит помехи в работу электроники, но у человека стрелявшего в Трой была очень мощная пушка. Фактически он размагнитил все её носители памяти — в том числе и программы, отвечающие за работу электромеханических систем.

— Но она осталась жива?

— На какое-то время. — Торндайк помедлил. — Капитан Линда Трой киборг на 40 процентов. И сюда её привели только её живые компоненты.

Посмотрев на наши не очень понимающие лица, Док пояснил.

— Те, что остались. Мышцы, сердце и воля.

— Но как она оказалась в воде? — задумчиво спросила эльфка.

— Возможно, упала? — Док пожал плечами. — Но на этот берег она добралась не вплавь. Ползком, по дну. У неё вода в лёгких, грязь и мазут на кожных покровах, сорванные ногти… Она просто втыкала пальцы в придонный песочек.

Я поморщился, представив себе эту картину.

— Полагаю, основные гадости вы приберегли на потом.

— Стоун, капитан Линда Трой фактически была убита в тот момент, когда в неё выстрелили из электромагнитного обнулителя.

— Время выстрела? — в голосе эльфки мелькнул азарт. Я хмыкнул — ну да, теперь у нас был подозреваемый.

— Для ответа на этот вопрос мне потребуется лаборатория и несколько часов возни. — лицо Торндайка вдруг приобрело не свойственную ему жестокость. — Я не знаю, сколько часов она ползла по дну. Но её мозг был ещё жив, когда она писала эти иероглифы. А время её фактической смерти — пять часов назад. В этот момент вышла из строя система искусственной межклеточной диффузии.

— То есть всё это время она лежала тут и умирала?

— Да. Я, конечно, надеюсь — искренне надеюсь! — что юридическая смерть — смерть мозга — произошла раньше. Я очень хочу в это верить. Но у неё была очень нелёгкая смерть.

— Док, а вы уверены, что эти иероглифы писала именно капитан Трой? — задумчиво спросила эльфка. — Возможно, что её тело просто положили поверх них… например для того, чтобы направить следствие по ложному следу?…

— Я абсолютно уверен в том, что эти иероглифы писала капитан Трой, — отрезал коронер. — В следах на песке кровь и частицы тканей человеческого тела. Я не проводил анализ ДНК, но абсолютно уверен в том, что они покажут.

— А что означаю иероглифы? — спросил я как самый далёкий от китайской культуры человек /это, разумеется, не касалось моей любви к юаням/.

— «Сяо Лун», в переводе это означает — «Великий дракон».

— «Сяо Лун»… — пробормотал я. — И никаких зацепок, с чего бы это капитану Трой заговорить по-китайски?

Судя по всему, ни Торндайку, ни офицеру Стерлинг сказать было нечего, да и у меня в голове было пусто.

Я встал с носилок и немного попробовал землю на прочность. Нет, вроде не шатается.

Док вложил мне в руку какую-то баночку.

— Что это?

— Глюкоза. Поможет тебе смотреть на мир веселей.

— Уже не получится. Страшная смерть.

— Верно, — Док внимательно посмотрел на меня. — Говорят, те люди, которые умерли таким образом являются потом в виде призраков — чтобы забрать с собой убийцу. Но ты ведь этого так не оставишь, Джек?…

— Нет, — буркнул я. — И проверьте МакМагона. Что-то мне подсказывает, что наш шеф не железный и выстрел такой мощности должен был оставить на нём свои следы.

— Уж думаю! Гемоглобин бы просто закипел в крови. Поэтому под выстрел он совершенно точно не попадал.

— Видимо, стоял рядом, — глубокомысленно заметил я, и, посеяв надлежащие зёрна сомнения в головах опёрся на эльфку и заковылял к берегу.

— Я практически готов затребовать ордер на арест! — простонал я, когда мы с Айви оказались на достаточном расстоянии от чужих ушей. — Это дело рук Ван Даглера, точно!

— Думаешь?… — Айви, судя по всему, решила поиграть в адвоката дьявола.

— Убийца действовал мечом, а эм-пушка была только у полковника.

— У киллера могли быть сообщники.

— У которых ТОЖЕ была с собой мощная и секретная электромагнитная дура, прихваченная чисто на всякий случай?…

— Видеопост был выведен из строя взрывом эм-гранаты, — напомнила мне эльфка.

— Точно. Надо проверить, что и как там взрывалось. Протоколу осмотра я уже не верю.

— Ты же его не читал!

— «Взрыв эм-гранаты» и «Выстрел из электромагнитного оружия» друг от друга отличить несложно, — я пожал плечами.

Время, время, время… Время превращалось в гигантскую воронку, и нас кружило в ней всё быстрей и быстрей. Так бывает, когда нужно сделать очень много в очень маленький промежуток времени — отказывающийся служить, паникующий мозг кричит — «НЕ УСПЕВАЮ»… и ты поддаёшься панике. И пытаешься схватиться за какое-то привычное действие, лишь бы отвлечься от необходимости осознавать ситуацию.

Я не успевал — и искал спасения в обычной процедуре.

— Ты нашла какого-нибудь старожила?

— Сразу же, Джек, — Айви усмехнулась. — Идём уже,

следователь-инвалид…

Фургончик коронера медленно взлетел, надсадно подвывая двухтурбинным движком, и взял курс на родное управление.

Я понадеялся, что в дороге эту лоханку никто не собьёт, — например, какой-нибудь военный. За фургончиком в небо взмыл микроавтобус нашего спецназа — судя по всему, Айви отнеслась к к вопросам оцепления очень серьёзно… или очень серьёзно к ним отнёсся наш босс.

Машина патрульного, обнаружившего тело относилась к разряду самоходного антиквариата — шестиколёсный «хобокан» был привязан к двум измерениям и явно предназначался для тех людей, которые никуда не спешили.

Такое же впечатление производил и патрульный — восседавший на капоте дедок лет 70 был замечательно длинноволос и усат, а из предметов полицейского снаряжения я уверенно опознал только бронежилет, пояс с кобурой и жетон, закреплённый как кокарда на совершенно неуставном «стетсоне».

— Мир тебе, брат! — сообщил мне сей экспонат, даже не подумав открыть глаза.

Я оценил живописные лохмотья и фенечки, сделавшиеся предметом гордости любого хиппи и только спросил.

— А капот не боишься поцарапать?..

— Зри в корень, собрат-полицейский, — протянул «хиппи» и один глаз всё-таки приоткрыл — видимо, уточнить, воспользуюсь ли я советом.

Капоту, судя по его виду, не повредила бы и кувалда — в том смысле, что больше чем сейчас повредить его было уже невозможно. Но рта открыть я не успел.

Вмешалась эльфка.

— Патрульный Баррет, это капитан Стоун. Детектив, расследующий это дело.

— Всегда рад приветствовать начальство, как большое, так и маленькое, — безмятежно улыбнулся Баррет.

— Что, немного работы? — спросил я, присев на капот рядом с патрульным.

— Практически нет. Я весь день просто катаюсь по пляжу. Всю работу делают таможенники, мафия, агентства, службы безопасности, жандармерия… кто угодно, но только не я. Самое главное для мыши — не попадаться под ноги испуганного слона…

— Но тело ты всё-таки обнаружил.

— Да, — в голосе Баррета послышалась тоска. — Я регулярно сюда заезжаю — посмотреть на океан. И, поверите ли, когда я

увидел тело… я минут пятнадцать думал, а не уехать ли мне обратно, сделав вид, что ничего не было?…

— Что же помешало?… — ядовито спросил я.

— Всё равно меня бы вычислили через спутниковое позиционирование. И по следу протектора. — Баррет развёл руками. — От судьбы и службы не уйдёшь…

— Патрульный, а как вы поняли, что она мертва? — Айви изобразила дежурное подозрение.

Баррет сильно — я аж вздрогнул — хлопнул ладонью по капоту.

— Этот хлам, офицер, выглядит не очень впечатляюще, но тут стоит даже теплодетектор и сканер идентификационных RFID-чипов. Поэтому я просто навёл раструб — и увидел, что тело давно уже холодненькое. А чип в ответ на запрос орёт — «Капитан полиции Линда Трой, полное прекращение витальных функций»… Ну я и подумал, что не стоит из себя изображать скорую помощь.

— Больше ничего подозрительного?…

— Не-а. То, что она на берег из воды выползла, я заметил, и то, что киберначинки в ней полно — эт-я тоже уяснил, светанул сканером. Но, чудится мне, ваша напарница об этом побольше моего знает.

Тут Баррет понизил голос и, обращаясь к эльфке, спросил.

— А капитана вы с собой как, для авторитетности возите?…

Я задумчиво посмотрел на Баррета. Потом на эльфку. Субординации в патрульном не было ни капли, и это было не очень правильно.

— Баррет, вы давно работаете в Мегапорту?

— Да уж лет пятнадцать как.

— Вот и сосредоточьтесь на выполнении работы.

Баррет хмыкнул.

— Так точно, сэр.

— Дело в том, что Трой эту бухту скорее всего переползала по дну. Ну а я смотрю на карту, и пытаюсь понять, как она вообще могла попасть в воду.

Патрульный бесцеремонно выдернул целлофанированный лист у меня из рук.

— А откуда она вообще могла здесь оказаться? — спросил он с появившимся в голосе интересом.

— 46 пакгауз. Но это место, хоть и на той стороне бухты, всё же в миле от берега.

— Ну, есть тут у меня одно подозрение, — сказал Баррет после некоторых раздумий. — Поехали, шеф. А то мне действительно надоело давить мух в участке.

— А там есть мухи?

В наш век химии, среди стальных и бетонных поверхностей моё удивление было вполне оправданным.

— Мы их специально разводим, — понял моё удивление Баррет.

— Тогда не будем откладывать осмотр, — процедила эльфка сквозь зубы.

По её мнению, надо полагать, два старика вроде нас могли вспоминать о старых добрых временах бесконечно.

Машина Баррета петляла в узких кишках портовых сооружений довольно долго, намотав на счётчик километража несколько миль и в очередной раз доказав, что прямая — вовсе не кратчайшее расстояние к цели.

А я в очередной раз убедился, что гравицикл — способ передвижения для маньяков, поскольку ни поговорить, ни нормально дышать даже сидя за спиной водителя невозможно. Мне пришлось ухватиться за хрупкую талию эльфки и изо всех сил прижимать свою голову к её спине.

Хорошо хоть зрителей не оказалось — репутация Бладстоуна здорово бы пострадала. Впрочем, держаться за талию офицера Стерлинг было приятно, как бы неполиткорректно это не прозвучало.

Местечко, в которое мы забрались, выглядело довольно тоскливо.

В целом это походило на недостроенный мост, выдающийся глубоко в бухту. Вверх вздымались решётчатые стальные фермы опор, выкрашенные облупившейся уже во многих местах жёлтой краской.

Подножия опор были завалены горами всякого строительного мусора, между которыми иногда мелькали серые шкуры мелких грызунов. Крысы из плоти выглядели тут неуместно, — им гораздо больше пристала бы шкура из нержавейки.

Я спрыгнул с гравицикла и, растирая вконец задубевшее от ветра лицо подошёл к Баррету. Поняв моё недоумение патрульный пояснил.

— Это грузовой кран-транспортёр. Подгоняют балкер — и знай только цепляй контейнеры и растаскивай их по складам. Или наоборот — с разных складов грузи на один корабль.

— Вид заброшенный.

— А этой веткой уже лет пять не пользуются. Она ведёт к складам мелких компаний — а какая мелкая компания сейчас способна оплатить трансокеанский рейс?

Я задумчиво посмотрел на бухту.

— А контрабандисты?

— Не смешите. Донноуглубительных работ тут не велось с тех пор, как я служить начал. Кроме того тут ребята из береговой стражи регулярно устраивают гонки по акватории, просто забавы ради.

— А вам это откуда известно? — осведомилась эльфка.

— У меня есть бинокль! — с достоинством ответил Баррет и посмотрел на меня как на старшего.

— В общем, никакого иного прямого пути от 46 склада до бухты просто нет. Если бы убитая петляла по территории порта, да ещё не зная дороги, да будучи, как я понял, раненой — она тихо окочурилась в каком-нибудь другом месте. А тут — топай себе по туннелю транспортёра и топай…

— Я понял, — я задрал голову вверх. — А возможность подняться наверх отсюда существует?…

Патрульный вместо ответа просто ткнул пальцем.

Внутри одной из опор проходили рельсы подъёмной площадки, сейчас пребывающей наверху. Площадкой этой явно не пользовались регулярно — но между куч мусора тут шло подобие тропки, больше напоминающей неглубокую траншею.

Баррет собрался было ещё что-то добавить — на этот раз вслух, но тут наше внимание привлёк возглас Айви.

Эльфка стояла на ребре чего-то решетчатого, больше всего походившего на увеличенную в несколько раз панцирную сетку от кровати, и само по себе это зрелище заслуживало внимания.

К тому же в руке Айви держала хорошо знакомую мне вещицу.

Лазерный пистолет «Бич-III», только для вооружения высших полицейских чинов. Мне, кстати, теперь полагался такой же. А вот у капитана Трой его не обнаружили.

— Ну-ка… — сказал я, запрыгивая на раму, и тут же обнаружив, что стальная конструкция совершенно не обладает устойчивостью — а ведь если судить по тому, как легко и непринуждённо держалась тут эльфка, конструкция выглядела непоколебимой.

Рама со страшным скрежетом устремилась вниз, явно предвидевшая, чем дело кончится Айви легко вознеслась вверх и, использовав моё плечо как точку опоры (что явно входило у девушки в привычку) — мягко приземлилась в траншее-тропинк, повернувшись ко мне лицом.

Я же обнаружил себя сидящим в куче мусора, чудом не поранившись о всякий хлам, которого в этой куче мусора явно хватало, и ошарашено смотрящим на мир.

Плащ, совершенно определённо, годился теперь в качестве

экспоната для этой же свалки.

Я опустил руку в карман, достал сигаретную пачку и бросил в рот пару леденцов. Всё произошедшее заняло долю секунды, и ничего не успевший понять организм закачивал в мою кровь адреналин вёдрами, заставляя сердце бешено колотиться, а волосы — отчётливо приподниматься дыбом.

Перехватив взгляд оглянувшегося Баррета я слабо улыбнулся патрульному. Для него ситуация, наверное, выглядела и вовсе непонятно — только что почтенный детектив из УПВП стоял на тропинке и глазел на напарницу, — и вдруг они мгновенно поменялись местами, что походило на телепортацию.

Я прикрыл глаза, на мгновение погрузившись в блаженную тьму.

— Стоун, ты цел? — в голосе Айви явно прорезалось беспокойство.

— Вполне! — ответил я с подобающим данному случаю сарказмом в голосе. — Так что там с пистолетом?…

— Судя по довольно помятому виду, его вполне могли уронить сверху, а судя по номеру — это табельный ствол Линды.

Я открыл глаза, перехватив взгляд эльфки.

— Ты так быстро залезла в Сеть?

— Нет, — по губам Айви зазмеилась ироничная усмешка. — Я уточнила этот вопрос в тот же момент, когда осмотрела тело. При ней не было пистолета.

— Значит, нам нужно наверх, — глубокомысленно заметил я, восстав из кучи мусора.

— Я могу загнать туда гравик, — предложила эльфка. — Скажем, разогнавшись по опорному тросу.

— Без меня! — отрезал я, собравшись, наконец, высказать всё, что думаю о столь небезопасном способе передвижения.

В этот момент рядом оглушительно громыхнуло металлом о металл, и мы оба синхронно повернули головы на звук.

Сигнализировать наверх о необходимости спуска подъёмника оказалось до идиотизма просто: нужно было просто ударит подходящей железкой о металл опоры. Что Баррет и проделал, заставив меня всерьёз задуматься о визите к отоларингологу.

Я оценивающе посмотрел на патрульного, колотящего обрезком трубы по опоре, и всё-таки усомнился в целесообразности его действий.

— Баррет, а вы уверены, что наверху кто-то есть? В конце-концов, вы сами сказали, что этой веткой транспортёра несколько лет не пользовались.

Патрульный посмотрел на меня как на идиота, и заявил.

— Но я же тут!

Самомнение у хиппующего копа, судя по всему, не уступило бы самомнению какого-нибудь военлорда, но я не успел указать ему на этот факт.

Сверху раздался дикий скрежет и лязг, и вниз начала сползать клеть подъёмника — всего-то решетчатая стальная плита, подозрительно похожая на ту, что так предательски уронила меня в мусор, закрытая с трёх сторон до пояса железной сеткой.

— Я же говорил! — торжествующе сказал Баррет.

Я пожал плечами. Может быть, ещё и свидетеля отыщем?…

Я посмотрел в сторону эльфки, уже оседлавшей свой смертоубийственный агрегат, поёжился, и решил добираться наверх в компании патрульного.

Оказавшись наверху я быстро сообразил, что свидетеля мы можем искать хоть до второго пришествия.

Всё равно не найдём — подъёмник нам опустило простейшее реле, реагирующее на вибрацию опоры.

Заметив мой недоуменный взгляд Баррет кивнул.

— Всё верно, залезай и бери всё что хочешь. Впрочем, брать тут особо нечего.

В этом патрульный был прав. Несколько погрузочно-разгрузочных стрел, катушки генераторов электромагнитного поля, тросы ограждений и уходящий куда-то вглубь ряд массивных захватов, предназначенных для крепления контейнеров.

Всё сооружение ощутимо раскачивало на ветерке, и я почувствовал, что Джек Стоун слабо подходит для пребывания на большой высоте.

В этот момент на нас спикировал гравицикл, и на маленькой площадке стало ещё теснее.

— Ну что, нашли какие-нибудь улики, босс? — лицо эльфки лучилось счастьем — похоже, она выполнила трюк не из простых.

Я задумался.

Грязная ржавая вода набегала на берег, где-то в полумиле от нас скрежетал транспортёр, перекидывающий какие-то ящики, а ещё дальше, наполовину скрытый портовыми сооружениями, диковинными созвездиями осветительных ламп и колоннами света башен-домоградов к небу уходил Город.

Улики?

Я привык искать улики в своих домыслах.

— Баррет, этот подъёмник находится под видеонаблюдением?

— А как же! — кивнул патрульный. — Вот только позавчера

видеопост кто-то обнулил электромагниткой — ну и вся память к чертям, естественно.

— Я знаю, — кротко сказал я. — А видеопост, случаем, не по дороге ли сюда находится? Можете по карте сориентировать?

— Да и без карты могу, — патрульный встал рядом со мной, и карту всё-таки пришлось развернуть.

— Вот тут он… примерно на полпути между 46 пакгаузом и нашей позицией. Рядом с опорной фермой. Я там каждое дежурство проезжаю, по инструкции положено.

— А в день когда его разнесли? — спросил я, надеясь на чудо. Но чуда, естественно, не произошло.

— Не моя смена была, капитан. Уж извините.

Я и Айви переглянулись. Патрульный заметил наши гляделки и тяжело вздохнул.

— Что, опять в оцепление?

Я потёр подбородок и кивнул.

— Да. Вызвать следственную бригаду. Судя по найденному стволу, убили капитана Трой именно здесь. Не думаю, что тут есть ещё какие-нибудь следы, но вдруг?…

— Так точно, сэр.

— И передайте следственной бригаде, чтобы прочесали прибрежную водичку с водолазами.

Баррет сухо кивнул, видимо простившись с мыслями на спокойное завершение дежурства.

— И еще, патрульный… вы не могли бы узнать, неофициально, у ребят из береговой стражи, устраивающих тут гонки — не видели ли они в ту же ночь, когда разнесли видеопост каких-нибудь посторонних лодок?

— Сделаем, — протянул Баррет, с иронией наблюдая, как я опять устраиваюсь за спиной эльфки в позе эмбриона. — А сами вы сейчас куда?

— В Таможню, — буркнул я скорее для Айви, чем для патрульного.

Оставалось надеяться, что у Эванса Хаймгаррета был заместитель, не пользующийся коптерами.

И, желательно, живущий в таможне безвылазно.

А то мало ли что?…

16

Здание таможни возносилось к небу диковинной стрельчатой башней, сложенной в лучших традициях архитектуры киберпанка — из стали, стекла и бетона.

Но, несмотря на ультрасовременный вид башня больше походила на обиталище вредоносного колдуна из классической литературы. Где упомянутый чародей-некромансер просто обязан был держать в заточении юную и прекрасную деву, с нетерпением ожидающую своего рыцаря.

Правда принцесса, по всей видимости, придерживалась нетрадиционной сексуальной ориентации, потому что штурм башни взяла на себя офицер Стерлинг, предоставив мне скромную роль оруженосца.

Вышло это совершенно случайно, и было связано с особенностями защитных систем этой крепости сборщиков пошлин.

Теоретически предполагалось, что в здание Таможенного управления сможет без помех войти любой страждущий, горящий нездоровым желанием заполнить таможенную декларацию. Но — поскольку таковых не оказалось в достаточном числе — широкий портал входа был перестроен, превратившись в узкое и мрачное ущелье, наполненное злобными монстрами из службы безопасности. И если туповатым привратникам хватило полицейского значка Айви, то дальше путь мне и напарнице преградил «звонарь».

Детектор металлических предметов, естественно, несколько усовершенствовали с начала века. Объёмная интраскопия позволяла обнаруживать даже пистолеты из сверхтвёрдых сортов пластика, армокерамики и спечённых сплавов, по структуре больше похожих на минералы.

А так как я и офицер Стерлинг к террористами спецназовцам, имеющим на вооружении новейшие модели стволов не относились, то «звонили» поэтому как средневековые рыцари, закованные в железо с головы до пят.

Наиболее сильный сигнал, разумеется, шёл от Айви.

Событие это, как и следовало ожидать, вызвало нездоровое оживление среди лбов охраны, в полной боевой готовности выскочивших из караулки.

Серо-стальные каски и такого же цвета бронекостюмы, защищающие эсбистов от большинства моделей огнестрельного оружия делали их похожими на стойких оловянных солдатиков, не к месту и не ко времени покинувших свою коробку.

Ребятишкам явно хотелось поиграть в войну — не иначе как флюиды милитаризма передавались по воздуху.

— НЕМЕДЛЕННО сдайте все металлические предметы! — громыхнул в моих ушах голос командира — судя по нарисованным на «лбу» шлема шевронам.

Парень явно не подозревал, что скоро разорит родную службу на оплате счетов за электричество — мощности его динамиков вполне хватило бы для разрушения стен Иерихона звуковой волной.

— И не подумаю! — заявила эльфка, сообразившая, что речь идёт о её фамильном ножике. — Вам, ребята, поразвлечься захотелось? Так я готова!

На что всегда была готова Айви я уже видел. И не думал, что ещё несколько откочерыженных голов способствовали бы моему пищеварению.

Да и с таможней отношения портить не хотелось.

Я поковырял в слегка оглохшем за последние сутки ухе и, не дожидаясь, покуда эльфка и «оловянные солдатики» приступят к выяснению отношений, шагнул вперёд.

— Детективы Стоун и Стерлинг, Полицейское Управление Восточного Побережья, — нарочито скучным тоном представился я.

Забрало шлема командира эсбистов отразило мою фигуру, превратив меня в какого-то бочкообразного и неуклюжего коротышку. Предводитель «оловянных солдатиков» явно о чём-то глубоко и надолго задумался — то ли пытаясь понять, кто я такой, то ли выбирая адрес подальше.

Либо, что самое вероятное, связываясь по рации с вышестоящим начальством.

— Мне необходимо переговорить с шефом управления, Эвансом Хаймгарретом, — назвал я имя безвременно почившего начальника таможенной службы.

Ответ последовал секунд через десять.

— Боюсь, ничего не выйдет, детектив. У шефа… выходной.

— Это плохо, — помрачнел я. — Нам необходимо допросить его… как свидетеля убийства.

— С этим — не ко мне, — ядовито сказал охранник, вновь добавив громкости в динамики.

Оператор базы данных, с которым, видимо, связывался охранник между тем продолжал отдавать инструкции.

Не без запоздания, конечно — компьютеру пришлось прошерстить немало имён, прежде чем выпала карточка с моей биографией. Потому-то командир стражи и имел вид туповатого голема.

— Что за Джек Стоун? — вновь рявкнул динамик. — Отстранён?…

Информация в таможенной сети, судя по всему, не обновлялась очень давно. Пару суток — в масштабах физического времени и пару столетий — в масштабах минувших событий.

Что могло привести к нескольким неприятным минутам.

— Зато я — нет! — судя по холодку в голосе Айви девочке не терпелось подраться.

Патовую ситуацию преодолевает тяжёлое подкрепление.

— Что тут у вас происходит? — сквозь эсбистов продралось знакомое мне лицо. Саймон Колфилд, старый взяточник, которого я, тем не менее, уважал.

Саймону давно уже перевалило за семьдесят, но успехи геронтологии спасали его от лишних морщин, хотя всё равно он походил на изрядно ободранного жизнью шарпея; а обруч «ментора», массировавший его память электрическими импульсами оберегал его от старческой забывчивости и не давал впасть в маразм.

— Стоун, — хмуро констатировал Саймон, увидев причину привлёкших его внимание беспорядков. — И не один, а с эльфкой. Ты что тут забыл? Обходной лист подписать?

Саймон осёкся, и, оглядел никуда не ушедших караульных, бестолково топчущихся на месте в ожидании ценных указаний. Взгляд Колфилда не сулил «оловянным солдатикам» ничего хорошего.

— Где положено быть дежурной команде согласно штатного расписания? — вкрадчиво спросил он.

— Нарушение режима внутренней охраны, попытка пронести в здание холодное оружие… — начал было докладывать командир привратной стражи, но Колфилд кротко взглянул в глаза своему отражению на зеркальном забрале, и всю команду мгновенно смело в ту коробочку, откуда они высыпались.

— Вы тут, никак, к войне готовитесь? — вежливо спросил я.

— Война уже была. Это так, рецедивы… — Саймон внимательно посмотрел на меня, потом на эльфку, потом прошёлся взглядом по её тесаку — от наконечника ножен до навершия рукояти.

Фрейда, к счастью, вспоминать не стал.

— Часа два назад сюда прикатила команда жандармов во главе с неким Ван Даглером.

— Я восхищён своевременностью вашей реакции! — попытался сострить я, но Саймон сморщился, будто хлебнул уксуса.

— Таможня на закрытом режиме со позавчерашнего дня, мы

даже в полицейскую сеть не выходим, — ответил он. — Ты, Стоун, всё же объясни толком, что забыл в нашей богадельне. Тебя же отстранили?…

«Богадельня» — это Колфилд правильно выразился. Средний возраст работающего человека в САСШ — 62 года, и ни один политик пока ещё не сумел предложить выход из этой ситуации.

Разве что варваров вроде меня тащить с периферии. Поражение в правах, конечно, но всё лучше, чем выбирать между Конфуцием и Кораном.

Ну и ещё, конечно, можно генемодов в пробирках выращивать.

Стройными полками. И, как выяснилось, кланами.

— Считай, что вернули, — только и ответил я.

— С твоим послужным списком — разве что ассенизатором.

Я резко прижал подбородок к груди, признавая туше.

— А ты, Саймон, не ошибся — именно золотарём я и работаю. И вообще, теперь я — целый капитан.

— Та-ак, — Колфилд внимательно посмотрел на меня, потом огляделся вокруг — хотя спецкоманда, вызванная джинном тревожного звонка и испарилась, однако народа в вестибюле после этого скорее прибавилось — места стало больше, не иначе. — Ну пошли, обмоем…

Мне осталось только плечами пожать. Раньше Колфилд склонностью к алкоголизму не отличался. Или персонал таможни недавно пополнился очередной партией эмигрантов из России?…

Когда мы входим в кабинет с табличкой «Заместитель Шефа Таможенной службы», Саймон утопает в кресле, призванном, видимо, служить копией осьминога, и утирает пот со лба.

Айви прикрывает дверь, а я привычно усаживаюсь прямо на стол.

Колфилд покосился на меня неодобрительно — мои ухватки в точности повторяли манеру поведения любого копа в допросной комнате. Манеру наигранную и от того ещё более неприятно действующую на нервы.

— Давай, выкладывай, чего тебе? — буркнул Саймон, развернувшись в кресле лицом к кондиционеру. Мой вид Колфилда явно раздражал — потому что о предложении обмыть звание он даже и не вспомнил.

— Вообще-то нас интересует ваш шеф, — холодно сообщила Айви из облюбованного ею под наблюдательную позицию угла.

Эльфку Саймон демонстративно игнорирует. Но и не похоже на то, что разговаривает со мной — похоже, сам с собой.

— Значит, тебя, Джек, поставили оформлять дело с точки

зрения законности за элитарами. Или пытаешься понять, кто Кларка свалил?…

— Именно, Саймон, именно. Поэтому с тобой мне беседовать не так интересно, как с твоим шефом… но выбора нам обоим не осталось.

— Слышал уже?… Удачно, нечего сказать…

— Удачно — что?… — в голосе эльфки прорезались жёсткие нотки, как у единственного человека, который не в курсе.

— Хаймгаррет мёртв. Говорят, отказ двигателей коптера. Но, возможно, и нет, — говорю я и вопросительно смотрю на Колфилда.

— Знаю не больше твоего, — тот на меня не смотрит. Пялится куда-то в стену. — С утра прикатила жандармерия, опечатала кабинет — Хаймгаррет ведь мод… оказалось. Я затребовал, конечно, постановление суда, но у Ван Даглера сейчас неограниченные полномочия — В Кэп-Сити введено чрезвычайное положение, слышал, наверное?…

— Угу, — я ограничился подтверждающим кивком.

Перехватил взгляд эльфки, не обещавший мне ничего хорошего. Пожал плечами.

Странная смерть. Очень странная — тем более сейчас, в такой суматохе. Но концов уже не сыскать — раз уж дело подгрёб под себя Ван Даглер.

Но непонятно, зачем. Что мог знать такого Хаймгаррет — чего не мог знать мой здравствующий шеф?

И капитан Линда Трой, если уж на то пошло?…

Правильно.

Я смотрю на Колфилда и спрашиваю.

— А что там с задержанной партии наркотиков?

Саймон косится на эльфку, потом на меня, и я понимаю намёк.

— Офицер Стерлинг… вы не могли бы подождать?…

Айви пристально смотрит на нас обоих. Серо-зелёный океан темнеет.

— Жду за дверью, — говорит она.

Более красноречиво хлопнувшей двери мне слыхать ещё не доводилось.

Саймон ждёт, пока язычок замка не щёлкнет, свидетельствуя о том, что мы надёжно заперты от нежеланных гостей, и произносит шутку, которая, похоже, давно вертится у него на языке.

— Что будет, если скрестить кухарку и военлорда? Правильно, мясорубка. Их что, уже начали набирать в полицию?

Судя по вопросу Колфилд не вылезал из параллельной

реальности собственных воспоминаний уже давно.

Лет двадцать, как минимум.

— Можно и так сказать, — покладисто соглашаюсь я. — Это моя секретарша. Большой специалист по открыванию тех дверей, в которые меня не пускают.

— Таких дверей в этом городе становится всё больше — и я понимаю, почему. Тебе всегда не хватало такта, Джек.

Я сокрушённо развожу руками.

— Слухи о моей агрессивности изрядно преувеличены. Но какой бы я ни был страшный, охрану в полной боевой у входа это не объясняет.

— Я же говорил — была жандармерия…

— Это я понял, — отпарировал я. — А ещё ты говорил, что закрытый режим установлен с позавчерашнего дня. Сразу после приступа гриппа, отправившего генерала Кларка в мир иной. Я бы добавил, что это что-то новое в эпидемиологии — вирус из стали длиной в полтора метра и весом килограмма в три.

— Тебе бы всё острить, — Колфилд потянулся к ящику стола, вытянул оттуда пузатую бутыль виски с полосатым штампом арестной марки, гласившей «Подлежит уничтожению» и плеснул на два пальца в стакан, секунду назад исполнявший роль пробки.

Мне, зараза, так и не предложил.

— По официальной версии мы ожидаем беспорядков в связи с предстоящим голосованием по Апрельской поправке. Беспорядки, как видишь, уже идут. В порту с утра кто-то запер местную банду вампиров в компании с плазменной гранатой, жандармерия и армия занимают город, эльфы служат в полиции, а Стоуна назначают капитаном.

Если, конечно, Стоун не врёт. Не врёшь?…

Я предъявляю красивый хромированный жетон с красивым номером 417. То есть капитанов на весь Кэп-сити — именно столько, благо, сотни три из них — начальники участков, вроде Берга.

— Убедился? — протянул я. — А что гласит неофициальная версия?…

— Понятия не имею, — Колфилд залпом выпил свою порцию психотерапевтической жидкости и вновь посмотрел на меня.

Глаза были мутные.

— Хайми лично распорядился, Джек. Я без понятия, чего он боялся — хотя боялся, как видишь, не зря. И вообще всем этим делом — партией «шёлка» и попыткой предъявить Кларку обвинение он занимался лично.

Я молчу, понимая, что Саймон капитально не договаривает. И былое знакомство, судя по всему, мне не поможет.

Колфилд плещет себе ещё виски. Похоже, моё присутствие для него играет роль индульгенции на выпивку. Дескать, Стоун — это такое стихийное бедствие, что выдержать его можно только после изрядной дозы спиртного.

— Между прочим, Стоун, вы совершенно не похожи на детективов. Гораздо больше вы похожи на пару клоунов.

— Один, — мило улыбаюсь я.

— Чего?

— Один клоун. И он передо мной. Пьёт. А меня здесь нет. Я даже чип-паспорт с собой не ношу.

— Тогда бы тебя тормозил любой патрульный!

— Для этого при мне и состоит офицер Стерлинг.

Колфилд обдумывает ситуацию.

— А я то всё гадал, кто обделывает для Борова грязные делишки.

— Чушь. Как ты тонко заметил внизу, у входа, я всего лишь ассенизатор. Разгребатель грязи. И мне до зарезу нужно выяснить, что происходит. Так что, Саймон, будь умницей — расскажи всё, что знаешь. Иначе в твоём кабинете состоится сеанс полтергейста с нанесением телесных повреждений неограниченной тяжести.

Я изымаю у Колфилда стакан и бутылку и сам цежу себе положенные национальной традицией три унции. Попутно пытаюсь оценить кабинет — всё функционально, ничего лишнего. Впрочем, цена всей мебели чохом — не менее пяти тысяч юаней, так что таможня тоже явно не с одного бюджета живёт.

Саймон тем временем вспоминает все ходящие про меня слухи, и наконец, признаётся.

— Я расскажу про груз. Про убийство я всё равно ничего не знаю, Хайми не делился подробностями. Просто сказал, что Кларк был убит на его глазах каким-то альбиносом.

— Давай тогда про груз, — милостиво соглашаюсь я. — Откуда он вообще взялся?

— Только опусти свою задницу на стул, Джек, — прерывает меня Колфилд. — Эта твоя манера сидеть на столе, знаешь ли… раздражает.

— Это всё твоя нечистая совесть, Саймон, — говорю я, покладисто усаживаясь на табурет для посетителей. Сидеть на нём жёстко и неудобно — таможенник явно приберегает его для тех клиентов, которых приводят к нему в наручниках. — Так что ты имеешь мне сообщить?

Колфилд какое-то время смотрит на меня, и я его понимаю. Иногда мне самом себе хочется дать по морде — для того, чтобы унять то помело, которое я использую в качестве средства коммуникации.

Мы посверлили друг друга глазами и решили быть серьёзными.

— В общем, позавчера эта история началась. Контейнер пришёл сухогрузом не то из Таллинна, не то из Вильнюса — в общем, из тех портов, которые мы отбили у Китая. Досмотр проводили Дорис и Ньям-То Пхыуенг — они и нашли партию дури. Причём *такую* партию *такой* дури, что скандал намечался чистый термояд. Четыреста кило «розового шёлка».

Я задумчиво киваю.

«Шёлк» принадлежит к числу «высокотехнологичных» наркотиков — чистая химия, подороже для производства, чем героин, поскольку лаборатория требует вложений на промышленном уровне; подешевле для потребителя — опять же, за счёт большого объёма синтезированных партий.

И дело, кстати, стоит затраченных денег — «шёлк» вызывает химическое пристрастие с одной дозы и относится к числу «долгоиграющих» наркотиков, сидеть на нём можно десятилетиями, были бы деньги. Четыреста килограммов — это почти полмиллиарда юаней в денежном исчислении, огромная сумма, что и говорить.

Потом до меня вдруг доходит.

— Саймон, — говорю я, — Ну-ка, ещё раз, сколько наркоты было обнаружено?

— Четыре центнера, Стоун, — для доходчивости Колфилд демонстрирует мне четыре пальца. — Если не веришь, я тебе сейчас выпишу наряд, проверишь вещдоки.

— Я верю тебе на слово. Только объясни мне, почему все только и говорят что о целой тонне «шёлка». Метрической тонне.

— Тонне? — в голосе таможенника появилась озадаченность. Он повернулся к монитору своего компьютера и замурлыкал пальцами симфонию на сенсорах клавиатуры.

— Может быть, посчитали вес контейнера?… — пробормотал он себе под нос, и наконец подозрительно посмотрел на меня.

— Груз имел адресатом генерала Кларка и Военно-Метеорологическую службу САСШ, там перевозили — по накладной — какое-то электронное оборудование для замера уровня атмосферной радиации. Общий вес 1225 килограммов — после взвешивания на электронных весах и вычета брутто.

— Итак, Саймон, куда же делись эти восемьсот с лишним килограммов? Приворовываете для уничтожения? — я ткнул пальцем в арестную марку на бутылке.

— Стоун, я не знаю. Но цифра, которой ты оперируешь, взята из накладной. А 400 кило поступило на склад. Я так думаю, в контейнер кроме наркоты ещё что-то набросали — для отвода

глаз. Хоть бы и то самое оборудование.

Я потёр подбородок.

— Саймон, а ты сам-то эти наркотики видел?

— Ещё как видел — я же их принимал на ответственное хранение. Они же уже расфасованные в иньекторы пришли, там десятки тысяч доз! И каждую лично посчитай…

— Рекомендую хранить их у себя в кабинете — а то партия снова похудеет.

— Стоун, ты же не думаешь?…

— Я уже не знаю, что и думать, — ворчливо сказал я. — А поговорить с теми орлами, которые сдавали груз на ваш склад можно?

— Секунду… Дорис в увольнении, а Ньям-То Пхыуенг взял выходной между сменами. Оперативная связь с обоими отсутствует.

Я встретился глазами с Колфилдом, и он понял, что от меня так просто не отделаешься.

— Джек, ты пойми — досмотровые агенты Дорис и этот… малазиец при Хаймгаррете — на особом положении, вроде тебя самого.

— Проверяют или не проверяют те грузы, на которые пальцем покажут?

— Именно так. Потому дело было простое — эти двое нашли наркотики и доложили Хаймгаррету; он поднял спецотдел «Огаста» и твоего шефа, а потом лично позвонил Кларку. Я во всей этой заварухе участия не принимал, и в дальнейшем тоже намерен держаться как можно дальше. Можешь считать это моим официальным заявлением следственной группе в твоём лице. Уяснил?

В ответ я кивнул. Чего уж тут непонятного. Колфилд и без того наговорил мне достаточно, чтобы попасть под сверхстрогий выговор с разжалованием в дворники.

За разглашение внутренней информации представителю враждебного ведомства. Что с того, что нас никто не слышал? Наверняка и Саймона в кабинете стоит жучок — и не один.

По рангу положено.

Чем выше залезаешь, тем больше под присмотром.

Я встал с табурета чтобы размять затекшие ноги, прошёлся вокруг Колфилда.

— Адреса досмотровиков дать? — с вялой надеждой на то, что удастся отделаться только этим спросил он.

— Зачем? — искренне удивился я. — С этой парочкой давно и плодотворно работают элитары — военные, да, к тому же, в условиях чрезвычайного положения, получают информацию

просто, быстро и эффективно. Если, конечно, они предусмотрительно не укатили в Малайзию. Или не утонули по дороге туда.

Я помолчал.

— Так что можешь подыскивать двух новых сотрудников и готовиться к переезду в кабинет Хаймгаррета.

— Ладно, твой лоб, тебе шишки и набивать, — философски заметил Колфилд, о чём-то глубоко задумавшись.

— Я подумаю, что можно сделать. Возможно, куплю каску. — ободряю я приятеля.

— Стоун, если сболтнёшь, что узнал это от меня — я тебя лично придушу. В общем, Хаймгаррет последние года два сотрудничал с Мистером Ву. Проверял кое-какие грузы, прикрыв глаза, ну и так далее. Но Мистер Ву не имел дел с наркотой!

— Всё когда-то начинается в первый раз, — сказал я. — Но ты прав, Саймон — у него лучшие стрелки, лучшие девочки и подпольный тотализатор, но наркотики — не его профиль.

— Так ты всё знал! — трудно сказать, чего в голосе Колфилда было больше, облегчения или удивления.

Разочаровывать Саймона я не стал.

— Конечно знал.

В голове крутилась мыслишка о том, что я что-то упускаю. Мысль эта, по всей видимости, придавала моему лицу какое-то странное выражение, потому что при взгляде на меня у Колфилда явно стала отвисать нижняя челюсть.

Ах, да.

— Слушай, а что там с вампирами в обществе плазменной гранаты?

— Да я сам не особо в курсе, — Саймон с радостью переключился на бытовые темы. — Кто-то запер компанию Эшроша в их логове, ну и бросил туда ПГ. Внутри — обугленный фарш по стенам. Дело передано в полицию.

— А чем знаменит этот Эшрош?

— Держал пару складов, в том числе и… — Колфилд хмыкнул. — Ага. Стоун, неужели с тобой ни о чём ещё нельзя поговорить, кроме твоих собственных дел?…

— Я вот подумал, что плазменная граната — редкий фрукт.

— Не в порту. Я однажды видел русский танк Т-34. Привезли в контейнере прямо из музея — и, сам понимаешь, не для коллекции.

— А как бросили и во сколько? — уточнил я, не особо веря, что Колфилд знает.

Тот мою догадку подтвердил.

— Лучше поговори с тем копом, который это дело ведёт. Или

сам займись — я так понял, связь тут с убийством прямая и непосредственная.

— Хорошо, — покладисто согласился я. — У меня только будет к тебе ещё одна маленькая просьба.

— Ну? — Колфилд снова напрягся, подозревая подвох.

— Будь добр, позвони Мистеру Ву и скажи, что детектив Стоун просил его истолковать значение иероглифов «Сяо Лун».

Я выдираю из органайзера Саймона лист бумаги и записываю номер своего сетевика, который теперь придётся держать включённым.

— Пусть он позвонит по этому номеру.

— А ты уверен, что я этот номер знаю? — ворчит мне в спину Колфилд.

— Прояви свой сыскной талант, — советую я, открывая дверь.

Голову продолжает сверлить мысль о недостающих восьмистах килограммов неизвестно чего.

Похоже, надо и впрямь будет подумать о каске.

— Ну что, выяснил что-нибудь? — Айви легко отрывается от стены и подходит ко мне. Лицо слегка рассерженное. — Я, похоже, действительно нужна тебе только как жетон и пистолет.

Ну да, жетон мне уже дали…

Я крепко стискиваю Айви под локоток, хотя где-то в глубине души меня преследует видение Стоуна-без-головы, нового персонажа городского фольклора.

— А вот кричать об этом на всю таможню совершенно не обязательно, — тихо говорю я, и Айви умолкает — но только до тех пор, пока мы не покидаем здание таможни, сопровождаемое жизнерадостными трелями «звонаря» и злобными взглядами внутренней охраны.

На улице я посмотрел в строго-серьёзные глаза эльфки и пояснил.

— Видите ли, офицер Стерлинг, мы, копы, существа нежные, с тонкой нервной организацией, легко ранимые и чувствительные. Поэтому сливать служебную информацию при свидетелях нам не позволяет совесть.

Офицер Стерлинг злым движением отбрасывает назад чёлку, но голос её удивительно спокоен.

— Как раз э т о я поняла мгновенно, Джек. Но вот про Хаймгаррета ты должен был сказать мне сразу.

— Забыл, — честно сказал я. — Но тут не в одном Хаймгаррете дело.

— Ещё о чём-то забыл?

— Ну нет! — отверг я гнусную инсинуацию. — Узнал. Кто-то

добил тех вампиров, уничтожение которых ты так успешно начала.

Мы встретились глазами и довольно долго смотрели друг на друга. Эльфка облизнула губы — кончиком языка, миг — и всё, но мои мысли сразу перешли на какие-то не относящиеся к делу материи, а офицер Стерлинг, не заметив своего отвлекающего маневра сказала.

— Похоже, кто-то резво начал убирать свидетелей. Линда Трой, Хаймгаррет, эта банда… Надо предупредить шефа.

— Ага, — рассудительно согласился я. — Но не факт, что все они видели одно и тоже…

Айви пожала плечами.

— Так что ЕЩЁ ты узнал от Колфилда?… — требовательно спросила она.

Я про себя усмехнулся — похоже, стажёр-детектив попыталась взять руководство расследованием в свои руки. Это было странно, — мне ведь уже вернули официальный статус. Похоже, девчонка решила заняться самоутверждением.

Я изложил ей то, что по дружески изложил мне Саймон — опустив только Мистера Ву, про которого ещё не подрастерявшему иллюзий птенцу полицейской академии знать было совершенно не обязательно.

Но данные о разном весе эльфку не заинтересовали.

— Не понимаю, Стоун. Кажется, что эта ветвь тупиковая. В конце-концов, груз наркотиков послужил лишь приманкой. Тут наверняка есть чем заняться отделу внутренних расследований, но мы тратим время.

— Тупиковая? — сказал я, рассеянно глядя на притихший перед нами порт. — Ну нет. Скорее, непонятная.

— Чем непонятная? — нетерпеливо переспросила Айви.

— Всем, — коротко ответил я. Отовсюду торчат уши Ван Даглера — причём торчат настолько явно, что, если бы не военное положение, я бы арестовал его просто на всякий случай.

— Ты же не думаешь, что он раздвоился и сражался на месте преступления сам с собой?

— Разумеется, нет. Но не сомневаюсь, что уничтожение памяти видеопоста и смерть Линды Трой — его рук дело.

Я скривился.

— Но доказательств никаких. Со стороны военных очень предусмотрительно использовать лучевое оружие — ни пуль, ни гильз, варьируемые параметры поражающих характеристик луча…

Айви тяжело вздохнула.

Это настолько не вписывалось в её портрет, что я с

изумлением посмотрел на неё.

— Джек, ты вспомни, пожалуйста, что говорил мне в самом начале.

— Что именно? — улыбнулся я.

— Насчёт того, что нам нужен убийца; а заказчика пусть ищут другие.

— А ты больше верь старому негодяю, — подмигнул я ей. — Понимаешь, Ви, меня только что осенило — а ведь никто не знает, что нужно искать на самом деле.

— И что же это?

— Пока — совершенно не ясно, — я сокрушённо развёл руками. — Но, допустим, что дело в политике.

Лицо офицера Стерлинг приобрело непередаваемое выражение — такое же я и сам наблюдаю в зеркале, когда включаю программу новостей.

— Тогда, казалось бы, всё просто. Убит Кларк, лидер «Нового человечества», голосование в Парламенте об отмене Апрельской поправки отменяется под предлогом неуместности и плавно переходит в разряд исторических несуразностей.

— А то, что убийца — эльф используется для репрессий в отношении моей модификации, — холодно подтверждает Айви. — Cui bono?

— «Кому выгодно?» — я усмехнулся. — Разумеется, Ван Даглеру. Но он и сам ищет убийцу — ему выгодно его найти, но почему он его потерял?

Айви — умница, она не переспрашивает. И без того понятно, что если убийство генерала Кларка спланировал Ван Даглер, то убийца уже лежал бы в целлофане в морге… под прицелом видеокамер всех ведущих каналов.

И убит, скорее всего, был бы прямо на месте преступления, чтобы для полиции лишней работы не оставалось, и дело само пришло бы к закрытию.

Или таков был изначальный план, в котором что-то пошло не так?

— Джек, — прерывает мои размышления Айви, — Мне кажется, мы поменялись местами.

— Ты о чём?…

— Ты сам сказал мне, что убийство такой политической величины выгодно всем — так или иначе, но в своих целях этот факт сможет использовать каждый. Нам нужен не заговор… нам нужен убийца.

— МНЕ он уже не нужен, — огрызнулся я. — Что мне нужно, так это логичная версия, которая бы всё объясняла. А когда у меня такая теорийка будет, я поищу к ней и факты, и людей.

— Звучит довольно шизофренично. Оторвано от реальности, знаешь ли.

— Чушь! Всеми фактами мы обладать никогда не будем. На первом месте должна быть теория. В конце-концов, Колумб, отправляясь искать Индию таки открыл Америку. Теория была ложной, но помогла открыть новые факты. А вот если бы он опирался на факты, совершенно очевидные любому его современнику — вряд ли бы он ввязался в этакое гиблое дело.

Судя по выражению лица Айви, эльфка сделала определённые выводы.

— Джек, с твоего позволения… Я бы всё таки занялась поисками убийцы. Ты разговаривал с Ван Даглером… он сказал на этот счёт что-нибудь толковое?

Я покачал головой.

— Всё, что он успел заметить, по его словам, — это эльфа с двуручным ножиком и белыми волосами до плеч.

Вернее, это всё, что он пожелал мне сообщить.

Я иронически усмехнулся.

— Сама понимаешь, с такими приметами мы навряд ли кого-то сыщем.

Я посмотрел на эльфку — в точёной фигурке явно прорезался азарт.

— Стоун, надеюсь, ты сумеешь выбраться из порта сам, хорошо?

— И почему молодёжи обязательно нужно набить все шишки собственной головой? — усмехнулся я. — Вперёд, найди мне этого убийцу. Если получится.

Офицер Стерлинг исчезла из поля моего зрения мгновенно, вроде Чеширского кота; вот только даже улыбки после себя не оставила.

Я пожал плечами. Насколько мне было известно, численность популяции эльфов только в Кэп-сити составляла что-то около трёхсот тысяч человек. А уж учитывая явное пристрастие дизайнеров тела к необычным расцветкам волос, блондинок и блондинов той или иной масти среди эльфов было не меньше половины.

Не говоря уж о том, что убийца мог и парик нацепить… или волосы по такому случаю перекрасить.

Айви вознамерилась вычерпать море решетом.

А я решил заняться расследованием.

17

Любой человек многомерен. В одном измерении он хороший и исполнительный работник (допустим, квалифицированный палач), в другом — верный и преданный семьянин (оставляющий семье не менее 70 % базового дохода), в третьем — завсегдатай стриптиз-клубов.

Несколько измерений имела и жертва преступления, их сиятельство военлорд и генерал Томас Кларк.

Измерения эти лежали передо мной в распечатках, и я в очередной раз не пожалел, что уговорил принтер в Информационном бюро распечатать мне этот рулон — потому что даже мой армейский сетеком даже с включенным «ледоколом» и капитанским допуском продолжал утверждать, что Томаса Кларка на свете не существовало, — и неважно, что это он появлялся в новостях с заявлением по тому или иному вопросу чуть ли не каждый день.

Наш мир вообще располагает к паранойе. Тем не менее, засекретить всё невозможно, а генерал Кларк был многомерным человеком. Было понятно, что ни в каком досье — даже на уровне допуска шефа Управления не содержится информации о его месте жительства, семье и том, в каких кабаках он оставляет свою зарплату.

Зато я узнал, где Кларк работал.

В свободное от исполнения политических функций время.

Как и всякий дослужившийся до звания генерала военлорд, хотя бы даже и демобилизовавшийся, Кларк, разумеется, никак не мог покинуть тёплых объятий военно-промышленного комплекса.

Так проще и самим военлордам, да и ребята из жандармерии меньше нервничают — не нужно беспокоиться о том, что бывший военнослужащий, частично (в объёме произведённых генетических изменений) продолжающий оставаться собственностью правительства САСШ отправится в отпуск, скажем, в Мексику.

Кларк же возглавлял Институт прикладной геофизики при Военно-Метеорологической службе Правительства САСШ.

А я то думал, что всё его влияние распространяется лишь на «Новое Человечество».

Всё оказалось много хуже.

Генерал Томас Кларк, убитый неизвестным эльфом, влиял на климат всего земного шара.

А значит, зуб на него точил — каждый.

Даже я.

Институт прикладной геофизики располагался не так уж далеко от Мегапорта — потому что построен был в те незапамятные времена, когда Кэп-сити был всего лишь Нью-Йорком.

Несколько наклонных блоков-домоградов образовывали ребристое основание полукилометровой башни центрального блока, утыканного тарелками антенн спутниковой связи, координирующих работу всей системы ПБЗ.

Ещё выше чем башня — за низкой облачностью и не разобрать — парило несколько дирижаблей с ионными разрядниками, готовыми мгновенно отразить сигнал от антенных полей, расположенных на острове Процветания и закрыть Кэп-сити плазменным полем — очень эффектным для внешнего наблюдателя, никак не заметным для внутреннего, но разрушающим любую электронную начинку вражеских боеголовок.

Впрочем, истинное назначение противобаллистической защиты с самого начала было секретом Полишинеля.

«Только Господу дано повелевать погодой!», «Бунт экосферы — ваших рук дело!», «Институт стихийного бедствия!» — пикеты на лестнице перед входом в Институт стояли давно, многие палатки походили на капитальные постройки, а их обитатели выглядели столь сурово и деловито, что становилось понятно — эти люди приходят сюда как на работу, а никак не по зову сердца.

Впрочем, подобная вымуштрованность получила своё объяснение на верхних ступеньках.

Охрана ПБЗ была поручена компании «Железные сердца», преизрядно намозолившей мне глаза во время просмотра ежедневных отчётов.

Эти ребята занимались охраной при помощи электронных систем оценки и распознавания угрозы. А поскольку ни один человек из плоти и крови никогда не сможет понять логику, по которой оценивает его действия машина, единственное верное правило в такой ситуации — не делать лишних движений.

Вход в ИПГ защищали две спаренные турельные установки для отстрела резиновых пуль.

И хотя я нисколько не сомневался, что дульная энергия каждого резинового шарика даже меньше предельно разрешённого уровня, я точно также не сомневался и в другом: скорострельность в двести выстрелов в секунду на крутой — градусов 40! — лестнице, протянувшейся на футов на двести из любого человека сделает отбивную.

А компания, как обычно, спишет всё на ошибки программирования или заклинившие исполнительные механизмы.

Я, едва разглядев их логотип, и сам-то почувствовал себя неуютно — что уж говорить о людях, живущих под этим прицелом постоянно.

В приёмную меня впустили быстро и без проблем — стандартная тактика охранных агентств околокриминального толка.

Фирмы посолиднее наоборот, гордятся тем, что не пускают посторонних — хоть бы в их числе был и сам Премьер-министр; но «Железные сердца» придерживались более здравого полицейского подхода: всех впускать, никого не выпускать — по крайней мере, до тех пор, пока не будет надёжно установлена личность клиента и цель — истинная — его визита.

Порядок сей был мне известен, и поэтому оказавшись внутри я занервничал.

И было от чего.

Комнаты безопасности разные охранные агентства устраивают по разному, но общее название у них одно, точно передающее суть — «мышеловка». То есть абсолютно герметичная стальная камера, размеры которой зависят исключительно от того, сколько денег готовы выделить на безопасность.

Мне доводилось видеть целые офисные здания, сконструированные по тому же мышеловочному принципу.

Но каких бы размеров не была «мышеловка» — с душевую кабину или со спортивный зал, суть остаётся одна: в прочную нержавеющую сталь стен и потолка комнаты вмонтированы форсунки, позволяющие ввести в комнату любой газ — от безобидно-унижающих рвотно-слезоточивых компонентов, до аэрозолей серной кислоты, несущих гарантированную смерть — и вовсе не обязательно быструю и безболезненную.

Чаще всего такие мышеловки маскируют под обычную приёмную — с кожаными креслами, журнальными столиками и терминалами для выхода в Сеть. Но «комната безопасности» Института прикладной геофизики блистала свеженьким хромом натуральной газовой камеры Освенцима, что наводило на неприятные мысли.

Пост охраны от «мышеловки» отделяло стекло с металлическим напылением, делающим его неотличимым от прочих стен.

Во всяком случае, так уверяет реклама. Она не лжёт — если речь заходит о военных или правительственных вариантах

исполнения. Но частным организациям стекло продаётся с другим коэффициентом преломления света, хорошо заметным, если одеть обычные солнцезащитные очки.

Очки — конфискованные сегодня утром у Айви — на мне были, и поэтому я уверенно подошёл к полуметровой ширины стеклянной ленте, тянущейся вдоль левой стены и прерывающейся только в одном-единственном месте — там, где должна была быть дверь.

И прижал к стеклу полицейский значок.

— Детектив Джек Стоун, Управление Полиции Восточного побережья! — рявкнул я стеклу. — Открывай!

— У вас есть постановление суда о допуске в наш Институт?… — осведомился кто-то из-за угла.

— Нет, — автоматически ощерился я. — Но если бы я пришёл разгонять вашу компанию, я бы приехал сюда на танке.

— Полегче, офицер, — человек за стеклом явно был намерен поиздеваться. — Мы только вчера поставили новые форсунки и ещё не до конца уверены в их надёжности.

Наверное, существуют где-то гении переговоров, способные подружиться с собственным палачом, продавать снег эскимосам и в любой компании легко становящиеся своими парнями.

Я к таким гениям не отношусь, и поэтому сделал единственное, что был в состоянии.

Бронестекло, продаваемое правительством для частных компаний, хитрое.

В конце-концов, ни одно правительство не любит оказываться в глупой ситуации, а ожидание перед собственноручно возведённым барьером определённо к таковым ситуациям относится.

Поэтому в углу каждой такой пластины, уходящей в частные руки находится малозаметная метка фабричного клейма.

К которой достаточно приложить определённое усилие под определённым углом. И для этого вовсе не обязателен алмаз — вопреки уверениям завода-изготовителя.

Мне хватило и полицейского значка.

Я приставил выпуклый контур государственного герба к фабричной метке — оно не случайно, это сходство; усилие должно быть сконцентрировано именно по такому абрису — и что было сил ударил по кожаному затыльнику портмоне.

Лист бронированного стекла мгновенно пошёл мелкой сеткой «травмобезопасных» кубиков, ещё удар — и я уже заглядывал в проделанную мной дыру.

Прямо на меня пялился пузатый охранник в тёмно-синей униформе, доедающий свой гамбургер.

— Дверь открой! — скучным голосом попросил я. — А то больно сделаю!

— Ну, сука, — буркнул второй охранник, — судя по голосу именно он и был настроен предупредить меня о форсунках.

Я пожал плечами — небольшой рост иногда даёт кучу преимуществ — и спокойно вбросил себя в помещение через только что проделанное окно.

Национальные традиции следовало чтить. Хотя караулка мало походила на Европу.

Металлическая дверь с шипением поползла в сторону.

Я шутовски отдал честь дожёвывающему свой ужин охраннику, заломил руку его приятелю, который даже не сопротивлялся, улыбнулся.

— Ну, и кто тут главный босс?…

Миндальничать мне уже надоело.

— Чем могу помочь, детектив… Стоун? — заместитель директора Института Дерек Троллоп, как чувствовалось из его тона, совершенно не собирался поднимать меня до собственного уровня, но, всё же, был вынужден со мной поговорить.

А большего мне и не требовалось.

Кабинет Троллопа располагался на верхушке центрального здания Института прикладной геофизики, всего лишь этажом ниже того кабинета, который занимал генерал Кларк. Нет, туда мы вас пустить не можем — у нас секретный объект. Не превышайте своих полномочий, капитан…

Вид открывался завораживающий: с одной стороны — вздымающиеся ввысь горы света, с другой — вечно штормящий океан.

Всё это располагало к философскому взгляду на мир, коего заместитель директора, по всей видимости, и придерживался.

Я продемонстрировал миру свои подошвы, небрежно уложенные на стол, и сообщил то, что, как я подозревал, заму уже было известно.

— Я расследую убийство вашего шефа, Троллоп.

— Я слышал тут замешаны наркотики… — начал было он, но, увидев мою скривившуюся физиономию, осёкся.

— Дерек, — доверительно спросил я, — А что, генерал Кларк производил впечатление человека, который мог быть замешан во что-нибудь подобное?…

— Конечно нет! Но, вместе с тем, — тут Троллоп пожевал губами, — Вместе с тем Томас был слишком погружён в политическую жизнь…

— Это как-то сказывалось на его руководстве Институтом?

— Ну, пожалуй, нет… Вы же, наверное, понимаете, что наш институт не ведёт научных разработок в полном смысле этого слова?

— Вполне, — я вспомнил шеренгу демонстрантов у входа. — Вы всего-навсего регулируете мировой климат. Мелочь какая!

Троллоп чуть улыбнулся.

— Детектив, ваша ирония, в известной мере, разумеется оправданна. Но давайте сразу договоримся о понятиях.

Я приглашающее кивнул.

— Институт прикладной геофизики не регулирует погоду. Мы частная организация, занимаемся в основном техническим обслуживанием переданных нам правительством геофизических генераторов. Если очень грубо — чистим антенные поля, усовершенствуем электронику…

— Ну да… и периодически устраиваете контрольные включения своих систем. Сколько минут хватит для того, чтобы вскипятить воздух над континентом?

— Получаса будет достаточно, — Троллоп внимательно посмотрел на меня. — Но, как вы сами понимаете, детектив, такое решение будет уже политической акцией.

— Но вы же не будете утверждать, что подобные решения не принимаются вообще?

— Разумеется, принимаются. Для регулирования климата на планете установки приходится включать по определённому графику, иначе бунты экосферы приведут к катастрофе не хуже Всемирного потопа. Но, боюсь, тут мы с вами вступаем на очень скользкую почву: вы же понимаете, что сведения о работе системы ПБЗ совершенно секретны?

Я пристально посмотрел на выкрашенные тигровыми полосами брови Троллопа и покрутил между пальцами нагло присвоенный мною карандаш. Было вполне очевидно, что ещё несколько минут такой содержательной беседы — и я буду упираться в словосочетание «комментариев не будет, информация секретна» через каждые два слова.

Поэтому я решил перейти на личности.

— Простите, Дерек, но сами вы служили в армии?

Заместитель директора скривился — я, похоже, попал в больное место.

— Генетически я — военнообязанный. Но с самого начала я обучался на технического специалиста, и, тем более, не являюсь военлордом.

— Но ведь Институт — частная фирма, не так ли?…

— Не в полной мере, детектив. Первоначально Институт, разумеется, был государственным проектом. Но потом

правительство сочло, что будет лучше перевести нашу организацию на самоокупаемость.

— И это было очень удобно, потому что для общественности правительство не несёт ответственность за ваши действия.

В голосе Троллопа прорезалось раздражение.

— Не забывайте, мистер Стоун, — речь идёт о событиях тридцатилетней давности.

— Я понимаю, — кротко сообщил я, — Я лишь пытаюсь получить ответ на один вопрос: может ли смерть генерала Кларка быть вызвана выполнением его рабочих обязанностей?

Какое-то время заместитель Кларка сосредоточенно обдумывал эту мысль.

— Не уверен, что это так, — наконец сообщил он. — Собственно говоря, Томас никак не влиял на работу Института. Специалистом по техническим вопросам работы системы ПБЗ являюсь я и только я, Кларк лишь проводил в жизнь политические решения Парламента. Ну, если грубо — он говорил, что делать, а как делать — определял я.

Я скривился.

— Троллоп, только не пытайтесь меня убедить в том, что Кларк был у вас в институте свадебным генералом. Это же военная система… он просто обязан был каким-то образом контролировать систему ПБЗ!

Заместитель директора только покачал головой.

— Детектив, вы же понимаете — вопросы национальной безопасности в такого рода делах в принципе не могут быть завязаны на одного человека. Противобаллистическая защита — это автономные геофизические генераторы на Аляске, в Техасе и Дакоте, на острове Процветания, это сеть геостационарных спутников, это дирижабли с ретрансляторами волн… Атака на один из этих элементов хотя и ослабит защиту, но не ликвидирует её.

Я покачал головой — то ли мы говорили на разных языках, то ли Троллоп пытался уйти от темы.

— Дерек, не юлите, — попросил я. — Если бы вас сейчас, сию секунду попросили включить ПБЗ — вы сумели бы это сделать, или нет?

— В такой формулировке — нет, не сумел бы.

— А почему?

Троллоп вновь поджал губы. Наверняка эти сведения относились к категории жутко и страшно секретных военных тайн… с другой стороны, на полупрозрачной поверхности стола между нами наверняка сейчас были высвечены сведения о моей тщательно вылизываемой последние несколько часов биографии.

Уж не знаю, что там ещё придумал Маллинсон для облегчения своих грехов перед моей персоной, но решение Троллопа, судя по разгладившимся на его лбу морщинах было положительным.

— Вообще-то эта информация находится в компетенции военной разведки, — наконец сказал он. — Вы, мистер Стоун, должны понять мою подозрительность — вы просите мало того, что информацию под грифом «совершенно секретно», так ещё и за сегодняшний день ко мне уже обращались к этим и Департамент по делам бывших военнослужащих, и военные, и даже журналисты.

— Подозреваю, что каждый из них получил ответ, — ответствовал я, — почему же МНЕ приходится чуть ли не к пыточным тискам прибегать?

Троллоп проигнорировал мою шпильку и сложив руки домиком уставился в стол.

— Видите ли… система ПБЗ — действительно система. Работа единичной станции никогда не позволит ни регулировать погоду, ни, тем более, сжечь боеголовку в атмосфере. Нужна координация всех этих станций, взаимодействие в масштабах континента, понимаете?

— Вполне, — отозвался я.

— Вот регулированием этого взаимодействия и занимается наш Институт.

— То есть, я нахожусь в мозговом центре Купола?

— Именно, — подтвердил заместитель директора. — И генерал Кларк действительно был важной фигурой, хотя и ритуальной, по большей части.

— А именно?

— А вот тут я разглашу сведения, которые вы должны намертво похоронить в себе. И даже взять с вас соответствующую подписку. Только на таких условиях.

Я хмыкнул.

— Я, мистер Троллоп, в своё время дал кучу подписок. Одной больше, одной меньше…

Сбоку от стола выехал небольшой сканер — сетчатка, ладонь… детский сад. Известно, что гарантию даёт только пункция кости.

— Прошу вас.

После того как сканер растерянно заморгал зелёным светом, Троллоп глянул на меня так ошарашено, что я подумал, не перестарался ли там Маллинсон. Но, как бы там не обстояло дело — и даже если я согласно легенде вдруг оказался одноногой гаитянской лесбиянкой с тремя приёмными детьми —

заместитель Кларка был готов говорить.

— Скажем так: процедура включения всей системы генераторов возможна только при наличии самого генерала в пусковой камере.

— Что-нибудь связанное с настройкой на ДНК? — уточнил я.

— Совершенно верно, — Троллоп перехватил мой взгляд и улыбнулся. — Ничего неисправимого, скорее, просто дань традиции.

— Не слишком-то эта традиция обеспечивает мгновенное действие системы ПБЗ, как защиту от вражеских ракет, верно?

— Ну, мистер Стоун, поскольку вам не хуже моего известен ответ, для чего в действительности нужна система ПБЗ…

— О да. Но вы не закончили объяснение. Кларк сейчас убит — как включить Купол?

— Детектив, — выделенное Троллопом слово прозвучало как «недоумок», — Как я уже объяснил вам, ионный щит невозможно «выключить» или «включить». Можно обеспечить синхронную работу всех геофизических генераторов при помощи нашего Института. Это, кстати, отчасти и отвечает на ваш вопрос. Каждый генератор вполне в состоянии защитить страну от ядерной атаки, но вот контролировать климат всего нашего шарика они способны только совместно.

Я почувствовал, что разговор меня утомляет.

— Дерек. Кто — сейчас — может — включить — Купол? Вы? Премьер-министр? Или Парламент в полном составе?

— Сейчас — никто. — Троллоп развёл руками. — Поскольку решение о том, кто возглавит Институт правительством пока не принято.

— Ну, в Парламенте сейчас своя неразбериха из-за голосования по апрельской поправке, — сухо сказал я.

Заместитель директора только кивнул.

— Понимаете, система может быть запущена и без Кларка. Это не сложно, прими Парламент такое решение, мы включили бы систему за пятнадцать минут. Но раз такого решения нет, действует стандартная процедура.

— Которая заключается?…

— Функции общего контроля переброшены на резервный пост номер два.

Я убрал изрядно затёкшие ноги со стола и принялся раскручиваться на табурете-вертушке.

Туда-сюда, вправо-влево… Чувствовал я себя сейчас как тот меднолобый таран, которым разбивали ворота средневековых крепостей.

С тем лишь различием, что долбил я не ворота, и даже не

стену, а какую-то пуховую подушку, в которой намертво вязла любая мысль.

— А кто работает на этом посту?

— Он полностью автоматизирован. Будь это иначе, не было бы необходимости в существовании нашего Института. Задача резервного поста — не совершение каких-то активных действий, а просто поддержание системы в рабочем состоянии — как раз на случай аварийных ситуаций. Скажем так: техническое обслуживание, а не боевые функции. Исполнительных схем там нет.

— И что же, вы никак не влияете на его работу?…

— Мониторинг ведётся, через нашу внутреннюю сеть, но это только считывание данных. Иначе он не был бы резервным.

Я хмыкнул. В принципе — разумно. Передать всё частной лавочке, а себе оставить рубильник. Просто рубильник. Не управление громоздкой системой, а — включил-выключил. Право на работу. Автомобиль, который не может ехать без водителя — но и водитель не может вести автомобиль без ключа.

— А где находится этот резервный пост?

— А вот это — тайна, про которую даже вам, мистер Стоун, спрашивать не положено. Мне тоже. — Троллоп пожал плечами с искренним сожалением.

— Хорошо, я спрошу иначе. Кто ещё может знать про существование этого поста?

— Генерал Кларк. Премьер-министр. Те, кто создал систему «Ионный щит».

Голова кружилась, но я всё-таки приоткрыл один глаз и посмотрел на Троллопа.

— Даже вы не знаете?

— Даже я.

— А что группа «Ионный щит»? Всё ещё работает в Институте?

— Никогда не интересовался биографиями отцов-основателей, честно говоря. Наверное, все уже вышли на отдых.

Я встал с коварного стула, обеспечившего мне головную боль на остаток вечера и прошёлся по кабинету.

— А хотя бы взглянуть на портреты этих людей можно? Или тоже — совершенно секретно?…

— Сами понимаете, они находятся под действием программ федеральной защиты. Экоактивисты не дремлют, и вполне могут совершить против кого-нибудь из них акт насилия. Впрочем, полагаю, после того, что вам уже известно, вреда в этом нет… — Троллоп нажал на несколько сенсорных клавиш, парящих над его столом и на окне, в мгновение ока ставшем экраном развернулся

огромный групповой снимок, человек на пятьдесят.

Я подошёл к фотографии и принялся бесцеремонно разглядывать лица.

— А что, генемоды тогда уже существовали? — уточнил я. Троллоп выглядел гораздо младше даже меня, но я не без основания предположил, что научной прессы он прочитал гораздо больше.

— Разумеется. Тогда они все выращивались в рамках правительственных программ. К примеру, лидер проекта принадлежал к тому виду генемодов, который сейчас называют «гоблинами»…

Перина, в которую гулко падала моя голова разорвалась, и теперь вокруг меня снежинками опускались пух и перья.

Лидера проекта «Ионный щит» я видел совсем недавно, в одном маленьком баре, расположенном в Тени, где я обсуждал с ним боевые достоинства моей подружки и последние политические веяния.

Этого гоблина звали Игорь Ильвинский — и он ухмылялся мне с фотографии.

Я спускался по травмоопасной лестнице, чувствуя, что приближаюсь к разгадке. Я всё ещё не понимал, что происходит, но понимал — из-за чего. Я вышел из Тени.

В этот момент меня и отвлекло мурлыканье сетекома в кармане.

Я взял трубку в руку, и увидел вместо номера только звёздочки неопределяемого номера.

Это было обидно, потому что моя военная игрушка ломала защиту любого гражданского сетевика как щелкунчик — скорлупу ореха.

Но я знал, кто звонит.

— Детектив Стоун? — голос в трубке прозвучал по-китайски вкрадчиво.

— Он самый, — бодро ответил я.

— Я слышал, вы столкнулись с проблемой истолкования некоторых иероглифов?

— Именно так.

— Мне будет любопытно взглянуть на то, что привело в тупик столь прославленного разрывателя загадок.

— Отлично, — от игры в учтивость я уже начал чувствовать утомление. — Где нам лучще встретиться?

— Полагаю, лучше всего это сделать на Мясорубке… — в голосе Мистера Ву послышалось хихиканье. — Сегодня состоится бой, который мне никак не хотелось бы пропустить!

— Мясорубка? Где это, чёрт побери?

— Полагаю, ваша напарница сумеет вас просветить — где это… — голос китайца оборвался смешком оборванного соединения.

Я растерянно огляделся.

Нечего сказать — хороший совет!..

Особенно если учесть, что Айви не было рядом… а я чувствовал, что на Мясорубку мне до зарезу потребуется проводник.

Вряд ли туда пускают случайных людей… а уж тем более — копов с моей репутацией.

18

Айви позвонила как по заказу — я даже не успел найти в памяти сетевика её номер.

— Стоун? — в голосе эльфки прозвенела холодная деловитость, в последнее время проскальзывающая в её голосе всё чаще.

— Так точно, мэм, — церемонно приподнял я невидимую собеседнице шляпу, размышляя о том, как бы поделикатнее перейти к интересующей меня теме.

— Как ты отнесёшься к приглашению в ресторан?

Я перебрал в голове возможные варианты — их, в принципе, было немного. Учитывая отсутствие юаней в кармане.

— В целом — положительно, — протянул я. — Но может возникнуть небольшая заминка.

— Это, интересно, какая? — чувствовалось, что раз приняв решение офицер Стерлинг не намерена сходить с колеи.

— Один велеречивый китаец предложил мне встретиться с ним на Мясорубке — и сказал, чтобы адрес я узнал у тебя.

— Чтож… — пауза в голосе Айви была почти незаметна. — Это любопытно. Потому что я всё равно собиралась пригласить тебя именно сюда.

— Отлично, — голос мой по количеству елея теперь превосходил даже вкратчивые нотки Мистера Ву. — А теперь, возможно, кто-нибудь ОБЪЯСНИТ мне, где находится этот ваш чёртов подпольный тотализатор?!

— Джек, ты уже был здесь сегодня. Анклав «Серые заводи», ресторан «Голубая лагуна». Сумеешь найти?…

Ирония в голосе эльфки мне не понравилась.

Что-то изменилось — во мне, или в ситуации, или в мире, а я никак не мог понять — что.

Хотя нет — мог. Просто не хотел.

Напарница перестала воспринимать меня как старшего.

Это могло ничего не значить, конечно.

Но я так не думал.

— Разумеется, — огрызнулся я. — Не забудь только одеться поприличнее. Нас, в конце-концов, ждёт официально-боевое мероприятие.

Замечательная это вещь — экстерриториальность анклавов. Особенно когда эта экстерриториальность вступает в союз с современной архитектурой.

То, что эльфы, как субраса с нетрадиционным поведением

имеют право за милую душу потрошить друг друга на ритуальных поединках я знал. Просто бои насмерть на подпольном тотализаторе никогда не входили в сферу моих интересов.

Купол турнирного зала, куда направила меня Айви, вырастал на самой границе эльфийского анклава. Из него же, диковинным рыбьим плавником вырастал домоград для хуацяо «Небесное благоденствие», увенчанный огромным бриллиантом из стеклянных панелей.

Смотрелось всё это эффектно — особенно когда я неуклюже протопал по прозрачному полу, открывающему потрясающий вид на наполненный голубоватой водой бассейн подо мной. В бассейне плавали какие-то кровожадные представители подводного мира, а сквозь всю эту толщу виднелась и сама арена для поединков.

И любому представителю племени законников можно было бы с чистой совестью заявить, что он понятия не имел о том, чем занимаются эти чокнутые лица нетрадиционного поведения прямо под тобой, а то ещё и счёт за моральный ущерб выставить.

Я огляделся в растерянности.

Выбор кухонь «Голубая лагуна» предлагала небольшой: китайскую, японскую и САСШ. Сочетание, на мой вкус, диковатое, но, судя по большим меловым доскам с меню, приносившее владельцам достаточный доход.

Я инстинктивно погладил в кармане свой полицейский жетон, решив выяснить, не может ли он сгодиться в качестве платёжного средства и принялся высматривать офицера Стерлинг.

Айви я поначалу даже не узнал.

Я и предположить не мог, что эльфка будет в состоянии одеть что-либо кроме своих боевых доспехов.

В общем-то я, конечно, не ошибся — офицер Стерлинг одела нечто вроде гусарского доломана — короткая курточка с эполетами, расшитая золотом так, что это была «полнейшая безвкусица», как заметила одна дама с границы моего слухового восприятия.

Я не обратил на это никакого внимания, глупо улыбнувшись Айви.

— Неплохо смотришься, — сообщил я девушке, на что эльфка только отмахнулась. В серо-голубом океане стоял штиль.

Мёртвый.

— По твоим собственным словам, Джек, мероприятие официально-боевое.

Я прищурился.

— Верно. А ты хочешь сказать, что это — боевой наряд?

— Стоун, мы так и будем разговаривать стоя? Или ты всё таки заказал столик?

— Нет, — я только плечами пожал. — при здешних ценах, полагаю, заранее этого можно не делать. Конкурентов у нас всё равно будет немного.

— Тоже верно, — согласилась Айви, по-хозяйски беря меня за руку. — Какую кухню предпочтём сегодня?

Я нахмурился, в голове защёлкали колёсики арифмометра. Надо ли было полагать слова эльфки намёком? Или это просто вопрос?

— Я слышал, что содержащийся в рыбе фосфор благотворно влияет на работу мозга… — мило улыбнулась девушка, перехватив мой взгляд на вывеску японского ресторана, традиционно специализирующегося на морепродуктах.

Я вспомнил, сколько костей содержится в среднестатистической рыбине и вздрогнул.

Нет, я ничего не имею против рыбьего мяса, но вот рыбьи кости, по моему мнению, обладают собственным вредоносным сознанием, норовя то застрять в зубах, то залезть в горло. Ни тот, ни другой вариант не представлялись мне желательными.

— Лучше Китай, — сумрачно признался я, внутренне готовясь к необходимости пожирать змей и тушканчиков. Утешало одно — китайцы способны приготовить этих животных так, что вы никогда не догадаетесь, ЧТО именно было вами съедено… если, конечно, вам хватит ума не спрашивать об этом.

Но я-то не самоубийца, такие вопросы задавать! Мне моя нервная система ещё дорога!

Пока мы шли в китайский сектор, Айви поясняла мне полезные свойства своей куртки.

— Во-первых, она выглядит по-военному, а ты сам сказал, что форма одежды официальная. Во-вторых, в ней куча кевларовых вставок — от пуль….

— И украшений, — невинно заметил я.

— И украшений, — признала Айви. — Но не для того, о чём ты подумал. Все эти побрякушки и аксельбанты неплохо держат скользящие удары рубящим холодным оружием. Для того они и создавались в своё время.

Я покосился на эфес меча девушки.

— Полагаю, есть разница между ударом меча и ударом сабли.

— Разумеется! — Айви мило улыбнулась. — Но под удар моего меча лучше вообще не попадать.

В этом я уже имел возможность убедиться, поэтому воздержался от подтверждающих возгласов. Тем паче, что меч у эльфки на этот раз был другой — более тяжёлый и широкий.

Мой взгляд эльфкой был перехвачен, но оставлен без комментариев.

Мы уселись за столик, подсвеченный зелёным, что означало то, что место свободно, и практически сразу же рядом возник официант.

Было очевидно, что бедняга изнывает от безделья — хотя час был уже довольно поздний, китайский сектор выглядел, по сравнению с прочими, весьма пустынно.

— Не ваш день? — спросил я официанта.

— Сэр? — непонимающе приподнял брови официант. Внешность у него была, конечно, восточной, но я бы предположил, что он родился где-нибудь в Казахстане.

Я обвёл рукой полупустой сектор.

— Маловато посетителей.

— В это время всегда так, — просюсюкал китаец, но как-то нервно. — Что будете заказывать?

Айви, уже успевшая изучить меню, ответила длинной фразой, состоявшей в основном из слогов, но, судя по всему, китаец её понял, поскольку ожидающе посмотрел на меня. Ну а поскольку я бы всё равно не сообразил, что означают мудрёные закорючки иероглифов, то поступил проще.

— На твоё усмотрение, самое главное — чтобы еда не шевелилась и не пыталась съесть меня.

Я помедлил раздумчиво и добавил.

— И ещё — постарайся сберечь полы ресторана.

— Полы ресторана? — недоумённо посмотрел официант.

— Чтобы я их не… испачкал, если вдруг узнаю, из чего это блюдо было приготовлено.

— О, сэр! — официант захлопнул блокнот. — Понял, сэр.

Китаец удалился, а Айви посмотрела на меня и прыснула долго сдерживаемым смехом.

— Видели бы вы себя со стороны, офицер Стоун! — фыркнула она. — Можно было подумать, что тебя непременно попытаются отравить!

— Откуда мне знать? — огрызнулся я. — Отравить — не отравить, а вот ограбить меня тут наверняка ограбят!

— Скуповаты, Стоун?

— Бедноват, Стерлинг! — отрезал я, вновь уставившись в меню. При всей их непонятности иероглифы выглядели довольно красиво, да и нет лучшего способа скрыть смущение, чем прикрыться полуметровыми листами рисовой бумаги.

И незаметно осмотреть наш сектор ресторана, могу добавить.

Красный шёлк драпировок, белые ленты с иероглифами летящих очертаний, яркая эмаль на столбах стилизованной

беседки, отгораживающей наше место от других таких же беседок, полумрак вверху и голубоватая вода с акулами внизу… всё это придавало местечку некую уютную таинственность….

Если бы не то, участок пола под нами был идеально прозрачен, и эльфийская Арена сквозь него прекрасно просматривалась. Возможно, это объясняло малую наполненность как ресторана, так и нашего сектора — пускали в такие дни, скорее всего, не всех, а сама Арена лучше просматривалась с японского и американского секторов.

На самой Арене в данный момент разминалась пара орков с мясницкими тесаками. Дрались они, судя по всему, до крови.

— Жестокая забава, — прокомментировал я. — Держу пари, что совершенно нелегальная.

— Проснулся рефлекс копа? — с любопытством спросила эльфка.

Я перехватил её изучающий взгляд.

— Странно, что этот рефлекс не проснулся у тебя.

Айви чуть отвела взгляд в сторону.

— Есть причины, — сказала она после недолгой паузы. — В конце-концов, не забывай Джек, — я сама в этой игре участвую.

Я откинулся на спинку стула, внимательно посмотрел на офицера Стерлинг.

— Это-то и любопытно, девочка, — усмехнулся я. — Нисколько не сомневаюсь в том, что эльфийский анклав отстоял право на своё нетрадиционное поведение во всех инстанциях. Но вот как ты с твоим опытом нелегальных поединков попала в полицию?

Айви заговорщически мне подмигнула.

— Возможно, на самом деле у меня нет никакого опыта?

— Вот в этом, офицер-стажёр Стерлинг позвольте усомниться… Впрочем, оставим это. — я улыбнулся девушке. — Это приглашение… — я обвёл рукой ресторан, — Имело смысл?

— Несомненно. — Айви улыбнулась. — И с того момента, как я тебя пригласила, этих смыслов становится всё больше.

— Туше! Однако, начнём с того смысла, который был исходным.

— Мне показалось, Джек, что ты не из той породы, что ходит по ресторанам. Возможно, я решила расширить твои горизонты?

— Иногда я захожу в бар! — вяло защитился я. — Два бара!

— И готова поспорить, что это единственные культурные заведения, которые ты посещаешь. Возможно даже, что и туда тебя пригласили — сначала.

Я возмущённо фыркнул, и решил не сознаваться.

Эльфка внимательно смотрела на меня, и я отвёл взгляд в

сторону. Вот любопытно: девочка заинтересовалась моим бренным телом, или моим бурным прошлым?

Пожалуй, стоило сменить тему.

— Как твои поиски убийцы? Удалось что-нибудь найти?…

Айви внимательно посмотрела на меня.

— Не то, что ты сможешь оценить, Джек.

— У вас появились секреты от старших по званию и возрасту?… — я приподнял бровь.

— Может быть, они были у меня с самого начала? — в голосе эльфки появилась корочка лёгкого отчуждения.

Наверное, мне стоило спустить это на тормозах, расслабиться и просто поболтать с красивой девушкой, благо, времени до встречи с мистером Ву хватало. Но носорог по имени Стоун никогда не любил недосказанностей — а я чувствовал, что между мной и эльфкой пролегло целое их море.

Разрывая неловкую паузу между нами возник официант, быстро расставивший между мной и Айви несколько блюд.

Я внимательно следил за девушкой.

Судя по всему, эльфка расслабилась — знакомое мне состояние; когда ты уже сложил головоломку.

Аресты, работа по добыче доказательств — всё это ещё предстоит, но ты уже знаешь, что и как делать. У Айви было именно такое состояние, и она, похоже, решила отпраздновать.

К сожалению, делиться своими догадками со мной она не спешила.

— Боюсь что Борову это не понравится, — робко попытался я воззвать к авторитету шефа.

— Шеф в курсе, Джек, — мягко улыбнулась Айви.

Я с любопытством посмотрел на эльфку.

— И как он… реагировал на эту новость?

— Воспринял её с истинным стоицизмом. Судя по всему, результат ему важнее методов его достижения.

— Интересно, почему? — задумчиво спросил я.

В былые года я никогда не задумывался о том, кто ходит в покровителях у шефа, а, похоже, стоило.

— Думаю, обстоятельства изменились, Джек.

— Изменились? — я приподнял бровь. — В стране вот-вот произойдёт политический переворот… пожалуй да, изменились. Но один фактор по прежнему непоколебим, как скала: мы не знаем, *почему* убили Кларка.

Айви чуть приподняла бровь.

— А ты уже знаешь, КТО это сделал, Джек?

Я усмехнулся.

— Думаю, что это неважно. Киллер — проходная пешка.

Заказчик… их может быть и несколько, — политика, знаешь ли, допускает самые фантастические сочетания; я же в этой кухне не силён. А вот «почему» — вопрос ключевой. Он позволяет ответить на вопросы «кто» и «зачем».

— Мы поменялись ролями, — эльфка пристально посмотрела на меня, покачивая между тонкими пальцами пару брёвен, которые звались почему-то столовыми приборами. — Но ты ошибаешься в одном важном факторе. Переворота не произойдёт.

— Источники в высших сферах, а? — подмигнул я, но Айви шутки не приняла.

— Если угодно. — она вдруг резко встала. — Мне пора, Джек. Ты просил провести тебя на Мясорубку? Идём!

Я с сожалением покосился на стол, но оставил комментарии при себе. Хотя перекусить — оно явно было бы неплохо.

Только и успев растерянно развести руками перед китайцем-официантом, я ткнул пальцем вниз, получил в ответ понимающую ухмылку и поспешил вслед за эльфкой.

Айви я догнал у винтовой лестницы к Арене. Девушка, похоже, даже не очень-то следила за тем, поспевает за ней некий Стоун, или нет — поэтому мой вопрос, догнавший её в спину заставил эльфку вздрогнуть.

— Вообще-то, Стерлинг, как старший офицер я должен был бы приказать вам прекратить участие в этом безобразии.

— Должен, или приказываешь? — иронически спросила эльфка, чуть замедлив шаг.

Я наконец поравнялся с девушкой и посмотрел на неё.

— Айви, я, конечно, всё понимаю — права лиц с альтернативным мышлением и всё такое прочее… но мне не хотелось бы лишаться напарницы в такой момент.

— Стоун… — эльфка вдруг резко остановилась, повернувшись ко мне всем телом. Взгляд был совершенно непроницаемым. — Ты хороший сыщик. Наверное. Но игра сейчас пошла по другим правилам. Так что… если действительно хочешь помочь — просто не вмешивайся.

— Особый оптимизм внушает вот это самое «наверное», — пробормотал я, потирая область солнечного сплетения.

В принципе, Айви могла бы ничего и не говорить. Достаточно было бы просто ткнуть меня под дых локтем — эффект был бы тот же самый.

Скорее всего, эльфка это понимала, — потому что она сухо кивнула мне и таким же резким шагом отправилась дальше.

А я не стал её догонять.

Вокруг меня вновь началась уже знакомая мне карусель: мир порвался на мелкие лоскутки из кусочков лиц, осколков звуков и

цветных пятен, и я чуть было не опустился на колени, задавленный этим калейдоскопом.

К счастью, неподалёку оказалась стена, к которой я и прислонился, ожидая, пока приступ пройдёт.

В последние часы «Шива» дёргал меня за усы всё чаще, и мне это казалось таким же плохим предзнаменованием, как и вновь пролёгшие между мной и миром тени.

Я посмотрел на часы. До назначенного Мистером Ву часа оставалось ещё минут двадцать, и ожидать, что мафиозо явится раньше не приходилось — день у них расписан по минутам, как и у любого дельца.

Мне оставалось только одно — осмотреться. Не исключено, что ещё придётся работать в этом бедламе в качестве группы захвата.

Я стоял на дне здоровенной чаши, в самом центре которой находился усыпанный жёлтым песочком круг арены. Судя по всему, местечко мне досталось козырное, поближе к месту действия. Впрочем, особой радости я от этого не чувствовал — в этом переполненном гомонящими людьми месиве мне хотелось оказаться в тишине.

Оставалось надеяться, что Мистер Ву отыщет меня без особых проблем.

Впрочем, мой сетевик был активирован — так что мою уникальную метку можно было легко обнаружить на экране любого полицейского сканера, которые, как я почему-то подозревал, у ребят Мистера Ву найдутся.

В этот момент ко мне подскочил «жучок» — невзрачный коротышка с кричащим розовым галстуком и тем характерным выражением лица, которое роднит всех букмекеров от Кэп-сити до Бейцзина.

— На кого будете ставить, господин хороший? — спросил он, подмигнув.

Я во всех забегах предпочитал ставить на себя, но, видимо, в моём взгляде это совершенно не читалось, и поэтому пришлось уточнить.

— А что, я похож на местного завсегдатая?

— Больше всего ты похож на копа, — широко улыбнулся жучок, отбросив формальности. — Но копы ведь тоже люди и как-то отдыхают, правильно?

Я вспомнил Айви, сейчас, видимо, готовящуюся к поединку, и косо усмехнулся.

— Ты прав. А что, тут у вас всегда такая толпа собирается?…

— Обычно… — жучок развёл руками. — Раз уж эльфы казнят своих преступников поединком, и не препятствуют людям на это

смотреть, отчего бы не воспользоваться моментом и не согреть себе душу хорошей ставкой?…

Я нахмурился.

— И что… у эльфов регулярно находится ягнёнок на заклание?

— Ягнёнок?… — не понял меня жучок, но затем просветлел лицом. — Нет конечно. Тут проводятся поединки до первой крови и показательные бои, но сегодня — о, сегодня день особый.

— И чем же?…

— Судебный поединок ведётся до смерти одного из оппонентов, а сегодня в нём участвуют действительно сильные бойцы.

Жучок сделал предвкушающую паузу и выпалил — не иначе как примеряя на себя роль ведущего подобных шоу.

— С Мечом правосудия сегодня сражается Танцующая Сталь!

Не уловив в моих глазах не то чтобы восторга, но даже и понимания, букмекер пояснил.

— Девятнадцать побед в судебных поединках. Если Серые Заводи ставят её на бой, это значит, что эльфы не хотят никакой осечки.

— А кто же тот несчастный, у которого нет ни единого шанса? — хмыкнул я.

— Белый Волк. Он на Арене с момента её основания, число побед за сотню уже перевалило.

— Тогда он уже старик.

— Возраст на генной модификации «Эльф» не сказывается. Ставки идут полтора к одному в его пользу, хотя…

— Хотя?… — приподнял бровь я.

— Его давно уже не видели на Арене.

— А-а, — протянул я, посмотрев на бетон под моими ногами, — Никогда не любил азартные игры.

Не исключено, что букмекеру нашлось бы что сказать и на это моё высказывание, но во взгляде его вдруг появилась паника, и он исчез едва ли не быстрее, чем появился.

— Интересным приработком в свободное от службы время занимаются сотрудники полиции, верно? — шелестом донеслось из-за моей спины.

— В сложившейся экономической ситуации это вполне оправданно, — пробормотал я себе под нос. — Мне задержали зарплату за полгода — вот я и пытаюсь разом поправить своё финансовое положение.

— Вы хотели поговорить со мной?

Я медленно развернулся, задрал голову вверх и сдержанно улыбнулся Мистеру Ву.

Как в главари триады Кэп-сити попал негр я не знал, да и никогда не задавался этим вопросом. В известной мере ещё и потому, что не знал, какие типы генных модификаций востребованы правительством Китая.

Не исключено, что китайцы сами считают необходимым разбавить свой расовый тип?…

Так или иначе, я смотрел на гигантского негра, возвышающегося надо мной на полторы головы… с тонкой паутиной белоснежных татуировок на лице и в строгом двубортном костюме тёмно-синего цвета, сразу заставляющем вспомнить Китай времён председателя Мао.

По обе стороны от Ву возвышались телохранители — два огромных носорога неизвестной мне модификации, весом под двести кило каждый. Под длиннополыми плащами угадывались контуры костюмов пятого класса защиты: любой из этих мордоворотов мог без особого вреда для себя броситься пузом на гранату.

Никакого видимого оружия на них не было — но между нашим квартетом и остальной толпой мгновенно образовалось пустое пространство, будто пузырь силового поля.

Мистер Ву терпеливо ждал ответа, и я наконец выдал результат умозаключений моего тренированного (в чём отдельно взятые эльфки позволили себе усомниться) мозга.

— Мне кажется, почтеннейший, вы заинтересованы в этой беседе не меньше меня.

Я обвёл рукой окружающий нас бедлам.

— Может быть, выберем другое место для беседы?

Мистер Ву чуть поморщился.

— Мне будет удобнее разговаривать с вами здесь, детектив.

— Беспрецедентные меры безопасности — так, кажется, это называют? — протянул я не без сарказма. — Возможно, не стоило и вылезать из своего бункера? Я охотно нанёс бы вам визит…

Какое-то время Мистер Ву оценивающе глядел на меня, видимо пытаясь понять, стоит ли вообще иметь со мной дело. Наконец внутренний арифмометр мафиозо пришёл к какому-то результату.

— Не смейтесь над старым и больным человеком, капитан Стоун, — едко сказал Мистер Ву. — Я бы с удовольствием пригласил вас к себе домой, но несколько часов назад мне нанесли визит. Это были вежливые и чертовски предупредительные граждане.

Мистер Ву выдержал хорошо рассчитанную паузу.

— Я едва унёс ноги, и сейчас предпочитаю находиться на людях.

Я приподнял бровь.

— Сдаётся мне, что в этом городе вы лично не совершили ни одного преступления. Адвокатам же ваша триада платит столько, что под арестом вы не пробудете и минуты.

— Мои визитёры, боюсь, не осложняют себе жизнь изучением юридических процедур. Правосудие у них ускоренное, военно-полевого образца.

Мистер Ву нервно прошёлся передо мной. В глазах мелькнула паника — мелькнула, и тут же исчезла.

— Я готов помочь вам, детектив. Но… вы хоть понимаете, ЧТО происходит?

Судя по тону, мой собеседник имел в виду отнюдь не убийство Кларка.

А скорее то, что сейчас происходило по этому поводу.

— Военные решили оставить власть в своих руках, — сообщил я результаты своего политического анализа. — Убийство генерала Кларка инспирировало политический кризис — по вопросу голосования об Апрельской поправке. А сейчас в городе переворот — элитары, судя по всему, уверены в своём проигрыше, а власть из рук выпускать не хотят.

Мистер Ву покачал головой.

— Переворота не будет, Стоун. Результаты голосования по требованию Парламента обеспечивает армия. Ты ЛУЧШЕ подумай о причинах политического кризиса.

Видимо, не заметив на моём лице должной степени понимания, мафиозо добавил.

— Партию «шёлка», из-за которой убили Кларка, доставил я.

В этот момент со стороны арены раздались фанфары и мы с китаизированным негром синхронно повернули головы в ту же сторону.

По сторонам продолжали озираться только телохранители.

На арену выходили бойцы.

Возможно, их даже объявил кто-нибудь вроде местного конферансье. Я не слышал, не в силах отвести взгляд от оппонента эльфки.

Вернее, его шевелюры.

Она была белой как снег.

— Я плачу начальнику Мегапорта вот уже год, — продолжал Мистер Ву, искоса поглядывая на меня. — Я обеспечил доставку груза с материка, а Хаймгаррет навёл на груз своих ребят — по моей, не буду лгать, настоятельной просьбе.

Я также покосился на мафиозо, решив оставить церемонность для более подходящего случая.

— Ты же раньше не связывался с наркотой, Ву.

— Меня ОЧЕНЬ хорошо попросили.

— Кто? — задал я ключевой вопрос, переводя взгляд на арену.

Айви в своей короткой курточке с эполетами замерла вполоборота к противнику.

Меч — потяжелее и помассивнее того тесака, который она носила обретаясь в моей компании — эльфка едва придерживала за эфес, будто лондонский денди свою тросточку.

Боец супротив девушки, мягко выражаясь, не походил на великана. Белый Волк выглядел так, будто вырос в голодающей Африке и был настолько тонок, что казалось, даже Айви сможет перешибить его хорошим плевком.

Клинок, которым он небрежно похлопывал себя по руке и вовсе походил на вязальную спицу.

— Браво, — пробормотал я. — Этого дистрофика того и гляди унесет ветром.

Мистер Ву отрицательно покачал головой.

— Нетипичное оружие для обоих, Стоун. Танцующая обычно сражается с ножиком полегче, а Белый Волк — наоборот, с двуручным клинком. Это будет интересный бой.

— Не сомневаюсь, — сказал я, не отрывая взгляда от лица Айви. Судя по шевелящимся губам, о чём-то она там с Белым Волком разговаривала.

Может, пыталась допросить?…

В мыслях я вернулся к своим собственным проблемам. Было ясно, что своей волей Мистер Ву в политику никогда бы не полез, равно как и не стал бы связываться с наркотиками.

Уж не КНР ли решила немного осадить нашу Державу?

Хотя, конечно, устраивать такие провокации — верный шаг к ещё одной попытке элитаров провести умиротворение где-нибудь в Средней Азии.

Ответ Ву опрокинул все мои рассуждения.

— Доставку груза меня попросил организовать лично Ван Даглер. И я готов подтвердить это в суде, детектив Стоун.

Я усмехнулся — итак, я, похоже, нашёл свидетеля своим собственным подозрениям.

Это был плюс.

А вот на Арене моя напарница, похоже, собиралась убирать убийцу — то ли в соответствии со своими эльфийскими представлениями о правосудии, то ли подчищая чьи-то хвосты.

Чьи-то?…

Я был готов держать пари, что это Ван Даглер.

Белый Волк вдруг вытянулся в выпаде — быстром, немыслимом движении, в котором я не уловил никакого

промежутка между начальной и конечной стойкой.

Айви даже не оторвала меч от пола — просто закружилась, пропустив направленное в неё острие и замерла по другую сторону от своего клинка.

Но и Волк не остановился.

Не сходя с места он вдруг расцвёл иглами выпадов — как ощетинившийся дикобраз. Эльфка словно замерцала, как видеоизображение. Не отрывая меч от какой-то одной ей ведомой точки на полу, Айви лишь смещалась от каждого выпада.

Мои собственные размышления, которые я, за неимением других собеседников, излагал Мистеру Ву, катились медленно, как гранитные валуны, и не поспевали за движениями бойцов.

— «Новое человечество» — партия власти. И элитары, полиция по делам бывших военнослужащих — их боевой отряд. Вряд ли это устраивает армию — всем, кто служит сегодня, завтра выходить в отставку и попадать под контроль политической полиции.

Ву рассеянно пожал плечами. Его политические проблемы волновали в самую последнюю очередь.

Белый Волк на арене был хорош, находясь будто в нескольких местах одновременно.

Глядя на то, как он скользит вокруг эльфки я понимал, что все преимущества на его стороне — скорость и намного более маневренное оружие.

— И поэтому исход голосования об отмене Апрельской поправки был предрешён. И Ван Даглер решил организовать провокацию. Не знаю, насколько знал об этом Кларк — возможно, планировалось это вместе, а потом полковник-элитар внёс свои коррективы.

— Лидер движения «Новое человечество» был убит эльфом. А эльфов в армии никак не меньше, чем военлордов, — вкладывает Ву свой кусочек мозаики. — Хороший предлог для политической чистки.

Айви медленно, будто нехотя, раскручивала перед собой тяжёлый клинок, то отходя от Белого Волка назад, то смещаясь в сторону, то поворачиваясь на месте.

— Но что-то пошло не так, — продолжаю я, наблюдая за поединком. — То ли беловолосый эльф-киллер не согласился с ролью ягнёнка на заклание, то ли — если Кларк был в курсе — «перевыполнил план». Ну или в моём раскладе не хватает фактов.

— Не хватает, — меланхолично подтвердил Ву. — Детектив, что заставило вас думать, что провокация — именно покушение или убийство Кларка? Он союзник Ван Даглера, но не враг… и даже не конкурент — потому что полковник никогда не будет

иметь того же политического влияния, какое имел сенатор.

Со стороны бой начал походить на сражение Дон Кихота с ветряной мельницей. Волк — «Дон Кихот» был искренен в своих двойных и тройных выпадах, но нарочито медлительные крылья меча-«мельницы» отшвыривали шпагу на первой атаке, а второй укол в то же место пронзал лишь пустоту. В руке Айви будто лежала тяжёлая бронзовая сфера — и Белый Волк атаковал центр, средоточие этой сферы, но никак не свою противницу.

— Ван Даглер не мог нанять любого первого попавшегося эльфа, — поясняет Мистер Ву. — Ирония заключалась в том, что как человек отвечающий за безопасность системы ПБЗ, он хорошо знал только своих оппонентов. Группу «Ионный шторм».

— А они, наверняка, имели собственный взгляд на происходящее, — бормочу я себе под нос очевидную истину. Затем до меня доходит. — Парсонс хотел организовать теракт на ПБЗ?!

— Скорее, инсценировать его попытку. — Ву усмехается, показывая полный фикс рот. — Но «штормовцы», получив единственный, возможно, шанс, им не пренебрегли.

Глядя на Арену я вдруг понимаю, что в ответ на каждый укол Белого Волка, ушедший в пустоту, Айви могла бы атаковать.

Эльф-киллер, которого — теперь я это уже понял — допросить не удастся должен был бы быть мёртв несколько раз.

— На складе, получается, было не покушение. А ссора чего-то не поделивших подельников. — задумчиво говорю я.

— Откуда мне знать? — Ву ироничен. — Я, всего лишь, доставил груз. А просили меня об этом Ван Даглер — и тот самый эльф, которого ваша подружка сейчас разделывает на арене.

Ву делает паузу и нервно хихикает.

— Впервые вижу столь искренне заблуждающегося человека.

Я смотрю на бойцов. Белый Волк вновь вытягивается в низком, у самой земли, выпаде. А эльфка перестаёт сдерживать свою бронзовую сферу — и легко крутнулась вдоль стального жала шпаги. А набравший инерцию тяжёлый клинок смахивает голову Белого Волка будто взрывная волна.

Окружавший капсулу нашего разговора зал взвыл, а я повернулся к Мистеру Ву.

— Почему же ты обращаешься за защитой в полицию? От элитаров тебя сможет защитить только армия.

Мистер Ву улыбается мне, но улыбка печальна.

— Возможно, я уже опоздал, чтобы обращаться к кому бы то ни было. Для Ван Даглера я нежелательный свидетель. А вот армия… армейские лбы меня мгновенно расстреляют на месте за измену Родине. Дело в том, что я провёз в страну не наркотики. Я

провёз в страну «Сяо Лун».

— Что, чёрт побери, за «Сяо Лун»?! — тупо переспросил я. Зря, наверное, — следовало бы спросить нечто более умное.

Не исключено, что на вопрос попроще мафиозо и успел бы ответить.

Теперь же ему просто не хватило на это времени.

Выстрела из военной снайперки я не услышал.

Просто Мистер Ву вдруг стал оседать наземь, будто ему стало плохо с сердцем.

Я дёрнулся было к нему, но тут же отпрянул.

Черепную коробку мафиози справа украшало маленькое, аккуратное, хоть по циркулю измеряй, трехмиллиметровое отверстие.

Такая же дырочка была и слева.

Я судорожно повернул голову, увидев то, что и ожидалось — в окружающей нас толпе образовалась просека из десятка оседающих тел.

Лишь затем уши заложил противно-визгливый звук выстрела, наконец-то догнавший пулю.

Я перевёл взгляд на носорогов-телохранителей. Тот, что отделял Мистера Ву от пространства Арены рушится на землю не хотел — но было так же очевидно мёртв. И только металлические мускулы экзоскелета мешали упасть ему немедленно.

Второй встретился со мной глазами, в глубине которых мелькнул животный ужас, и вдруг бросился прочь от меня, врубившись в только сейчас начавшую осознавать происходящее толпу словно шар для боулинга — в кегли.

На этот раз, мне показалось, что я видел тонкий лучик, проткнувший «носорогу» голову.

Я знал, что это всего лишь иллюзия — боеприпас из электроплазменной винтовки, летящий со скоростью два километра в секунду, человеческий глаз увидеть не в состоянии.

На этот раз снайпер выбрал более удачный угол — пуля собрала жатву всего из двух человек, прежде чем превратить свою кинетическую энергий в небольшую воронку в полу.

Я поднял голову вверх, пытаясь увидеть неизвестного мне снайпера до того, как он прострелит мою голову, как гнилую тыкву.

Но я не увидел ничего — кроме гигантской вспышки фотобарического боеприпаса, начисто выжегшего мне сетчатку и заставившего присесть от давления звуковой волны на перепонки.

Затем над Мясорубкой раздался низкий, сниженный до заставляющего расслабить сфинктеры инфразвука рык.

— Всем сохранять спокойствие! Жандармерия проводит

арест! Никому не двигаться!

Я помотал ослеплённой головой и грустно усмехнулся.

Военным и впрямь не стоит вмешиваться в дела гражданских.

Ничего хорошего из этого не выходит.

Мясорубка — развлечение незаконное. Но ходят сюда в основном добропорядочные граждане, возжелавшие пощекотать нервишки видом смерти.

Так что сейчас вокруг меня разгоралось настоящее побоище паникующих, так же как и я ослеплённых и контуженных людей, тщетно пытающихся прорваться к выходам — а элитары пытались справиться с этим бедламом выстрелами в воздух и хлопками фотобарических гранат.

Единственным способом не погибнуть в этой давке было присоединиться к победителям.

Я вытащил из кармана жетон, воздел его в воздух и принялся медленно, со вкусом зачитывать «Миранду».

— Вы имеете право сохранять молчание…

Я знал, что рано или поздно ко мне кто-нибудь подойдёт.

— Как вы себя чувствуете, Стоун? — мне не требовалось отрывать от глаз марлевые тампоны, чтобы узнать голос полковника Ван Даглера.

— Лучше бы вы меня сразу убили! — простонал я, осторожно убрав от лица одну руку.

Как уверял санитар, снабдивший меня этим снадобьем — конечно, веры ему в то, что он санитар было никакой, я в тот момент был слеп, как новорожденный котёнок — зелье должно было «быстро и эффективно» снять последствия поражения сетчатки.

Возможно, так оно и было, но, видимо, следствием этой быстроты было такое ощущение, будто у меня под глазами находятся пучки игл, вонзающихся мне в мозг при малейшем движении.

Вот я и держал руки прижатыми к лицу изо всех сил — так было спокойнее.

Тем не менее, приоткрытый мною глаз видел.

Я находился в какой-то подсобке, уставленной ворохом каких-то ящиков, в комнатушке кишмя кишели военные, и чёрный, с серебром, мундир элитной полиции смотрелся несколько чужеродно на фоне ржаво-зелёного камуфляжа.

Я посмотрел в непроницаемые глаза полковника.

— Странно, что вы не стали убирать меня. В лентах новостей это смотрелось бы очень неплохо: «Неизвестный борец за справедливость отправляет на тот свет одного из крупнейших

теневых воротил Кэп-сити, пришедшего на встречу с продажным копом!»

— Дженкинс, — Ван Даглер обеспокоено посмотрел на усатого дядьку в тёмно-зелёной робе, украшенной эмблемой военлекаря второго ранга. — Что ты ему вколол? Он точно не бредит?

— Обычный антидот от нервно-паралитического газа, — пожал плечами медик. — С газом мы, пожалуй, переусердствовали. Могут быть жертвы среди гражданских.

— Я предлагал использовать свою команду! — сухо сказал Ван Даглер. — Но мне отказали.

— Не моё это дело, сэр, — обсуждать приказы.

Элитар вновь повернулся ко мне.

— Вколите-ка этому… — он явно поколебался, определяя мой статус — … задержанному раствор К700. Интересно узнать, что он споёт.

— Это гражданский, — напомнил Дженкинс, посмотрев на меня. Мне показалось, или он действительно мне подмигнул? — Он же не генемод, ещё копыта откинет от передовых технологий.

— Ответственность беру на себя. Колите. Вон ту розовенькую ампулу. И не надо мне вашей медицинской туфты — я в ней разбираюсь получше вашего.

— Да, сэр, — ответил Дженкинс после паузы. Вооружившись иньектором он подошёл ко мне.

— Имя, звание, должность, — сухо спросил он, держа дуло иньектора у самого моего носа.

— Джек Стоун, капитан, Управление полиции Восточного побережья, — буркнул я, гадая — то ли меня хотят подвергнуть химдопросу, то ли попросту убить, симулировав передоз чего-нибудь.

— Как вы себя ощущаете? — продолжил опрос Дженкинс, игнорируя явное нетерпение, написанное на лице полковника Ван Даглера.

— Худо, — честно признался я. — И тело всё как ватное.

Дженкинс выстрелил мне из шприца в артерию и спокойно отошёл к своему чемоданчику.

Я мгновенно почувствовал, как к телу возвращается чувствительность, подвигал руками и ногами, пытаясь оценить вновь обретённые степени свободы.

— Дженкинс, что вы ему вкололи?

— Мышечный стимулятор.

— Вы нарушили приказ?… — Ван Даглер, кажется, не мог в это поверить.

— Я рейнджер САСШ, а не палач, — злобно ответил

Дженкинс. — К тому же, сэр — при всём уважении — вы только координируете операцию, а не отдаёте приказы.

Судя по ошарашенному виду, Ван Даглер и впрямь забыл о своём статусе — для военных он был такой же полковник, как и я — капитан.

— Любопытно, что же за дрянь мне так и НЕ вкололи, полковник?

Ответить Ван Даглеру помешало прибытие нового персонажа.

В помещение ввели мою напарницу. Судя по виду конвоиров, сопротивления при аресте офицер Стерлинг не оказывала. Впрочем, два типа в бронекостюмах по обе стороны от эльфки и не располагали особенно к сопротивлению.

— Ну вот, все сообщники в сборе, — ядовито сказал Ван Даглер.

— Не вижу тут никаких сообщников, — возразил я, встав с того ящика, который до недавнего времени служил мне седалищем. — Или вы хотите сказать, что офицер Стерлинг задержана?

— Предпочитаю старый добрый термин «арестована», — сказал полковник. — Стоун, ты, похоже, так ничего и не понял, что происходит, так ведь?

— Ну… — решил я сыграть для разнообразия роль рубахи-парня, — В политике я никогда не был особенно силён.

— Я это заметил, — Ван Даглер вновь посмотрел на невозмутимо державшуюся эльфку. — Ну так я расскажу, детектив, — а вы сами решите, кого тут надо арестовывать.

Я вновь задумчиво оглядел подсобку. Что детектив Стоун в своём ободранном песочном плаще, что полковник Ван Даглер в чёрном с серебром мундире, что эльфка в своём невозможном наряде — каждый из нас смотрелся инородным телом на фоне болотно-зелёного камуфляжа с рыжими пятнами ржавчины.

И я неожиданно понял, что военным наплевать на каждого из нас. Любопытно, кто тут всем заправляет? Или у Ван Даглера и впрямь не нашлось времени, чтобы осуществить арест силами жандармерии, и пришлось одолжить военных дуболомов?

— Продолжайте, — сухо сказал я, поправив на груди полицейский жетон. Похоже, в сложившейся ситуации он оказывался самым действенным оружием.

— Извольте. В Парламенте сейчас идёт голосование о предоставлении права голоса невоевавшим. Тебе не понять этого, Стоун — ты ведь и сам не служил — что это: когда на войну тебя отправляют ни разу не нюхавшие пороха политиканы. Они всегда были готовы впутать нас в любую заваруху — а потом бежать из неё, не давая победить.

— А победа для вас, надо полагать — грандиозная вечеринка на костях павших врагов, — сказал я. — И это никак не объясняет сегодняшнего побоища.

— Чтож, детектив, вот вам ответ. Накануне голосования по Апрельской поправке некий эльф убивает сенатора Кларка, лидера «Нового человечества».

— Вряд ли смерть одного человека могла повлиять на исход голосования, — отмечаю я.

— Теперь мы этого уже не узнаем, — сухо сказал Ван Даглер. — Но речь о другом. Убийца Кларка с отрубленной головой лежит сейчас на песке. Убит вашей напарницей. Вы не находите это странным, детектив?

— Нахожу, — признаю я и перевожу взгляд на эльфку. — Вы уверены что это именно убийца, полковник?

— Конечно, на складе было темно, — усмехается Ван Даглер, — Но я вижу в темноте как кошка. Это он, вне сомнений.

— Итак, киллер зачищен. И концы в воду.

— Осталось выяснить, КТО поручил провернуть это дельце вашей милой напарнице — и мы будем знать, кто является организатором убийства.

Полковник ухмыляется и пристально смотрит на эльфку.

Девушка впервые за всё время нашей беседы с полковником разжимает зубы. Впрочем, она немногословна.

— Айви Стерлинг, номер JE-8543248117, Джи Два, действующий состав, — говорит она. — Требую встречи с любым представителем военной разведки.

Лица и у меня, и у полковника Ван Даглера, видимо, напоминают морды растерянных бульдогов, упустивших сахарную косточку — потому что в рядах армейских статистов раздаются сдавленные смешки.

Я их, в общем-то, понимаю. Военная разведка — это индульгенция на все сегодняшние жертвы Арены.

А вот я начинаю чувствовать себя на этом празднике лишним.

— Кто командует операцией от военных? — громко спрашиваю я, но, к сожалению, старших офицеров в подсобке почему-то не находится. Наконец вперед проталкивается молодой лейтенантик.

— Саймон Люге, — представляется он. — Рейнджеры САСШ. Общую координацию осуществляет полковник Ван Даглер из жандармерии… — он смотрит на Ван Даглера со странной смесью уважения и пренебрежения. — Но, боюсь, мне придётся вызвать кого-нибудь из штаба.

Я понимаю, что пытаться сейчас выяснить, чей именно человек стрелял в Мистера Ву бессмысленно. Всё это займёт

время — а мне оно сейчас особенно дорого.

— В таком случае, — говорю я, крутя в руках свою шляпу — вид она имела такой, что хуже ей уже не стало бы, — Разрешите откланяться. Впрочем…

Я на секунду замираю.

— Возможно, кто-нибудь знает, что такое «Сяо Лун»? — задаю я вопрос, а в груди гулко бухает сердце. Возможно, опасается снайпера?…

Мой взгляд скрещивается со взглядом полковника Ван Даглера.

Понимающим взглядом.

Мы сдержанно улыбаемся друг другу — как назначившие место и время встречи завзятые бретёры.

— Китайский электромагнитный боеприпас IV класса мощности, — поясняет мне откуда-то издалека голос Люге. — Мощнее только ядерная бомба. Начисто вырубает любую электронику. Микросхемы плавятся. Мозги — тоже.

Я опускаю руки в карманы и ловлю взгляд эльфки. Айви смотрит на меня растерянно, и я сдержанно киваю ей головой в прощальном жесте.

Расследование представлялось мне коридором со множеством дверей. И ты никогда не знаешь, за какой из этих дверей — выход.

Но важно не ошибиться дверью.

Айви свернула не туда.

19

Над городом лил дождь.

Не очень сильный — просто собравшаяся над Кэп-сити мерзость из испарений кондиционеров, выхлопов турбокоптеров, строительной пыли, дыма из дизелей военных машин наконец достигла той концентрации, которая смогла начать барабанить по посадочным площадкам крыш, водосборникам, широким спинам военных БТРов и немногочисленным людям.

Я поёжился, осматривая посадочную площадку на крыше Мясорубки.

Армия пригнала даже пару мобильных зенитных комплексов, нервно поводящих в воздухе усиками радарных антенн.

Пытаться вызвать в таких условиях ставшее привычным для меня в последнее время «патрульное такси» было бессмысленно — полицейский «вентилятор» военные расстреляют просто ради забавы.

Это я знал отнюдь не потому, что разочаровался в родной армии, — просто из включенного мною на полицейскую волну сетевика звучал усталый голос какого-то связиста.

— Внимание! Зона над этим зданием контролируется армией САСШ! Любая попытка взлёта или посадки будет расценена как атака, и немедленно пресечена. Если же вам ну очень надо сюда попасть — свяжитесь с командованием и ожидайте разрешения ЗА пределами этой зоны.

Адрес командования связист, разумеется, не сообщал, равно как и границы той зоны, появление в которой транспортного средства будет считаться атакой.

Я здраво рассудил, что километра на три вокруг воздушное пространство совершенно чисто, а значит я безнадёжно опаздывал.

Впрочем, можно ли опоздать, если не знаешь, куда ехать?…

Между тем ядовитый дождичек начинал конденсироваться на моей одежде. И если плащ выдерживал эту атаку не без достоинства, только ещё больше выцветая, то от фетра шляпы, уже обвисшей полями на манер панамы слышалось отчётливое шипение.

Требовалось найти хоть какое-то укрытие от дождя и тумана, и я побрёл вдоль длинного ряда военных транспортёров, пытаясь высмотреть хоть какую-то гражданскую тачку, которую можно было бы конфисковать.

Конечно, я не осуществлял преследование и замучался бы потом писать отчёты, но мне до зарезу требовалось место, чтобы

подумать и вовремя оказаться там, где я ещё не знал.

Но я чувствовал, что это несложно. В конце концов, всегда можно нажать на Троллопа.

Если, конечно, в Институте прикладной геофизики стёкла ещё заменить не успели.

Краем глаза я неожиданно увидел странную сценку — четверо солдат, бряцая экзоскелетами, пытались загнать в кузов военного грузовика новенький, с иголочки, «Мерсар-Бугатти».

Юридическая часть моего мозга только ещё пыталась понять можно ли квалифицировать эту ситуацию как «попытку угона транспорта в личных целях в условиях военного положения, сиречь мародёрство», а ноги уже сами вынесли меня к камуфлированным грузчикам.

— Капитан Джек Стоун, Управление полиции Восточного побережья, — представился я и машинально показал жетон.

— Сержант О'Лири, 2-й батальон рейнджеров, — столь же машинально козырнул один из солдат, совершенно неотличимый от своих собратьев по ремеслу, поднеся руку к угольно-чёрному забралу шлема.

«Бугатти» коварно воспользовался возникшей заминкой и, растолкав солдат, вновь грохнулся на стальную обрешётку посадочной площадки.

То ли грузчики ничего не знали об электромагнитной подушке, то ли, что более вероятно — судя по потухшим огонькам дисплеев, — просто не могли его её включить.

— Хищениями занимаемся? — вежливо улыбнулся я. — Или трофей для дембеля?

— Никак нет, — отрапортовал О'Лири, подумал и добавил. — Сэр. Приказано было доставить эту бандуру в Управление Военной контрразведки, управление внутренних расследований.

— УВР в УВР, — оценил я незатейливый армейский юмор. А может — повышенную степень секретности. Кто их, армейских дуболомов, разберёт. — Просто так получилось, что мне этот ваш агрегат не чужой.

— Сэр?

Вместо ответа я подошёл к Айвиному чудовищу и по свойски хлопнул по панели дактилоскопического определителя.

Тридцать процентов погрешности, свойственной таким игрушкам говорили за то, что номер Стоуна «Укрощение мотоцикла» с треском провалится, но мне, похоже, начинало везти.

«Бугатти» замерцал огоньками диагностики, вежливо приоткрыл кормовой багажник, в котором мелькнула полированная сталь запасного шлема и тихо приподнялся в

воздух на подушке сверхпроводимости.

Я подозревал, что Айви байк ещё долго не понадобится, а вот мне он мог здорово помочь, сэкономив время и нервы.

— Нештатная ситуация, сэр, — признал сержант О'Лири. — Я должен связаться с командованием.

— Валяйте, — сказал я, забравшись в седло. Пара солдат дёрнулись было в моём направлении, но я успокаивающе развёл руками.

— Я никуда не собираюсь, — объяснил я сержанту и извлёк из кармана сетевик. — Но несколько звонков всё же сделаю.

— Хорошо, сэр, — покладисто согласился сержант. — Но я попросил бы вас не торопиться. Мне не хотелось бы иметь в своём послужном списке убийство полицейского.

Я понимающе кивнул, воткнул уникабель сетевика в гнездо на приборной панели и запустил «ледокол».

Вряд ли в навигационном компьютере «Бугатти» нашлось бы что-то полезное, но я пока просто не знал, что делать.

Мы, копы, не гении. Талантов Шерлока Холмса в нашем деле не нужно. Вся работа сводится к поиску свидетелей, либо танцам вокруг улик, либо к поиску мотива.

Если же свидетелей нет, улики никуда не ведут а мотивы не укладываются в стандартную триаду «ревность-месть-нажива», то копы начинают буксовать.

И не только копы — вспомнилась мне Айви.

Я уже знал, кто мне нужен и знал, что происходит. Я только не очень хорошо понимал, что мне с этим делать.

А ещё мне требовался человек, способный прикрыть мне спину пока я думаю.

Я рассеянно пошарил по карманам, сам не понимая толком, что именно мне нужно — и неожиданно вспомнил, что так и не закончил разговор с единственным важным для меня сейчас свидетелем.

Тогда она не захотела со мной разговаривать, да и сейчас я не был уверен, что сумею с ней связаться. Но попробовать стоило — тем паче, что больше мне ничего и не оставалось.

Визитка заведения мадам Анны сама легла мне в руку, когда я начал выуживать её из бумажника.

Возможно у бравых рейнджеров, один из которых недвусмысленно поглаживал трубу ручного зенитного комплекса и могли возникнуть какие-нибудь мысли по поводу звонков полицейского в бордель, но они благоразумно придержали их при себе.

Я меланхолично набрал номер, закрепил сетевик в специальном гнезде и вложил в ухо беспроводной наушник.

И решил про себя, что никакие игры в конспирацию не заставят меня вновь повторить вслух залихватскую процедуру пароля и отзыва.

Впрочем, оценить серьёзность ситуации смог бы человек, а вот способна ли на это программа — я уверен не был.

И уж тем более я не был уверен в том, появится ли на другом конце телефонного провода хоть кто-то, способный мне ответить.

Из трубки доносились только гудки.

Я прервал соединение.

Подумал.

Сержант О'Лири не спешил — то ли пытался пробиться сквозь уровни доступа до «УВР в квадрате», то ли просто ожидал чьего-то решения.

Торопиться особенно было некуда — разве что на тот свет.

Я вновь выстучал цифры на клавиатуре сетевика, поставил дозвон и принялся ждать.

Рука сама нашарила в кармане сигаретную пачку с леденцами, и я забросил в рот пару таблеток гидрогенизированного жира с привкусом эвкалипта. О последствиях для гормональной системы я старался не думать — но зато в моей душе наступило хоть какое-то успокоение.

На тридцатом или сороковом гудке меня вывел из раздумчивого оцепенения хрипловатый голос Линды.

— А ты настырный малый, Джек! Умеешь добиваться своего, а?

— Умею, — усмехнулся я неведомо кому. — К сожалению, не всегда чётко представляю, что же мне в действительности нужно.

— Дудки, Джек, — возразила Линда. — Просто тебе нужны вещи, о которых никто другой даже не задумывается. И даже фотопрейскурант моего борделя тебе здесь не поможет.

— Психолог-самоучка? — мрачно спросил я.

— Джек, у меня было время… подумать. Слишком много этого чёртова гребаного времени! — в голосе Линды прозвучала ярость. — Ты хотел меня о чём-то спросить?

Мой палец дотронулся до кнопки на корпусе сетевика, запуская давным-давно заготовленную программу.

— Ого, кодирование разговора, Стоун? Что, совсем прижало?

— В какой-то мере, — согласился я. — Но сейчас существенно лишь то, что я просто сижу на площади, битком набитой твоими коллегами по армии.

— И держу пари, двое или трое этих коллег тебя сейчас слушают, просто отираясь рядом с тобой.

— Мне нужен выигрыш по времени, а не полная секретность.

— Это я тебе могу обещать — выигрыш по времени, — в

голосе Линды зазвучало одобрение. — Русская шифровальная система полувековой давности… Колотая, конечно, но архивы они будут поднимать очень долго….

Линда хихикнула.

— Полиция нашла твоё тело, — сказал я, решив не вдаваться сейчас в выяснение того, насколько электронная копия Линды может считаться самой Линдой Трой.

Пауза, которая возникла была очень длинной, секунд на двадцать.

— Эй, Линда, ты здесь?

— Да, — наконец отозвалась она. — Где, как?

— Всё там же, в порту, — я решил умолчать о некоторых подробностях. — Ты была… убита из электромагнитного оружия. Судя по всему — из той пушки, которая была у полковника Ван Даглера… и он её не терял.

— Сочувствую, — очень медленно сказала Линда. — Вряд ли этому делу дадут ход… скорее предпочтут замести под ковёр.

— Уже не заметут. Вокруг меня военные, но я забыл сказать, что я не на военной базе.

— Переворот?…

— Возможно — нет. Парадом командует кто-то другой. Только вот… не обижайся, Линда, но твоя смерть — самая маленькая часть в этом клубке проблем.

— Я понимаю, — кротко ответила она. — Потому что Ван Даглер ничего не делает просто так.

Возникшую паузу я воспринял как приглашение задать очередной вопрос.

— Под тобой… в смысле, под твоим телом были нарисованы два иероглифа. Писала их ты. Они обозначают «Сяо лун». Так вот, собственно, мой вопрос: ты не знаешь… не помнишь, зачем их написала?

— Не знаю, зачем я это написала. Но знаю, что это означает.

— И что же?

— Электромагнитный боеприпас высокой мощности.

Я машинально кивнул сам себе. Не то чтобы я не верил тому лейтенанту из рейнджеров…

— Редкая штука?

— Да нет, не особенно, — в голосе Линды прозвучало недоумение. — Даже не понимаю, чего ради он кому-то может понадобиться.

— Э-э?… Мне сказали, что круче только ядерная бомба.

— Вообще — не соврали. Игрушка мощная. Но очень узконаправленная. Можно в десятке метров стоять — и ничего не будет. Даже помехи не возникают — просто размагничивается всё

к дьяволу. И плавится немножко. Использовался Во время Китайской Конфронтации рейд-группами с обеих сторон для уничтожения штабных вычислительных центров, радаров и прочей электронной требухи.

— А тебе откуда всё это известно?

— Стоун, я же кибер. Я на электромагнитном оружии и прочей излучающей фигне собаку съела — нужно же знать, от чего в бою лучше держаться подальше. Так что… когда я служила в армии, я очень прилежно собирала слухи обо всех таких игрушках… почему и вернулась на гражданку живой.

Линда помолчала и добавила.

— Только не очень-то мне это помогло. И главное, Джек — ты считаешь, что эта игрушка была провезена в страну? Но для чего?

Я усмехнулся.

И рассказал.

Молчание было долгим. К сожалению, электронные копии не дышат, и мне уже начало казаться, что Линда прекратила разговор — как и в прошлый раз.

Но когда Линда заговорила, тон её был по-деловому сух и бесстрастен.

— Очень серьёзная ситуация, Джек. Ты говоришь, вокруг тебя полно военных? Сообщи им.

— Нет шансов. Они по уши увязли в игре под названием «военное положение».

— Я поняла. Джек, способ уничтожить систему ПБЗ есть. Чисто теоретический, конечно. Мне он известен лишь по слухам.

— И каков он?

— Стоун, твой канал шифруется русским военным кодом. Может, ты любишь собирать антиквариат… а может и нет?…

Я хмыкнул. М-да, склонная к паранойе симуляция личности — это серьёзно.

— Боюсь, что не могу предоставить никаких верительных грамот.

— Ты можешь сделать иначе, Джек.

— Как?

— Выпусти, черт побери, меня отсюда! — Линда произнесла это с такой яростью, что я чуть не вырвал наушник из уха.

— Я тут как в заключении! У меня нет тела, у меня нет чувств, я никуда не двигаюсь. Я тут как в гробу, не пошевелишься! Вытащи меня из компьютера!!!

— «Церковь электронного рая»? — догадался я.

— Да! — с жаром сказала Линда. — Они не хотят меня стереть!

— А я то думал, что это и впрямь бессмертие, — сказал я.

— Может быть, — в голосе Линды прорезалась усталость. — Но мне такого бессмертия даром не надо. Я… мыслю. Наверное, существую. Но кроме моих мыслей у меня ничего нет.

— Помню, ты могла воспринимать изображение с видеокамер? — вспомнил я первую нашу встречу.

— Джек, в том месте, откуда ты со мной разговариваешь, что-то шумит.

— Дождь, — пояснил я.

— Дождь… Стоун, я могу видеть дождь, но я его не чувствую. Нет капель на лице. Нет ветра в ушах. Нет мороза по коже. Есть только я — и ничего кроме.

И ещё, Джек… При скорости биллион операций в секунду… как ты думаешь, сколько ЛЕТ — по твоему времени, мы с тобой разговариваем?…

Я, честно говоря, не знал. И понял вдруг, что совершенно не хочу знать ответ.

Линда это тоже поняла.

— Забери меня отсюда, Стоун! Сотри меня… нет, не так… тебе ведь ещё и напарник нужен. Оживи меня, а уж об этих святошах я позабочусь сама!

— Как, чёрт побери, я могу тебя оживить? — опешил я.

— Стоун, ты мало знаешь о киберсолдатах. Кинг-Кросс-роуд, 1745. Просто привези сюда моё тело.

В трубке послышались гудки разорванного соединения.

Я вытащил наушник из уха и отключил шифрование. И поймал на себе голубоглазый взгляд сержанта О'Лири, всё-таки приподнявшего забрало.

— Я доложил начальству, сэр, — на этот раз в голосе сержанта прозвучало неподдельное уважение. — Можете забрать байк — в УВР сказали, что когда им понадобится, они вас найдут.

После этих слов мне отчего-то сразу расхотелось, чтобы меня находили. И «Бугатти» резко потерял в моих глазах всю свою привлекательность.

К сожалению, не перестав быть менее нужным.

Я вновь посмотрел на сержанта — он не отрываясь смотрел на меня. Вопросительно приподнял бровь.

— Вы говорили очень громко и я слышал вашу часть разговора. Помогите ей уйти, сэр, — в голосе сержанта появились просительные нотки. — Пожалуйста!

Я хмыкнул.

— Чужие разговоры подслушивать нехорошо. Впрочем, если вы объяснитесь…

— Я знаю, что такое киберы, сэр. У меня был товарищ… в общем, его долго не отпускали на тот свет. Что-то он там такое

знал.

О'Лири сглотнул.

— Дело было в пустыне, сэр. Торни — звали его так — уже начал разлагаться, но командованию была нужна его долбаная память. Он им всё рассказал по десятку раз, но они всё не отпускали и не отпускали его. А он хотел уйти. У киберов повышена скорость мышления, вы знаете?…

— И чем всё кончилось? — грустно спросил я.

О'Лири пожал плечами.

— Я уже восемь лет как сержант. Неосторожное обращение с электромагнитной гранатой.

Я подчёркнуто кивнул сержанту, и набрал другой номер.

— Доктор Торндайк? Вы всё ещё в участке?

— Да, Джек, — и, наверное, тут останусь. Как-то мне неспокойно.

— Тело капитана Трой всё ещё в морозильнике?

— Да… но я вряд ли сумею что-то добавить к тому, что уже сказал.

— Это не нужно. Грузите Линду в фургончик и отправляйтесь на Кинг-Кросс, 1745, это где-то Внизу. Подождёте меня у входа.

— Что ты задумал, Стоун? Шеф знает?…

— Знает, — без запинки солгал я. В конце-концов, это было неважно — с Боровом я всё равно намеревался поговорить. — А вот что я задумал… Видимо, сеанс некромантии.

— Я догадался, — проворчал Торндайк. — Но некромант из тебя аховый. Если прибудешь раньше — не спеши ломиться внутрь, я буду должен сделать несколько закупок.

Я отключил сетевик. Рядом со мной остался только сержант, его подчинённые уже исчезли в недрах грузовика.

— Чтож, раз УВР не возражает, я, пожалуй, поеду, — уведомил я сержанта. — И ещё, О'Лири — я был бы очень благодарен, если содержимое моих телефонных разговоров дойдёт до контрразведки не раньше, чем они сами спросят.

— Разумеется, сэр! — сержант-рейнджер чётко отдал мне честь, я отмахнулся двумя пальцами и стронул «Бугатти» с места.

Как и следовало ожидать, мощная машина сразу же взяла такой разгон, что остатки моей шляпы остались на посадочной площадке единственным обо мне упоминанием; а я с искренним уважением подумал о военных зенитчиках, благодаря стараниям которых я так ни в кого и не врезался.

А дома объезжать — большие такие — было плёвым делом даже для меня.

Вождение гравицикла оказалось делом увлекательным —

вроде слалома на склоне градусов этак в 80. Чёртов «Бугатти» предоставлял мне возможность покинуть сей бренный мир каждую секунду, и к тому моменту, когда я, заложив лихой (и совершенно незапланированный) вираж остановил байк в точке, указанной в навигаторе гравицикла как нужный мне адрес, я промок от пота изнутри не меньше, чем от дождя — снаружи.

И поэтому далеко не сразу оценил архитектуру «Церкви электронного рая». А оценить было что.

Как и следовало ожидать, церковь была возведена под одним из домоградов — но, скорее всего, это было сделано специально.

Здоровенное здание напоминало несколько уменьшающихся в размере прямоугольных коробок, уложенных друг на друга, а эффектно подсвеченные стены из полированного багрово-чёрного гранита создавали полное ощущение того, что я попал в царство Хель.

К сожалению, Торндайк ещё не прибыл, и мне пришлось штурмовать обитель мёртвых душ в одиночку.

— Спасён ли ты, брат? — уже знакомый мне проповедник выступил из царившей у подножия ступенек темноты, но, увидев меня, осёкся.

Надо полагать, что если я привык видеть проповедника на ступеньках родного Управления, то вот вид полицейского на пороге его собственного храма привёл его в ступор.

— Детектив Джек Стоун, УПВП, — небрежно приподнял я болтающийся на груди жетон. — А вот спасён ли ТЫ, брат?…

Представиться проповедник не счёл нужным.

— Пока ещё я не сочтён достойным, — не очень внятно пробормотал он.

— Подозреваю, что сам ты в подобное спасение не очень-то и веришь, — заключил я. — Впрочем, не влияет. Я слыхивал, вы тут проводите мистерии оживления?

Вместо ответа проповедник только поднял руку вверх.

Я проследил направление указующего перста и, поскольку оно полностью совпало с моими собственными умозаключениями, отправился по указанному маршруту.

То есть принялся подниматься по ступенькам лестницы к дверям под ярко синей вывеской «Вход».

Помещение, в котором я оказался, было, надо полагать, молельным залом.

Как ни странно, тут сидело около сотни человек, слушающих проповедь какого-то типа в серой рясе у амвона.

— … прежние религии, — рассуждал он, — не могли гарантировать вам ничего, кроме веры. Вы могли жить по

предписанным вам религиозным канонам, могли нарушать их — но ни один человек в мире не мог сказать, выйдет ли из этого хоть какой-нибудь толк.

Я скользнул глазами по людским лицам — особого пиетета к словам человека в серой рясе на них не читалось, скорее — лишь напряжённое ожидание.

— Мы же гарантируем вам всем твёрдое знание: спасение человеческого разума от тенёт смерти возможно. Человеческую личность можно перенести на электронный носитель и сохранить на жёсткий диск… — тут человек прервался и уставился на меня.

Что ж, чутьё на опасность у него было развито совсем неплохо — потому что я, хотя и не питал агрессивных намерений, охотно бы оторвал проповеднику голову.

Просто для того, чтобы проверить: как быстро он сам взвоет в своём электронном раю.

— Вы хотели что-то спросить, детектив? — достаточно ядовито спросил человек в серой рясе, откинув капюшон.

На «детектива» я не обиделся — нетрудно было догадаться, что встретивший меня у входа уличный пророк оснащён средствами связи.

Я обиделся на внешний вид человека в сером — потому что место этому жутковатому типу было в могиле.

Всё, что держало на ногах этот полуистлевший труп — это моторы экзоскелета и содержимое сверкающего сталью черепа, опутанного клочьями проводов.

— Интересно, может ли программа ВЕРИТЬ в собственные слова? — меланхолично спросил я. — Или она повторяет то, что в неё вложил создатель?

— Я бы предпочёл ответить на вопросы в конце проповеди.

— Больше напоминает лекцию по ликвидации компьютерной безграмотности. Но у меня совсем нет времени.

— И всё же!.. — голос киборга неожиданно заполнил весь зал, заставив резонировать каждый его уголок — и заодно напоминая мне, у кого тут в руках контроль над динамиками.

— Детектив Джек Стоун. Расследую обстоятельства убийства генерала Кларка. Будете препятствовать следствию — вас всех тут на траки намотают. Потом, может быть, даже извинятся — если будет, перед кем.

Программа проповедника в сером умела считать варианты лучше меня.

— Вам следует поговорить с братом Лазарусом, — сообщил мне оскаленный череп. — А я продолжу проповедь.

Я только пожал плечами — мне, собственно, больше ничего и не требовалось.

Более всего брат Лазарус напоминал не основателя культа, а механика-наладчика старых, ламповых ещё, компьютеров — во всяком случае, волосы его были всклокочены на манер Эйнштейна, а рабочие карманы комбинезона забиты всяким инструментом, среди которого я заметил даже парочку гаечных ключей.

Впрочем, основателем культа он назвал себя сам, а мне было недосуг выяснять истину.

— А я-то полагал, что электронный рай действительно расположен на Луне, — спросил я для затравки разговора.

— В принципе, так и есть, — брат Лазарус пожал плечами. — Большая часть информации сгружается в банки данных на спутнике, там она и хранится. Но объём информации велик, поэтом дело это долгое. Впрочем, полагаю, вы, детектив, появились здесь не для того, чтобы стать прихожанином.

— Разумеется, — сухо кивнул я. — Однако несколько вопросов у меня возникло всё равно. Профессиональных.

Брат Лазарус тихо развёл руками.

— Спрашивайте. Полагаю, это лучше, чем допрос третьей степени.

Разочаровывать его я не стал.

— И за счёт чего финансируется ваша организация? Убранство у вас довольно богатое.

— Прежде всего — добровольные пожертвования. Нет, не смейтесь — я попробую объяснить.

— Валяйте.

— Весь этот антураж на входе — так, не более, чем спектакль, смесь любительской постановки в театре ужасов и научно-популярной лекции. Изначально вся эта «церковь электронного рая» есть не более чем огромный сервер для поддержания электронных копий личности, симуляций, если хотите.

— Тем не менее, проповедники у вас есть.

— Ну, людей, на чём-то чрезмерно двинутых хватало всегда, мистер Стоун, — вам ли этого не знать, как детективу? Маньяки, к примеру…

— Маньяками занимается спецотдел. А я больше специализируюсь на мошенничествах и убийствах.

— А, ну да… Так вот, наша церковь существует с пожертвований кибернетических солдат — помните, был такой проект лет сорок назад?

Я не стал уточнять, насколько хорошо мне это стало известно.

Лазарус тем временем продолжал.

— Обычно киберизованные люди дублируют память, структуру мышления — в общем, всё то, что называется симуляцией личности. И, естественно, многие из них — или их родственники — заинтересованы в том, чтобы их личные данные были сохранены после смерти. Именно этим наша церковь и занимается — поддерживает существование симуляций личности, а всё остальное — не более чем создание достойных условий для общения ушедших и живущих. Ну и привлечения новых пользователей, разумеется.

Прочитав следующий вопрос на моём лице, Лазарус замахал на меня руками.

— Мистер Стоун, я с этим, действительно, не борюсь. Но и не пропагандирую! Сращивание мозга с компьютером в зрелом возрасте — процесс очень болезненный, и переживают его не все, и, в конце-концов, эта технология в любом случае находится в ведении Министерства Обороны.

— Кстати, а для чего нужно поддерживать сим-личности постоянно? — решил уточнить я.

— А-а, вот тут-то и начинается самое загадочное, — грустно улыбнулся Лазарус. — Единожды отключенная, такая симуляция перестаёт быть личностью. Просто набор фраз, пристрастий — будто что-то исчезает. Не знаю, что именно — потому что НЕЧТО по прежнему есть — что-то, что тасует все эти данные, пытается что-то сказать, но… больше всего это похоже на безумие.

— «Нечто»? — переспросил я.

— Если хотите, душа. Я предпочитаю термин «фактор Х». Но если честно — я просто не знаю.

— Суеверие, — фыркнул я.

— Нет, факт. Знаете, сколько раз тут у меня непланово что-то коротит, сбоят программы, летят предохранители?… Я вообще стараюсь везде где можно использовать механику — она надёжнее.

— Боюсь, не улавливаю взаимосвязи…

— Понимаете, — голос Лазаруса неожиданно перешёл на шёпот, — Я думаю, что мы таким образом удерживаем в этом мире души. Какие-то электрические сгустки полей… не знаю я физики этого процесса. Но эта физика электрическая — а единственное, на что могут влиять души — это как раз электрические приборы… причём чем ниже мощность, тем больше возможность такого воздействия.

Я задумчиво посмотрел на Лазаруса. М-да, впору уже составлять энциклопедический том «Фольклор профессиональных электронщиков».

Глава церкви — больше всего напоминавший механика-

наладчика — истолковал мои колебания по-своему.

— И понимаете… пока сим-личность поддерживается, она вполне адекватна и разумна, а вот единожды отключенная — остается что-то безумное. И… и злое.

— Ага, ну-ну… — мне тоже стало немного неуютно, и я предпочёл вернуться на более материальное и интересное мне поле. — А если, допустим, такая электронная схема исчезла — можно ли в этом массиве оставшейся информации найти нужную информацию? Ну, биографию там написать, к примеру?

В лице Лазаруса мелькнула искорка понимания — знаем мы, мол, эти ваши биографии! — но ответил он всё так же сокрушённо разводя руками — это, похоже, был самый его любимый жест.

— Я не буду отвечать отрицательно, детектив, но с практической точки зрения это нереально. Мы научились скидывать память личности на электронные носители, но мозг человека всё равно проводит это сбрасывание информации лишь по одному ему ведомым законам. Это каша — всё вперемешку, а многие образы и распознать невозможно, даже самые базовые. Вроде «мама» и «папа».

Каждый такой массив информации будто шифром закодирован, вот только ключ к этому шифру — сама человеческая личность. Поэтому если симуляцию отключают — на её месте и не возникает осмысленной личности. Ключа к памяти нет. Только неизвестные, зашифрованные данные и то… то, что ими пользовалось раньше.

— И воспользоваться этой информацией стороннему человеку никак нельзя?…

— Кажется я понимаю, что вас беспокоит, — на лице Лазаруса загорелось понимание. — Кто именно вас интересует?

— Капитан Линда Трой. Спецотдел «огаста».

— Коллега? — рассеянно предположил Лазарус, обратившись к своим клавишам.

Я задумчиво посмотрел на этого «механика». Неужели он всерьёз не понимал, чем занимается? Может быть, настоящая человеческая душа и не попадала в эту электронную душеловку — я не теолог, и о вопросах веры почти не задумываюсь — но даже мне было очевидно, что копии человека в этом электронном раю приходится не сладко.

Впрочем…

— А этот ваш лектор в Зале? Он копия, или пока ещё не покидал наш бренный мир?

— Т-800? Это программа. Достаточно тупая, кстати. Если что-то выбивается за привычные рамки, он тут же сигналит мне.

Лазарус вчитался в буквы на экране и хмыкнул.

— Ну что ж, детектив, думаю, вам повезло. Линда Трой действительно присутствует в нашей информационной базе. Но… — Лазарус с хитрецой посмотрел на меня — Дело в том, что в общении с электронными личностями есть ещё одна проблема.

— И какая же? — вяло спросил я, предчувствуя подвох.

Но Лазарус начал издалека.

— Ещё один часто встречающийся в общении с сим-копиями феномен — это синдром отрицания внешнего мира.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Дело в том, что многие сим-личности часов через восемь-десять после смерти отказываются выходить на контакт. Вообще.

Лазарус помедлил.

— И даже в самом лучшем случае, единственное сообщение, которое вы от них получите, будет — «Отпустите меня».

Я внимательно посмотрел на Лазаруса, но он, видимо, всяких взглядов навидался. В конце концов, он же этим зарабатывал.

Вот и утратил чувство самосохранения.

— И что вы предлагаете? — вкрадчиво спросил я. — Ведь, как я понимаю, мистерии оживления вы проводите не реже одного раза в неделю?…

— Есть способы… э-э… повысить стремление электронной личности к общению. Но они очень э-э… энергоёмки.

— А это не после таких способов у вас полтергейст начинается?… — уточнил я. — Сколько?…

— Триста юаней, — судя по всему, Лазарус решил много не заламывать. — Понимаете, этот процесс требует специальных знаний…

— Значит, ты можешь вызывать духи умерших из этого их электронного ада. Пригрозив повышенным напряжением.

— Не совсем так… — возможно, Лазарусу очень хотелось бы сказать что-нибудь про секрет фирмы или коммерческую тайну, но я не дал совершить ему такой глупости.

Наручников у меня при себе не было, но плохим же был бы я копом, если бы не умел обойти это досадное обстоятельство.

Собственный пояс Лазаруса, петлёй захлёстнутый на одном его запястье, переброшенный через его шею и намертво затянутый на втором сковал его не хуже смирительной рубашки.

— Я тоже владею таким умением, — сообщил я, вытаскивая из кармана сетевик. — Сейчас я тебя познакомлю с одним очень общительным духом, который будет очень рад поговорить с тобой!

Я надавил на клавишу вызова и злобно гаркнул в трубку.

— Док! Торндайк! Где тебя черти носят, в конце-то концов?..

Кляп Лазарусу я вставлять не стал, так что к моменту появления доктора Торндайка он уже банально сорвал голос, угрожая мне всякими карами, от перечисления которых побледнел бы и Торквемада, и теперь только разевал рот, будто выброшенная на берег штормом рыба.

К счастью, все нужные мне распоряжения Лазарус отдал еще раньше, поэтому проблема наличия или отсутствия у него голоса волновала меня меньше всего.

— Что то ты сегодня злобный, Джек, — мельком оценил обстановку Торндайк, когда вошёл в аппаратную.

— Да ладно, док, с чего вы взяли? Единственная вещь, которая совершенно точно заставляет меня нервничать — так это ваше длительное отсутствие!

Торндайк иронически посмотрел на меня из под очков.

— Джек, я должен был сделать кое-какие покупки. В конце-концов, мисс Трой довольно долго… отсутствовала в мире живых.

Оценив мою перекошенную физиономию, Торндайк покачал головой.

— Всё тот же всех подозревающий Стоун. При сохраненной памяти киберсолдата можно вернуть к функционированию. Но это дело пахнет некромантией — и, уж извини служителя покойницкой за прямоту — пахнет в буквальном смысле.

Поскольку моё лицо стало ещё более кислым, я поспешил прервать поток откровений доктора.

— Про запах я понял… — но закончить не успел.

В усеянную пультами комнату, в которой мы находились, с чертыханиями ввалились двое — в одном я узнал водителя фургончика судмедэкспертизы, вторым был уже знакомы мне проповедник.

Судя по выражению его лица, он всерьёз начал задумываться о карьере убийцы.

Оба тащили носилки с пластиковым мешком, и Торндайк, оценив отсутствие подходящей мебели в помещении, по-хозяйски развернулся к ним.

— Кладите носилки вот на этот пульт, — длань дока указала на единственный более-менее ровный стол.

Отображённая над столешницей виртуальная клавиатура жалобно запищала, когда носилки с телом погрузились в середину дымчатого облачка.

Повисла пауза, когда мы все только смотрели друг на друга, не очень понимая, что делать.

Первым опомнился доктор, повернувшись к своим полудобровольным помощникам.

— Ну всё, ребята, проваливайте. Я буду переодевать даму, а это процесс интимный. Лишние глаза тут не нужны.

Водителя и проповедника дважды просить не пришлось.

Впрочем, я бы охотно к ним присоединился.

Торндайк подкатил к себе кресло, в котором раньше восседал Лазарус и поставил на него тяжёлый кофр с неполиткорректным жирным красным крестом — не иначе, как собственного ровесника.

— А это что за тип? — мотнул он головой в сторону здешнего заправилы.

— Местный настоятель, — отозвался я, как загипнотизированный глядя на чёрный пластик. — Очень не хотел идти на сотрудничество.

— Ну, с тобой, Джек, вообще трудно иметь дело, — рассудительно заметил Торндайк.

— Я подумал, что он может понадобиться для обратной перезаписи сознания Линды в её тело, — пояснил я.

В этот момент поднакопивший силы для новой вербальной атаки Лазарус попытался съязвить.

— А я гляжу, ваш детектив мертвецов боится?

Торндайк коротко посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на толстяка в углу и фыркнул.

— Стоун никогда не стеснялся убивать, сударь. Так что он всего-навсего брезглив. А вот трупный яд в вашем голоске заставляет задумываться — не слишком ли вы долго зажились на этом свете.

Торндайк повернулся ко мне.

— Если что, Джек — имей виду, что это недоразумение нам не понадобится.

Док подошёл к мешку и — р-раз! — одним движением расстегнул молнию.

Я сглотнул, против своей воли подойдя ближе.

Коротко стриженая блондинка с агрессивным, непривычно ярким лицом, казалось, спала.

Торндайк безжалостно повернул голову набок.

Глаза, к счастью, были закрыты.

— Киберсолдата можно реанимировать в полевых условиях. Всё, что для этого нужно — это шунт к электронным блокам памяти, который делается обычно на затылке; загрузочный кабель и… собственно, носитель памяти.

Я содрал с Лазаруса опутывающий его ремень.

— Это твоя епархия, — коротко сказал я. Возражать Лазарус почему-то не стал.

— Сама по себе загрузка — процесс длительный, — тем

временем продолжал ликбез Торндайк. — Поэтому её лучше начинать сразу.

Я не глядя передал кабель, вытянутый Лазарусом из какого-то прибора за спину, доку, а затем проверил, как «настоятель» выбирает в меню пункт «Линда Трой», «оплачено» и нажимает иконку загрузки.

Отпускать его я не собираюсь — я ещё не начал верить в человечество, поэтому просто вяжу его второй раз, и подхожу к доку.

Торндайк крепит на голове Линды Трой обычную спецназовскую видеокамеру и поймав мой взгляд, отвечает.

— Джек, тебе и повезло, и не повезло одновременно. Капитан Трой — киборг на 70 %. Она сможет двигаться, но у неё теперь нет ни глаз, ни органов речи…

Увидев мой взгляд он понимает моё состояние, но цинизм в его голосе не снижается.

— Глаза я прикрыл линзами. Видеть она сможет через видеокамеру, говорить — через динамик рации.

Я, видимо, выгляжу совсем белым. Ох и скверное же это дело — оживлять мёртвых.

Но у меня нет выбора.

— Если что, — скучноватым голосом лектора продолжает Торндайк, — Блоки памяти и сознание у неё располагаются на месте сердца. Про то, что сейчас у капитана Трой в голове док милостиво не упоминает.

— Сознание могут уничтожить электромагнитное излучение или несколько выстрелов из бронебойного ствола в сердце. Лучше всё-таки электромагнитной гранатой.

Торндайк на секунду прервался, сунув в рот сигарету — причем, судя по специфическому запаху, настоящую, дымную.

И ОЧЕНЬ токсичную — не чета Берковской трубке.

— Мотор, который ей сейчас заменяет сердце, гоняет сейчас по кровеносной системе кровезаменитель и полимеризующий ткани коктейль, но главное не в этом, Джек.

Я повнимательнее взглянул на патологоанатома, и он оскалился в ответ.

Ему тоже не хотелось шутить.

— Ты спрашивал, почему я задержался. Так вот, Джек — я заезжал в секс-шоп за костюмом из латекса. Внешние ткани офицера Трой закреплены керопластиком, но только на лице. Так что… её придётся снабдить внешним покровом. Его-то я и покупал. Можно было бы купить аквалангистский, но дайвинговые магазины уже закрыты.

— Деньги я верну, — начал было я, но Торндайк покачал

головой.

— Вряд ли — при твоём образе жизни. Но я обещаю обшмонать твой бумажник перед сдачей вещдоков. Но дело не в этом, Джек. Один я этот костюмчик на кибера не натяну. Понимаешь?…

Я сглотнул.

Подумал.

Плюнул.

И принялся помогать доктору.

Когда зелёная полоска загрузки наконец-то доползла до цифры 100 % мы все сходили с ума, — каждый по своему.

Я добил все леденцы в своей сигаретной пачке, и теперь развлекался тем, что пытался сложить из неё самолётик.

Док Торндайк лихо прокручивал между пальцев скальпель — не видел бы собственными глазами его досье, точно бы решил, что он служил.

Лазарус закрыл глаза и только что-то непрестанно бормотал — неслышно, видно только, как губы шевелятся.

Посмотрев на экран Торндайк резко метнул скальпель обратно в кофр и настороженно посмотрел на тело.

— Стоун, ты, надеюсь, при пистолете?

— А в чём дело? — я решил не пугать доктора информацией об истинном положении дел.

— Далеко не все, возвращённые к жизни таким образом, горят желанием сотрудничать. Чаще наоборот.

Доктор помолчал, покосился на Лазаруса и добавил.

— Я бы даже сказал, совсем наоборот. Посттравматический синдром — желание доделать начатое. У военных, чаще всего, кого-нибудь убить.

— С капитаном Трой я обо всём договорился.

— Этому не всегда следует верить. Если что, два-три выстрела в пах… гм, тазовую область, не позволят ей двигаться. А я сбегаю за топором.

Я хотел что-нибудь съязвить в ответ, но, поскольку и сам был полон аналогичных опасений, воздержался.

В этот момент со стороны пульта раздался шорох.

Линда вставала как ожившая классика фильмов ужасов.

Впрочем, ничего загадочного в этом «дежа вю» не было — собственные мышцы кибера работать уже не могли, а сократительные способности электрополимерных мышц поражают силой, но никак не плавностью работы.

Ну и, понятно, что своего тела капитан Трой не ощущала совсем, поэтому закономерным итогом её вставания было то, что

она рухнула на пол, завалившись на бок.

Мгновенно согнула ноги в коленях, перешла в изготовку для стрельбы с колена, а затем также — по фазам, будто в пособии — заняла стойку Вивера — хоть в учебник вставляй.

— Вшитые программы, — очень тихо пояснил Торндайк.

Но, судя по всему, чувствительность микрофонов камеры у Линды была выкручена на максимум — она мгновенно нацелилась в доктора, затем чуть дёрнулась — видимо, чтобы лучше ловить его в видоискатель.

— Долбанные вшитые боевые программы, — прозвучал её голос из динамика. — Угол обзора камеры не более 70 %. Так что если я кого-то пугаю или шокирую — чертовски прошу извинить. Но я себя не чувствую. Совсем.

— Рад видеть вас в добром здравии, — откланялся Торндайк.

— В добром здравии? Вы в своём уме?

— Мне — можно, — спокойно пояснил док. — Я имею дело только с теми пациентами, которые уже не заболеют. Никогда.

— Патологоанатом, — чётко дала определение Линда. — Меня можете не бояться, посттравматического синдрома у меня нет. Если тот детектив, Стоун, с которым я собиралась пообщаться последний раз, не солгал, последнее действие, которое я совершала — это жгучее желание куда-то доползти. А вот камеру мне поправить не мешало бы. Ч-чёрт, неужели на вашем полицейском складе не нашлось ничего поновее этого старья?

Всю эту фразу Линда выдала без запинки, на одном дыхании — что, учитывая всякое отсутствие у капитана Трой дыхательного процесса, было вполне естественно.

— И всё-таки, прошу вас, делайте паузы между предложениями! — сказал я, шагнув так, чтобы попасть в обзор камеры киборга. — Кстати, со сколькими детективами Стоунами вы общались?

— Стоун, — ровно сказала Линда, видимо, прочитав гравировку на жетоне. — Мы, кажется, мы были на «ты», красавчик. Или ты потерял дар речи от моей красоты?

Я промолчал. Линда недаром тратила свои деньги на лицевую пластику — облитая с ног до головы чёрной резиной с ослепительно ярким лицом — она выглядела невероятно красивой.

Впечатление портили только два бельма линз на лице.

И знание.

Мои славянские гены что-то пискнули о святой воде и осиновых кольях, но не очень убедительно.

Торндайк подошёл к Линде и поправил гарнитуру

видеокамеры.

Линда деловито, хотя и несколько дёргано повращала головой, осматривая помещение.

— Стоун, с тобой вроде ещё напарница должна была быть. Я тебя с ней ещё не поделила.

— А, эта эльфка с мечом! — Торндайк тоже вопросительно посмотрел на меня.

Капитан Трой тем временем перешла из стрелковой стойик Вивера в каратистскую дзенкуцу и я облегченно перевёл дух.

Всё таки трудно разговаривать с ожившим мертвецом, целящимся в тебя хотя бы даже из собственных пальцев.

— А велик ли был меч? — спросила Линда в пространство.

— Ну, на двуручный он всяко не походил, — ответил вместо меня Торндайк. Видимо, счёл, что только от одного моего вида Линда сразу задалась вопросом о том, кто — и чем — убил генерала Кларка.

Но Линда отреагировала мгновенно.

— Двуручный у нас даже маршалу не положен. Просто… вертится что-то такое, что я должна была знать, но — не помню.

— Со временем, может быть… — ляпнул я, и тут же понял, что сморозил глупость.

— Это вряд ли, Стоун. Вспомнить могли бы только безнадёжно мёртвые синапсы моего мозга, а мои электронные файлы — либо помнят, либо нет.

Я пришёл к выводу, что от личных проблем нужно перейти к более глобальным, но Линда уже двинулась — деревянной грацией бывалого каратиста — к тому пульту, за которым восседал Лазарус.

Я посмотрел на Торндайка.

— А всё-таки, почему она так ходит?

Но док ответить не успел.

— Стоун, я тебя прекрасно слышу. Поэтому объясняю — и оставь старикана в покое! Все мои пять чувств сейчас отсутствуют как факт. Если очень доступно — чувство равновесия тоже. Видеокамера, микрофон и встроенный ма-ахонький такой гирокомпас этому делу помощники слабые. Поэтому сейчас работает электронный мозжечок, который управляет моими искусственными мышцами. А программа для этого мозжечка писалась военными и для военных же нужд.

— Стрельба, рукопашный бой и отдание чести, — пояснил мне Торндайк, но схему я уже понял.

— А чего-то попроще им написать ума не хватило? Программу марш-броска, к примеру?

— Есть даже церемониальный шаг — для парадов, —

рассеянно отозвалась Линда. — Ты вообще в курсе, что 90 % мозга только этим и занимается?

— Церемониальным шагом? — тупо спросил я.

— Координацией движений, — ответила Линда, подняв руку.

Из запястья, пробив резину костюма, у неё выскочило острое шило разъёма прямого подключения — которое вполне можно было использовать в качестве оружия рукопашного боя при необходимости.

Воткнув разъём в гнездо на пульте, Линда добавила.

— Поэтому мелкие мышцы искусственными никогда не усиляются. Там ставится только внешняя нейросеть, но мои настоящие мышцы сейчас мертвы, так что нейросети контролировать нечего. Я даже пальцами пошевелить могу не всеми.

— Это всё здорово, капитан, но у нас с вами, кажется, была определённая договорённость?

— Я помню, Джек. Просто меня чуть-чуть напрягает твой славянский акцент. Сейчас, я узнаю последние новости…

Я хмуро посмотрел на Линду и пожалел, что действительно не прихватил оружия.

— Можно подумать, ты их была лишена, пока сидела в этой бутылке, — злобно сказал я.

— Изнутри, Джек, нельзя попасть куда угодно. Изнутри этой бутылки можно увидеть только то, что тебе захотят показать — и только если тебе захотят показать.

Я метнул самолётик из сигаретной пачки в воздух.

Разумеется, далеко он не улетел — зато будет работа местному уборщику.

Док Торндайк задумчиво посмотрел на меня, потом на Линду, а затем принялся собирать свой кофр.

Повернувшись ко мне он только покачал головой, а затем нажал указательным пальцем невидимый спусковой крючок.

Я медленно кивнул — похоже и впрямь Линда добилась реанимации только для того, чтобы закончить какие-то свои дела в этом мире — возможность, которую наверняка ищет любой мертвец.

В этот момент Линда уточнила.

— Доктор, вы давно знаете Стоуна?

— Он двадцать лет в участке отирается, — безмятежно бросил доктор, подхватив свой чемодан и махнул мне рукой.

— Позвони мне домой, когда всё закончишь, Джек. Мне интересно.

Я проводил Торндайка глазами, и снова посмотрел на Линду. Она смотрела чуть в сторону, но вот камера была нацелена точно

на меня.

— Стоун, я должна была всё проверить.

— Можно подумать, ты что-то знаешь, — устало махнул я рукой. — Может хоть поддержать сумеешь?

Горечь моих слов Линда проигнорировала.

— Джек, ПБЗ «Ионный щит» система военная. А значит, и самоуничтожение там имеется — это стандартная, уставом предписанная возможность.

— Как мне объяснили в Институте прикладной геофизики, установки ПБЗ разбросаны по всей стране. Что-то я сомневаюсь, что единичная диверсия сумеет разрушить Купол как факт — и вряд ли «Ионный шторм» рискнёт меньшим.

— Ошибка, Джек. Дело в том, что у ПБЗ есть дублирующий пост управления. Антенны, ретранслирующие сигнал, координирующие работу станций. И если обнулить тамошние компьютеры — нажатием клавиши reset, к примеру, или взрывом электромагнитного боеприпаса — то управление получит тот, кто сможет передать с этих антенн управляющий сигнал. А уж кому, как не создателям ПБЗ знать, ЧТО именно следует передать с этих антенн?

— И где же у военных ретранслятор?

— Вот этого, Джек, я не знаю. Надеюсь, я у тебя не слишком много времени отняла?

— Отработаешь! — я вскочил со пульта, который служил мне седалищем. — Идём.

— Джек… — в голосе Линды прорезалась неожиданная усталость. — У тебя нет при себе случайно эм-гранаты?

Я с серьёзным видом похлопал по своим карманам.

— Это не Крестовый поход, капитан Трой. Впрочем… «Сяо Лун» для ваших целей сгодится?

— Вполне! — хмыкнула Линда. — А ты знаешь, куда нам ехать?

— Нет. Но я знаю, у кого спросить, — бодро ответил я. — К тому же, я совершенно не намерен соваться в это место без оружия.

Я знал, что происходит, и знал, что делать.

Единственное, чего я не знал — так это места действия, но что-то мне подсказывало, что шеф полиции Восточного Побережья такой информацией владеет.

Или, по крайней мере, имеет выход на тех людей, которые могут дать этот ответ быстро и без запинки.

20

Пока я гнал «Бугатти» по опустевшим улицам Кэп-сити, изредка уворачиваясь то от неповоротливых военных флайт-транспортёров, то от лёгких чёрных с серебром акул жандармерии, у меня было время подумать.

Было что-то в действиях «Ионного шторма» демонстративное, — то ли склонность к дешёвым эффектам, то ли что-то от немодного в наши времена рыцарства.

За это говорили и мой разговор с Шаггой-Ильвинским, от которого было мало проку нам обоим, и личное участие белобрысого эльфа в убийстве сенатора Кларка.

«Ионный шторм» открыто шёл на прямое противостояние с отвернувшимся от него миром, бросал ему вызов, норовил совершить невозможное.

То же самое — когда-то давно, лет тридцать назад — сделала и группа «Ионный щит» создав систему противобаллистической защиты, изолировавшую целый континент от любой ядерной угрозы и позволившую диктовать нашу волю всему миру.

Вряд ли они изменились — и мне казалось, что система управления ПБЗ должна была бы быть расположена где-то в известном месте.

Я не думал, что Институт прикладной геофизики в действительности выполнял роль такого центра. Уж скорее — что бы там не говорил и не думал о себе мистер Троллоп — он выполнял роль приманки.

Я усмехнулся. Если бы сейчас я мог ставить только на интуицию, я бы поставил на то, что управление системой ПБЗ будет расположено недалеко от символа САСШ… и вряд ли это будет Парламент или Белый дом.

Но именно сейчас мне меньше всего хотелось ставить на интуицию.

Слишком высоки были ставки.

«Бугатти» я — по старой привычке — уронил перед входом в Управление и целых пять секунд думал, что совершил последнюю ошибку в своей жизни.

То ли шеф поддался общей паранойе, заполнившей город, то ли просто решил перестраховаться — но вход в Управление защищали два древних робота ED-209, в просторечии прозванных «цыплятами».

Люди несведущие обычно считали, что это название приклеилось к ботам из-за характерного двуногого шасси, но я, к

сожалению, этим несведущим не был.

ED-209 называли «цыплёнком» только и исключительно из-за куриных мозгов и крайне ненадёжной системы распознавания кодов. Вот и сейчас оба бота уже успели раскрутить моторы своих шестистволок прежде, чем мой жетон достучался до куриных мозгов роботов.

— Начало опознания, — прогундосил динамик одного из ботов. — Просьба воздержаться от любых движений, которые могут быть расценены как атакующие.

То есть от любых — и дышать через раз.

— А речевые формулы вам наверняка писал какой-нибудь недоучившийся юрист из Гарварда! — буркнул я.

Боты моего выпада не оценили — нечем было.

— Стоун, это военные машины, — подала из-за моего плеча голос Линда. — Моих примерно лет. Если хочешь, я у их поколдую над мозгами…

— Не стоит, — вежливо отозвался я. — У них зарядные ящики миниганов жёлтого цвета. Резиновые пули с ослабленным пороховым зарядом, но при скорострельности три тысячи выстрелов в минуту, поверь мне, никакого отличия от боевых пуль нет.

— Ну, мне то всё равно, — в голосе Линды послышался смешок.

— А мне — нет! — отрезал я.

— Идентификация завершена! — грохнул один из церберов. — Капитан Стоун с задержанной — можете войти!

И развернулся всем телом на узенькой площадке лестницы.

Второй ED-209 явно тормозил — видимо, не хватало быстродействия плат памяти, но, наконец, тоже соизволил повернуться туловом в сторону негостеприимного города.

Одна из лап бота промахнулась мимо ступеньки и, выбив бетонную крошку, чуть сползла вниз.

Мне так и захотелось подтолкнуть робота, заставив его навернуться по ступенькам вниз, но для того, чтобы поставить подножку туше весом в полтонны, требовалось силёнок побольше, чем у меня.

Я вытер пот со лба, и пихнул локтём Линду, по прежнему крепкой хваткой обнимавшую мой торс.

Она, естественно, ничего не почувствовала, и мне пришлось продублировать намёк голосом.

— Капитан Трой, возможности моего транспортного средства не позволяют въехать прямо в участок. Как вы смотрите на то, чтобы проделать это путешествие пешком?…

— Разумеется, капитан Стоун, — вернула мне любезность

Линда. — Кстати, я проанализировала траекторию нашего движения от церкви до участка. Ты неплохо водишь, Стоун. Лихо, но… безопасно.

— Второй раз в жизни за рулём гравика, — похвастался я, чувствуя, как Линда наконец отцепляется от меня и двигается к дверям участка.

Судя по всему, ей как-то удалось договориться со своим электронным мозжечком, потому что походка сделалась более сглаженной… хотя всё равно у меня сложилось впечатление, что случись на пути у Линды препятствие — она бы прошла сквозь него.

Затем я и сам выполз из-за руля байка, потопал затёкшими ногами о бетон. ED-209-е меня невозмутимо игнорировали — пройдя процедуру идентификации я, скорее всего, просто исчез с их сканирующих экранов.

Не дойдя тёх метров до зеркальной двери в Управление, Линда принялась оглядывать себя.

— Лет пятнадцать не смотрелась в зеркало, Джек, — сообщила она, внимательно изучая своё отражение. — А вкусы у тебя, Стоун, фетишистские.

Я замер рядом с Линдой, также внимательно изучив её отражение. Впрочем, поскольку мои собственные мысли для разнообразия шли в масштабе один к одному с окружающим нас временем, у меня это заняло не больше секунды.

Всё тело капитана Трой было облито чёрным блестящим латексом… довольно красноречиво подчёркивающим некоторые особо выдающиеся элементы рельефа. Вырез воротника был низковат, открывая шею, и я чуть поморщился.

— Твой костюм — тайная проекция фрейдистских страданий нашего патологоанатома, Линда. С меня хватит и двух взводов любителей группового секса на вертолётах.

— Ага, — согласилась Линда. — Мы с ним нашли друг друга. В конце-то концов. А шею мне надо чем-нибудь прикрыть.

— Я постараюсь найти тебе плащ, — мягко сказал я и дотронулся до плеча Линды. На этот раз её передёрнуло — моё отражение в зеркальной двери она тоже видела, а реакция электрополимерных мышц не отличается тонкостью. — Идём.

— Ты знаешь, Джек, почему считается, что мертвые киберы не отражаются в зеркалах? — спросила меня Линда, когда мы стояли в камере «звонаря» — на этот раз процедура сканирования заняла полный цикл.

— Понятия не имею.

— Первые камеры, которые имплантировали киберсолдатам не могли взять картинку с монитора и, почему-то, с зеркала.

Потом оказалось, что это технологический брак. Его исправили быстро… а вот поверье осталось.

Я посмотрел на бесстрастное, будто неживое… да нет, действительно неживое лицо, и вновь перевёл взгляд на экран, отображающий ход процесс сканирования. Он был заполнен только на две трети.

И скрипнул зубами.

Дверь в Управление я открыл пинком.

Хорошим — пальцы даже в полимерной скорлупе спецботинка заныли.

Но заготовленная фраза о толстозадых и неповоротливых свиньях из дежурного взвода, которые ленятся лишний раз проверить КТО именно подвергается автоматическому досмотру превратилась в невнятное шипение.

Отчасти от боли.

Отчасти — от того, что обращать эту исполненную пламенного гнева речь было не к кому.

Управление было пусто как вечеринка мышей во время визита кота.

Лишь за конторкой восседал давешний сержант-имбецил с обручем «няньки» вокруг черепной коробки.

Спроса с него, естественно, было никакого, но я всё же подошёл к стойке дежурного и подождал, пока глаза придурковатого не сфокусируются на нашей парочке.

Может быть и зря — потому что глаза сержанта прилипли к капитану Трой и в них появилось выражение нескрываемого ужаса.

Я откашлялся.

— Капитан Стоун, отдел убийств.

Глаза сержанта Фрэзера — судя по нашивке — метнулись ко мне, и вот уже на мне задержались с гораздо большей радостью.

В чётком, разлинованном схемами «няньки» мирке сержанта явно не было места для расхаживающих по улицам живых мертвецов.

— Слушаю вас, сэр! — в голосе сержанта прозвучали нотки искреннего облегчения. Имбецилам нужна компания — они в ней чувствуют себя уверенней.

Впрочем, я этого облегчения не разделял.

— Командира дежурного отделения, — буркнул я, вспомнил правила обращения с техноимбецилами и добавил. — Позовите сюда немедленно!

— Отсутствует! — также чётко отрапортовал Фрэзер. — Капитан Стоун, вам…

— Как это — нет? — опешил я. — У входа стоят два эд-двестидевятых, каждый обязан контролироваться оператором-человеком…

Лицо Фрэзера приобрело несколько обиженное выражение.

— Детектив Стоун, вам…

— Потом, — перебил я сержанта. — Почему никого нет в дежурке?..

— Потому что некого поставить, — сориентировался наконец Фрэзер. — Дефицит персонала.

— Ну что «дефицит» — я заметил, — с мученическим выражением лица сообщил я. Опять вспомнил, что вопросы нужно задавать как можно более конкретные. — А почему этот дефицит вдруг возник?

— П приказу шефа полиции Мак-Магона всем полицейским, несущим патрульную службу предоставлен суточный отпуск с сохранением содержания. Также в этот приказ входит спецназ и все детективы, за исключением тех, кто ведёт особо важные дела.

Я фыркнул. Боров всё учёл — опять Стоун без выходного.

Впрочем, о причинах столь высокомудрого решения вопрошать имело смысл босса, а не дежурного.

— Я могу воспользоваться терминалом? — неожиданно спросила Линда. Я вздрогнул, покосившись на вновь выскочивший из запястья разъём.

— Воспользуйся.

Линда обошла загородку и, видимо уже вычислив, где находится нужный ей шунт, подключилась к сети.

Сержант Фрэзер, рядом с которым она стояла, опасливо попытался отодвинуться как можно дальше — впрочем, отодвигаться было особенно и некуда.

В поисках спасения от нежелательного соседства он посмотрел на меня.

— Капитан Стоун, вас вызывал какой-то патрульный из порта. Брэзерс… или как-то так.

— Возможно, Баррет? — уточнил я.

— Может быть, — лицо Фрэзера вдруг перестало выражать беспокойство, сменившись несколько идиотическим благодушием. Судя по почти прекратившемуся бегу огоньков на обруче «нянька» сержанта отключилась — такое происходило, когда человек слишком нервничал. А сейчас нейроны Фрэзера без привычного подстёгивания вновь вводили его в состояние маразма и безразличия к внешнему миру.

Я вытащил сетевик быстрее, чем в иные дни выхватываю пистолет. Быстро набрал номер патрульного корыта Баррета, и принялся вслушиваться в томительную вереницу гудков.

Наконец в трубке что-то щёлкнуло, и знакомый голос протянул с непередаваемым акцентом.

— Детеектиив Стоун?

— Точно. Вы мне звонили?

— Кому? — искренне удивился голос, и по тону вопроса я понял, почему патрульный Баррет предпочитает обходиться без напарников.

Он был безнадёжно пьян.

— Мне. Детективу Стоуну, — уточнил я сразу же, чтобы пресечь вполне вероятный в таком случае вопрос «А ты кто?».

— А, точно, звонил! — признался Баррет. — Здравствуйте, детектив. Не хотите выпить?

— Не хочу, — отрезал я. На самом деле — очень хотелось вылить на голову патрульному Баррету ведро воды. И отправить патрульным куда-нибудь на юг, поближе к Ацтлану.

Последнее, впрочем, патрульному и без меня могут обеспечить — с такими-то склонностями.

— Ну и не надо, — покладисто согласился Баррет. — Я тут встретился с ребятами… ик… поговорили. В общем, они сказали — была лодка той ночью.

— Они её досматривали?

— Ну… ик… — Баррет на какое-то время умолк. — А может, я тебе телефон дам, и ты сам позвонишь, Стоун? Мировые парни… они тебе сами всё и расскажут…

Я представил себе перспективы общения с ещё одним мировым парнем и понял, что этого не переживу. Моя нервная система и без того была готова учинить всякие чудеса — вроде позыва прямо сейчас пробежаться по стене, предварительно расколошматив сетевик о пульт.

— Баррет. Вы. Можете. Рассказать. В чём. Суть. Дела? — сквозь зубы процедил я.

— А о чём я? — благодушно спросил Баррет, но, видимо, электрические импульсы донесли до него какие-то тревожные флюиды.

— По дороге в порт — конечно… ик… досмотрели! Смешная лохань, пустая, но называлась — «Мейфлауэр»!

— А на обратном пути?

— Не-а, они уже гонки затеяли. Так, курс заметили, для порядка. На остров Благоденствия.

— Вы уверены, Баррет? — спросил я, но в ответ мне из трубки послышалось лишь счастливое посапывание.

Я отключил сетевик и очень тщательно опустил его в карман.

Хотя сильное было желание шваркнуть его о пол.

Итак, остров Благоденствия. Я поставил себе высший балл за

интуицию. Посмотрел на Линду, которая вновь целилась объективом видеокамеры в меня.

— Ты знаешь, куда нам нужно попасть, — утверждающе сказала она.

Ничего удивительного в этом не было — чувствительность микрофонов у неё наверняка была хорошая.

— Знаю, — согласился я. — Ты разберёшься где у нас камера хранения вещдоков?…

— Стоун, — динамик на шее у Линда издал звук, напоминающий смешок. — Ты слишком привык воспитывать молодёжь. Я же ТУТ работала, не забыл?…

— Вот и отлично, подождёшь меня рядом. Внутрь попасть не пытайся — сержант Свэггер тебя съест и даже косточек не выплюнет.

— Постараюсь не вступать в конфликт, а просто соблазню парня, — в голосе капитана Трой прозвучала ирония. — А что мы будем делать потом?

Я ткнул рукой в сторону компьтерного оборудования.

— Место рандеву — остров Благоденствия. Добудь какие-нибудь карты… поновее, хотя, думаю, в этих руинах лет двадцать никто не появлялся.

Я обвёл взглядом помещение, посмотрев на Линду, на Фрэзера, находящегося в состоянии полной гармонии с окружающим миром — так, что у него из уголка рта свесилась струйка слюны, на пустой холл…

И почувствовал, что меня плавно накрывает своим крылом состояние той предрешённости, которую недавно — буквально несколько часов назад — видел у Айви.

Интересно, в чём ошибся я?…

Оставалось только доложить боссу.

Когда я ворвался в кабинет босса, я был готов рвать и метать. Предрешённость предрешённостью, но раньше в числе множества неприятных привычек шефа не водилось стремления подставлять подчинённых.

Поэтому когда я вошёл в «аквариум» Борова его взгляд отскочил от меня будто старинное пушечное ядро от броненосного крейсера.

— Вы знали, что подсунули мне в напарники контрразведчицу! — обвиняющее сказал я.

Боров тяжело вздохнул, посмотрев на какую-то бумагу, которую держал в руке.

— Знал, — наконец признал он. — На других условиях полицию к расследованию бы и не допустили.

Носком ботинка я подцепил приблудившийся в кабинете стул на магнитной подушке и оседлал его, отгородившись от босса толстой спинкой.

— И что, сильно мы от этого выиграли? — ядовито поинтересовался я.

— ТЫ мне расскажи, — потребовал Мак-Магон.

— А стоило бы предупредить!

— А что, это сильно сказалось на результатах расследования? — Роджер Мак-Магон — свершилось! — отвёл глаза в сторону. — Я и так старался вытащить эту занозу из твоей задницы.

— Маллинсон с его идеей «мужа и жены», — догадался я. — Нечего сказать, оригинальная идея. Действует только на зелёных стажёров — а уж если военные кого-то поставят на это дело, то вряд ли эта девочка будет отличаться стеснительностью. Вот уж не думал, шеф, что в вас так свежи воспоминания о собственной патрульной молодости.

При последних словах Боров поморщился, но промолчал. Впрочем, мой список был длинным, как мутировавшая анаконда из лесов Амазонии.

— В конце-концов, почему я, шеф? Я же совершенно не ориентируюсь в политических склоках! Нашли бы кого-нибудь помоложе.

— Джек… — Боров наконец-то назвал меня по имени. — Это, как ты выразился, действительно политические склоки. Голосование, эльфы, военные… Всё в одной куче. А кто у нас сейчас занимается политическими расследованиями?

— Жандармерия.

— Именно так. А из этого дела уши полковника Ван Даглера торчат на милю. Я мог быть уверен только в тебе. Именно потому, что тебе наплевать на политику.

Я покривился.

— Когда-то было не наплевать.

— Я знаю, — Боров улыбнулся. — Читал твоё досье.

Он переплёл пальцы рук и откинулся на спинку кресла, глядя на меня чуть ли не снисходительно.

— Вся эта история изначально была в тени власти — слишком крупная фигура была убита, слишком серьёзные интересы были затронуты… Поэтому мне и показалось забавным поручить расследование в Тени — «тени». Человеку, который настолько мал, что про него никто ничего толком не знает. Помогло.

Рассуждать на эти темы я и босс могли бесконечно, поэтому я лишь безразлично спросил.

— Вы распустили копов по домам, босс.

— Джек, по городу носятся броневики, армия и жандармерия вот вот вцепятся друг другу в глотку… а завтра нам всё равно выходит на работу. Мне не хотелось бы подписывать извещения о смерти нашим ребятам, которые могут влипнуть в эту разборку.

— Н-да, — протянул я. — Вот только покамест выходит, что в разборку влипну я. А я, честно говоря, рассчитывал на наших спецназовцев.

Боров внимательно посмотрел на меня.

— Давай-ка по порядку, Джек. Что ты выяснил?

— Можно и по порядку, — покладисто соглашаюсь я.

Какое-то время собираюсь с мыслями, и начинаю рассказывать.

— В принципе, дело простое, как три юаня. Первопричиной событий стало ожидаемое в Парламенте голосование за отмену Апрельской поправки.

— «Кто воет, тот и голосует»…

— Именно. А единственный институт, который от неё выиграл — это лобби отставников в Парламенте, с которым я, по счастью, совершенно не знаком; да Управление по делам бывших военнослужащих.

Босс покивал головой — всё это, конечно, новостью для него не было. Но нетерпение босса я игнорировал — мне важно было самому не сбиться.

— В общем, исход голосования был предрешён заранее — и, понятно, что не всем это нравилось.

Я посмотрел на задремавшего босса, и не удержался от продолжения политического ликбеза.

— «Новое человечество» — то самое лобби отставников — это, в основном, военлорды старых генных модификаций. У них продолжительность жизни большая, так что в случившемся для них трагедии как таковой нет — есть время придумать что-то ещё. Но генетика не стоит на месте… а может, с самого начала не стояла — просто сроки подошли только сейчас. И «Новое человечество» в спину подпирает модификация «эльф», представителей которой сейчас в армии гораздо больше, чем в полиции. Да и времени — больше, причём, по слухам — в разы. Эльфы никуда не торопятся, просто потихоньку занимают все ключевые посты в силу естественной убыли политической элиты.

— Хм… Жаль, что я не эльф, — буркнул Боров из под полуприкрытых глаз.

— Но ситуация осложняется тем, что исконная вотчина «Нового человечества» — жандармерия. Их боевой отряд, так сказать. А там генетические модификации таковы, что редко кто

перешагивает рубеж тридцатилетия.

— Так что им приходится спешить, — в голосе Мак-Магона звучит интерес. — И вот тут-то сенатора Кларка — и лидера «Нового человечества» — убивает эльф.

Я не обращаю на босса внимания.

— И вот в этой-то ситуации Ван Даглер готовит провокацию.

— Доказательства?

— Если будете перебивать, вообще ничего не узнаете, — злорадно парирую я, и продолжаю.

— Сначала мне тоже показалось, что схема простенькая. Кларк убит эльфом — при этом Ван Даглер наверняка рассчитывал прикончить убийцу на месте, убрав исполнителя собственноручно. Элитары вводят военное положение, наверняка проводят под шумок аресты самых назойливых из недовольных, и Апрельская поправка существует вовеки… ну или, по крайней мере, ещё какое-то время.

— Похоже на правду, — лицо Борова безразлично, но цена этого безразличия мне известна. Шеф ждёт доказательств, согласно которым можно будет кого-нибудь арестовать.

— Схемка хорошая, но неправильная, — говорю я, и вот теперь в лице Борова просыпается настоящий интерес.

— Во-первых, Ван Даглер совершенно не стремится у личной власти, и на место своего босса не метил. Убийство обескуражило его не меньше, чем, например, меня — а я то в тот момент о наличии внутренней механики и не подозревал.

— Чужая душа — потёмки… — говорит Боров, но я отмахиваюсь от этой банальности.

— Во-вторых, большую часть голосов в Конгрессе — и как раз в силу той самой Апрельской поправки — дадут именно эльфы. И она всё равно была бы отменена. И уж, тем более, — это можно считать третьим пунктом — в такую шитую белыми нитками провокацию они не поверили бы всё равно.

— Они и не поверили, — подтверждает босс.

— Верно, и приставили к нам девчонку-соглядатая.

Босс хмыкает одобрительно, а я морщусь. Не сообщать же начальнику, что эта мысль прорвалась к моему мозгу через гормональную блокаду совсем недавно — не иначе как под воздействием укола военмедика Дженкинса.

— Стерлинг… она действительно казнила убийцу сенатора?

— Именно так, — подтвердил я. Не знаю точно, почему. Может быть, действительно искренне верила в первую версию — о том, что провокация состоит именно в том, что Кларка убивает эльф. Может быть, ещё проще — убирала любой след, ведущий к эльфийскому анклаву. Был один показательный инцидент в

порту…

— Я не видел рапорта…

— Потому что я его не писал — некогда было. Тот склад, на котором всё и завертелось, крышевала одна вампирская группировка. Босс сболтнул, что что-то он там такое видел — ну и Айви вырезала всех, до кого смогла дотянуться.

— И что же он видел?…

— Я и Стерлинг были там вдвоём… Подозреваю, что скорость выпиливания была прямо пропорциональна остроте моего слуха.

— Джек, ты бы изъяснялся попроще…

— Свидетель был убит раньше, чем хоть слово произнёс.

— Подозрительно это всё… — изрёк босс гениальную догадку, но, заметив красноречивое выражение моего лица, понял что поддержан в этом начинании не будет. Только рукой махнул — продолжай, мол.

— В общем, всюду вокруг меня буйствовали корпоративные интересы. Интересно, нет ли у эльфов своей политической партии — «Новая раса» какая-нибудь, к примеру…

Шеф поморщился.

— Единственное, чего я не понял, — покосился на Борова я, — так это почему операцию по зачистке хвостов Ван Даглер проводил в компании с военными.

— Полковник временно отстранён от руководства жандармерией, а деятельность Управления по делам бывших военнослужащих приостановлена в связи с проверкой Сената. Так что у Ван Даглера сейчас руки связаны.

Мак-Магон внимательно посмотрел на меня.

— Но из твоих слов, Джек, я пока ни черта не понял.

— Как минимум, один свой человек у Ван Даглера был вполне себе с развязанными руками. Снайпер, положивший за два выстрела из своего слонобоя два десятка человек. Но из всех этих убитых нас интересует только один — тот, в кого снайпер целился. И, к сожалению, попал.

— И это?…

— Мистер Ву. Мафиози, который провёз в страну ту самую партию наркотиков, с которой всё и началось.

— Да, верно, — Боров потёр виски. — Я уже, признаться, и забыл, с чего всё началось.

— Можете и не вспоминать, — утешил его я. — «Шёлка» там было немного, исключительно для того, чтобы было чем занять фантазию таможенников. Держу пари — в протоколе досмотра записано что-нибудь вроде «партия наркотиков, спрятанная в партии промышленного оборудования», но… Нас интересует то, к чему «шёлк» был довеском, то самое «промышленное

оборудование». «Сяо Лун».

— «Сяо Лун»? — непонимающе переспросил босс.

— Это такая военная бомба для уничтожения электроники.

И, поскольку понимания на лице шефа не прибавилось, я пояснил.

— На исход голосования об отмене Апрельской поправки не повлияло бы ничто. Поэтому провокация, затеянная Кларком и Ван Даглером — а я нисколько не сомневаюсь, что сенатор Кларк во всём этом участвовал, хотя доказательств, конечно, никаких — была намного изящнее. Удайся она, армии бы ничего не осталось, как стиснуть зубы и поддержать «Новое человечество». Потому что они решили имитировать диверсию в системе противобаллистической защиты «Ионный щит».

— Ч-чёрт! — только и смог выругаться Боров.

— Вот именно. Р-раз — и в дамки. Пришлось бы вводить военное положение, приостанавливать действие Конституции, — в общем, повторилась бы история 12-летней давности, когда Апрельскую поправку ввели впервые. И всё это, разумеется, под громкие фанфары речей о патриотизме и новом этапе в обеспечении безопасности САСШ.

— Но военное положение ведь и так ввели!..

— Да, но — заметьте — В ПОДДЕРЖКУ голосования, а не за отмену его. План Ван Даглера (о мертвецах или хорошо, или ничего — так что оставим сенатора Кларка в покое) дал сбой.

Роджер Мак-Магон не сказал ничего — он весь обратился в слух.

А мне стало скучно.

— Обеспечением безопасности ПБЗ заведует как раз жандармерия — так сложилось со времён ещё Управления Домашней Безопасности. Поэтому Ван Даглер знал только одну кандидатуру на роль организатора и исполнителя теракта на ПБЗ — группу активистов «Ионный шторм», которая, собственно, и стояла у истоков создания ПБЗ.

— Они давно не давали о себе знать.

Я покосился на Борова, но понял, что он, в принципе, наверняка знаком с такого рода документами, в которые любопытному детективу Стоуну доступ не откроют никогда — даже после его смерти. И продолжил.

— С лидером группы, Ильвинским, я разговаривал на другой день после убийства Кларка. Он, впрочем, не представился.

— А каков был предмет беседы?…

— Да я сам не понял. Возможно, он одинок. Или хотел привлечь сторонника. Не знаю — да уже и не важно; потому ничего я из той беседы не извлёк. И даже личность собеседника

установил случайно. Речь о другом.

Я крутнулся на кресле и вскочил — сидеть, положительно, сил не было.

— Этим ребятам был предоставлен шанс — и они воспользовались им на всю катушку. Провезли в страну «Сяо Лун». Для отвлечения внимания и общей неразберихи убили Кларка — как никак именно он руководил Институтом Прикладной геофизики. Хотя я готов поставить на что угодно, что основной целью был Ван Даглер.

— Но убийца — действительно эльф…

— «Белый волк»? — я пожал плечами. — Я вам даже больше скажу — сам Игорь Ильвинский — гоблин. Так что если у вас есть допуск к досье на группу «Ионный шторм», вы его наверняка опознаете. Вряд ли там есть много эльфов-альбиносов.

Мак-Магон побарабанил пальцами по крышке стола.

— Доказательств, естественно, никаких?

— Откуда бы им взяться? Мистер Ву убит снайпером, Белый волк зачищен эльфкой. Кроме того, что-то мне подсказывает, что у нас нет времени на сбор доказательств.

— Они… «Ионный шторм» действительно может уничтожить ПБЗ? Как?…

— Ну, они же всё-таки её создали, верно? — рассудительно предположил я. — Дело в том, что согласно существующему протоколу безопасности сейчас — покуда на место сенатора Кларка не назначен официальный преемник…

— А это дело долгое, потому что дело политическое… — бормочет сам себе Боров.

— … ПБЗ работает в автоматическом режиме через резервный командный центр. А он, ввиду полной его секретности попросту забыт — залит бетоном и вымаран из документов.

— Начинаю понимать, — кивнул босс. — Взорвать этот «Сяо Лун» и запустить какую-нибудь программу самоуничтожения.

— Вот именно, система-то военная, — подтверждаю я. — А даже если самоуничтожения у неё и нет, полагаю, те, кто эту систему создал, знают про своё детище достаточно гадостей, чтобы отправить её в тартарары.

— Вопрос только в том, где этот резервный центр… — бормочет босс, колдуя пальцами над сенсорной клавиатурой монитора.

— Не трудитесь, — говорю я, поднимаясь со стула. — Это на острове Благоденствия. Именно туда отвезли «Сяо Лун».

— Так, тогда я вызываю спецназ… Ч-чёрт… — Боров осёкся, когда вспомнил, что собственноручно отпустил всех по домам.

— Вызывайте, — благодушно киваю я от двери. —

Попробуйте ещё у военных помощи попросить. Как там, кстати, фамилия того генерала, который клялся, что голосование в Сенате пройдёт без помех?

— Стерлинг… — говорит Боров, и лицо его приобретает неожиданно глупый вид.

— Да, — подтверждаю я. — До меня тоже дошло далеко не сразу. Быстро чьи-то дочурки карьеру делают, а?..

Только сейчас до моего шефа доходит, что его подчинённый куда-то собирается.

— В запой? — иронизирует шеф.

— Что-то мне подсказывает, что спецназ опоздает, — безмятежно говорю я. — Но если что — передайте этим олухам, что я буду рад, если они хоть раз успеют вовремя.

— Мне кажется, что торопиться тут не следует, — осторожно говорит Мак-Магон.

Я усмехаюсь.

По-волчьи.

— Мне тоже наплевать на ПБЗ. Но Шагга может стать свидетелем обвинения — и как такового я намерен его арестовать. Пока его не зачистили. Потому что Ван Даглер там будет.

И хлопнувшая дверь отрезала меня от босса.

Мне было плевать на ПБЗ, политику, интересы правосудия и Шаггу — но вот ухмылку превосходства с лица полковника Ван Даглера я был готов стереть с превеликим удовольствием.

— Стоун, это тело говорит, что оно с тобой, — приветствовал меня сержант Свэггер, когда я вошёл в камеру хранения вещественных доказательств.

Я посмотрел на «тело» — Линда привалилась к стене и безразлично сверлила слепым взглядом одну ей известную точку в пространстве

Впрочем, этим сержанта Свэггера было не пронять, этим он здорово напоминал нашего штатного патологоанатома. Единственным предметом, который выдавал его отношение к происходящему был древней двустволкой четвёртого калибра, выложенная им на приёмный стол.

И я нисколько не сомневался, что столь явная демонстрация вызывалась лишь двумя причинами: невозможность быстро извлечь это артиллерийское орудие в случае необходимости во-первых, и предостережение для Линды во-вторых.

— Это капитан Трой, спецотдел «Август», — пояснил я. — Она старше тебя по званию.

— Только не после того, как поплавала на ладье Харона.

Здесь она только на побывке — а у меня, между прочим, отчётность.

— Точно, сарж, — протянула Линда. — Но мог бы и пощадить мои чувства.

— А вы могли бы пощадить мои, — звание Линды всё же произвело на Свэггера некоторое впечатление. — Мне теперь всю ночь будут сниться кошмары с вампирами.

— Думаю, ты это переживёшь, — беззлобно огрызнулась Линда и переключила внимание на меня.

— Ну что, Джек, исповедался шефу?

— Исповедался, — признал я. — Правда, в очередной раз выяснил, что поддержки ожидать не приходится. Придётся выкручиваться самим.

— А что, планируется веселье? — с интересом посмотрел на меня Свэггер.

— Скорее, похороны… Так что я намерен ограбить всё твоё хозяйство.

— Чтобы меня ограбить, двенадцатитонного грузовика не хватит, — подмигнул мне сержант. — Что будете грабить, детектив? Арсенал или камеру вещдоков?

— Весь антиквариат, какой найдёшь. С патронами, разумеется. — сказал я. — Кстати, как вышло, что ты остался в управлении? Босс ведь сказал, что пусть жандармерия и армия сами между собой разбираются.

— Ну, после того, как Мак-Магон приказал выкатить двестидевятых к центральному входу, я сразу понял, что такой спектакль ни за что не пропущу. А вы, детектив, я вижу, всё таки решили влезть в эти разборки?

— Выбора особого нет, — я поразмыслил чуть, и поправился. — Вернее есть, но вмешаться очень хочется.

— И я в этой вечеринке тоже участвую, — оторвалась от стены Линда. — Так что мне нужны две стандартные спецназовские камеры с углом обзора градусов в 170.

Линда выдержала хорошо рассчитанную паузу.

— А ещё мне нужен какой-нибудь плащ.

— Вы и так неплохо выглядите, мэм, — галантно протянул сержант.

— Этот престарелый некрофил всё время пялился на мои титьки, — пожаловалась Линда. — Я подозреваю, Джек, что если бы ты не появился вовремя, он изнасиловал бы меня, угрожая своим дробовиком.

— А он не мой! — обиделся Свэггер. — Просто вчера арестовали очередную группу виджилантов, приехавших в Кэп для истребления «богомерзкой заразы», генемодов, то бишь. Так

что это так… конфискат.

— Надеюсь, у тебя в конфискате найдётся что-нибудь поинтереснее, Эрл.

— Состав противников? — перешёл Свэггер на деловой жаргон.

— Неопределён. Совершенно точно — один военлорд с компанией; как минимум один снайпер, наверняка все — с аппаратурой обезоруженной зоны. Так что и нам потребуется что-то аналогичное.

Свэггер прокряхтел что-то относительно нелёгких способов самоубийства и удалился внутрь своего царства. Нас он внутрь не пригласил — в некоторых вопросах сержант был страшным формалистом.

— Стоун, ты думаешь, тебе удастся кого-то арестовать? — иронически спросила Линда, пока мы ждали сержанта.

— А я и не собираюсь никого арестовывать, — меланхолично ответил я. — Я подожду, пока все перестреляют друг друга, а потом арестую оставшегося.

— Ван Даглера?

— Ван Даглера.

— Ты уверен, что он останется в живых?

— Ну, не думаю, что он будет искать достойной смерти в зачистке свидетелей. Он же не знает, что я намерен его арестовать.

Возможно, Линда хотела что-то добавить, но в этот момент появился Свэггер, толкая перед собой тележку из супермаркета, доверху забитую всякой всячиной. Судя по большому жёлтому ярлыку, прикреплённому спереди к решётчатой корзине, тележка тоже была вещественным доказательством.

— Ну-с, мамочка вернулась с покупками, — поощряющее улыбнулся сержант. — Разбирайте, детишки. Хотя акты о списании мне потом придётся писать до Нового года.

Как ни странно, в хозяйстве Свэггера обнаружился и просторный кожаный плащ, в котором Линда едва не утонула, и даже затемнённые спортивные очки.

Последнего я не понял, но Свэггер пояснил.

— Детектив, киберы, возвращённые по той или иной необходимости к жизни на наших улицах, может быть, и редкость. Но вот военлорды с ними встречались. Так что дайте себе и подруге шанс прожить несколько лишних секунд.

Я подумал, и согласился — белые контактные линзы на глазах у Линды выдавали её природу лучше всех прочих индикаторов.

Затянул ремни крепления обзорных камер, обычно

используемых для трансляции картинки с поля боя в тактический операционный центр, подсоединил шунты.

— Отлично, — лаконично доложила Линда. — Видимость почти 270 градусов.

— Будут проблемы с прицеливанием, — предупредил Свэггер.

— Знаю, — отозвалась Линда. — Главное, чтобы не было проблем с оружием.

Вместо ответа сержант выложил на стойку автомат с характерно изогнутым магазином.

— Спорим, он ещё председателя Мао помнит? — только и сумел сказать я, глядя на АК 47 китайской — судя по иероглифам на затворе — сборки.

— За это не поручусь, конечно, — ответил сержант, выкладывая ещё один магазин и десяток патронов россыпью. — Но столетний юбилей справил точно. Это из вчерашнего конфиската, не успел ещё оприходовать…

— И наверняка подумывал о том, не украсит ли этот экспонат твою собственную оружейную коллекцию, не так ли, сарж? — укреплённые на горле Линды динамики издали подобие смешка. — А что получит наш Ланцелот?

— Игольник. Единственная толковая пушка, которую успели выпустить до того, как начался весь этот маразм с обезоруженными зонами.

Я взвесил большой угольно-чёрный пистолет в руке.

— Калибр, конечно, детский, 4,6 миллиметра. Но — электрический спуск, безгильзовый боеприпас, 50 патронов в магазине, скорострельность такая, что человека пополам распилить может.

— Пойдёт, конечно, — без особого восторга я засунул шедевр высоких технологий за брючной ремень. — Вот только не вижу сменной обоймы.

— В комплект не входит, детектив. Да и вне комплекта тоже — уж очень редкий ствол.

Свэггер чуть помялся, а затем расстегнул собственную кобуру.

— Возьмите ещё мою артиллерию, детектив. Пригодится.

Я прикинул в руке вес кольта 45 калибра и опустил его в карман плаща. В другой карман легли две запасные обоймы.

Спору нет, я предпочёл бы нечто более лёгкое в управлении и скорострельное, но в том-то и была проблема, что выбирать было особо не из чего.

Последним сержант достал из тележки небольшой чемоданчик с помаргивающими на боковой панели зелёными

огоньками.

— Обезоруженная зона наших спецназовцев. — сообщил сержант. — Глушит любое чипированное оружие в радиусе полукилометра. От военных поможет не очень — у них оружие не слишком умничающее, а вот от прочих вооружённых хулиганов может пригодиться.

Я подхватил чемоданчик левой рукой, а правую протянул сержанту. Свэггер осторожно пожал её, а потом также молча отдал мне честь.

Я кивнул в ответ, и бодро зашагал к выходу.

За мной, задевая плечами углы на поворотах, шла Линда и тихо материла председателя Мао, русскую оружейную промышленность и ещё, почему-то, Голливуд.

Чем ей не угодил городок, вот уже как полста лет находящийся на дне Тихого океана, так и осталось для меня загадкой.

21

Статуя Благоденствия долгое время служила для САСШ разновидностью громоотвода.

Согласно учениям едва ли не всех террористических движений Мусульманской Лиги, да и у многих западных неосимволистов, разрушение статуи должно было неминуемо подорвать моральный дух каждого жителя САСШ.

Благо, находился этот объект в стороне от более привычных целей, и охранялся не так, чтобы очень. В конце двадцатых годов очередной фанатик всё-таки добился своей цели, превратив статую в разновидность Венеры Милосской, для разнообразия — без головы.

Опытным путём подтвердив и без этого очевидную, в общем-то, идею: наш моральный дух кроется в чём угодно, но только не в этом монументальном кошмаре, преподнесённом стране в дар не в меру экспансивным скульптором из Джорджии.

Лучше бы он Форт-Нокс ограбил — вот тогда внимание ему было бы гарантировано.

Так или иначе — статую было решено не восстанавливать в пропагандистских целях, а через пару лет после того все свободные финансы Ковчега стала забирать система ПБЗ. И видеоролики с видом руин острова Благоденствия немало поспособствовали выделению бюджетных денег на ПБЗ.

Так что кто выиграл в конечно счете — большой вопрос.

Руины же обнесли колючей проволокой, назвали мемориальным местом и — оставили до лучших времен… которые за прошедшие тридцать лет так и не соизволили наступить.

Впрочем, кроме руин Благоденствия теперь на острове было расположено антенное поле генераторов плазменного щита. И, как выяснилось, резервный центр управления ПБЗ.

Сердце дракона, в которое направил свой удар Шагга.

Ещё один Дон Кихот, сражающийся с ветряной мельницей.

Мне, впрочем, было наплевать и на Дон Кихота, и на его мельницу. Мне нужен был свидетель обвинения — и я намерен был его заполучить.

Гравицикл я уронил по старой полицейской привычке прямо перед контрольно-пропускным пунктом.

Инерция мышления видать, не иначе. Возможностей «Бугатти» вполне хватило бы для того, чтобы перевалить колючую проволоку под током в любом другом месте.

Хотя, с другой стороны, плана охраны спецобъекта я не

видел, и нарываться на неизвестные мне сюрпризы не хотелось. Лучше разбираться с предсказуемыми.

В темноте, начинавшейся сразу за небольшим одноэтажным строением КПП смутно угадывались контуры гигантского останца из позеленевшего бетона.

— Пустынно что-то… — неожиданно высказалась из-за моей спины Линда.

Я ни черта не видел — всё таки, глаза из плоти и крови несколько уступают линзам видеокамеры. Но поверил — это совпадало с моими собственными предположениями.

— За охрану резервного центра Ван Даглер отвечает. Думаю, он позаботился об отсутствии лишних глаз… И вообще, наслаждайся экскурсией в центр могущества САСШ. Останки статуи, согласно путеводителю от 2035 года «возвышаются в центре огромного поля, усеянного решётками антенн, оберегающих покой и благоденствие жителей САСШ вместо прежних бетонных идолов».

— Угу, — оценила Линда после недолгой паузы. — И сочинили всё это для того, чтобы пудрить мозги туристам.

— Но красиво написано, — возразил я.

— Джек, я не читаю старьё, напечатанное до моего рождения.

— Сейчас уже никто не читает, — признал я, спрыгнув с гравицикла.

Похоже, охрана КПП только этого и ждала — у раздвижных дверей в здание сразу же возникло трое аборигенов. Один нежно баюкал в руках зенитную установку.

Приглашение было недвусмысленным, и я направился к ним.

Вся троица была обряжена в бронежилеты с эмблемами какого-то охранного агентства, что меня не удивило. Контракт на охрану этих руин был выгодной синекурой и любой военлорд, способный нанять десяток мордоворотов — и имеющий соответствующие знакомства, разумеется! — мог бы его получить.

Что, видимо, и произошло: во всяком случае, амуницию эти охранники точно покупали на распродаже военного имущества, потому что бронежилеты были подогнаны скверно. А тот, что держал в руках пусковую установку бронежилет на себя и вовсе только накинул — на его широких плечах даже самые «безразмерные» ремни для подгонки едва ли бы сошлись.

Но служебного рвения на лицах было написано столько, что хватило бы на дивизион не подрастерявших иллюзии новобранцев. Бравым ребятишкам явно хотелось доказать, что они вовсе не команда разгильдяев и бездельников.

Как и следовало ожидать, при ближайшем рассмотрении все трое оказались бывшими профессиональными спортсменами, что

оставляло мало надежды договориться. Мозги сильной стороной этих ребят никогда не были, а я, в свою очередь, никогда не был силён в перевоспитании профессиональных дубов.

Убить и то проще.

Спорт сейчас — совсем не то, что под этим понимали в прошлом веке. На классический спорт — без применения допингов, кибернетических органов и протезов, с полным запретом на генетическую модификацию сейчас смотрят так, как он того и заслуживает.

Презрительно.

В самом деле, как ещё можно относиться к «национальным» командам, состоящим из негров и бразильцев, покупаемым за политические дивиденды победам и прочим моментам, превращавшим спорт в гигантское рекламное шоу, а не состязание?

Вот тогда-то правила и сделали более зрелищными, разрешив химию и электронику — и спорт стал ареной для сражений фармацевтических фирм, имплантационных центров и генетических корпораций.

Я быстро определил самого опасного из всей тройки — худощавого и низкорослого, такие побеждают в основном за счёт химической стимуляции. Во рту он что-то перекатывал, скорее всего — капсулу чего-нибудь бодрящего.

Того же «вихря», к примеру.

Второй, казалось, состоял из одних протезов, и я пожалел об отсутствии в своём арсенал чего-нибудь, похожего на «луддит» Ван Даглера.

Ракетчик при ближайшем рассмотрении, как и следовало ожидать, оказался орком.

— Закрытая зона, — вяло проскрежетал киборг.

Любитель стимуляторов оказался ещё более конкретен.

— Проваливайте. Здесь не место для ваших «паучьих» игр.

Ага, охранники, кажется, приняли меня и Линду за любителей городского лихачества.

— Детектив Стоун, Управление полиции Восточного побережья, — представился я. — Мне необходимо видеть старшего на объекте.

Что-то мне подсказало, что я выбрал некорректный тон. Понимать нормальную речь эти громилы явно разучились… если когда-нибудь вообще умели. Но, заслышав вежливо-просительные нотки в моём голосе, они явно сочли, что смогут легко от меня отделаться.

— Я старший! — очень спокойно сказал любитель допингов, и вдруг оказался рядом со мной, нависнув всеми своими тремя

сантиметрами превосходства в росте.

— Свали, парень, ты понял? Говнюки из полиции здесь не нужны!

— Возможно, они нигде не нужны, — скрежетнул владелец искусственных конечностей. Видимо, этот скрежет должен был означать смех.

Это он зря.

Не люблю наглецов.

Совсем.

Потребителю боевой химии я впечатал лбом по кратчайшей дуге в основание носа, сворачивая этот дыхательный агрегат в сторону со всей силой, которую добавили сюда поясница и занимающие широкую стойку ноги.

В голове привычно зашумело, но противнику было куда хуже — поскольку в следующий такт я подбросил его вверх ударом колена, и сразу же опустил пятку на подъём его стопы.

И с наслаждением повернулся, превращая мелкие косточки в месиво.

Старший рухнул на землю мешком тряпья, скорчившись в рефлекторном желании скрыть то, что у него ещё осталось в паховой области — но совершенно зря. Если парень не помрёт от болевого шока, то в самое ближайшее время ему придётся подзанять имплантатов у своего киберизованного приятеля.

Тот дёргался, хотя всё ещё стоял на ногах — голову ему Линда продырявила первой, а теперь для подстраховки прострелила все сочленения. Орк-зенитчик уже лежал на спине — судя по всему, с него Линда начала.

Я, наконец, услышал сухой треск выстрелов, начавших звучать полторы секунды назад — что поделаешь, память и слух в таких ситуациях работают очень странно.

Я пинком свалил остатки киборга на землю, но этого явно было недостаточно, и тогда я зарычал.

Воздух рвался наружу из моей груди минуты две, неизвестно как там появляясь, но я почувствовал, как вспышка внезапно набежавшей ярости меня отпускает, и потому последние секунд тридцать взрыкивал уже просто так, исключительно для собственного удовольствия. Затем тряхнул головой, разгоняя клочья кроваво-красного тумана, всё ещё плывущего перед глазами, и до меня дошёл вопрос Линды.

— Что-то не похожи мы с тобой на сотрудников полиции при исполнении служебных обязанностей.

— Не похожи, — подтвердил я, растерянно озираясь.

Меня раздражал какой-то визгливый звук, доносящийся снизу, и до меня наконец дошло, что это любитель допинга,

певший о своей утрате — как и положено, фальцетом.

Моя голова тоже ещё болела от сотрясения, но покачнувшаяся реальность уже щёлкала замочками своих краёв, надёжно обхвативших мою персону.

Я прицелился и резко ударил химича в основание шеи, расслышав характерный хруст переломанных позвонков.

И моё время побежало по другому измерению.

— А что в рапорте писать будешь? — не то чтобы Линду сильно интересовал это вопрос. Она, похоже, просто издевалась.

— Это не охранники, — ответил я, когда мы подошли к бетонной коробке КПП.

Шли не скрываясь — если у троих привратников и была компания, она свой шанс присоединиться к общему веселью не использовали.

Линда не переспрашивала, но я всё-таки пояснил.

— Бронежилеты явно с чужого плеча, и нацепили их впопыхах. У орка в руке — китайский ПЗРК, тоже не та вещь, которая входит в стандартную охранническую экипировку…

Читая эту никому не нужную лекцию я вошёл в помещение, и тут мой голос осёкся — сначала я проверил углы, а затем ещё раз внимательно посмотрел на то, что лежало в центре.

— Две гранаты, — оценила Линда ситуацию. — Вакуумные, иначе было бы полно крови.

— Сам вижу, — сказал я. — Незачем было собираться всей сменой в одном помещении.

— Всей — вряд ли, с этих-то броню никто не снимал. Их сюда согнали. Кстати, Джек, — давай всё-таки первой в комнаты входить буду я.

— Можешь словить пулю.

— Как и ты. Но мне это уже ничем не грозит, — парировала Линда.

Вместо ответа я махнул рукой в направлении следующей двери, которую кто-то благоразумно прикрыл.

Линда дверь даже не заметила — просто прошла вперёд, отшвырнув полотно всем корпусом.

Через секунду послышался её голос.

— Чисто, Джек.

Я вошёл, мельком окинув помещение взглядом.

Прямо напротив меня на стене висел металлический аптечный ящик, но тем, кто лежал на полу он бы уже не помог.

Трое, без бронежилетов, убиты совершенно одинаково — в затылок.

— Судя по всему, идейные соображения не мешают твоему

террористу людей убивать, — прокомментировала моя напарница увиденное.

Я пожал плечами — мне было не до морализаторства.

— А я не говорил, что он исповедует идеи пацифизма.

— Да и союзники у него интересные, — вспомнила Линда компанию у входа.

— Наёмное мясо, — пояснил я. — Как правило, любой вышедший в тираж профессиональный спортсмен сидит на какой-нибудь наркоте. Всегда нужны деньги, всегда нужна доза. Боевики-смертники. Расходный материал.

— Стоун, не учи учёную — я же из отдела по борьбе с наркотиками. Если хочешь, я сама тебе лекцию могу прочитать.

— Воздержимся. Лучше проверь оружейку.

Я подошёл к огромному, во всю стену, окну, открывающему вид на ровные ряды грубо сваренных решёток-антенн, готовых в любой момент раскинуть над городом зонтик из раскалённой плазмы.

И прогреть атмосферные массы над континентом, устроив стихийное бедствие где-нибудь в Евразии.

Мой взгляд упал на небрежно расстеленный на подоконнике план, придавленный опрокинутой фляжкой.

Я взял фляжку, понюхал — в ноздри шибануло незнакомой мне химией — и отбросил её в сторону. Травиться неизвестным стимулятором мне совершенно не хотелось.

План — судя по легенде, изданный ещё в годы строительства ПБЗ рябил малопонятными значками электрических схем, но главное было вполне очевидно даже таком далёкому от техники и картографии человеку, как я.

Резервный центр управления ПБЗ находился на вершине разрушенной аллегории Благоденствия.

А сама ситуация привела меня в ступор — я просто непонимающе смотрел на карту, пытаясь оценить факт её обнаружения.

Ловушка?

Или приглашение?

— Эт-то что ещё за хрень? — прервала мои размышления вышедшая из оружейки Линда, уставившаяся мне за спину.

Я оглянулся.

Над решётками ионного щита вставало синеватое марево, потрескивающее искрами электрических разрядов.

Мои действия и действия Линды были одинаковы и почти синхронны — мы оба прижались спинами к стене по обе стороны от окна.

«Почти» синхронными — потому что Линда стояла дальше, а

электромускулы действовали сильнее и резче. Она впаялась в стену как пушечное ядро.

— Позвоночник цел? — только и спросил я.

— Мне уже всё равно, — огрызнулась Линда, — В окно выглядываю я, мне терять нечего.

— Вуаля, — я прижал два пальца к краю несуществующей шляпы, предоставив право первого ход Линде.

Напарница резко выглянула в проём, не озаботившись более никакими правилами, да так и замерла.

На секунду мне показалось, что в неё попали из чего-нибудь — настолько долго она стояла неподвижно. Затем Линда медленно сказала.

— Всё чисто, Джек. Взгляни… мне кажется, ты должен это увидеть.

Я перекатился под подоконником и выглянул в зазор между Линдой и краем оконного проема, выставив только глаза и ствол — всё как учили.

Затем медленно поднялся на ноги, поражённый увиденным.

Впрочем, смотреть на это я предпочёл по-прежнему из-за плеча Линды — ей всё равно, а я вполне мог предположить наличие прикрывающего снайпера.

Стены-антенны от поданного напряжения превратились в синеватые полотнища, осветив территорию комплекса призрачным синеватым светом. Но всё это было ничем по сравнению с разломленным небом, в котором невидимый котёнок играл с разноцветными полотнищами небесных штор.

— Северное сияние, — лаконично сообщил я.

— Какой ты неромантичный человек, Джек, — пожаловалась Линда. — И, кстати, прекрати лапать мою задницу.

В этой инсинуации, естественно, не было и грамма правды, но я всё же отодвинулся.

— Мне жаль, что всё так случилось, — я посмотрел в бездонно-мрачные, как чёрные дыры, стёкла очков.

— Вряд ли бы мы с тобой встретились при других обстоятельствах, — Линда склонила голову чуть набок.

Я хмыкнул невесело — опять забыл, что видит Линда не глазами.

Какое-то время мы помолчали, а затем я прокашлялся.

— Что с оружейкой?

— Как и следовало ожидать — все стволы только легальные. Наша глушилка задавит их без труда. А значит и проку от них не больше, чем от палок.

Я улыбнулся.

— Чего лыбишься, Стоун? — сварливо сказала Линда. —

Между прочим, компания у входа, знаешь ли, была вооружена военными интеллектуальниками — а это дерьмо списали на склад раньше, чем приняли на вооружение. Во время электромагнитных помех там осечки идут через два выстрела на третий, а помехами считается даже буря на Солнце.

— Метеочувствительное оружие, — усмехнулся я. — Впрочем, мне на самом деле, не смешно. Просто раньше я всегда считал, что оружие можно у кого-нибудь отнять.

— Ну прямо как мой сержант в Форт-Гарварде, — звук, который издали динамики Линды я бы определил как фырчание.

Ну, примерно.

— Жаль я не был знаком с твоим сержантом, — рассеянно сказал я. — Пустили бы его вперёд — на манер минного трала.

Линда оценивающе посмотрела на меня и покачала головой.

— Для этого, Стоун, ты хлипковат. Впрочем, думаю, он смог бы тебя десантировать прямо в центр творящегося за окном безобразия.

— Честно говоря, я не уверен, что нам туда, — я поднял упавшую во время перемещений у окна карту и разгладил её на подоконнике. — Я тут нашёл интересную бумагу, но уж очень похоже на ложный след.

Моя напарница посмотрела на бумажный план лишь мельком, но я нисколько не сомневался в том, что схема оказалась надёжно запечатлена в блоках памяти.

— Даже если след и ложный, место указано правильно, — пожатие плеч в исполнении Линды выглядело также, как и разминка боксёра перед матчем.

— Мне казалось, что разумнее было бы разместить резервный центр управления в каком-нибудь бункере. Поглубже под землёй.

— Разумнее — да, — подтвердила Линда. — На этой дилемме не один генерал инженерных войск рехнулся. Видишь ли, дело в том, что ионный щит для радиоволн непроницаем. С обеих сторон — помехи слишком сильные.

Я посмотрел в окно, на искрящие электрическими разрядами решётки.

Линда поняла мой взгляд совершенно правильно.

— Вот именно. Антенны генераторов на земле, ионный щит — где-то там в стратосфере. Можно, конечно, пустить подземный оптический кабель до Аляски, но это дорого и небезопасно. А можно использовать систему лазерных передатчиков сигнала — но для этого луч должен идти НАД землёй, и, желательно, повыше. Так будет меньше мороки с ретрансляцией.

— И значит…

— Да, да, — перебила меня Линда. — Именно на вершине

статуи Безголового Благоденствия.

— Меня беспокоит то, что маршрут на карте проложен именно туда.

— Джек, — терпеливо сказала Линда, — Я тоже полицейский. Но сейчас уже нет расследования, идёт боевая операция. И я тебе скажу — когда я была в Крестовом походе, я и не таких совпадений навидалась.

Я пожал плечами.

— Ну, выбора-то у нас нет, верно?

— Выбора?… — Линда замерла, что-то обдумывая. Затем подошла к аптечке.

Один удар прикладом — и дверца отлетела на петлях в сторону, а напарница вытащила из недр банку подозрительного люминисцентно-зелёного цвета.

— Джек, ты не поможешь открыть? — попросила она.

Я с сомнением взял этот пузырёк и откинул крышку.

Несколько капсул размером с перепелиное яйцо и неизвестным содержимым — никаких этикеток, информирующих о содержимом на банку предусмотрительно наклеено не было.

— Что это?

— Судя по цвету — протектор магнитного излучения. А судя по чипу, который пищит со дна этой баночки о её содержимом, цвет не обманывает. Ты должен проглотить три капсулы.

— Зачем? Не думаю, что у нас большие шансы пережить эту ночь.

— Затем, что я вышибу тебе мозги прямо сейчас — если ты этого не сделаешь!

Я поморщился от децибел и забросил в рот первую капсулу. Ощущение было такое, будто она застряла прямо в пищеводе.

— Глотай, глотай, Джек, — подбодрила Линда, — Сразу предупреждаю — изжога будет жуткая, зато твои дети получат шанс появиться на свет без третьей руки.

— В моём возрасте о детях уже не думают, — возразил я, проглатывая третью капсулу.

— А зря, — грустно сказала Линда. — О них лучше подумать до того, как окажешься на том свете.

На это мне возразить было нечего.

Хотя от маленькой мести я всё же не удержался.

Хлопнул Линду по попке, когда она повернулась ко мне спиной.

Антенны эффекторов поля под напряжением больше всего напоминали сотканные из тумана стены.

Туман, конечно, модерновый, цвета «электрик блю», но

полностью скрывающий даже саму решётчатую паутину каждой антенны — не говоря уже о том, что могло скрываться за каждой из этих стен.

Я и Линда сразу же подумали об одном и том же.

— Включили всю эту красотень, конечно же, не ради нас… — сказала Линда. — Но в этом тумане слишком уж хорошо охотиться.

Я посмотрел вверх, в темноту, куда уходила статуя.

— Главное, чтобы у них не было снайпера. Но и на месте нам задерживаться не стоит.

— Я иду в передовом охранении, — обозначила Линда ордер нашего движения, и я не стал возражать — помаргивающий зелёными огоньками прибор «обезоруженной зоны» изрядно оттягивал мне плечо, будучи подвешен на импровизированную лямку из скотча.

Катушку самого скотча отрезать было некогда, и она свисала с рукоятки диковинным приспособлением.

Проблема заключалась в том, что при всей любви военных к порядку хлопот с передвижением хватало.

Казалось бы, всего ничего — знай себе, иди по прямой, как стрела аллейке между рядами наклонных решёток-антенн, любуйся северным сиянием над головой, да не забывай по сторонам оглядываться — чтобы какой-нибудь хитрец, вздумавший тебе устроить засаду, не выскочил неожиданно тебе во фланг.

Вот это-то нас с Линдой и беспокоило, поэтому мы частенько поворачивали в сторону, прежде чем вернуться к основному курсу — чтобы сбить со следа возможных охотников.

Я не думал, что у Шаги слишком уж много людей, однако та группа, на которую мы налетели первой, меня неприятно удивила.

Я как раз шёл по радиальной аллейке, а моя напарница, державшаяся метрах в пятнадцати передо мной свернула в боковой проход между антеннами.

В этот момент из соседнего бокового прохода — разминулись они с Линдой буквально парой секунд — выскочило пятеро.

Все — в костюмах армейской химзащиты, по которым я сразу определил всё тот же самый наёмный контингент из бывших спортсменов-профессионалов.

Только эти титаны мысли могли поверить в то, что комбинезон химзащиты способен защитить их от электромагнитного поля.

Но с реакцией у них, впрочем, было всё в порядке. По крайней мере, тот кто возглавлял колонну успел взять меня на

прицел.

Наверное, успел бы и выстрелить, но я не даром волок на себе аппаратуру. Человек в противогазе растерянно уставился на осекшееся оружие, а я тут же хлестнул, не целясь, очередью из «игольника», и закатился в ближайший боковой проход.

Залп, который пришёлся в оставшийся на месте прибор превратил его в куски электронного хлама, а я уже бежал по соседней радиальной дорожке.

Радиальная, боковая, радиальная, боковая…

Я понял, что вот-вот потеряю ориентацию среди всех этих электрических стен. Но, по моим расчётам, я уже был в нужном мне боковом проходе — с тем, чтобы выйти моим доброжелателям во фланг.

Ухватив пистолет двумя руками — кучность при стрельбе очередями из этого «вундерваффе» была никакая, а одиночного режима он вовсе не имел — я резко выкатился за угол, пересчитав рёбрами каждую выбоину давно растрескавшегося асфальтового покрытия.

И практически нос к носу оказался с таким же умельцем.

Вот только повезло мне чуть больше. Мой ствол оказался прижатым к капюшону его комбинезона, а вот его длинноствольный агрегат уткнулся цевьём в моё правое плечо.

Мой противник даже стрелять не стал ввиду бесполезности такой попытки, он лишь отшатнулся — может быть, для того, чтобы поднять руки вверх, может быть для того, чтобы высвободить пространство. Только лёжа, да ещё в перекате это у него плохо получилось.

А я разбираться не стал — мне было не до сантиментов, где-то рядом находилось ещё четверо его товарищей, и я выжал спуск до конца.

Даже короткая очередь из «игольника» — пять патронов.

Стараясь не смотреть на обезглавленное тело, я нырнул в следующий боковой проход, подсознательно ожидая ещё одного стрелка.

Пусто.

Направление я знал, и осторожно ступая по старому асфальту двинулся туда, где последний раз видел группу «охотников».

Оттуда затрещали характерные короткие очереди АК47, кто-то выкрикну «Сука!», в ответ на что прозвучала очередь подлиннее.

Возражений не последовало.

Скорость шага я не прибавил ни на йоту — быстро двигаться хорошо, когда воюешь в одиночку, а уж выскакивать на линию огня напарника — и вовсе верх глупости.

Ну-с, что там, за стеной электрического пламени?

Я принялся нарезать угол, и в этот момент на меня выскочил ещё один противник с испуганным выражением лица.

Свою очередь в лицо он получил от меня чисто рефлексивно — в таких случаях сначала лучше выстрелить, и лишь потом подумать.

— Стоун, ты? — прозвучал из-за стены голос Линды.

— Точно, — отозвался я. — Я видел пятерых, убил двух.

— За мной трое. Но у меня проблема — я потеряла сменный магазин.

— Выхожу! — предупредил я.

Линда промолчала, что в принципе было понятно.

Если уж стрелять нечем.

Картинка, открывшаяся передо мной меня нисколько не удивила.

Плащ Линды превратился в нечто очень ажурное — судя по всему, в неё выпустили очередь из автоматического дробовика.

Сам дробовик валялся у ног моей напарницы рядом с телом какого-то ублюдка, которому Линда вбила ствол автомата в рот.

С такой силой, что пламегаситель почти полностью вышло из затылка.

Поняв, что я смотрю на неё, Линда автоматически коснулась своего лица.

Впрочем, движение всё равно вышло резковатым, будто она хотела схватить себя за горло.

— Он… сильно меня повредил? — спросила она.

— Практически не задел, — утешил я напарницу. — Твой плащ показался ему гораздо более угрожающей мишенью.

— Это хорошо, — меланхолично сказала Линда, стряхивая тело со ствола.

Я мельком посмотрел на других убитых. Один, по видимому, был убит в самом начале аллейки, а вот до этой парочки Линде пришлось дойти.

— Что с патронами? — я вложил в руку Линде «игольник». Забрал автомат, отомкнул магазин, проверил патронник.

Пусто.

— Магазин был в правом кармане плаща, — напарница хлопнула себя по боку.

Я проверил карман, быстро обежал глазами аллейку.

— Скорее всего, выпал. Отлететь мог куда угодно.

— Жаль, чёрт побери, — в голосе капитан Трой прорезалось нескрываемое огорчение. — Может быть, оружие этих уродов сгодится?

Я поднял с земли дробовик, затем с сомнением посмотрел на

полностью автоматический «игольник» в руках Линды и присел наземь.

В стрелковых качествах моей напарницы впору было усомниться.

— Старые пушки, очень старые, — авторитетно заявил я, отбросив дробовик и пистолет-пулемёт второго в сторону после недолгого изучения. — Хорошие модели — ещё тех времён, когда безопасность ещё не была общественным делом.

— Короче, Джек. У меня от этого места волосы дыбом стоят. У тебя, кстати, тоже.

Я провёл рукой по волосам, ощутив под пальцами вздыбленную и потрескивающую корону. Со стороны мы наверняка смотрелись очень потешно, вот только смеяться не хотелось.

Совсем.

— Это старые интеллектуальники, капитан. Они работают от дактилоскопического ключа. Единственный способ их использовать — отрубить палец у владельца и нажимать им на курок. С дробовиком и это не сработает — там стоит датчик температуры тела.

— Ясно. В другом кармане плаща были патроны россыпью. Если уцелели — переснарядишь магазин?…

«А куда я денусь?» — хотел было сыронизировать я, но воздержался. Не знаю, нервничают ли электронные симуляции личности, но проверять мне это не хотелось.

Я скрестил ноги по-турецки и аккуратно принялся вкладывать патроны в магазин.

Один.

Второй.

Третий.

Четвёртый.

Этот тип был явно другой породы, чем первая пятёрка. Двигался легко и мягко, как кошка, а в руках держал старый-старый интеллектуальник «Армагеддон», самозарядную винтовку войскового снайпера.

Я наблюдал за происходящим как в замедленной съёмке.

Пятый.

Я по инерции загоняю в магазин последний патрон.

Тип замечает нас и начинает разворачиваться, вскидывая винтовку к плечу.

Линда открывает огонь из «игольника», но первая очередь лишь выбивает асфальтовую крошку под ногами владельца «Армагеддона».

Раз — и я присоединяю магазин к горловине патронника.

Два — голова противника обзаводится новым отверстием посреди лба.

Три — Линда корректирует прицел, и грудь уже убитого кем-то стрелка с «Армагеддоном» расцветает россыпью мелких точек, быстро сливающихся в одно красное пятно. Overkill, сверхуничтожение.

Четыре — практически одним движением я передёргиваю затвор и перевожу рычажок предохранителя в положение «одиночные».

Оружие Линды издаёт требовательный гудок, означающий, что магазин пуст.

Пять — метрах в тридцати за спиной убитого взрывается микрометеорит, выпущенный из уже знакомой мне снайперки.

Шесть — напарник снайпера с кургузым МП-11 вылетает из-за туманной стены эффектора поля, а на кончике ствола уже пляшет огненный цветок.

Несколько пуль с характерным чавканьем влепляются в тело Линды, а затем полёт автоматчика натыкается на мою пулю.

— Попал, — констатирую я, и укатываюсь с линии снайперского огня в боковую аллейку.

Линда без особой грации прыгает за мной.

— Я на секунду подумала, что живая, — сказала Линда, когда мы оказались хоть под каким-то прикрытием.

В боковых аллейках снайпер нас видеть не мог. Впрочем, пока снайпер, засевший на крыше КПП — судя по траектории выстрела — держал нашу сторону.

— Поэтому и промахнулась? — спросил я, дозаряжая магазин.

Опасное место эти электрические джунгли! Того и гляди кто-нибудь выскочит.

— Сильные помехи, Джек — от антенн. Камеры не дают чёткой картинки.

— Главное — ты справляешься, — сказал я, проверяя, не содержит ли каких-нибудь сюрпризов свэггеровский кольт.

— И выбрось ты, наконец, эту железяку! — не выдержал я, ткнув в издающий требовательные гудки с равномерностью метронома игольник.

Линда отбросила пистолет в сторону, и я вручил ей автомат.

— Похоже, у нас появился союзник, — поделился я результатом своих умозаключений. — Работает на команду Ван Даглера, а это значит, что в нашем забеге мы пока лидируем. Судя по всему, полковник использует нас как трал, прокладывающий ему дорогу.

— У тебя же на него зуб, — в голосе Линды прозвучала

ирония. — Быть может, мы идём не в ту сторону?

Я хмыкнул.

— Как раз наоборот — если мы попробуем повернуть, снайпер займётся нами. Впрочем, я не поверну.

— Так хочется предотвратить взрыв на ПБЗ?

Я пожал плечами.

— Мне хочется арестовать Ильвинского. Лучше даже после взрыва — тогда Ван Даглер точно сгорит на стуле.

Линда мои слова никак не прокомментировала.

И мы двинулись к статуе Благоденствия.

На всякий случай — зигзагом.

На вершину статуи Благоденствия я и Линда добрались старинным русским способом — пешком по лестницам опоясывающих статую лесов.

Можно было, конечно, воспользоваться и лифтовой клетью, но я резонно рассудил, что уж рядом с лифтом нас точно будет ожидать засада — либо вверху, либо внизу.

Я бы на месте Ильвинского поступил бы ещё проще, попросту взорвав лифт, но мне казалось, что как раз Шагга так поступать не будет. Человек, вызвавший ионный щит из небытия намеревался отправит его обратно — и, судя по всему, был не против зрителей на своих похоронах.

А я не очень рвался ему мешать… на что, судя по всему, Шагга и рассчитывал — когда мы беседовали с ним в баре.

Когда я, выставив перед собой кольт, пересчитал последние ступеньки, отделявшие меня от вершины, я опешил.

Сказать по правде, я ожидал, что резервный центр управления ПБЗ будет выглядеть более… обихожено, что ли.

Я же оказался в руинах.

В окружающей меня ночи немилосердно дул ветер, заставляя плащ хлопать, как сорвавшийся с рифов в шторм парус.

Впрочем, того, что нас услышат можно было не опасаться — свист в ушах стоял такой, что даже турбинам реактивного лайнера пришлось бы постараться, чтобы его перемочь.

Прямо передо мной раскинулась металлическая площадка, обрамлённая короной из острых бетонных зубов-сколов, возникших в тот момент, когда статуя благоденствия лишилась своей головы от удара гружёного взрывчаткой вертолёта.

На противоположной стороне этой площадки виднелись решётчатые конструкции лифтовой шахты, возле которой маячил часовой.

А слева от нас площадка просто обрывалась в пустоту, открывая вид на сплошную стену света, образованную огнями

Кэп-сити.

Я уже было шагнул на стальные плиты перекрытия, но Линда дёрнула меня за рукав.

— Не подходи близко к краю, Джек. Там ты будешь представлять отличную мишень для снайпера. А необходимости в нас у Ван Даглера больше нет.

Я согласился со сказанным — мои глаза уже приспособились к особенностям местного освещения, и я разглядел в нескольких шагах от себя тело человека — по всей видимости, того самого корректировщика, который наводил на нас стрелков Шагги.

Судя по всему, снайпер Ван Даглера снял его недавно — убедившись, что больше боевиков у Ильвинского не осталось.

Я мягко шагнул вперёд.

Весь пресловутый резервный центр управления уместился на небольшом пятачке перед лифтом.

Ветра здесь практически не было, так что всю работу по тайному проникновению взял на себя я, предоставив Линде возможность страховать меня с дальней дистанции.

В точность её стрельбы мне верилось слабо, но беззвучно подкрасться к террористам она тем более не сумела бы.

Один из них — в чёрной косухе и коротко стриженый угрюмо сгорбил плечи и безотрывно смотрел в сторону лифтовой шахты ожидая появления оттуда не иначе как морского чудовища.

Сам Шагга-Ильвинский возился у объёмистого цилиндра, видимо и бывшего пресловутым «Сяо Луном». Рядом с цилиндром был открыт люк с вытащённым оттуда ворохом разноцветных проводов — там, судя по всему, нашёлся бы разъём на любой случай.

Современному террористу вовсе не нужно проникать внутрь охраняемой зоны — он вполне может сделать это извне.

Ещё один участник вечеринки — девушка в сенсорных браслетах программного оператора и чём-то, похожем на костюм для подводного плавания — смотрела в синеватое нутро голографического шлема и время от времени отдавала какие-то команды — хотя со стороны это напоминало разновидность индийского танца.

Больше никого не было — я, впрочем, выждал минут десять на всякий случай, но вся троица была поглощена своими занятиями.

Поняв, что ждать больше нечего я проверил предохранитель кольта, и плавно выступил из дотоле скрывавшего меня сумрака.

— Полагаете, вам удастся изменить мир? — спросил я негромко.

Тот парень, что караулил лифт, сделал попытку повернуться в мою сторону, но выстрел над головой отбил у него всякую охоту совершать любые телодвижения. Программистка рассеянно вынырнула из своего электронного морока, оценила обстановку, и вернулась к работе.

Оружия на ней не было — совершенно точно! — а останавливать её я не стал.

Танцевала девушка красиво, а вот судьба «Ионного щита» мне была совершенно безразлична.

— Я не идиот, Стоун, — Шагга затянул какой-то маховик на корпусе «Дракона» и повернулся ко мне. Руки он развёл пошире, показывая, что в них ничего нет.

— Однажды придуманную технологию уничтожить нельзя, детектив. Но… новую ПБЗ будут строить лет двадцать как минимум. Я хочу дать человечеству шанс.

Я скривился.

— Не люблю высоких слов, господин Ильвинский. Наш с вами спор уместнее бы смотрелся парой дней раньше, в баре.

— Вряд ли вы захотите меня остановить, Стоун, — Шагга улыбнулся.

— Вас только трое? — перешёл я к насущным вопросам.

— Как видите. Прочих я отослал, чтобы не мешались.

— Они уже никому не помешают, — сухо сказал я, и меня вновь передёрнуло от воспоминания — обезглавленный очередью игольника труп спортсмена.

Я посмотрел на незадачливого часового.

— Ты, у лифта! Положи свою дуру на землю и отойди к стене, живо!

— Выполняй, Ричард, — подтвердил Шагга.

Выбритый затылок повернулся ко мне, в лицо оказавшись относительно молодым гоблином, в чертах лица которого явно прослеживались черты семейного сходства.

Ричард опустил на землю винтовку и держась ко мне лицом отошёл почти в полутьму.

Карман Ричарда Ильвинского оттопыривался так явно, что я даже не стал это комментировать.

Держите Стоуна за идиота — не удивляйтесь, если старый хрыч преподнесёт вам сюрприз.

— Линда, чисто! — крикнул я в темноту и вновь посмотрел на Ильвинского.

— Пистолет я опущу, — предупредил я. — Но не советую вам играть со мной в ковбоев. Стреляю я всё равно быстрее.

— Этот момент мне бросился в глаза первым, Джек, — согласился Шагга.

Я перевёл взгляд на танцовщицу-программиста.

— Чем она занимается?

— Шейла? — переспросил гоблин, покосившись мне за спину. — В принципе, уже ничем. Выполняет роль предохранителя бомбы.

— Угу, — безразлично сказал я. — Чтож, мистер Ильвинский, официально зачитывать вам права я вам не буду. Сам понимаешь — выбор у тебя невелик. Либо тебя арестовываю я — и тогда ты выступаешь свидетелем на процессе против Ван Даглера, либо тебя здесь и похоронят. Может, даже мемориал сделают. Получится красивая строчка в путеводителе.

— Да ты идеалист, Стоун, — усмехнулся Шагга. — Неужели ты полагаешь, что полковника вообще допустят до суда? Даже если его захотят снять с поста — его проще будет убить. Меньше вопросов.

— Измена Родине — серьёзное обвинение, — возразил я. — Может быть, под это дело кого-нибудь и судят — чтобы впредь неповадно другим. Но вообще-то, Шагга, ты же понимаешь — для тебя это единственный шанс выбраться с этой крыши живым.

— И меня будет ждать то же самое обвинение, — меланхолично сказал гоблин. — Джек, я не отступлю. Управление климатом могло — и должно было! — стать благом для всей планеты. Заставить всех нас понимать, что мы действительно в ОДНОЙ лодке. А мы закрылись в своём ковчеге, и нам наплевать на остальной мир… но ведь миру не наплевать на нас.

— Я не люблю пафоса, Шагга.

— А это не пафос, Стоун. Наша планета и впрямь стала тесной для людей — чего же удивляться тому, что каждый человек имеет своё видение глобальных проблем? И старается решить их в меру своих возможностей и разумения?

Гоблин грустно усмехнулся.

— Если же говорить о проблемах индивидуальных, я бы побеспокоился скорее о вашей подруге.

Про себя я согласился с Шаггой — Линда и впрямь очень уж притихла в темноте — но вида подавать не стал.

— Она у меня девочка самостоятельная. А что до глобальных проблем — они уже решены. Голосование в Сенате состоялось — и власть из рук военных ушла.

— Джек, — в голосе гоблина прорезался сарказм. — ПБЗ никогда и не была в руках армии. «Ионный щит» — оружие политическое, как ядерная бомба в прошлом веке. Поэтому мне нет дела до Апрельского переворота и политического строя. У меня есть дело — и я его делаю. Используя всё, что под руку подвернётся. И уж если это я создал ионный щит, то мне и решать

— работать ему или нет.

— Нет дела до Апрельского переворота и политического строя? — послышался из-за моей спины голос полковника Ван Даглера.. — Зря. Потому что ответ именно на этот вопрос решает, жить вам или умереть.

В этот момент клеть лифта заскрежетала, поднимая на смотровую площадку платформу подъёмника, на которой в боевом полуприседе для стрельбы с колена замерли четверо одинаково безликих спецназовца в полной боевой броне. Фасетчатые забрала шлемов делали их похожими на невиданных одноглазых насекомых.

Ричард, к этому времени отступавший всё дальше в темноту — и слишком близко к краю платформы! — рванулся было к спрятанной под курткой пушке, и даже успел достать её — уже на земле, слепо дёргаясь, как марионетка, у которой обрезали ниточки.

Шагга дёрнулся всем телом — то ли пытаясь броситься к сыну, то ли тоже вытащить пистолет, но в этот момент за моей спиной глухо клацнуло.

Гаусс-пистолет разгоняет стограммовый стальной шарик всего до пятисот метров в секунду — и эта величина может быть уменьшена.

Ван Даглер стрелял с небольшой скоростью — и поэтому стальное ядро всего лишь сломало гоблину ключицу, свалив его на землю в приступе невыносимой боли.

Иммобилизующий выстрел — просто для того, чтобы покалеченный противник перестал думать о сопротивлении.

Меня полковник трогать не стал — и я знал почему.

— Вы правильно всё поняли, детектив, — подтвердил Ван Даглер, проходя из-за моей спины вперёд. — Вы на мушке у снайпера.

Недостаток гаусс-оружия: для того, чтобы разогнать снаряд до мало-мальски приемлемой скорости, необходим как можно более длинный ствол — фута два, не меньше, даже у пистолета.

Преимущество тоже очевидно — абсолютная, при необходимости, бесшумность. Взвизгивание обмотки тише, чем человеческий шёпот.

Полковник Ван Даглер встал перед Шаггой, похлопывая себя стволом пистолета по сапогу. Его бойцы квадратом заняли периметр площадки — судя по всему, случайностей полковник не хотел.

— Что с Линдой? — спросил я.

— Единственным способом надёжно отправить киборга в столь желаемое им небытие — это размозжить ему голову, —

высокомерно, будто объясняя элементарные вещи новобранцу, сказал Ван Даглер. — Капитан Трой оказалась живуча как кошка, поэтому на этот раз я ей голову просто отрубил.

Полковник автоматически положил свободную руку на эфес табельного меча.

— Популярное развлечение в последнее время, — столь же светски подтвердил я.

В таких делах главное — не показывать вида.

— Жаль, впрочем, что вы не прихватили голову с собой, — продолжил я. — Говорят также, что сердце неплохо бы пробивать осиновым колом. Иначе они возвращаются.

— Не ожидал, что вы разделяете суеверия своих славянских собратьев.

— Я их не разделяю. Я в них верю.

Что-то, видимо, в моём тоне полковника озадачило, потому что он посмотрел на одного из своих людей.

— Третий, проверь труп киборга.

Спецназовец исчез у меня за спиной, а я взглянул в глаза Ван Даглера, пытаясь понять, что скрывается за притаившимися в них льдинками.

— Итак, полковник, вы опять на коне? — усмехнулся я. — Лично предотвращаете диверсию на подотчётном объекте стратегического значения?

Ван Даглер пожал плечами — пока я говорил вещи очевидные, никаких иных возможностей жандарму не оставалось.

— Всё пошло немного не так, как предполагалось, детектив. Я и Томас… мы действительно хотели ввести военное положение.

— Не хотели упускать власть, а? — я приподнял бровь.

— Стоун… причём здесь власть? Ты не генемод — тебе просто не понять.

— Попробуйте объяснить, — даже в этот момент я старался придерживаться правил вежливости. — Ведь ваши намерения в отношении меня, кажется, однозначны?

— Стоун, ты с самой первой нашей встречи хотел только одного — драки. Ты получишь свой шанс… надеюсь, это тебя хоть немного утешит перед смертью.

Шагга, наконец-то пришедший в себя от боли попытался двинуться, но Ван Даглер прижал его ногой к настилу и вновь посмотрел на меня.

— Тебе не понять, Стоун, каково это — вырасти в спецпитомнике для генетически модифицированных. Вся жизнь расписана, как по нотам — ты знаешь, где, как и чему будешь учиться, где и как будешь воевать, где и как закончишь жизнь, а однажды… Однажды ты узнаешь, что все эти модификации, все

эти ПОРОДЫ людей — всего лишь часть чьего-то плана. Нас, военлордов, растят, как быков. На племя. Для опытов над человеческой породой. По планам улучшения человеческого генома.

Видимо, на моём лице не отразилось достаточного понимания.

Ничего на нём не отразилось.

Совсем.

И Ван Даглер принялся объяснять.

— Военлорды — любого проекта — на 70 процентов мужчины, не доживающие и до тридцати. Эльфы… это, прежде всего, эльфки. Девяносто процентов популяции. Мы две генетические ветки какого-то плана, Джек. Не нашего! Военлорды тут не причем. Нам дали политическую власть — как игрушку, в действительности страной управляем не мы!

— А кто же? — прохрипел Шагга. Гоблину до этих проблем было как до Луны пешком, но отчего бы и не поучаствовать в умной беседе?

— А у кого срок жизни сто двадцать лет — проектный, гарантированный? Каков довесок сверху неизвестно — не прошло ещё столько времени. Я… нахожу это неправильным.

Ван Даглер прервался, вслушиваясь в темноту за моей спиной, откуда раздался характерный треск короткой очереди.

— Пора заканчивать, — лицо полковника закаменело. Видимо, вспомнил о живучести киберсолдат.

Он приставил обмотку гаусс-пистолета к затылку Ильвинского.

— Я не хочу, чтобы мною управлял неизвестно кто! — выкрикнул он мне в лицо.

— Ну зачем же — неизвестно кто? — мило улыбнулся я.

В лице Ван Даглера на миг мелькнуло удивление.

В этот момент девчонка-программист прыгнула на спину полковника, вцепившись ему в волосы.

Если бы она потянулась за каким-нибудь оружием — её бы убили на месте.

Если бы она попыталась выполнить любой боевой приём — Ван Даглер, скорее всего, её немедленно скрутил.

А так они на несколько мгновений прилипли друг к другу, не давая возможности команде полковника возможности открыть огонь.

Впрочем, один из спецназовцев-элитаров вскидывал оружие, целясь мне куда-то за спину, и я поддался этому гипнозу.

Оглянулся.

За моей спиной, почти у самого края смотровой площадки

стояла капитан Линда Трой — вернее, то, что от неё оставил Ван Даглер.

Головы у неё не было как факта — что не мешало ей целиться из автомата, положив приклад на плечо и вытянув руку вдоль ствола.

В руке была зажата видеокамера, провод от которой был воткнут в шунт на месте сердца.

Я практически видел, как работает баллистический вычислитель Линды.

Вес пули, кучность оружия, плотность воздуха, дистанция, возвышение, траектория полёта пули.

Очередь — короткая, на все три оставшихся патрона.

Я практически видел расширяющийся букет пуль, отправившихся в свой полёт к цели.

Отбросив опустевший автомат Линда повернулась и слепо раскинув руки пошла на ближайшего к ней спецназовца, у которого просто не выдержали нервы. Он открыл огонь, высаживая магазин в грудную клетку капитана Трой.

Я посмотрел на Ван Даглера.

Полковник ухватил Шейлу за руку и одним движением, вывернув все суставы на руке бросил её перед собой.

Выстрел из гаусса аккуратно пробил девчонке сердце — Ван Даглер решил не повторять ошибок с Линдой.

Затем он поднял голову, и наши взгляды скрестились.

А затем я начал действовать.

Я видел, как медленно-медленно курок пистолета описал дугу, отправив острозаточенное жало бойка в короткий полёт к медно-красному капсюлю в донышке позеленевшей от окислов пули.

Капсюль взорвался маленьким комочком огня, запалив порох. Спустя микросекунду распространяющийся по пластинкам пироксилина огонь взорвал их, выплеснув раскалённый цилиндр пороховых газов в донышко пули.

Пуля врезалась в нарезы, закрутившись маленьким смерчем, ввинтилась в резко уплотнившийся, загустевший воздух и молотом ударила в бронежилет самого дальнего от меня спецназовца с жирным крылатым черепом на левой стороне груди.

Тот чуть покачнулся от удара, а вторая моя пуля, догнавшая товарку, клюнула его в фасетчатое забрало.

Броня выдержала — не выдержала шея. Голова спецназовца мотнулась назад, будто мокрая тряпка.

Элитар слева от меня перестал расстреливать то, что осталось от Линды и поворачивался ко мне, не отнимая автомат

от плеча, но мне хватило одного длинного шага, чтобы оказаться вплотную рядом с ним.

Цевьё хлопнуло меня по левому предплечью сжатых в стрелковом треугольнике рук и ствол выплюнул причитающуюся мне порцию свинца куда-то мне за спину, а я уткнул дуло кольта в просвет между шлемом и бронежилетом и выстрелил один раз, прострелив спецназовцу шею.

Использовав колено элитара как ступеньку я прыгнул, оттолкнувшись правой ногой от падающего тела и высоко вскинулся вверх, переворачиваясь в воздушном сальто-мортале.

В эльфийском способе обращения с гравитацией что-то было — но теперь я просто падал вниз, распластавшись в воздухе как парашютист.

Ван Даглер вскинул свой гаусс-пистолет — будь ствол короче, он срезал бы меня ещё первым своим выстрелом, пославшим гулкое ядро к ногам только что убитого мною спецназовца, — но он уже не успевал.

Кольт в моей руке рявкнул три раза, каждый раз выпуская сноп огня.

Два — промахи, выбившие фонтанчики искр из стальной плиты.

Но достаточно было и первого попадания — освободившего Ван Даглера от лишних мыслей и, заодно, мозгов.

Выстрелом ему снесло черепную крышку.

Уже завершая свой полёт к земле я столкнулся с последним спецназовцем, бросившимся на помощь своему товарищу, погибшему первым.

И его голова попала в сгиб моего правого локтя.

Всем весом своего тела я впечатал элитара в стальной настил и резко хлопнув по его затылку ладонью левой завершил захват.

Рукоятка кольта прижалась к левому локтю, а правое плечо дёрнулось назад как выстреленное из пушки.

Голова спецназовца мотнулась в сторону с характерным треском шейных позвонков.

Я почувствовал, что сердце бьётся, как после стометрового спринта.

«Чёрный вихрь» — лишь костыль для духа.

Я прекрасно мог обойтись и без него.

Дышу я тяжело, как марафонец в конце забега.

— Детектив, — шепчет Шагга, уже сумевший сесть в обнимку с электромагнитной бомбой. — Уходите…

Я смотрю на него и оскаливаюсь.

Мы оба понимаем, что он мне помешать не в силах… но

Ильвинский понимает и то, что мешать ему я не собираюсь.

— По-го-ди, — выдавливаю наконец из себя я и встаю на ноги. Меня шатает и кренит как эсминец в штормовом море, но я всё же беру останки Линды на руки и перетаскиваю поближе к «Сяо Луну».

Смотрю на Шаггу.

— Она… кибер.

— Я заметил, — говорит Ильвинский не разжимая зубов.

— Мощности… этой бомбы, — я киваю на цилиндр, — Хватит, чтобы сжечь блоки памяти?

— Это СВЧ-печка, — Шагга сквозь боль широко улыбается, — Если не хочешь превратиться в жаркое, уходи, Стоун. Я дам тебе времени, сколько смогу, но не думаю, что это много. И… не беспокойся за свою подругу. Она отправится в свой ад… или рай.

— Рай, Шагга, — размазывая по лицу пот говорю я. — Рай. Он всех нас ждёт… просто каждого в своё время.

Террорист улыбается мне в след, а я бегу — потому что мне нет дела до красивых последних жестов.

Я успеваю спуститься на целый этаж строительных лесов, когда чувствую взрыв.

Увидеть его невозможно — но мой позвоночник пронзает будто раскалённым прутом.

Мгновенно раскалившиеся на руке часы явно подарят мне ожог, и я принимаюсь с бессмысленным матом расстёгивать браслет, обжигая вдобавок и пальцы.

Наконец часы содраны и улетают сквозь настил вниз, к земле.

Я баюкаю обожжённую руку и решаю никуда больше не ходить.

В конце-концов, конца света можно подождать и здесь.

Но он наступать не торопиться.

Впрочем, я тоже уже никуда не тороплюсь.

Ветер мягко подталкивает меня на шаг ближе к краю, заставив вцепиться в обрывок полиуглеродного троса, свисающего со стены.

Я принимаюсь наматывать его на руку — скорее машинально, чем по необходимости, и в это момент вижу, как над городом стелется рукотворный рассвет.

Переливающиеся полотнища ионизируемого воздуха, вычерченные остроотточенными карандашами лазерных лучей моргнули несколько раз и замерли, накрыв предрассветное небо крышкой рукотворного котла.

«Ионный щит», система противоракетной обороны — официально, и геофизическое оружие — на деле — устанавливается быстро.

Город, континент, мир опять попали в тень могущества — но этот пуск тени внеплановый.

Затем багровая пелена, закрывшая небо мерцает, дробясь миллионами мелких искорок и распадается совсем, без следа, открыв чистое, хоть и красное от начинающего восходить солнца небо.

Спектакль окончен.

И единственное, во что мне хочется сейчас верить — так это в то, что всё, мною увиденное, что-то означает.

22

Город расположен к западу от статуи Благоденствия, и поэтому самого процесса восхождения светила на дневной трон я не увидел. Солнце медленно вставало где-то за моей спиной, а Кэп-сити возникал из предрассветных сумерек — крыша за крышей, домоград за домоградом, погружаясь в праздничную рассветную дымку.

Я сидел на краю смотровой площадки, подложив под себя скомканный плащ — сказать по правде, он и для этого сейчас не годился — и тупо смотрел на проявляющиеся из тени — как фотографии на плёнке — здания.

Кольт сержанта Свэггера я отложил подальше от себя — живых на вершине статую не осталось, а получить пулю от перенервничавшего полицейского, элитара или солдата мне совершенно не улыбалось.

У меня в этом мире ещё было несколько дел, и я вдруг серьёзно задумался об отставке.

Но это тоже стояло где-то далеко на стреле времени — а пока я просто сидел на стальной плите, недалеко от мёртвых друзей и врагов и смотрел на город.

Штурмовая группа с военными знаками различия ворвалась на площадку с трёх сторон, явно ориентируясь на данные со спутника.

Во всяком случае, ко мне подскочило сразу четверо, не обращая внимания на многообещающе разбросанные по настилу тела — а ведь кто-то из них мог и притворяться!

Впрочем, люди попавшие под удар СВЧ излучения очень характерно подрумяниваются, так что, возможно, солдаты знали свою работу слишком хорошо.

Или просто очень торопились.

Мы обошлись без слов — я прекрасно понимал, что любое моё лишнее движение аукнется пулей в ключицу; штурмовики — видимо оценив мой профессионализм и везение (последний оставшийся в живых, как же!) — посчитали, что я тоже пойму их намерения без слов.

Армия, одним словом — они не знали, что уже этого достаточно, чтобы ушлый адвокат разбил любое их дело.

Через пару минут к нашей скульптурной группе подошёл десантник с нашивками капитана, а я вновь уставился на город.

Шестерёнки сознания плавно настраивались на деловой лад, но смотреть на капитана я не мог. Этак и шею свернуть не долго.

— Гражданин, — сухо сказал десантник. — Вы проникли на объект, имеющий стратегическое значение для САСШ. Результат этого действия поставил под угрозу обороноспособность страны. Вы можете что либо сказать по этому поводу?

Судя по всему, правосудие меня ожидало упрощённое.

Военно-полевого образца.

— Вы забыли предупредить, что любое моё слово будет использовано против меня, — усмехнулся я себе под нос. — Детектив Стоун, Управление полиции Восточного побережья. Данный объект, кстати, находится в ведении жандармерии, а не армии. И мне кажется странным, что на задержание прибыли именно вы.

— Элитары распущены… сэр, — после некоторого раздумья десантный капитан всё-таки решил относиться ко мне уважительно. — А шеф Управления по делам бывших военнослужащих отправлен в отставку…

— С максимальным понижением в должности, — иронично прозвучал из-за моей спины знакомый ехидный голосок эльфки. — Ты, Джек, я вижу, времени не терял.

— Генерал! — я спиной почувствовал, как армейская косточка за моей спиной вытягивается в струнку, отдавая честь.

И развернулся назад, понимая, что солнце уже высоковато.

Айви ничуть не изменилась — и даже не переоделась.

Вот только игрушечные эполеты на её плечах сменились на узкие чёрные погончики с тремя большими серебряными звёздами, но без петлиц.

Военная контрразведка род войск не указывает.

Над левым карманом чернела наскоро примётанная нашивка «Стерлинг».

Эльфка встретилась со мной глазами и чуть улыбнулась.

— Похоже, Стоун, для тебя это не стало неожиданностью.

— У тебя слишком длинная игрушка для девочки, — усмехнулся я, кивнув на ножны. В них бронзовела рукоятка тесака, которым Айви отсекла голову Белого Волка.

Губы эльфки чуть сжались.

— Капитан, периметр — пятнадцать метров, — приказала она. — Уши заткнуть, не дай бог что-то услышите — остаток срока будете охранять нефтеперегонные базы в Сибири.

— Слушаюсь! — козырнул капитан, и первым покинул обозначенную зону.

Выражение его лица говорило только об одном: десантник очень жалел, что неудачное расположение звёзд на небе заставило его нарушить ГЛАВНОЕ армейское правило.

Держаться подальше от начальства в мирное время.

Я усмехнулся, разложил плащ так, чтобы на нём хватило места двоим и вновь повернулся лицом на запад.

— Красивый вид, — оценила Эльфка, легко опустившись на землю рядом со мной. — Итак, ты знал. Откуда?

— Я не знал твоё звание, — я пожал плечами. — А то, что ты из контрразведки, я понял, когда мы с тобой встретились на месте убийства.

— Озарение? — в голосе Айви прозвучала ирония. — Когда мне Мак-Магон рассказывал о твоих способностях, мне показалось, что речь идёт о каком-то чудотворце. А увидела мальчишку.

Я пожал плечами.

— Ты знала, что все военные чины, побывавшие на месте убийства Кларка — из «Нового человечества». Но на них ведь их политические пристрастия не написаны… и уж тем более вряд ли они будут рассказывать это полицейскому стажёру, которого впервые видят. Эрго — ты знала.

— Да, точно, — Айви прикусила губу. — Но ты ведь не сразу догадался?

— Сразу, — возразил я. — Босс никогда не ставит меня на расследование с кем-то в паре. А тут — одно за другое… Так что то, что ты из армии — я понял сразу. Неожиданностью стало лишь звание.

— Да? — на меня взглянули два озорных океана. — И почему же?

— За какие заслуги дают генерала в двадцать лет?

Глаза эльфки погрустнели.

— Стоун, мне 44 года. Как известно, эльфы всегда выглядят молодыми… независимо от возраста.

Я кивнул.

— Знаю, Ви. Как-никак, разговаривал с главой Серых заводей.

Какое-то время мы молчали. Айви, видимо, думала о возрасте, а я…

Я думал о своём.

— Бравый капитан, собравшийся меня арестовать, говорил что-то о нанесённых собственности правительства повреждениях?

Айви покосилась на меня с лёгким неодобрением.

— Я заметила, что этот террорист тебе понравился.

— Это не ответ.

— Ответ. Джек… Жандармерия была создана для того, чтобы охранять ПБЗ — прежде всего.

— Да, что-то такое мне говорили — что элитары распущены…

— Не распущены, а переведены в ведомство армии. Но

просуществуют недолго.

— Так чем тебе Ильвинский не угодил?

— Он всего лишь обезглавил систему безопасности «Ионного щита», — сухо сказала Айви. — Ослепил систему раннего оповещения. В этот момент китйцы начали жечь установки ПБЗ из орбитальных лазеров.

— Война?

— КНР заявила, что это сбой в логических контурах их программного обеспечения. Сильно извиняются, и даже готовы предоставить кредиты.

Я посмотрел на лицо эльфки. Она поймала мой взгляд, улыбнулась.

— Кредиты возьмут, Джек. САСШ не готовы сейчас воевать… мы слишком открыты для любого удара. Чёрт, нас могут атаковать даже русские — баллистическими ракетами! Каменный век!

— Милитаристка, — обвинил её я.

— Ты, Стоун, тоже мало похож на пацифиста. Ван Даглера ведь ты убил?

— Самооборона, — я пожал плечами. — Выбора он мне не оставил… хотя и испортил перед смертью настроение.

Айви с интересом посмотрела на меня, но спросил о другом.

— Кстати, Стоун… Ван Даглер мог работать на Китай?

— Нет. На Китай, похоже, работал только Ву. Все остальные, как обычно, использовали друг друга в своих целях. Политика. А полковник… Ван Даглер оказался в роли ученика чародея.

— Выпустил из бутылки силы, с которыми был не в силах совладать?

— Вот именно. Хотя насчёт «не в силах совладать» — я бы поспорил. Он вполне мог лично предотвратить теракт… и убрать всех свидетелей своих прегрешений. Просто ему не повезло.

— Да… Не повезло… — взгляд эльфки неожиданно посерьезнел. — Я говорила с Мак-Магоном, Стоун. Он изложил твою версию. Она… логична.

— Но? — усмехнулся я. Сейчас мы смотрели друг на друга уже не дружески. Настороженно.

— Ничего, Стоун. Свидетелей, которые могли бы её подтвердить, уже нет.

— Да, — меланхолично сказал я. — Полковник Ван Даглер подошёл к делу основательно. Кстати, зачем ты убила того эльфа? Да и к вампирам не поленилась вернуться — с гранатой!

Айви скривилась

— Туше, Джек. Я хотела предотвратить политический скандал. В тот момент… в тот момент я не предполагала, что Ван

Даглер планировал провокацию на ПБЗ. Я думала, что он просто организовал покушение… может быть, против ожиданий, успешное, и бросился заметать следы.

— А ты бросилась заметать следы участия эльфов, — я улыбнулся, показывая, что мы не враги.

— Стоун… Ван Даглер, всё-таки, военлорд. У него хорошо развито стратегическое мышление. Он спланировал идеальный заговор… просто не учёл, что возникнет множество мелочей, которые все — учесть невозможно. На них можно только реагировать. Сразу же. На тактическом уровне.

— Я понял, — я пожал плечами. — Ты не увидела со стороны полковника угрозы. А я всё же надеялся, что вы — военные, в смысле — арестуете его ещё на Мясорубке.

Айви уловила в моём голосе претензию

— Джек, да. Именно я — тот генерал, который гарантировал, что голосование в Парламенте пройдёт без эксцессов. И по мере сил я эту задачу выполнила, хоть и бегала с тобой, как девчонка в лейтенантском звании. И даже сюда, к Статуе, я могла опоздать.

— А мне показалось… — я красноречиво обвёл рукой площадку.

— Стоун, охраной ПБЗ ведал жандармерия. Мы не знали, где находится резервный центр управления ионным щитом. Так что если бы ты не спёр у меня мотоцикл…

— Это было приглашение на вечеринку, — сообщил я.

— Ага, — вздохнула Айви. — Ты говорил, что Ван Даглер испортил тебе настроение напоследок… Чем?

Я посмотрел на представительницу великого эльфийского народа и грустно улыбнулся.

— Ван Даглер объяснил мне, чем отличаются мальчики от девочек.

— Э-э… Ты о чём?

— Не о том, о чём ты подумала. Видишь ли… военлорды думают стратегически — о глобальных вещах, а вот эльфки всегда помнят о мелочах.

— Я поняла, Джек. По версии Ван Даглера ни один военлорд не может… не будет планировать на срок, превышающий продолжительность собственной жизни.

— Именно, — подтвердил я. — Перед эльфками идёт постоянный перебор вариантов развития. А уж они решают — в силу продолжительности жизни — какой из этих вариантов избрать. И как воплощать — потому что внимательны к мелочам. Полагаю, военлордам не очень нравится это мироустройство.

— Философия «Нового человечества», — Айви презрительно скривила губы. — Вперёд к патриархату. Военлорды… такие…

мужчины. Стоун, я считала, что ты к ним не принадлежишь.

— К военлордам — однозначно нет, — сострил я. — Но Ван Даглера задевало нечто иное. У любого военлорда недостаточно времени для воплощения в жизнь мало-мальски стоящего плана. Их вынуждают жить одним днём.

— Из этих слов, Джек, я заключаю, что ТЕБЯ задевает что-то другое.

— Ну так я ведь и не военный. Я вижу тут чей-то план социальной эволюции. Военлорды предлагают варианты стратегии… а эльфки могут выбрать лучшую с их точки зрения. И проследить за воплощением её в жизнь.

— Так было всегда — сколько существует род людской. Мужчины и женщины… военлорды и эльфки… Ты видишь в этом состав преступления?

Я покачал головой.

— В отличие от мужчин и женщин военлорды и эльфки — искусственно созданные генетические модификации. И, насколько я знаю, модификация «эльф» была исходной. Созданной раньше, чем модификации военлордов.

Я помолчал и язвительно добавил.

— А что до качества мышления, Ви… Ван Даглер тебя объегорил. Может, ты бы и дошла до моих выводов, но намного позже.

— А ты даже не военлорд.

— А я даже не военлорд.

— Но взрыв на ПБЗ предотвратить не сумел.

Я усмехнулся и посмотрел Айви прямо в глаза.

— Не сумел.

Эльфка подобрала ноги под себя. Какое-то время посидела так, и легко встала.

— Да не преследуют эльфы никаких целей, детектив. Мы просто пытаемся выжить и сохранить свою культуру. Глупо здесь искать теорию заговора, ты не находишь?

Я только усмехнулся.

Промолчал.

Всё просто.

Получив в руки возможность воздействовать на геном человек ещё на одну ступеньку стал ближе к богу. Можно генетически запрограммировать любовь, ненависть и свойства характера.

Но ведь кто-то придумал генные модификации, положенные в основу нашего общества? И вряд ли этот кто-то устранился. Просто он скрывается в Тени. Тени истинного могущества, потому что это могущество задаётся темпераментом и характером,

маленькими кусочками генома в твоей собственной ДНК.

— Как знать? — Эльфка словно мысли мои читал. — Может быть, мы всего лишь стоим у начала? Начала чего-то большего, чем прежний человек… и прежнее человечество?

— Ступай уже себе, шовинистка эльфийская, — буркнул я наконец. — И на глаза мне больше не попадайся.

— Что ж, Джек, вот ты и раскрыл все мои тайны, — в голосе Айви… вернее, уже не Айви, а генерала Стерлинг послышались более жёсткие нотки. — Я тоже задам тебе вопрос — только один.

Я молча посмотрел на эльфку.

— Кто ты сам, Стоун? Ты старше, чем выглядишь, ты разбираешься в старых армейских кодах, ты убил четырёх военлордов меньше чем за три секунды. Думаю, убил бы быстрее, пределом была техническая скорострельность пистолета. Я читала твоё досье, Джек… Ты провёл в полиции двадцать лет, но там ни слова не сказано о том, чем ты занимался ДО этого. Так кто ТЫ, Стоун?

Я усмехнулся.

— Человек, — безразлично сообщил я пространству.

Оглянулся.

Айви исчезла по-эльфийски. Тихо и незаметно. Возможно, моих последних слов она и вовсе не слышала.

Но я понял скрытый в её словах намёк. Поэтому подобрал плащ, пистолет и медленно побрёл вниз по запутанным переходам строительных лесов.

И никто не попытался меня остановить.

Эпилог

С неба падала стена дождя.

Дождь подкрался к городу библейским потопом, и сейчас обрушивал вниз все свои дециметры осадков вопреки всем прогнозам Военно-Метеорологической службы.

Я стоял у люка канализационного коллектора, молча глядя на рушащуюся вниз Ниагару, надёжно перекрывающую любые звуки.

Моё состояние можно было охарактеризовать как полное безразличие ко всему — не тупую, апатичную усталость, как после боевого стимулятора, а досадливое, нетерпеливое — но без нервной дрожи и адреналинового мандража — ожидание.

«А районч‌ик-то гадостный» — пронеслось у меня в голове, когда мой взгляд зацепился за смутно знакомую вывеску магазинчика дамского белья.

Возле него как раз запарковалась машина, и я приветственно поднёс два пальца к полям новой, с иголочки, только что купленной шляпы.

Знакомые зелёные глаза Эйлин неузнающе скользнули мимо и я вновь принялся смотреть на рукотворную Ниагару, пенящимися потоками изливающуюся в подземелье.

Спецназ, как всегда, опаздывал.

Каждый день у них опоздания — диссидент нынче пошёл злобный, зубастый, тяжеловооружённый.

Наплодили суперменов на свою голову.

Впрочем, меня это уже не касалось. Я свою жизнь прожил. Не вписался в поворот истории и был выброшен на обочину.

В меру пострелял, в меру наколотил морд. Ни кола, ни двора — террорист на государственной службе.

Лавочка передо мной выглядела обычно, даже как-то неаппетитно.

Уголком глаза я вновь посмотрел на уже знакомый мне магазинчик дамского белья, и где-то в отражениях зеркальных витрин — хотя, возможно, мне это лишь показалось, — мелькнула Эйлин.

Ко мне подошёл Берк — на этот раз без своей обычной брони, приятеля пригнали на вызов прямо из дома.

— Ну, как ты, Джек? Пособишь родному участку?

— Уже чужому, Виктор. Меня выперли в отставку. За проявленные героизм, самоуправство и пренебрежение интересами Родины.

— А… но… — в глазах Берка мелькнула растерянность.

— Конечно, помогу.

Берк вытянул из кармана полоску знакомых мне капсулок.

Я отмахнулся.

— Уже не нужно, Виктор. Я уже третий день не могу уснуть. Нервное перевозбуждение.

В глазах Берка мелькнул страх. Ну да, понимание того, что Стоун съехал с нарезки.

Может быть, он даже понял, что я задумал.

Впрочем, останавливать меня он не будет — в нашем расколотом на атомы отдельных людей обществе каждый умирает в одиночку.

А вместе — разве что на поминки собираются.

А может быть, Берк и не понял. Что ж… Будем считать, что так — не хочется, всё же, терять остатки веры в человечество.

Пусть это остатки, но от этого они особенно дороги.

Я вполуха выслушал бубнёж Виктора, описывающий диспозицию, и извлёк из кармана старый кольт.

Сержант Свэггер отказался забирать его обратно. А я не стал навязываться.

Проверил обойму, снял оружие с предохранителя и неспешно пересёк полузатопленную улицу, оставив позади дождь, Берка, суетящихся вокруг полицейских охранения и всё, что накопилось на душе.

Замер перед затонированной чёрной плёнкой темнотой магазинчика.

«Лучшие кубинские сигары» — выхватил мой взгляд строчку рекламного слогана под названием.

Темнота ждала.

Я коротко выдохнул и пинком открыл дверь, врываясь внутрь.

Секунда — это своя собственная маленькая Вселенная, живущая по своим законам, со своим собственным течением времени и своим собственным, по-своему организованным пространством.

Таких секунд мало выпадает в жизни человека, у многих — не выпадает вовсе; но такая секунда — это своя собственная жизнь, да зачастую она и стоит жизни, потому что возникает на той зыбкой грани, которая отделяет жизнь от смерти.

Не отделяет даже — а просто обозначает рубёж.

Можешь перейти. Можешь — остаться на этой стороне… но грани этой никогда уже не забудешь.

О таких секундах пишут, что вся жизнь человека в этот момент встаёт у него перед глазами; это ложь.

Кто стоял на этой грани знает — в такие секунды не вспоминаешь жизнь, а проживаешь её. И частенько человек потом

с удивлением смотрится в зеркало, не узнавая себя в седовласом старике.

А он прожил ещё одну жизнь, всего лишь — и жизнь эта уложилась ровно в секунду. И миг этот никогда не изгладится из памяти.

Секунда — это маленькая жизнь.

Я прожил её.

И темнота взорвалась мне в лицо.

Детектив Джек Стоун.? - 2087 год.
Погиб при исполнении служебных обязанностей.

КОНЕЦ.

PostScriptum

Из «Энциклопедии Джека Стоуна»
«Генетическая модификация «горец».

Была разработана в русских лабораториях в конце XX века.

Никакой особой ценности для военного применения не представляла. Генетически модифицированные были людьми с повышенными интеллектуальными способностями и увеличенной продолжительностью жизни (исходное русское название т. н. uchitelj).

Питомник генетической линии был эвакуирован в САСШ во время Первой Китайской конфронтации, цепочки генов были разделены и включены в генетические линии военных ментатов (см. Warlords — Военлорды) и эльфов.

Представители исходной модификации «горец» использовались правительством САСШ для т. н. «социального контроля эволюции человеческого генома». Данные по этой операции всё ещё остаются совершенно секретными». [image]